ПБ
10
П-30
3439.

роф. Л. І. ПЕТРАЖИЦКІЙ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ИЗУЧЕНІЕ

ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ.

ОСНОВЫ

ЭМОЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1908.

ПБ
10
П30
П457
340.1

Проф. Л. І. ПЕТРАЖИЦКІЙ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ИЗУЧЕНІЕ

ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ.

ОСНОВЫ

ЭМОЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1908.

03
4850

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

31214
м

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Часть I.

Методологическія основы теорій права и нравственности.

ГЛАВА I.

§ 1. Современное состояніе основныхъ понятій и проблемъ науки о правѣ и необходимость выработки научной методологіи для развитія науки о правѣ 11

ГЛАВА II.

Объ изученіи конкретныхъ правовыхъ явленій.

§ 2. О сферѣ нахожденія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ и о недоразумѣніи въ современной наукѣ права по этому вопросу 23

§ 3. Научный методъ изученія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ. 30

ГЛАВА III.

Объ образованіи общихъ понятій и теорій.

§ 4. Обычные пріемы образованія понятія права и другихъ общихъ понятій 38

§ 5. Образованіе классовыхъ понятій и критеріи правильности теоретическихъ понятій и сужденій 62

Приложеніе. О называніи классовъ. 86

§ 6. Начала образованія и обоснованія адэкватныхъ теорій 96

Часть II.

Психологическія основы теорій нравственности и права.

ГЛАВА I.

Господствующая психологическая доктрина и основныя понятія и положенія ея.

§ 7. Зависимость наукъ о правѣ и нравственности и другихъ гуманитарныхъ наукъ отъ науки психологіи и необходимость дополненія и исправленія современной психологической доктрины . 115

стр.
§ 8. Познаніе 117
§ 9. Чувства 127
§ 10. Воля 138
§ 11. Вопросы о свободѣ воли и мотивахъ поведенія въ современной психологіи 150

ГЛАВА II.

Основы эмоціональной психологіи.

§ 12. Ошибочность господствующаго ученія о тройственномъ составѣ психики 175
§ 13. Голодъ. Опытъ научнаго изслѣдованія его природы и вліянія на поведеніе 177
§ 14. Другія моторныя раздраженія, относящіяся къ питанію 200
§ 15. Классификація элементовъ психической жизни 221
§ 16. Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій . . 225

ГЛАВА III.

Эмоціи въ современной психологіи.

§ 17. I. Эмоціи въ современной психологіи познанія. Въ особенности о природѣ мышленія (сужденій и умозаключеній) 245
§ 18. II. Эмоціи въ теперешней психологіи чувства. Въ особенности о природѣ аффектовъ, страстей и настроеній 253
§ 19. III. Эмоціи въ современной психологіи воли. Въ особенности о природѣ инстинктовъ 260

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ цивилистическихъ трудахъ (Fruchtvertheilung 1892., Lehre v. Einkommen I т. 1893, II т. 1895, Акціонерная компанія 1898 и др.) я высказалъ и старался обосновать мысль, что существующую систему юридическихъ наукъ, посвященную историческому и практическо-догматическому изученію дѣйствующаго положительнаго права, желательно и необходимо пополнить построеніемъ науки политики права (законодательной политики), какъ особой дисциплины, служащей прогрессу и усовершенствованію существующаго правопорядка путемъ научной, методической и систематической разработки соотвѣтственныхъ проблемъ.

Созданіе такой науки не было бы въ существѣ дѣла совсѣмъ новымъ, не имѣющимъ прецедента въ исторіи наукъ, изобрѣтеніемъ, а скорѣе лишь возстановленіемъ того дуалистическаго дѣленія правовѣдѣнія, которое существовало въ эпоху школы такъ наз. естественнаго (разумнаго, идеальнаго, философскаго) права. Значеніе науки естественнаго права, какъ самостоятельной систематической дисциплины на ряду съ позитивно-правовой юриспруденціей, именно заключалось въ исполненіи той важной и высокой миссіи, которой должна служить будущая наука политики права и которая оказывается не подъ силу практическо-догматической юриспруденціи, посвященной толкованію и систематической обработкѣ дѣйствующаго положительнаго права для потребностей практики,—не подъ силу уже по самой природѣ и назначенію этой юриспруденціи.

Вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній относительно смысла и значенія ученій естественнаго права и разныхъ другихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ политической реакціи послѣ французской революціи и паденія этическихъ идеаловъ, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія произошло внезапное паденіе и уничтоженіе школы естественнаго права, и съ этого времени историческая и практическо-догматическая разработка позитивнаго права признавалась единственно возможной наукой въ области права.

Это крупное и печальное историческое недоразумѣніе повело, между прочимъ, къ тому, что правовѣдѣніе и другія касающіяся общественнаго

строя науки—государственныя науки, политическая экономія—оказались лишенными принципіальнаго и идеальнаго руководства и частью занялись исторической и догматической микроскопіей, частью же впали въ поверхностно-утилитарное, «практическое» въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, направленіе, лишенное общихъ принциповъ, идей и идеаловъ.

Особенно сильное развитіе эти болѣзненныя явленія получили въ правовѣдѣніи, гдѣ точка зрѣнія эгоистически-практическихъ интересовъ и ихъ охраны стала руководящимъ лозунгомъ и признается единственно-научной и «реалистической» (Іерингъ и его школа).

Такое направленіе юридическихъ и государственныхъ наукъ неизбѣжно оказываетъ весьма печальное вліяніе на законодательную и вообще государственную политику и на правосудіе и вообще отравляетъ и деморализуетъ общественную жизнь и народную психику.

Выставленное нами требованіе «возрожденія естественнаго права» (Lehre v. Einkommen, II S. 579), конечно, не значитъ, что мы должны исходить изъ тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ исходили представители естественно-правовыхъ ученій, и примѣнять ихъ пріемы мышленія, а тѣмъ болѣе придерживаться высказанныхъ ими конкретныхъ правно-политическихъ воззрѣній и требованій.

У школы естественнаго права не было въ распоряженіи системы научныхъ посылокъ и научнаго метода, необходимыхъ для достиженія научно-обоснованныхъ правно-политическихъ положеній, и даже не было сознанія, въ чемъ должны состоять эти посылки и каковъ долженъ быть методъ правно-политическаго мышленія.

При этихъ условіяхъ, въ частности и въ особенности при отсутствіи сознательно-научнаго метода мышленія, не можетъ быть рѣчи о существованіи науки въ полномъ смыслѣ этого слова и о научности соотвѣтственныхъ разсужденій и построеній.

Въ этомъ смыслѣ и во время школы естественнаго права не существовало политики права, какъ науки, т. е. не было дисциплины, которая, исходя изъ посылокъ, признанныхъ путемъ научнаго изслѣдованія пригоднымъ основаніемъ для рѣшенія правно-политическихъ проблемъ, и примѣняя сознательно-научный методъ мышленія, строила бы систему научно-обоснованныхъ правно-политическихъ положеній.

Созданіе такой науки—дѣло коллективной работы будущаго, а первое условіе для этого—выясненіе природы посылокъ и метода научнаго правно-политическаго мышленія.

Существо правно-политическихъ проблемъ сводится къ научно-обоснованному предопредѣленію тѣхъ результатовъ, наступленія которыхъ слѣдуетъ ожидать въ случаѣ введенія извѣстныхъ правоположеній, и къ

выработкѣ такихъ началъ, введеніе коихъ путемъ законодательства (или инымъ путемъ, напр., въ международной области) въ систему дѣйствующаго права сдѣлалось бы причиной извѣстнаго желательнаго эффекта. Поэтому въ основу научной политики права должно быть положено изученіе причинныхъ свойствъ, причиннаго дѣйствія права вообще и разныхъ его видовъ и элементовъ въ частности.

Право есть психическій факторъ общественной жизни, и оно дѣйствуетъ психически. Его дѣйствіе состоитъ, во-первыхъ, въ возбужденіи или подавленіи мотивовъ къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ (мотивационное или импульсивное дѣйствіе права), во-вторыхъ, въ укрѣпленіи и развитіи однѣхъ склонностей и чертъ человѣческаго характера, въ ослабленіи и искорененіи другихъ, вообще въ воспитаніи народной психики въ соотвѣтствующемъ характеру и содержанію дѣйствующихъ правовыхъ нормъ направленіи (педагогическое дѣйствіе права).

Сообразно съ этимъ задача политики права заключается: 1) въ раціональномъ направленіи индивидуальнаго и массоваго поведенія посредствомъ соотвѣтственной правовой мотивації, 2) въ совершенствованіи человѣческой психики, въ очищеніи ея отъ злостныхъ, антисоціальныхъ склонностей, въ насажденіи и укрѣпленіи противоположныхъ склонностей.

Дѣйствующая въ каждый данный моментъ система правовыхъ нормъ является преходящею ступенью соціальнаго воспитанія и должна быть по мѣрѣ выполненія своей воспитательной функціи замѣнена другой системой правового импульсивнаго и педагогическаго воздѣйствія, приспособленной къ уже достигнутому уровню народной психики. Идеаломъ является достиженіе совершенно-соціальнаго характера, совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ.

Эти правно-политическія положенія находятъ подтвержденіе въ исторіи права и съ своей стороны проливаютъ свѣтъ на исторію человѣческихъ учрежденій. Основная тенденція историческаго процесса образованія и измѣненія правовыхъ учрежденій и ихъ системъ заключается въ такомъ (безсознательномъ) приспособленіи системы правовой мотивації и педагогики къ данному состоянію народной психики, что путемъ психическаго воздѣйствія соотвѣтственной правовой системы индивидуальное и массовое поведеніе и развитіе народной психики направляется въ сторону общаго блага. Такъ какъ подъ вліяніемъ постояннаго психическаго воздѣйствія права (и другихъ факторовъ соціально-психической жизни, въ особенности нравственности) народный характеръ неизбѣжно измѣняется, становится лучше, приспособленнѣе въ соціальномъ отношеніи, то соотвѣтственно съ этимъ измѣняется и право, приспособляясь къ

стоящей уже на болѣе высокомъ уровнѣ народной психикѣ. Такъ, позднѣйшія правовыя системы требуютъ и достигаютъ отъ гражданъ бо́льшаго въ смыслѣ соціально-разумнаго поведенія, чѣмъ предшествующія, болѣе примитивныя системы права, и достигаютъ уже раньше требуемаго поведенія путемъ воздѣйствія на болѣе высокія стороны человѣческаго характера; поскольку же дѣло идетъ о томъ же поведеніи и той же, качественно, мотиваціи, напримѣръ, о дѣйствіи путемъ страха, постепенно ослабляется напряженіе соотвѣтственнаго психическаго давленія, напр., жестокость наказаній и т. д. Объясняется это тѣмъ, что позднѣйшія правовыя системы играютъ свой психическій концертъ на лучшихъ, болѣе соціальныхъ человѣческихъ душахъ, чѣмъ болѣе раннія, разсчитанныя на болѣе примитивную, менѣе доброкачественную психику. Исторію человѣческихъ учрежденій, въ частности напр. соціально-экономическихъ организацій, только и можно понять путемъ анализа соотвѣтственныхъ правовыхъ системъ (напр., системы рабства, либерально-капиталистической системы, зачатковъ системы соціализаціи народнаго хозяйства) съ точки зрѣнія ихъ мотиваціоннаго и педагогическаго значенія.

Миссія будущей науки политики права состоитъ въ сознательномъ веденіи человѣчества въ томъ же направленіи, въ какомъ оно двигалось пока путемъ безсознательно-эмпирическаго приспособленія, и въ соотвѣтственномъ ускореніи и улучшеніи движенія къ свѣту и великому идеалу будущаго.

Изъ предыдущаго вытекаетъ, что политика права есть психологическая наука.

Теоретическимъ базисомъ ея должно быть общее психологическое знаніе факторовъ и процессовъ мотиваціи человѣческаго поведенія и развитія человѣческаго характера и спеціальное ученіе о природѣ и причинныхъ свойствахъ права, въ частности ученіе о правовой мотиваціи и ученіе о правовой педагогикѣ.

Основнымъ методомъ правно-политическаго мышленія является психологическая дедукція, умозаключенія на основаніи подлежащихъ психологическихъ посылокъ относительно тѣхъ психическихъ—мотиваціонныхъ и педагогическихъ—послѣдствій, которыя должны получаться въ результатѣ дѣйствія извѣстныхъ началъ и институтовъ права, или относительно тѣхъ законодательныхъ средствъ, которыя способны вызвать извѣстные желательные психическіе — мотиваціонные и педагогическіе — эффекты. Поскольку въ извѣстныхъ областяхъ и предѣлахъ на ряду съ психологическою дедукціею возможно примѣненіе и индуктивнаго метода, конечно, политика права должна пользоваться и этимъ методомъ для про-

вѣрки правильности дедуктивныхъ выводовъ (ср. Lehre v. Einkommen II, стр. 581 и сл.).

Изложенныя положенія, подкрѣпленныя многочисленными спеціальными правно-политическими изслѣдованіями для доказательства возможности и успѣшности ихъ примѣненія на дѣлѣ, встрѣтили сначала со стороны критики скептическое и отчасти рѣшительно отрицательное отношеніе. Тщательно различая спеціальныя изслѣдованія, съ одной стороны, и общія программныя положенія относительно политики права, съ другой стороны, юридическая и экономическая критика признавала правильность и цѣнность первыхъ и отрицала пріемлемость вторыхъ *). По поводу предложенія основанія особой науки политики права говорилось о возвращеніи къ ошибкамъ и иллюзіямъ естественнаго права; положеніе о воспитательномъ значеніи права и соотвѣтственномъ идеалѣ политики права было названо капитальнымъ заблужденіемъ, принципіально противорѣчащимъ самой природѣ и задачѣ права, которое служитъ охранѣ и осуществленію въ предѣлахъ справедливости эгоизма, личныхъ интересовъ гражданъ, а не безкорыстному самопожертвованію, любви и т. д.

Но съ теченіемъ времени положеніе измѣнилось. Идея возрожденія естественнаго права въ смыслѣ созданія ученія о желательномъ правѣ, построенія науки политики права, находитъ все большее количество сторонниковъ и, можно сказать, пріобрѣла уже право гражданства въ наукѣ **).

---

*) Ср. напр., Leonhard въ Gruchot's Beiträge zur Erläuterung des Deutschen Rechts, B. 38, 1894 (критика перваго тома Lehre v. Einkommen) и брошюру того же автора: Die Vollendung des Deutschen bürgerl. Gesetzbuches, 1897, стр. 7 и сл.; R. Meyer въ Conrad's Jahrb. f. Nationalökonomie III F. Bd. IX, 1895, S. 441 fg. (критика перваго тома L. v. E. съ экономической точки зрѣнія) и тамъ же Bd. XIII, 1897, S. 447 fg. (критика второго тома L. v. E.); v. Schey, Ueber den redlichen und unredlichen Besitzer, § 3, Die civilpolitische Methode in Anwendung auf das allg. B. G. B.); Sohm, Ueber den Entwurf e. bürgerl. Gesetzbuchs, 1896, S. 25 fg. Нѣкоторые писатели, впрочемъ, отнеслись къ идеѣ науки политики права, или спеціально политики частнаго права, о которой главнымъ образомъ идетъ рѣчь въ Lehre v. Einkommen, болѣе сочувственно, ср. Oertmann въ Grünhut's Zeitschr. für d. Privat. und öffentl. Recht, B. XXII, 1894, S. 301 fg., тамъ же B. XXIII, 1895, S. 136 fg.; Arch. f. bürgerl. Recht. B. VIII, S. 366 fg.; Lobe, Was verlangen wir von einem bürgerlichen Gesetzbuch? Ein Wort an den Reichstag, 1896, стр. 29 и сл.; ср. также брошюры Offner'a, Studien socialer Jurisprudenz, 1894, A. Menger'a, Ueber die socialen Aufgaben der Rechtswissenschaft, 1895, Zitelmann'a, Die Gefahren des bürgerl. Gesetzbuches für die Rechtswissenschaft, 1896.

**) Между прочимъ и Leonhard, главный противникъ идеи цивильной политики, политики гражд. права, недавно высказался въ пользу этой идеи (Das neue Gesetzbuch als Wendepunkt der Privatrechts-Wissenschaft, 1900, S. 11 fg., S. 16: «Nicht mit Unrecht behauptet nunmehr von Petrażycki, Lehre vom Einkommen 1893, S. 327 ff., dass der Criminalpolitik auch eine Civilpolitik an die Seite gestellt werden könne. Er verlangt geradezu, dass ein solcher Rechtszweig geschaffen werde... Erhielte so je-

Введенная Іерингомъ формула опредѣленія смысла и назначенія права «охрана интересовъ», вытѣснившая постепенно прежде господствовавшую формулу «осуществленіе свободы» и пріобрѣвшая въ правовѣдѣніи характеръ общаго лозунга и безспорной аксіомы, постепенно уступаетъ мѣсто иному, болѣе идеальному пониманію значенія и задачи права, въ частности идеѣ воспитанія и приближенія къ идеалу человѣчества *). Въ то же время постепенно распространяется и укрѣпляется сознаніе, что въ основу правовѣдѣнія должна быть положена психологическая точка зрѣнія.

Но, къ сожалѣнію, дѣло ограничивается общими положеніями и программными лозунгами, а реальнаго осуществленія, плодотворнаго примѣненія этихъ положеній не видно. Не только дѣло построенія политики права на научно-психологической почвѣ не двигается впередъ, но даже не достигнуто никакихъ реальныхъ успѣховъ въ области необходимыхъ

---

der Rechtszweig einen besonderen politischen Trabanten, so könnte man alle diese Specialpolitiken zu einer allgemeinen Gesetzgebungspolitik zusammenfassen, die dann den Grundgedanken des veralteten Naturrechts in einer modernisirten Form darstellen würde»).

*) Между прочимъ, и выставленный въ Lehre vom Einkommen идеалъ любви, встрѣтившій первоначально въ литературѣ отчасти молчаливо-отрицательное отношеніе, какъ фраза, не имѣющая серіознаго смысла и значенія, отчасти иронически-торжествующую полемику, какъ нелѣпая идея и абсурдъ, компрометирующій всю остальную правно-политическую программу (Зомъ), не остался безъ защиты и представительства въ научной литературѣ. Въ особой словесной формѣ тотъ же идеалъ науки о „правильномъ правѣ“ выставилъ Штаммлеръ. Его формула гласитъ: „общеніе свободно хотящихъ людей“, причемъ неясное, само по себѣ, выраженіе „свободно хотящихъ“ означаетъ: свободныхъ отъ эгоизма, любящихъ. По поводу нападенія Зома Штаммлеръ (Das Recht der Schuldverhältnisse, стр. 41) замѣчаетъ: „Въ своемъ проектѣ науки политики гражданскаго права Петражицкій пришелъ вполнѣ послѣдовательно къ аналогичнымъ идеямъ и аналогичной постановкѣ вопроса. Въ качествѣ масштаба и цѣли правопорядка онъ выставляетъ состояніе любви между людьми. Такая постановка вопроса о формальной конечной цѣли и безусловномъ масштабѣ вполнѣ правильна и вовсе не заслуживаетъ того рѣзкаго нападенія, которое было сдѣлано Зомомъ. Ибо, если этотъ послѣдній ученый возражаетъ противъ перваго, что задача права состоитъ только въ установленіи требуемыхъ справедливостью границъ эгоизма, то спрашивается, что онъ разумѣетъ подъ справедливостью, какъ масштабомъ для содержанія права. И такъ какъ Зомъ этого нигдѣ не указываетъ, то его разсужденія не содержатъ никакого улучшенія вполнѣ правильнаго по постановкѣ вопроса хода идей Петражицкаго“.

Впрочемъ, Штаммлеръ дальше указываетъ, что выставленный имъ идеалъ любви или „общенія свободно хотящихъ людей“ не вполнѣ совпадаетъ съ положеніями Lehre v. Einkommen, которыя нуждаются, по его мнѣнію, въ поправкахъ. Предлагаемыя авторомъ поправки состоятъ прежде всего въ томъ, что идеаломъ должна быть не „любовь“ просто, а „разумная любовь“, и притомъ эта любовь должна быть взаимною (возникающее отсюда подозрѣніе, будто я въ L. v. E. имѣлъ въ виду неразумную и односторонюю, невзаимную любовь, т. е. дѣйствіе на сто-

предварительныхъ работъ, въ области психологическаго изученія природы и причинныхъ свойствъ права.

Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ сродныхъ съ правовѣдѣніемъ областяхъ человѣческаго знанія и изслѣдованія, напр., въ области науки о нравственности и эстетики, сознаніе необходимости психологическаго изученія подлежащихъ явленій появилось уже давно, гораздо раньше, чѣмъ въ наукѣ о правѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь не видно реальнаго прогресса познанія. Въ частности сама природа нравственныхъ и эстетическихъ явленій остается до сихъ поръ невыясненною и въ высшей степени спорной и различно толкуемой.

Вообще психологія, т. е. существующія психологическія ученія, оказывается фактически лишенною оплодотворяющей силы и способности проливать свѣтъ въ области наукъ, касающихся разныхъ сторонъ психической жизни (такъ называемыхъ Geisteswissenschaften).

Причина этого явленія коренится, по нашему глубокому убѣжденію, въ неудовлетворительности традиціонныхъ психологическихъ ученій. Современная психологія, вслѣдствіе лежащихъ въ ея основѣ, подлежащихъ выясненію ниже, существенныхъ пороковъ и недоразумѣній, не представляетъ годнаго фундамента для построенія теоретическихъ и практическихъ наукъ, касающихся человѣческой духовной жизни: теоріи права, нравственности, эстетическихъ явленій, педагогики, политики и т. д. Для успѣшнаго построенія этихъ и другихъ, требующихъ психологическаго базиса, гуманитарно-психологическихъ наукъ требуется прежде всего перестройка существующей психологіи.

Главною цѣлью настоящаго сочиненія является выясненіе подлежащихъ недостатковъ и ошибокъ традиціонной психологіи и установленіе такихъ общихъ психологическихъ положеній, съ помощью которыхъ можно достигнуть свѣта и прогресса въ области зависящихъ отъ психо-

---

ронѣ нѣкоторыхъ любви, а на сторонѣ другихъ эгоизма, я долженъ признать неосновательнымъ). Затѣмъ авторъ полагаетъ, что любовь въ данной области должна быть понимаема не какъ „дѣйствительно появляющееся ощущеніе“ (nicht als eine wirklich sich einstellende Empfindung), а какъ „идея гармоническаго общежитія“ („die Idee eines harmonischen Zusammenlebens“).

Вообще Штаммлеръ воспринялъ и популяризировалъ путемъ ряда сочиненій, доступныхъ широкимъ кругамъ читателей, главнѣйшія общія положенія Lehre v. Einkommen, въ частности положеніе о необходимости особой методической и систематической дисциплины, исполняющей тѣ же функціи, которыя прежде исполняли ученія естественнаго права, положеніе объ опредѣленіи соціальной жизни правовою мотивацією (ср. ниже, стр. 66 прим.), положеніе о культурно-воспитательномъ значеніи права (ср. Stammler, Wirtschaft und Recht, стр. 184, 240 и др., и того же автора Die Bedeutung des deutschen bürgerl. Gesetzbuchs für den Fortschritt der Kultur) и т. д.

логіи теоретическихъ и практическихъ наукъ, въ частности теоріи и политики права (и нравственности).

Надлежащее построеніе и обоснованіе теоріи права (и нравственности) предполагаетъ, сверхъ соотвѣтственныхъ психологическихъ предпосылокъ, уясненіе нѣкоторыхъ методологическихъ положеній, особенно положеній, касающихся образованія общихъ теоретическихъ понятій. Сообразно съ этимъ настоящее введеніе состоитъ изъ двухъ частей: методологической и психологической.

Часть I.

Методологическія основы теорій права и нравственности.

ГЛАВА I.

§ 1. Современное состояніе основныхъ понятій и проблемъ науки о правѣ и необходимость выработки научной методологіи для развитія науки о правѣ.

Геніальный философъ Кантъ смѣялся надъ современною ему юриспруденціей по поводу того, что она еще не сумѣла опредѣлить, что такое право. «Юристы еще ищутъ опредѣленія для своего понятія права», замѣчаетъ онъ иронически по этому поводу. Онъ самъ работалъ надъ рѣшеніемъ этой проблемы, но безуспѣшно. Послѣ него работали надъ этою же проблемою многіе другіе выдающіеся мыслители, философы и юристы, но—и теперь еще «юристы ищутъ опредѣленія для своего понятія права».

То обстоятельство, что, несмотря на затрату массы труда въ этомъ направленіи и накопленіе съ теченіемъ времени множества болѣе или менѣе остроумныхъ и глубокомысленныхъ попытокъ опредѣленія существа права, до сихъ поръ не удалось найти удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи, подало въ новое время даже поводъ къ сомнѣнію въ самой возможности ея рѣшенія, къ довольствованію явно неудовлетворительными опредѣленіями, къ стремленію обойти вопросъ о существѣ права и т. п. средствамъ самоуспокоенія *).

Но совершенно ошибочно думать, будто можно строить и разрабатывать науку о правѣ и научно рѣшать разные сюда относящіеся вопросы, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что такое право, какія

---

*) Впрочемъ, сомнѣніе въ возможности удовлетворительно опредѣлить существо права выражали уже и нѣкоторые прежніе писатели. Ср., напр., Savigny, Geschichte des römichen Rechts im Mittelalter, I с. 1, стр. 212 во второмъ изд. Въ русской литературѣ такому скептическому направленію, повидимому, слѣдовалъ (уже въ старыхъ изданіяхъ) учебникъ энциклопедіи права Ренненкампфа; ср., напр., въ изд. 1880 г. его „Очерковъ юрид. энциклопедіи“ на стр. 26 замѣчаніе: „Всѣ извѣстныя донынѣ попытки опредѣлить существо права, въ его полнотѣ и закопченности, были безуспѣшны“—и слѣдующую затѣмъ попытку дать описательную характеристику права.

О положеніи дѣла въ наше время ср. Bergbohm, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. I. 1892 г., стр. 77: „Къ сожалѣнію, даже о приблизительномъ совпаденіи представленій о правѣ между юристами не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, понятіе права теперь колеблется еще болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, неустойчивость и неувѣренность еще, если это возможно, увеличиваются. Если присмотрѣться ближе къ литературѣ, то замѣтимъ здѣсь лишь неувѣренныя попытки, движеніе ощупью и наугадъ, установленіе лишь провизорныхъ опредѣленій безъ послѣдующаго обос-

явленія и по какимъ признакамъ слѣдуетъ относить къ правовымъ и какъ ихъ отличать отъ иныхъ явленій.

Установленіе научнаго понятія права имѣетъ прежде всего значеніе необходимаго условія для научнаго образованія всѣхъ прочихъ понятій правовѣдѣнія.

Эти понятія можно раздѣлить на двѣ категоріи:

1. Къ первой категоріи относятся понятія разныхъ видовъ, подвидовъ и дальнѣйшихъ подраздѣленій права, напр., понятія обычнаго права,

---

нованія, чаще же всего, смущенный обходъ проблемы и отсутствіе всякаго опредѣленія права въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ такового нельзя обойтись".

Однимъ изъ наглядныхъ примѣровъ такого отношенія къ дѣлу является вся книга, въ которой находятся приведенныя строки. Не только значеніе изслѣдованія Бергбома, какъ цѣлаго, но и сила каждаго отдѣльнаго имъ приводимаго аргумента въ пользу защищаемой имъ идеи зависятъ отъ того, какъ опредѣлить существо права (въ книгѣ рѣчь идетъ о видахъ права, о возможности признать извѣстныя явленія видомъ права, что предполагаетъ установленіе родового понятія); а между тѣмъ и въ этой, вообще остроумной, книгѣ замѣчается „смущенный обходъ проблемы и отсутствіе всякаго опредѣленія права" и т. д., т. е. то, въ чемъ авторъ справедливо упрекаетъ другихъ. Онъ, положимъ, возбуждаетъ вопросъ, можетъ ли быть современемъ достигнуто удовлетворительное опредѣленіе права, причемъ не видно, увѣренъ ли самъ авторъ въ этой возможности или нѣтъ; во всякомъ случаѣ онъ думаетъ, что послѣ всего, что уже сказано о правѣ, „самостоятельное (оригинальное) опредѣленіе права, конечно, болѣе или менѣе резонное, едва ли кѣмъ либо въ будущемъ можетъ быть предложено" (стр. 78); больше толку ждетъ онъ отъ критической сортировки уже слишкомъ обильнаго накопившагося запаса, но и эта задача, по его мнѣнію, весьма трудная; и здѣсь мы наталкиваемся на своеобразныя препятствія; во всякомъ случаѣ, „всякое краткое опредѣленіе права было бы совсѣмъ неудовлетворительное, а исчерпывающее и полное опредѣленіе должно было бы выйти слишкомъ длиннымъ" (стр. 82). Но самъ авторъ никакого опредѣленія права не устанавливаетъ и съ увѣренностью въ этомъ направленіи лишь утверждаетъ, что „только то, что дѣйствуетъ въ качествѣ права, есть право, все же прочее сюда не относится; съ другой стороны, все то, что функціонируетъ какъ право, есть право, безъ исключенія" (стр. 80). Иными словами, онъ не питаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что $x = x$.

Точно также Меркель въ своей Juristische Encyklopädie, отъ которой, конечно, прежде всего слѣдовало бы ожидать опредѣленія права, пытается всячески характеризовать и описать право, но опредѣленія права онъ не даетъ.

Регельсбергеръ въ своемъ общемъ ученіи о правѣ (Pandekten I. 1893 г., § 9, въ русскомъ переводѣ „Общее ученіе о правѣ", 1897 г., § 1) опредѣляетъ право, какъ „установленный (позитивный) обязательный порядокъ внутри общественнаго союза, образовавшагося вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ". Но изъ слѣдующаго же § видно, что самъ авторъ сознаетъ или долженъ сознавать недостаточность этого опредѣленія для разграниченія права и другихъ сродныхъ явленій, а именно, указанные въ опредѣленіи признаки права онъ приписываетъ и такъ называемымъ нравамъ (Sitte). И нравы, какъ и право, „основаны на внѣшнемъ установленіи", и они регулируютъ (упорядочиваютъ) общественное поведеніе и т. д. Вообще, какъ оказывается, никакого качественнаго отличія между правомъ и нравами предложенное опредѣленіе права не указываетъ. Авторъ ограничивается только (независимо отъ своего опредѣленія права) указаніемъ нѣкоторыхъ количественныхъ различій между правомъ и нравами (послѣдніе охраняются „не столь сильными принудительными мѣрами", они охраняютъ „менѣе важные интересы").

Многіе вводятъ въ опредѣленіе права тотъ признакъ, что право регулируетъ „внѣшнее поведеніе", регулируетъ поведеніе „внѣшнимъ образомъ" и т. п., хотя извѣстно, что право касается и внутреннихъ, психическихъ состояній. Нѣкото-

законнаго права, понятія публичнаго права, международнаго, государственаго, уголовнаго права, гражданскаго права и т. д.; понятія обязательственнаго, семейственнаго, наслѣдственнаго права, какъ разновидностей гражданскаго права, и т. п.

Понятіе вида есть не что иное, какъ понятіе рода, къ которому данный видъ, какъ его часть, относится, съ добавленіемъ видового отличія (ср. ученіе логики о definitio per genus et differentiam specificam); поэтому, оно предполагаетъ прежде всего наличность соотвѣтственнаго ро-

---

рые писатели прямо на это указываютъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, вопреки своему опредѣленію, другіе ослабляютъ установленное въ опредѣленіи положеніе о внѣшнемъ моментѣ въ томъ направленіи, что въ правѣ принимается во вниманіе „въ первой линіи", „преимущественно", „преобладающимъ образомъ" внѣшній моментъ. Этимъ косвенно признается неудовлетворительность выставленнаго опредѣленія, но оно сохраняется, какъ если бы оно было въ самомъ дѣлѣ правильнымъ опредѣленіемъ (ср. напр., Felix Dahn, Ueber den Begriff des Rechts. 1895 г.).

Іерингъ (Zweck im Recht I. B. 3-е изд. 1895 г., стр. 320 и сл.) опредѣляетъ право согласно съ „ходячимъ опредѣленіемъ", какъ „совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ", но самъ же авторъ перечисляетъ разныя категоріи нормъ, которыя онъ признаетъ правомъ (напр. международное право, разныя нормы публичнаго права), хотя имъ принужденіе не свойственно (междугосударственныя нормы къ тому же не являются нормами государственными). Такъ же поступаютъ и многіе другіе авторы, исходящіе при опредѣленіи права изъ понятія принужденія. Ср., напр., Brodmann, Vom Stoffe des Rechts und seiner Structur. 1897 г., стр. 17 и сл., который надѣется, что и въ международномъ правѣ современемъ воцарится принужденіе, но признаетъ и теперешнее международное право правомъ, вопреки своему утвержденію, что принужденіе есть необходимый признакъ для опредѣленія права. Впрочемъ, изъ другихъ замѣчаній автора видно, что онъ пользуется понятіемъ принужденія лишь вслѣдствіе крайней необходимости, для установленія, такъ сказать, внѣшняго суррогата недостижимаго опредѣленія истиннаго существа права. Но въ наукѣ и dura necessitas не извиняетъ того, что противно логикѣ. А опредѣленіе понятія права съ точки зрѣнія принужденія рядомъ съ признаніемъ, что не всѣмъ нормамъ права свойственно принужденіе, противно элементарнымъ правиламъ логики о definitio.

Бродманъ, между прочимъ, не только, подобно нѣкоторымъ другимъ, скептически относится къ возможности въ будущемъ достигнуть опредѣленія существа права, но, повидимому, даже твердо увѣренъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сизифовымъ трудомъ науки, который никогда не увѣнчается и не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. А именно, приведенное сочиненіе его начинается слѣдующими словами:

„Почти столь же старымъ, какъ философія, является вопросъ о существѣ права. Гдѣ только наступило пробужденіе человѣческой мысли и человѣчество начинало размышлять о себѣ и окружающемъ мірѣ, вездѣ оно наталкивалось на само собою разумѣющееся и, тѣмъ не менѣе, столь таинственное, имъ самимъ осуществляемое, но не понятое, имъ созданное и тѣмъ не менѣе какъ бы Богомъ данное дѣйствіе и господство правопорядка... (Но и теперь еще) не достигнуто ясное пониманіе основъ и (по вопросу о существѣ права) идутъ безконечные споры. Да и иначе быть не можетъ въ области вопроса, который вѣдь является тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ глубочайшими проблемами человѣческой жажды познанія, и нѣтъ надежды, чтобы положеніе измѣнилось; и если мы желаемъ преслѣдовать практическія цѣли, то намъ не остается ничего иного, какъ оставить попытки разглядѣть то, что скрыто подъ землею... И я вовсе не берусь за изслѣдованіе того, что недоступно изслѣдованію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ заниматься только логическою структурою права и его отношеніемъ къ матеріалу, надъ которымъ оно господствуетъ,—вопросами, которые имѣютъ видъ теоретическихъ проблемъ, но которые, какъ я надѣюсь показать, имѣютъ непосредственное практическое значеніе".

дового понятія и не можетъ существовать въ качествѣ научнаго понятія, разъ нѣтъ научнаго понятія того рода, о видѣ коего идетъ рѣчь. Напр., понятіе международнаго права = понятію права + видовое отличіе международнаго права отъ другихъ видовъ права; и пока нѣтъ научнаго понятія права, нѣтъ и не можетъ быть и научнаго понятія международнаго права, и т. д. *).

Понятіе подвида, разновидности какого либо вида (напр., понятіе обязательственнаго, семейственнаго права и т. д., какъ видовъ гражданскаго права, составляющаго, въ свою очередь, видъ права) предполагаетъ научное понятіе вида; а такъ какъ до установленія научнаго понятія рода «право», какъ видно изъ вышеизложеннаго, не можетъ быть научныхъ понятій видовъ права, то не можетъ быть при такомъ положеніи дѣла и надлежащихъ понятій подвидовъ права, и т. д.

2. Вторую категорію юридическихъ понятій составляютъ такія, которыя обнимаютъ не право или его разновидности, а иные предметы, но такъ, что соотвѣтственныя квалификаціи этихъ предметовъ, ихъ подве-

---

*) Между прочимъ, представители разныхъ спеціальныхъ юридическихъ дисциплинъ, напримѣръ, международнаго, государственнаго, гражданскаго, уголовнаго права и проч., обыкновенно считаютъ возможнымъ, не сообщая, что они разумѣютъ подъ правомъ, какого понятія права они придерживаются и, вообще, не касаясь вопроса о томъ, что такое право, начинать изложеніе своей науки съ опредѣленія того вида права, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло, по шаблону: международное (или уголовное и т. п.) право есть право, которое отличается тѣмъ-то, касается того-то, и т. д. Въ этомъ не было бы ничего ненаучнаго, если бы въ наукѣ о правѣ существовало какое либо прочно установленное и общепризнанное (или, по крайней мѣрѣ, господствующее) понятіе права, ибо тогда такія формулы обозначали бы ссылку на такое общее научное понятіе права (и тѣ основанія, которыя въ пользу его существуютъ). Но такого понятія права теперь вообще нѣтъ. Поэтому, по поводу упомянутыхъ формулъ возникаетъ дилемма: или авторъ-спеціалистъ не освѣдомленъ о современномъ состояніи вопроса о понятіи права и полагаетъ, что общее понятіе права въ его формулѣ есть не x, а научно извѣстная и опредѣленная величина (къ сожалѣнію, интересъ юристовъ-спеціалистовъ къ общимъ проблемамъ науки права и освѣдомленность ихъ въ этой области вообще, за сравнительно немногими исключеніями, слишкомъ слабы); или же онъ освѣдомленъ о положеніи вопроса о понятіи права, но, тѣмъ не менѣе, не сознаетъ, что его формула лишена опредѣленнаго научнаго смысла, ошибочно думаетъ, что она даетъ научное понятіе того права, о которомъ онъ говоритъ, хотя въ ней вмѣсто опредѣленнаго понятія права фигурируетъ лишь слово „право“. И то и другое не можетъ быть признано научнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Нелишне обратить вниманіе также на то, что образованіе и опредѣленіе видовъ (species) какого либо рода (genus), т. е. надлежащее дѣленіе (divisio) рода на виды предполагаетъ соблюденіе того элементарнаго требованія логики, чтобы основаніемъ дѣленія (fundamentum divisionis) былъ признакъ, общій всѣмъ членамъ рода, т. е. родовой признакъ, чтобы дѣленіе указывало такія или иныя различія именно въ родовомъ признакѣ.

Поэтому, для научнаго дѣленія права на виды и надлежащаго установленія соотвѣтственныхъ видовыхъ отличій необходимо знать родовые признаки права, т. е. имѣть въ распоряженіи родовое понятіе права.

Такимъ образомъ, опредѣленія разныхъ видовъ права съ оставленіемъ въ неизвѣстности родового понятія заключаютъ въ себѣ комбинаціи двухъ существенныхъ нарушеній началъ логики и научной методологіи.

деніе подъ данное понятіе или исключеніе изъ него, зависятъ отъ опредѣленнаго отношенія ихъ къ праву (или отъ опредѣленнаго отношенія права или такой или иной его вѣтви къ нимъ). Таково, напр., понятіе правонарушенія; правонарушенія не суть право или его разновидности, а совершенно отличныя отъ права явленія, но квалификація извѣстныхъ явленій какъ правонарушеній, ихъ подведеніе подъ понятіе правонарушеній зависитъ отъ опредѣленнаго ихъ отношенія къ праву (и права къ нимъ), а именно отъ того, что они нарушаютъ право (что право ихъ запрещаетъ); понятія юридической сдѣлки, завѣщанія, международнаго договора, уголовнаго преступленія обнимаютъ извѣстныя дѣйствія людей изъ-за того, что право (или спеціально гражданское, международное, уголовное право) связываетъ съ ними опредѣленныя послѣдствія, и т. д.

Такія понятія мы можемъ назвать относительно-правовыми, относительно-юридическими понятіями — въ отличіе отъ самаго верховнаго понятія права и подчиненныхъ ему понятій разныхъ видовъ и разновидностей права, которыя можно назвать абсолютно-правовыми понятіями.

Каждое относительно-юридическое понятіе, какъ видно изъ самаго существа этого класса понятій, содержитъ въ себѣ необходимо, въ качествѣ составной части, понятіе извѣстнаго отношенія извѣстныхъ предметовъ къ праву или какой либо вѣтви его; слѣдовательно, въ каждомъ относительно-правовомъ понятіи неизбѣжно должно содержаться въ качествѣ элемента одно изъ абсолютно-правовыхъ понятій: или само верховное понятіе права (напр., въ понятіяхъ: правонарушеніе, юридическая сдѣлка и т. п.), или понятіе одного изъ видовъ права (уголовное преступленіе, уголовное наказаніе...), или понятіе какого либо дальнѣйшаго подраздѣленія права («обязательственный договоръ» въ смыслѣ обязательственнаго гражданскаго права и т. п.).

Выше было доказано относительно всѣхъ абсолютно-юридическихъ понятій, что они не могутъ быть надлежащими научными понятіями, если нѣтъ научнаго понятія права. Отсюда вытекаетъ, что и всѣ относительно-юридическія понятія юриспруденціи не могутъ быть признаны надлежащими научными понятіями, пока не создано научное понятіе права.

Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что нѣтъ никакого основанія относить къ правовымъ, юридическимъ понятіямъ и къ вѣдѣнію науки права, какъ таковой, такія понятія, предметомъ которыхъ является что либо такое, что не только не есть право или его разновидность, но и не состоитъ въ связи съ правомъ, иными словами признать, что предложенное нами дѣленіе юридическихъ понятій есть полное и исчерпывающее, то получается тотъ выводъ, что ни одно юридическое понятіе, ни одно изъ множества понятій, относящихся къ спеціальному вѣдѣнію

юриспруденціи, не можетъ быть научнымъ, пока не создано научное понятіе права *).

Путемъ образованія общихъ понятій наука достигаетъ оріентировки въ міровыхъ явленіяхъ, превращаетъ для сознанія хаотическое и необозримое разнообразіе разнороднѣйшихъ конкретныхъ предметовъ и происшествій въ обозримую систему расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ разрядовъ, родовъ, видовъ, разновидностей... міровыхъ явленій. Тѣмъ самымъ достигается и надлежащая систематизація, приведеніе въ обозримый порядокъ человѣческаго знанія, опредѣляется надлежащее расположеніе и отношеніе другъ къ другу знаній въ предѣлахъ отдѣльныхъ наукъ, а равно и расположеніе и отношеніе другъ къ другу разныхъ дисциплинъ, какъ вѣтвей и главъ единой Науки, единой системы человѣческаго знанія.

---

*) По отношенію къ разнымъ неудовлетворительнымъ понятіямъ права изъ замѣчаній текста вытекаетъ, что соотвѣтственные пороки переходятъ неизбѣжно во всѣ дальнѣйшія юридическія понятія, содержатся въ нихъ въ болѣе или менѣе скрытомъ или явномъ видѣ и искажаютъ ихъ въ такомъ или иномъ направленіи. Если, напр., то субъективное понятіе права, изъ котораго исходитъ данный изслѣдователь, слишкомъ узко, то дальнѣйшія абсолютныя юридическія понятія будутъ принципіально слишкомъ узкими (что, впрочемъ, иногда, вслѣдствіе особыхъ осложненій, можетъ оказаться въ практическомъ результатѣ безвреднымъ), а относительно-правовыя понятія будутъ то слишкомъ узкими, то слишкомъ широкими, смотря по тому, имѣетъ ли соотвѣтственное отношеніе къ праву (см. выше стр. 15) характеръ прямой или обратной „пропорціональности“: напр., понятіе „правонарушенія“ при слишкомъ узкомъ понятіи права, будетъ страдать порокомъ излишней узости, а понятіе „незапрещеннаго правомъ дѣянія“ будетъ слишкомъ широкимъ, и т. д.

Установленныя положенія относительно дѣленія понятій на абсолютно и относительно-юридическія и зависимости ихъ отъ верховнаго понятія права, mutatis mutandis, примѣнимы и къ другимъ наукамъ. Напр., центральнымъ и верховнымъ понятіемъ науки о нравственности является понятіе нравственности. Прочія понятія этой науки распадаются на абсолютно- и относительно-моралистическія понятія; напр., понятія свѣтской, религіозной морали—абсолютно-моралистическія, понятія безнравственнаго поступка, порока, нравственнаго дѣянія и т. д.—относительно-моралистическія понятія. Ни одно изъ этихъ понятій не можетъ быть признано научнымъ понятіемъ, пока не создано научное понятіе нравственности, и т. д.

Центральное понятіе государственныхъ наукъ, наукъ о государствѣ—понятіе государства; понятія теократическихъ, свѣтскихъ государствъ, республикъ, деспотій и т. п.- абсолютно-государственныя, понятія монарха, подданныхъ, провинціи, государственной должности и т. п.—относительно-государственныя понятія, и т. д.

Абсолютныя понятія одной дисциплины могутъ быть относительными понятіями другой дисциплины. Въ такой связи другъ съ другомъ находятся, между прочимъ, правовѣдѣніе и государствовѣдѣніе. Ибо понятіе государства, т. е. верховное абсолютное понятіе государствовѣдѣнія, какъ подробнѣе будетъ доказано ниже, есть вмѣстѣ съ тѣмъ относительно-правовое понятіе. Государство есть множество людей, объединенныхъ тѣмъ, что извѣстнымъ лицамъ изъ ихъ среды приписываются извѣстныя права, а другимъ соотвѣтственныя правовыя обязанности (обязанность подчиненія распоряженіямъ первыхъ и нѣкоторыя другія). Поэтому, къ понятію государства и другимъ понятіямъ государствовѣдѣнія относится все то, что установлено выше по отношенію къ относительно-правовымъ понятіямъ. Научное понятіе государства (и зависящихъ отъ него понятій) не можетъ быть достигнуто раньше, нежели достигнуто научное понятіе права, и т. д. Такое отношеніе двухъ дисциплинъ другъ къ другу можно назвать относительнымъ верховенствомъ—относительною подчиненностью. Государствовѣдѣніе по отношенію къ наукѣ о правѣ—относительно подчиненная наука.

Предыдущее изложеніе пыталось выяснить значеніе научнаго понятія права для надлежащаго образованія всей системы подчиненныхъ понятій въ предѣлахъ правовѣдѣнія; но само право есть одинъ изъ видовъ міровыхъ явленій среди другихъ видовъ и родовъ, само понятіе права—одно изъ понятій среди другихъ, соподчиненныхъ и высшихъ понятій человѣческаго знанія, а само правовѣдѣніе—одна изъ главъ Науки вообще, какъ единой великой системы человѣческаго изслѣдованія и знанія.

Какъ съ точки зрѣнія Науки вообще и общаго научнаго образованія, такъ и съ точки зрѣнія правовѣдѣнія и спеціально-юридическаго образованія необходимо знать соотвѣтственныя отношенія, въ частности уяснить себѣ, къ какому высшему, болѣе общему классу явленій относится право, какіе есть еще другіе виды того же рода, съ какими знаніями и науками правовѣдѣніе находится въ отношеніи логическаго сосѣдства, соподчиненія, и каковы границы между ними, съ какими въ отношеніи подчиненія и т. д.

Но опредѣленный научный отвѣтъ и на всѣ эти и связанные съ ними вопросы можетъ быть данъ только на основаніи научнаго рѣшенія проблемы о понятіи права *).

Кромѣ того, для пониманія значенія научнаго понятія права и научныхъ общихъ понятій вообще необходимо еще принять во вниманіе слѣдующее:

1. Надлежащія понятія разныхъ классовъ предметовъ имѣютъ существенное значеніе не только для орієнтировки въ мірѣ явленій и надле-

---

*) Въ наукѣ права установилась традиція сопоставлять право съ такъ называемыми „нравами“ (Sitte), съ религіею и нравственностью, какъ со сродными явленіями, и попытки опредѣленія права являются, главнымъ образомъ, попытками указать признаки, отличающіе право отъ нравовъ, религіи и нравственности. Относительно религіи вопросъ обыкновенно рѣшается скоро и просто указаніемъ на то, что право регулируетъ исключительно отношенія между людьми. Главныя затрудненія и споры касаются вопроса разграниченія права съ правами и нравственностью. Ниже мы убѣдимся, что право является на извѣстныхъ ступеняхъ культуры весьма важнымъ элементомъ религіи и имѣетъ, въ большей или меньшей степени, религіозный, сакральный характеръ. Есть, кромѣ того, и другія основанія, по которымъ сопоставленіе права и религіи, какъ какихъ-то разныхъ видовъ одного какого-то общаго рода (genus proximum), совершенно невозможно съ научной точки зрѣнія. Не лучше и сопоставленіе права и „нравовъ“ (или „конвенціональныхъ правилъ“, какъ нѣкоторые предлагаютъ). Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло относительно нравственности. При надлежащемъ опредѣленіи того рода, видомъ котораго является право, оказывается, что, дѣйствительно, право и нравственность—два вида одного и того же рода, два соподчиненныхъ класса явленій, и задача образованія понятія права сводится, послѣ исполненія задачи опредѣленія ближайшаго высшаго рода, къ установленію того различія въ родовомъ признакѣ этого общаго рода (differentia specifica), которое бы раздѣлило его на виды: право и нравственность.

Изъ того, что право и нравственность представляютъ два вида, на которые распадается общій родъ, слѣдуетъ, между прочимъ: a) что, пока не достигнуто научное понятіе права, нѣтъ и не можетъ быть и научнаго понятія нравственности. Фактически, моралисты тоже „еще ищутъ опредѣленія для своего понятія морали“, причемъ различія между разными предлагавшимися и предлагаемыми разными философами и моралистами понятіями морали, по ихъ содержанію и объему, еще болѣе радикальны, чѣмъ такого же рода несогласія юристовъ; b) что задача разгра-

Государственная БИБЛИОТЕКА Историческая

жащей систематизаціи добытыхъ знаній, но и для самаго добыванія знаній, для созданія научныхъ истинъ. Научно-методическое и систематическое изученіе извѣстной категоріи явленій предполагаетъ наличность научнаго понятія соотвѣтственнаго класса феноменовъ.

Научное установленіе какихъ бы то ни было положеній объ извѣстномъ классѣ явленій на основаніи соотвѣтствующихъ фактовъ предполагаетъ прежде всего выборъ и изслѣдованіе относящихся къ изучаемому классу фактовъ и устраненіе постороннихъ, не относящихся къ нему. Отъ правильности такого выбора данныхъ зависитъ правильность сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Достовѣрность этихъ выводовъ предполагаетъ достовѣрность того, что не произошло смѣшенія и недоразумѣнія въ выборѣ данныхъ, напр., при изученіи нравственности принятія за относящійся къ нравственности феноменъ такого явленія, которое на самомъ дѣлѣ къ ней не относится и надлежащимъ основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ о нравственности служить не можетъ.

Но критерій для надлежащаго выбора и сортировки фактическаго матеріала и гарантія противъ такихъ смѣшеній отсутствуютъ, пока нѣтъ научнаго понятія соотвѣтственнаго класса явленій, пока научно не установлено, какія явленія и по какимъ признакамъ слѣдуетъ относить къ данному классу и отличать ихъ отъ другихъ явленій, въ томъ числѣ сродныхъ и поэтому особенно легко могущихъ дать поводъ для смѣшенія и ложныхъ выводовъ.

Въ виду этого, пока нѣтъ научнаго понятія понятія права, о научномъ добываніи какихъ бы то ни было истинъ о правѣ, а тѣмъ болѣе о построеніи такой системы этихъ истинъ, которая бы заслуживала имени науки, на почвѣ изученія фактовъ правовой жизни, рѣчи быть не можетъ.

нія понятія права и задача образованія понятія морали должны исполняться одинаковымъ образомъ и получить одновременно одно общее рѣшеніе. Если какой нибудь моралистъ достигнетъ образованія научнаго верховнаго понятія своей науки, то тѣмъ самымъ будетъ найдено и то, чего „ищутъ юристы“ и обратно (разъ установлено понятіе морали, т. е. правильно опредѣленъ ближайшій высшій родъ и найдена differentia specifica, отличающая нравственность отъ права, то eo ipso опредѣленъ общій родъ и найдена differentia specifica для опредѣленія понятія права). Фактически, моралисты мало интересуются соотвѣтственными изслѣдованіями юристовъ, а юристы отплачиваютъ тѣмъ же моралистамъ, и разсужденія въ этихъ двухъ дисциплинахъ, въ существѣ дѣла, по одному и тому же вопросу весьма различны. Напр., упомянутый выше, традиціонно фигурирующій и играющій рѣшающую роль при опредѣленіи понятія права въ юриспруденціи рядъ: право, религія, нравы, нравственность—въ наукѣ о нравственности не играетъ никакой роли, и мораль сопоставляется съ совсѣмъ иными предметами, какъ сродными, и т. д.; с) что всякій научный порокъ въ понятіи права неизбѣжно влечетъ за собою порочность и понятія морали; причемъ, въ случаѣ какого либо порока въ понятіи общаго рода, получается одинъ и тотъ же недостатокъ и въ понятіи права, и въ понятіи морали (съ однородными послѣдствіями для всѣхъ прочихъ понятій обѣихъ наукъ). Въ случаѣ правильнаго образованія общаго рода, но неправильнаго указанія специфическаго различія, тоже необходимо ошибочны оба понятія, но, при томъ такъ, что если, напр., понятіе права слишкомъ узко, то понятіе нравственности неизбѣжно слишкомъ широко, и обратно.

Если правильно опредѣлена природа извѣстной категоріи явленій, то наука, на ряду съ добываніемъ знаній объ этихъ предметахъ путемъ изученія соотвѣтственныхъ конкретныхъ фактовъ (и индуктивной ихъ переработки), можетъ открывать на основаніи общихъ соображеній, путемъ дедуктивнаго метода, такія истины о нихъ, которыя еще не были добыты путемъ наблюденія соотвѣтственныхъ конкретныхъ фактовъ; зная основное свойство явленій даннаго класса, наука можетъ дедуктивно объяснять разныя, связанныя съ этимъ основнымъ свойствомъ, дальнѣйшія особенности данной области бытія и наблюдающіеся здѣсь факты, какъ естественныя или необходимыя слѣдствія основного свойства, самой природы даннаго класса объектовъ, или даже предвидѣть такіе факты, которые еще не были вообще подмѣчены, напр., ускользали прежде отъ вниманія изслѣдователей.

И этотъ второй возможный источникъ научнаго свѣта, научно-методически обоснованнаго знанія и пониманія закрытъ для науки о правѣ, пока нѣтъ понятія права, пока нѣтъ знанія природы явленій, подлежащихъ ея изученію, и, стало быть, нѣтъ въ ея распоряженіи научныхъ посылокъ для дедуктивнаго объясненія и предвидѣнія дальнѣйшихъ особенностей и своеобразныхъ фактовъ области ея изслѣдованія.

2. Но если бы даже отказаться отъ требованія соблюденія научныхъ методовъ для добыванія научныхъ положеній и признать научными положеніями и такія, которыя добыты инымъ путемъ, напр., на основаніи общихъ неопредѣленныхъ житейскихъ впечатлѣній, разъ они случайно соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то все таки всѣ положенія о такой или иной категоріи объектовъ безъ опредѣленнаго понятія этого класса объектовъ заключали бы сами по себѣ, по самому содержанію своему (совершенно независимо отъ того, какъ они добыты) такой порокъ, котораго вполнѣ достаточно для квалификаціи ихъ, какъ ненаучныхъ положеній. Дѣло въ томъ, что это были бы сужденія безъ знанія того, о чемъ собственно говорится; и чѣмъ съ большею увѣренностью (субъективною вѣрою) высказывались бы такія утвержденія, тѣмъ болѣе уродливое съ научной и вообще интеллектуальной точки зрѣнія явленіе они бы представляли, какъ твердыя убѣжденія, что высказываемое (предикатъ) правильно, хотя и неизвѣстно, о чемъ говорится (неизвѣстенъ субъектъ).

Такъ и всѣ сужденія о правѣ, пока нѣтъ опредѣленнаго понятія права, представляютъ сужденія и утвержденія о неизвѣстномъ, неопредѣленномъ предметѣ.

Изъ вышеизложеннаго видно, сколь существенныя недоразумѣнія лежатъ въ основѣ того, иногда прямо высказываемаго, а еще чаще косвенно признаваемаго раціональнымъ и на дѣлѣ осуществляемаго, взгляда, по которому можно и даже умѣстно («практично», ср. выше стр. 13 прим., замѣчанія Бродмана), не тратя времени на рѣшеніе вопроса о томъ, что такое право, вообще не касаясь проблемы понятія права, какъ одной среди множества другихъ проблемъ науки права, производить на-

учныя изслѣдованія по другимъ вопросамъ науки о правѣ (напр., изслѣдовать «логическую структуру права и его отношеніе къ матеріалу, надъ которымъ оно господствуетъ» и т. п.), вообще строить и развивать науку о правѣ безъ установленія понятія права *).

Проблема понятія права есть отнюдь не одна изъ множества проблемъ правовѣдѣнія, а просто проблема науки права вообще, т. е. такая основная и преюдиціальная проблема, отъ рѣшенія которой зависитъ сама возможность науки о правѣ, въ отличіе отъ собранія мнѣній, утвержденій и предположеній, не могущихъ претендовать на научность ни по своему происхожденію, ни даже по своему содержанію, какъ таковому.

Если, съ другой стороны, по поводу неудачи бывшихъ доселѣ попытокъ рѣшенія этой проблемы высказываются предположенія или даже увѣренныя утвержденія о неразрѣшимости ея, то и эти сужденія лишены научнаго основанія **).

Основательнымъ и научно-правильнымъ является совсѣмъ иное предположеніе и отношеніе къ дѣлу, а именно предположеніе о неудачности тѣхъ пріемовъ, которые до сихъ поръ примѣнялись для изученія правовыхъ явленій и образованія соотвѣтственнаго понятія, тщательный критическій пересмотръ этихъ пріемовъ и обращеніе усилій на выработку надлежащихъ, способныхъ повести къ цѣли, научныхъ методовъ.

Въ пользу этого свидѣтельствуетъ и состояніе другихъ основныхъ понятій и проблемъ современной науки о правѣ, состояніе столь же безотрадное, какъ и проблемы о понятіи права, и влекущее за собою такія

---

*) То же относится къ такому же взгляду и отношенію къ своему центральному понятію со стороны моралистовъ и т. п.

**) Таковымъ, конечно, не можетъ быть признанъ самъ фактъ крушенія прежнихъ попытокъ рѣшенія. Многое въ наукѣ и другихъ областяхъ жизни удается не сразу, а лишь послѣ ряда первоначально безуспѣшныхъ попытокъ. Точно также ничего не доказываютъ въ этомъ направленіи изреченія, что вопросъ о существѣ права „находится въ тѣснѣйшей связи съ глубочайшими проблемами человѣческаго знанія“ (ср. выше стр. 13 прим.) и т. п. Наука существуетъ для рѣшенія не только легкихъ и поверхностныхъ, но также трудныхъ и глубокихъ проблемъ. Легкія задачи мышленія могутъ рѣшаться и безъ науки—обыденнымъ несовершеннымъ мышленіемъ. Усовершенствованное, научно-методическое мышленіе для того и существуетъ, чтобы итти глубже и дѣйствовать сильнѣе и успѣшнѣе.

Основательнымъ можно было бы признать положеніе о неразрѣшимости научными средствами проблемы существа права лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что нѣтъ доступнаго человѣческому познанію матеріала для ея рѣшенія, или что этотъ матеріалъ имѣетъ трансцендентную природу, находится внѣ сферы опытнаго познанія.

Но это не доказано и доказано быть не можетъ, ибо матеріалъ для рѣшенія вопроса о природѣ права существуетъ, и онъ вовсе не имѣетъ трансцендентнаго характера.

Какъ видно изъ излагаемаго ниже (§§ 2, 3), онъ состоитъ изъ нашихъ же психическихъ переживаній, изъ данныхъ нашего внутренняго опыта, т. е. не только не находится внѣ границъ нашего познанія, но даже доступенъ болѣе близкому, непосредственному и достовѣрному познанію, чѣмъ матеріалъ, съ которымъ имѣютъ дѣло такія науки, какъ, напримѣръ, физика, химія, физіологія, вообще науки, касающіяся внѣшняго міра и принужденныя исходить изъ данныхъ, добываемыхъ чрезъ

же отрицательныя послѣдствія въ своихъ областяхъ дѣйствія, какія были указаны выше по поводу невыясненности природы права вообще.

Такъ, явленіе «исканія опредѣленія» и неудачи цѣлыхъ рядовъ соотвѣтственныхъ попытокъ повторяется и по поводу другихъ общихъ понятій какъ абсолютно-, такъ и относительно-юридическихъ. Выше было доказано, что эти понятія не могутъ быть надлежащими научными понятіями, пока не рѣшена проблема о верховномъ понятіи, о понятіи права, какъ такового. Но связанные съ отсутствіемъ верховнаго научнаго понятія недостатки подчиненныхъ юридическихъ понятій обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія; роль научнаго понятія права играетъ въ этихъ случаяхъ слово «право» или соотвѣтственное смутное представленіе, и образованіе подчиненныхъ понятій происходитъ такъ, какъ если бы «право» было извѣстною и научно-опредѣленною величиною. И тѣмъ не менѣе по поводу этихъ понятій существуетъ множество затрудненій и споровъ, распространяющихся съ теченіемъ времени и на такія общія понятія, которыя прежде не возбуждали сомнѣнія и казались прочно установленными и вполнѣ удовлетворительными.

Въ особенно рѣзкой и поразительной формѣ замѣчается эта болѣзнь науки въ области такъ называемаго общаго ученія о правѣ (allgemeine Rechtslehre), но весьма хаотическій видъ имѣютъ и понятія спеціальныхъ юридическихъ дисциплинъ, наукъ частнаго и публичнаго, въ особенности государственнаго права *).

Что отсюда вытекаетъ съ научной точки для всѣхъ соотвѣтственныхъ подчиненныхъ понятій и ученій (сверхъ того, что для нихъ слѣдуетъ изъ

посредство такъ называемыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, т. е. говоритъ о неизвѣстныхъ въ существѣ дѣла причинахъ извѣстныхъ внутреннихъ раздраженій (зрительныхъ, слуховыхъ ощущеній и т. д.).

Въ литературѣ встрѣчается и даже довольно упорно отъ времени до времени возвращается и такая мысль, что вопросъ о существѣ права есть проблема метафизики и допускаетъ не научное въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ, а лишь спекулятивно-метафизическое рѣшеніе; эта точка зрѣнія была, между прочимъ, противопоставлена предложеніямъ автора этой книги относительно примѣненія методовъ эмпирической психологіи критиками этихъ предложеній: Б. Н. Чичеринымъ и кн. Е. Н. Трубецкимъ. Такое же воззрѣніе встрѣчается нерѣдко въ нравственно-философской литературѣ. Новѣйшее теченіе русской философской литературы движется именно въ этомъ направленіи. Но соотвѣтственныя утвержденія имѣютъ характеръ субъективныхъ взглядовъ, а не научно обоснованныхъ положеній. Серіозныхъ научныхъ доказательствъ въ пользу необходимости отказаться отъ науки и научныхъ методовъ въ собственномъ смыслѣ слова не представляется—и представлено быть не можетъ по самому существу дѣла.

*) Весьма спорными и невыясненными представляются прежде всего самыя центральныя понятія этихъ наукъ, понятія частнаго права, публичнаго права, государственнаго права, понятіе государства, государственной власти и т. д. Но то же относится и къ подчиненнымъ понятіямъ этихъ дисциплинъ, главнымъ образомъ государственнаго права, но также и частнаго. Частное право дѣлятъ на обязательственное, вещное, семейственное право... Но какова, напр., специфическая природа обязательствъ, каково отличіе ихъ отъ обязанностей семейственнаго права и т. д.,— это опять вопросъ спорный и невыясненный, и проч. и проч.

отсутствія научнаго понятія права вообще), видно изъ изложеннаго выше о зависимости абсолютно—и относительно—подчиненныхъ понятій отъ высшихъ понятій и о зависимости ученій о какомъ либо классѣ предметовъ отъ наличности научнаго понятія объ этомъ классѣ предметовъ.

Вообще несомнѣнно и поразительно бѣдственное и хаотическое состояніе науки о правѣ и особенно безуспѣшность безчисленныхъ попытокъ рѣшенія ея основныхъ и элементарныхъ проблемъ, въ томъ числѣ попытокъ, предпринимавшихся многими весьма выдающимися и геніальными мыслителями, философами и юристами, настоятельно выдвигаетъ задачу критической провѣрки практиковавшихся до сихъ поръ средствъ и пріемовъ познанія и построенія сознательно-научной правовой гносеологіи и методологіи (ученій о средствахъ и критеріяхъ познанія права и о надлежащихъ пріемахъ построенія науки о немъ).

Эта задача, впрочемъ, существовала бы и была бы одною изъ основныхъ и важнѣйшихъ задачъ науки о правѣ и въ томъ случаѣ, если бы не было особыхъ, указанныхъ выше, симптомовъ фактической неудачности обычныхъ средствъ и пріемовъ изслѣдованія.

Ибо основнымъ условіемъ и требованіемъ всякаго научнаго познанія, какъ такового, является сознательно-критическое примѣненіе научныхъ, т. е. научно-провѣренныхъ и обоснованныхъ, средствъ и методовъ познанія.

Тѣ средства и пріемы рѣшенія проблемъ науки о правѣ, которые примѣнялись и примѣняются до сихъ поръ, основаны на традиціяхъ и привычкахъ, но не на положеніяхъ соотвѣтственной сознательно-научной методологіи, въ области науки о правѣ (впрочемъ, и въ области разныхъ другихъ наукъ, въ томъ числѣ науки о нравственности), пока отсутствующей и еще ждущей созданія и разработки.

Для успѣшнаго построенія науки о какомъ либо классѣ предметовъ или явленій требуется: 1) надлежащее методическое изученіе и познаніе подлежащихъ конкретныхъ, индивидуальныхъ предметовъ или явленій, т. е. знаніе и примѣненіе надлежащихъ средствъ и пріемовъ такого, конкретно-индивидуальнаго, изученія; 2) надлежащее построеніе соотвѣтственныхъ общихъ, классовыхъ понятій и сужденій (теорій), т. е. знаніе и примѣненіе надлежащихъ методовъ построенія общихъ понятій и теорій.

Сообразно съ этимъ критика обычныхъ средствъ и пріемовъ разработки науки о правѣ и построеніе соотвѣтственной научной гносеологіи и методологіи должны состоять изъ двухъ частей: изъ ученія о познаніи конкретныхъ правовыхъ явленій и ученія о построеніи классовыхъ юридическихъ понятій и теорій.

Излагаемыя ниже положенія, въ особенности второй части методологіи, имѣютъ, впрочемъ, болѣе общее значеніе, выходящее за предѣлы науки о правѣ и распространяющееся и на другія науки, въ томъ числѣ, между прочимъ, на науки о нравственности и другихъ соціально-психическихъ явленіяхъ.

ГЛАВА II.

Объ изученіи конкретныхъ правовыхъ явленій.

§ 2. О сферѣ нахожденія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ и о недоразумѣніи современной науки права по этому вопросу.

Основной методъ изученія и познанія предметовъ и явленій состоитъ въ наблюденіи. Въ области изученія предметовъ и явленій физическаго, матеріальнаго міра наблюденіе состоитъ въ воспріятіи съ помощью такъ называемыхъ «внѣшнихъ чувствъ» (зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, осязанія) и называется внѣшнимъ наблюденіемъ; въ области изученія явленій духовнаго міра, психическихъ явленій, оно состоитъ во внутреннемъ воспріятіи происходящаго въ собственной психикѣ и называется внутреннимъ наблюденіемъ, самонаблюденіемъ, или интроспекціею, интроспективнымъ, психологическимъ методомъ (ср. § 3).

Въ нѣкоторыхъ сферахъ познанія, такъ, напр., въ области познанія весьма малыхъ, недоступныхъ обычному зрѣнію, объектовъ или весьма отдаленныхъ предметовъ, для наблюденія или успѣшнаго наблюденія требуются особые техническіе средства и пріемы. Микроскопъ и телескопъ— великія техническія изобрѣтенія, весьма существенно расширившія область человѣческаго наблюденія и познанія. Какъ будетъ выяснено въ другомъ мѣстѣ, и нѣкоторыя категоріи психическихъ явленій, въ томъ числѣ, между прочимъ, нѣкоторые существенные элементы нравственныхъ и правовыхъ явленій, бываютъ при обыкновенныхъ условіяхъ недоступными (внутреннему) наблюденію, такъ что и здѣсь требуется выработка и примѣненіе особыхъ средствъ и пріемовъ для достиженія успѣшнаго наблюденія и познанія.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ познанія примѣненію наблюденія и успѣху познанія мѣшаютъ недоразумѣнія относительно дѣйствительной сферы бытія соотвѣтственныхъ реальныхъ явленій.

Ниже мы познакомимся съ особымъ классомъ психическихъ процессовъ, подъ именемъ моторныхъ возбужденій или эмоцій (въ особомъ, условномъ смыслѣ), которые обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что переживающимъ ихъ внѣшніе предметы представляются обладающими особыми, въ дѣйствительности не существующими, свойствами, или что вообще подъ вліяніемъ этихъ внутреннихъ процессовъ представляются существующими во внѣшнемъ мірѣ разные, тамъ не существующіе, объекты.

И вотъ въ соотвѣтственныхъ областяхъ познанія слѣдуетъ избѣгать ошибки, состоящей въ принятіи за реальное того, что представляется существующимъ во внѣшнемъ по отношенію къ переживающимъ такіе процессы мірѣ, и имѣть въ виду, что соотвѣтственные реальные феномены имѣются въ психикѣ того, кто переживаетъ такіе, вводящіе въ заблужденіе, психическіе процессы и только въ его психикѣ.

Напр., если кто либо приписываетъ другому эпитеты «милый», «дорогой» и т. п., то было бы наивно думать, что дѣло идетъ о какихъ-то особыхъ свойствахъ того, кому такія свойства приписываются. Какъ бы мы ни стали внимательно изслѣдовать того, кому эти свойства приписываются, осматривать его съ ногъ до головы и т. п., чтобы найти что-то такое, что соотвѣтствуетъ эпитету «милый», поиски наши будутъ безуспѣшными, и мысль слова «милый» останется для насъ тайной. Смыслъ этого слова можетъ разъясниться, и мы можемъ познать реальное явленіе, соотвѣтствующее этому выраженію, лишь тогда, когда мы обратимся къ изученію психическихъ переживаній тѣхъ, которые называютъ другихъ милыми, дорогими и т. п.

Такого же рода недоразумѣнія возможны и фактически играютъ большую роль въ области явленій нравственной жизни. Если, напр., говорится, что на такомъ-то лежитъ такая-то нравственная обязанность, то обыкновенно, какъ показываетъ само это выраженіе, предполагается, что «нравственная обязанность» есть какой-то реальный феноменъ, который находится тамъ, гдѣ находится человѣкъ, которому эта обязанность приписывается; въ дѣйствительности же, какъ будетъ выяснено въ другомъ мѣстѣ, соотвѣтствующій выраженію «нравственная обязанность» реальный феноменъ находится совсѣмъ въ другой сферѣ, а именно въ психикѣ того, который находитъ, что на другомъ «лежитъ нравственная обязанность», и проч.

И то же слѣдуетъ имѣть въ виду и въ области права и его изученія.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ:

«Помѣщикъ А. имѣетъ право на полученіе отъ арендатора В. 5.000 арендной платы» или «арендаторъ В. обязанъ уплатить помѣщику А. условленную по договору арендную плату 5.000 р.». По юридической терминологіи, между А. и В. существуетъ арендное правоотношеніе.

Въ данномъ случаѣ имѣется налицо правовое явленіе, но гдѣ оно, гдѣ его можно найти для его изученія?

Было бы ошибочно думать, что оно находится гдѣ-то въ пространствѣ между А. и Б., напр., если помѣщикъ А. и арендаторъ В. находятся въ Тамбовской губерніи, то правовое явленіе въ данномъ случаѣ имѣется именно въ этой губерніи, что юридическая обязанность, которая въ приведенномъ сужденіи приписана арендатору В., есть нѣчто такое, что находится у этого человѣка, а право на полученіе 5.000 р.—нѣчто такое, что имѣется и можетъ быть найдено у помѣщика А., въ его рукахъ, въ его душѣ или гдѣ бы то ни было около него или въ немъ.

Научно-критическій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ можетъ и долженъ быть (какъ будетъ подробнѣе обосновано ниже) только такой, что правовое явленіе имѣется въ данномъ случаѣ въ психикѣ того третьяго человѣка С., который полагаетъ, что А. имѣетъ право получить 5.000 р., В. обязанъ уплатить.

Точно также, если кто либо, напр., ученый юристъ, переживаетъ въ своемъ сознаніи сужденіе: «Арендаторы обязаны платить арендодателямъ арендную плату postnumerando» (по истеченіи періода пользованія), то есть налицо правовое явленіе, и ученый юристъ можетъ воспользоваться его наличностью для наблюденія его, изученія, анализа, но онъ (этотъ юристъ) поступитъ ошибочно, если онъ станетъ разыскивать соотвѣтственный правовой феноменъ гдѣ-то въ пространствѣ надъ или между людьми, въ «соціальной средѣ» или т. п., между тѣмъ какъ этотъ феноменъ происходитъ у него самого «въ головѣ», въ его же психикѣ и только тамъ.

Правовыя явленія состоятъ въ тѣхъ своеобразныхъ (подлежащихъ ниже изученію, анализу, опредѣленію) психическихъ процессахъ, которые, между прочимъ, выражаются въ своеобразной формѣ приписанія разнымъ представляемымъ существамъ (какъ увидимъ ниже, не только людямъ, но и представляемымъ существамъ разныхъ иныхъ родовъ) или извѣстнымъ классамъ ихъ «обязанностей» и «правъ», такъ что кажется, какъ будто эти представляемыя человѣческія или нечеловѣческія существа находятся въ какихъ-то особыхъ состояніяхъ связанности, об(в)язанности, обладанія особыми объектами («правами») и т. п.

И вотъ наука права (и наука о нравственности въ области ученія о нравственныхъ обязанностяхъ, нормахъ и т. п.) находится подъ вліяніемъ такого же недоразумѣнія, о какомъ бы свидѣтельствовало осматриваніе «милыхъ» и «дорогихъ» съ цѣлью отыскать въ нихъ соотвѣтственныя свойства. Содержаніе науки о правѣ, постановка и попытки рѣшенія ея проблемъ опредѣляются оптическимъ обманомъ, который состоитъ въ томъ, что она не видитъ правовыхъ явленій тамъ, гдѣ они дѣйствительно происходятъ, а усматриваетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ и невозможно найти, наблюдать и познавать, т. е. во внѣшнемъ по отношенію къ переживающему правовыя явленія субъекту мірѣ.

Этотъ оптическій обманъ имѣетъ, какъ увидимъ ниже, свои естественныя психологическія причины (и станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, когда мы ознакомимся съ природою и составомъ правовыхъ переживаній), точно такъ же, какъ, напр., вполнѣ понятнымъ и естественнымъ является тотъ оптическій (въ буквальномъ смыслѣ слова) обманъ, въ силу котораго несвѣдущіе въ астрономіи люди полагаютъ (а до Коперника полагала даже сама наука астрономіи), что солнце вертится вокругъ насъ, утромъ «восходитъ» и т. д.; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вертится отнюдь не солнце вокругъ земли, а земля (и мы съ нею) вокругъ солнца,

такъ что утромъ не солнце «восходитъ» къ намъ, а мы восходимъ къ солнцу и проч.

Тѣмъ не менѣе соотвѣтственныя представленія и вѣрованія правовѣдѣнія совершенно ошибочны, такъ же какъ и представленія и вѣрованія первобытной астрономіи. Мало того, можно сказать, что въ основѣ современной науки о правѣ лежитъ гораздо болѣе капитальное недоразумѣніе, нежели то, которое въ свое время мѣшало успѣшному развитію астрономіи. Ибо уже и древняя астрономія имѣла дѣло съ реальными предметами: землею, солнцемъ и другими небесными тѣлами и могла ихъ наблюдать и добывать истинныя познанія о нихъ, заблуждаясь только по вопросу о дѣйствительномъ отношеніи этихъ предметовъ другъ къ другу. Между тѣмъ заблужденіе, въ которомъ находится наука о правѣ, таково, что оно совсѣмъ скрываетъ отъ ея взоровъ дѣйствительно существующее, исключая всякую возможность его наблюденія и познанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ ее совершенно напрасно и безплодно тратить время и энергію на поиски и изслѣдованія въ такой сферѣ, гдѣ искомаго найти и изслѣдовать невозможно, заставляетъ вѣрить, что оно всетаки тамъ существуетъ, и вслѣдствіе этого произвольно конструировать въ своемъ воображеніи то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Въ такой погонѣ за призраками и болѣе или менѣе остроумномъ и глубокомысленномъ придумываніи и конструированіи несуществующихъ вещей (съ помощью метафизическихъ, мистическихъ и т. п. гипотезъ, разныхъ неумышленныхъ натяжекъ или даже умышленнаго принятія несуществующаго за существующее, съ оправданіемъ, что безъ этого, безъ т. н. фикцій, нельзя рѣшить проблемы *), и т. п. средствъ) и состояли и состоятъ ученія юристовъ и философовъ о правѣ и его элементахъ, видахъ и т. д.; причемъ съ теченіемъ времени эти ученія становятся не только все болѣе спорными, богатыми по количеству противоположныхъ утвержденій, но и все болѣе и болѣе темными, замысловатыми и противоестественными.

Впрочемъ, характеръ проблемъ теоріи права, при теперешней ея постановкѣ, и соотвѣтственныхъ рѣшеній бываетъ троякій.

Для нагляднаго представленія общаго типа этихъ проблемъ и рѣшеній и трехъ разновидностей ихъ, предположимъ, что изучающему логику (или грамматику) дана задача произвести логическій анализъ (или грамматическій разборъ) слѣдующихъ трехъ сужденій (или предложеній):

1. Служитель находится въ прихожей.
2. Зевсъ есть царь олимпійскихъ боговъ.
3. Казна обладаетъ большимъ имуществомъ;

и что нашъ воображаемый логикъ (или грамматикъ) рѣшаетъ эту задачу слѣдующимъ образомъ:

---

*) Ср., напр., какъ образецъ теоріи права, сплошь построенный на сознательныхъ фикціяхъ, ученіе Бирлинга (Bierling, Jurist. Principienlehre).

Для отысканія логическаго субъекта перваго сужденія (или грамматическаго подлежащаго перваго предложенія) онъ отправляется въ прихожую, къ своему счастью находитъ тамъ служителя, приводитъ его къ ожидающему рѣшенія и съ торжествомъ заявляетъ: «Вотъ субъектъ перваго сужденія» («подлежащее перваго предложенія»)!

Что касается вопроса о субъектѣ второго сужденія (или о подлежащемъ второго предложенія), то здѣсь онъ тоже не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій: онъ не язычникъ и вообще слишкомъ образованный человѣкъ, чтобы вѣрить въ существованіе Зевса, а потому, не теряя денегъ и времени на поѣздку въ Грецію для ревизіи облаковъ Олимпа, онъ съ увѣренностью утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ субъекта нѣтъ, а за отсутствіемъ субъекта нѣтъ и сужденія (или предложенія).

За то весьма сложною и тонкою проблемою представляется ему вопросъ о субъектѣ третьяго сужденія, и онъ начинаетъ строить и предлагать весьма глубокомысленныя соображенія о томъ, кто собственно является здѣсь субъектомъ, напр., предлагаетъ вѣрить въ существованіе въ данномъ случаѣ особаго громаднаго организма, какого-то сверхъ-животнаго съ цѣлою системою органовъ, или т. п.

Очевидно, въ основѣ всѣхъ приведенныхъ рѣшеній лежитъ недоразумѣніе относительно того, гдѣ находятся и какъ должны быть отыскиваемы субъекты; они находятся, конечно, въ самихъ сужденіяхъ (въ сознаніи переживающихъ соотвѣтствующія сужденія), какъ ихъ составныя части, а отнюдь не гдѣ то въ пространствѣ, внѣ сужденій, въ прихожей, въ облакахъ Олимпа и т. п.

На почвѣ этого основного и общаго недоразумѣнія получились ошибочныя рѣшенія трехъ типовъ: 1) первое рѣшеніе состоитъ въ ошибочномъ принятіи найденнаго въ ненадлежащей сферѣ (въ прихожей) дѣйствительно существующаго предмета (находящагося тамъ служителя) за искомое, имѣющее на самомъ дѣлѣ совсѣмъ иную природу и находящееся въ совсѣмъ иной сферѣ (въ самомъ сужденіи), — и можетъ быть названо наивно-реалистическимъ; 2) второе рѣшеніе состоитъ въ ошибочномъ отрицаніи существованія несомнѣнно существующаго и легко могущаго быть найденнымъ въ самомъ сужденіи (Зевсъ есть и т. д.) субъекта и, въ связи съ этимъ, въ отрицаніи существованія самаго, даннаго для разбора, тутъ же наличнаго сужденія, вслѣдствіе невѣрованія въ существованіе не имѣющаго никакого отношенія къ дѣлу предмета въ ненадлежащей сферѣ (живого Зевса въ облакахъ Олимпа въ Греціи) — и можетъ быть названо наивно-нигилистическимъ рѣшеніемъ; 3) наконецъ, рѣшенія третьяго типа, гаданія относительно существованія и природы не относящихся къ дѣлу предметовъ въ ненадлежащей сферѣ изслѣдованія и соотвѣтственныя болѣе или менѣе глубокомысленныя или фантастическія построенія—мы назовемъ наивно-конструктивными теоріями.

Ниже намъ придется имѣть дѣло съ такимъ отдѣломъ науки о правѣ,

который по природѣ своей вполнѣ аналогиченъ ученіямъ логики объ элементахъ сужденій, субъектахъ, предикатахъ, и ученіямъ грамматики о подлежащихъ, сказуемыхъ, объектахъ (дополненіяхъ) и т. д., въ частности съ проблемами и ученіями о субъектахъ (которымъ приписываются юр. обязанности или права); и тамъ мы убѣдимся, что подлежащія ученія современной науки права представляютъ весьма точную копію приведенныхъ образцовъ опредѣленія логическихъ или грамматическихъ субъектовъ; въ частности тамъ мы познакомимся ближе съ (ошибочно-) реалистическимъ ученіемъ о «физическихъ» субъектахъ права («живыхъ человѣческихъ индивидахъ»), съ нигилистическими теоріями другихъ разрядовъ субъектовъ правъ, съ невѣрованіемъ въ существованіе множества несомнѣнно существовавшихъ и существующихъ субъектовъ, обязанностей и правъ изъ-за отсутствія вѣры въ существованіе во внѣшнемъ мірѣ разныхъ существъ, которымъ правовая психика разныхъ народовъ приписывала и приписываетъ права и обязанности, и съ цѣлымъ рядомъ конструктивныхъ теорій по поводу казны и т. п. субъектовъ, въ томъ числѣ съ теоріей особыхъ сверхъ-индивидуальныхъ организмовъ; съ метафизическими построеніями особыхъ умопостигаемыхъ существъ и т. п.

Но и прочія ученія современной науки о правѣ, и тѣ ея ученія, которыя не касаются «субъектовъ» какъ таковыхъ и не состоятъ въ разыскиваніи или придумываніи и построеніи въ сферѣ фауны земного шара разныхъ живыхъ существъ, все-таки покоятся на томъ же коренномъ недоразумѣніи и могутъ быть сведены къ тѣмъ же типамъ реалистическихъ, нигилистическихъ и конструктивныхъ теорій, что и ученіе о субъектахъ права.

Такъ, напр., современная теорія нормъ права, сводящая ихъ къ велѣніямъ (къ приказамъ и запретамъ однихъ по адресу другихъ), имѣетъ наивно-реалистическій характеръ, поскольку въ нѣкоторыхъ случаяхъ удается отыскать такого рода реальныя событія (велѣнія), а именно поскольку люди, переживая правовыя сужденія, ссылаются на соотвѣтствующія, людьми, напр., монархами, изданныя, велѣнія; но люди ссылались часто въ исторіи и ссылаются и теперь въ области правовыхъ убѣжденій на болѣе авторитетныя для нихъ велѣнія, нежели велѣнія людей, а именно на велѣнія боговъ; въ отличіе отъ средневѣковой юриспруденціи, включавшей въ себѣ обстоятельныя ученія о божескихъ законахъ, современная теорія права вѣритъ только въ существованіе человѣческаго законнаго права (столь же неправильный нигилизмъ, какъ и отсутствіе вѣры въ то, что боги могутъ быть субъектами права); въ области такъ наз. обычнаго права, гдѣ люди ссылаются при приписаніи себѣ и другимъ правъ и обязанностей вовсе не на чьи-либо велѣнія, а на то, что «такъ поступали предки» и т. п., современная наука о правѣ занимается попытками все таки конструировать несуществующія велѣнія, подъ заглавіемъ «общей воли» народа и т. п. (конструктивныя теоріи);

нѣкоторые изслѣдователи и въ области человѣческаго законодательства не ограничиваются смѣшеніемъ нормъ права съ человѣческими поступками, называемыми велѣніями, а конструируютъ еще съ помощью разныхъ глубокомысленныхъ разсужденій и фикцій наличность общаго согласія, признанія этихъ велѣній со стороны всѣхъ гражданъ (хотя не только о признаніи, но и о знаніи всѣхъ законовъ со стороны всѣхъ гражданъ не можетъ быть и рѣчи).

Такія же затрудненія и ошибки повторяются въ области ученія объ обязанностяхъ, правахъ и т. д.

Поэтому такія, напр., юридическія сужденія какъ: «Казна имѣетъ право собственности на такой то лѣсъ въ такой то губерніи; всѣ обязаны воздерживаться отъ самовольной рубки...» представляютъ для современной науки о правѣ сочетаніе цѣлаго ряда головоломныхъ проблемъ и поприще для цѣлаго ряда недоразумѣній; надо, во-первыхъ, найти или построить въ воображеніи субъекта этого права собственности, затѣмъ надо изслѣдовать этого субъекта для нахожденія того, что собственно тамъ у него имѣется, что такое его право собственности; субъектами соотвѣтственныхъ обязанностей оказываются всѣ люди (въ антропологическомъ смыслѣ), напр., и всѣ готтентоты, кафры и т. п., вообще столько милліардовъ людей, сколько ихъ есть на земномъ шарѣ; къ нимъ всѣмъ направляются запреты посягать на предметъ права собственности, возникаетъ вопросъ о признаніи запретовъ со стороны всѣхъ людей; и такіе же милліарды разныхъ событій происходятъ по поводу покупки каждой мелочи, по поводу права собственности на перо, на булавку— въ своеобразномъ фантастическомъ мірѣ современныхъ юридическихъ теорій.

Всѣ эти своеобразныя построенія падаютъ сами собою, и всѣ милліарды яко бы происходящихъ явленій исчезаютъ, если освободиться отъ указаннаго оптическаго обмана. Въ случаѣ приписанія казнѣ права собственности, а «всѣмъ» соотвѣтственной обязанности, нѣтъ съ этой точки зрѣнія ничего того, что по такимъ поводамъ найдено или придумано юриспруденціей, нѣтъ милліардовъ субъектовъ, столькихъ же обязанностей, запретовъ, признаній и т. п., но зато есть одно правовое явленіе—въ сознаніи того, кто приписываетъ казнѣ право собственности на лѣсъ, а «всѣмъ»—обязанность воздерживаться отъ рубки; есть вполнѣ реальный субъектъ права—то, что представляетъ себѣ думающій о «казнѣ», есть субъектъ обязанности—«всѣ», «всякій» и т. п., т. е. то представляемое, что выражается мѣстоименіями «всѣ», «всякій»; здѣсь одно подлежащее, одинъ субъектъ, и онъ находится въ сознаніи переживающаго правовое сужденіе, а не множество субъектовъ (подлежащихъ), разсѣянныхъ по всему земному шару, каждый день въ большихъ массахъ рождающихся, умирающихъ и т. д.

§ 3. Научный методъ изученія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ.

Основной методъ изученія явленій какъ физическаго, такъ и духовнаго міра состоитъ, какъ уже упомянуто выше, въ наблюденіи.

Изъ вышеизложеннаго видно, что правовыя явленія происходятъ и могутъ быть находимы для наблюденія не тамъ, гдѣ они намъ вслѣдствіе своеобразнаго (подлежащаго ниже психологическому объясненію) оптическаго обмана кажутся наличными, когда мы переживаемъ разныя правовыя сужденія, когда мы разнымъ человѣческимъ или нечеловѣческимъ существамъ или цѣлымъ ихъ классамъ приписываемъ обязанности, права и т. д., а, такъ сказать, значительно ближе, здѣсь же у насъ, въ нашемъ сознаніи, въ сознаніи того, кто въ данную секунду переживаетъ такія мысли. Освобожденіе отъ этого оптическаго обмана относительно сферы дѣйствительнаго нахожденія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ, какъ реальныхъ феноменовъ, устраняетъ громадную область (мнимаго) нахожденія и (мнимо) возможнаго изслѣдованія правовыхъ явленій и громадное количество (мнимыхъ) правовыхъ явленій и ихъ элементовъ; даже когда правовая мысль состоитъ въ приписаніи всѣмъ людямъ извѣстныхъ обязанностей и правъ по отношенію ко всѣмъ людямъ, то имѣется налицо лишь одинъ правовой феноменъ—въ сознаніи мыслящаго такъ, а не милліарды милліардовъ правовыхъ явленій и ихъ элементовъ, разсѣянныхъ по всей поверхности земли.

Несмотря на столь значительное уменьшеніе количества правовыхъ явленій и сферы ихъ бытія по сравненію съ господствующимъ ученіемъ, несмотря на признаніе всего того необозримаго множества разныхъ правовыхъ происшествій, состояній и т. п., въ существованіе коихъ вѣритъ это ученіе, продуктами недоразумѣній, все таки и съ нашей точки зрѣнія количество правовыхъ явленій и сферъ ихъ бытія оказывается не малымъ.

А именно, съ этой точки зрѣнія оказывается, что сферъ бывапія правовыхъ явленій столько, сколько живыхъ существъ, способныхъ къ переживанію и переживающихъ соотвѣтственные психическіе акты, а число правовыхъ явленій равняется числу этихъ переживаній.

Есть данныя въ пользу того, что изъ всѣхъ весьма многочисленныхъ видовъ одаренныхъ психическою жизнью существъ на земномъ шарѣ (животныхъ) только одинъ отличается способностью переживанія тѣхъ сложныхъ психическихъ процессовъ, которые составляютъ правовыя явленія, а именно только homo sapiens, человѣкъ; что въ предѣлахъ этого вида возникновеніе способности переживать психическіе процессы правового типа и, стало быть, возникновеніе правовыхъ явленій произошло не раньше достиженія извѣстнаго, по сравненію съ состояніемъ прочихъ животныхъ, весьма высокаго, уровня психической культуры, въ частности извѣстныхъ лингвистическихъ успѣховъ; и что и теперь отнюдь не всѣ

люди, какъ таковые, способны къ переживанію правовыхъ актовъ, а лишь тѣ, которые достигли извѣстнаго возраста и подверглись извѣстнымъ воспитательнымъ вліяніямъ. Но, съ другой стороны, есть данныя и въ пользу того, что всѣ люди, не страдающіе нѣкоторыми особыми тѣлесными и психическими пороками (глухонѣмотою отъ рожденія, идіотизмомъ) и воспитывающіеся въ обыденныхъ условіяхъ человѣческой жизни (хотя бы въ рѣзко преступной средѣ), уже въ довольно раннемъ, значительно болѣе раннемъ, чѣмъ совершеннолѣтіе, возрастѣ пріобрѣтаютъ способность къ правовымъ переживаніямъ; такъ что, напр., не только взрослые люди (въ томъ числѣ и люди весьма преступнаго типа), но, напр., и десятилѣтнія дѣти, за сравнительно ничтожными по количеству исключеніями, переживаютъ психическіе процессы правового типа *).

Какъ бы то ни было, количество правовыхъ явленій и сферъ ихъ бытія и въ томъ случаѣ, если сдать въ архивъ человѣческихъ заблужденій все то, чѣмъ наполненъ фантастическій міръ современной теоріи права, и обратиться къ фактамъ, къ подлиннымъ, дѣйствительно сущимъ (бывающимъ) правовымъ феноменамъ,—окажется весьма большимъ. Но это количество приходится подвергнуть опять громадному сокращенію, поскольку дѣло идетъ не о бытіи правовыхъ явленій, какъ таковомъ, а объ ихъ непосредственномъ и достовѣрномъ познаніи и изученіи путемъ наблюденія.

Дѣло въ томъ, что за отсутствіемъ у насъ способности видѣть, вообще наблюдать то, что происходитъ въ чужой душѣ (въ сознаніи другихъ), для нашего наблюденія абсолютно недоступны, совсѣмъ закрыты всѣ сферы бытія правовыхъ феноменовъ (какъ и вообще всѣхъ психическихъ феноменовъ), кромѣ одной, кромѣ нашей же собственной психики, кромѣ сознанія нашего «я».

Отсюда слѣдуетъ, что надлежащимъ и единственно возможнымъ пріемомъ наблюденія правовыхъ явленій слѣдуетъ признать методъ самонаблюденія, интроспективный методъ.

Подъ интроспекціей, или самонаблюденіемъ въ общемъ смыслѣ, слѣдуетъ разумѣть, какъ обращеніе внутренняго вниманія на подлежащее изученію психическое явленіе во время его переживанія, самонаблюденіе въ тѣсномъ смыслѣ (напримѣръ, наблюденіе голода, жажды, зубной боли и т. п. во время переживанія этихъ психическихъ явленій), такъ и внутреннее наблюденіе представленій, «образовъ» прежде пережитыхъ актовъ даннаго рода (воспоминаній, напримѣръ, вчерашней зубной боли).

Всякое наблюденіе, въ томъ числѣ и субъективное, интроспективное, можетъ быть простымъ или экспериментальнымъ. Подъ эксперименталь-

*) Данныя и соображенія, на почвѣ коихъ авторъ пришелъ къ такимъ выводамъ, могутъ быть сообщены лишь въ связи съ изложеніемъ теоріи происхожденія и развитія правовыхъ явленій.

нымъ методомъ слѣдуетъ разумѣть наблюденіе, осложненное умышленнымъ воздѣйствіемъ на подлежащія наблюденію явленія, примѣненіемъ особыхъ средствъ для ихъ вызова, измѣненія или прекращенія. Если дѣло идетъ о воздѣйствіи на подлежащія внутреннему, субъективному наблюденію явленія, то имѣется налицо экспериментальное самонаблюденіе, интроспективно-экспериментальный методъ.

Не слѣдуетъ думать, будто для примѣненія экспериментальнаго метода непремѣнно нужны особыя лабораторіи, машины или иныя спеціально для научныхъ изслѣдованій сдѣланныя орудія.

Если кто либо для изученія извѣстныхъ болевыхъ явленій причинитъ себѣ боль уколомъ булавкой, для изученія голода оставитъ себя безъ обѣда, для изученія любопытства займется чтеніемъ романа, который заставляетъ читателя съ большимъ любопытствомъ ждать развязки, для изученія гнѣва попроситъ кого-либо, чтобы тотъ когда либо (застигнувъ его, желающаго изучать гнѣвъ, такъ сказать, врасплохъ) нарочно его разозлилъ, а потомъ тотчасъ же напомнилъ, что дѣло идетъ объ исполненіи его просьбы, и проч., и проч.,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ экспериментальнымъ методомъ изученія психическихъ явленій.

Этотъ методъ не предполагаетъ даже необходимо какихъ-либо внѣшнихъ дѣйствій и воздѣйствій. Можно лежать неподвижно съ закрытыми глазами на диванѣ и производить съ собою цѣлые ряды психологическихъ опытовъ, заниматься экспериментально-психологическими изслѣдованіями. Напримѣръ, годнымъ средствомъ для изученія стыда, гордости, честолюбія, благодарности, оскорбленнаго самолюбія, ревности и т. п. могутъ быть эксперименты, состоящіе въ созданіи въ своей фантазіи такихъ возможно яркихъ картинъ (живыхъ представленій) особенныхъ сочетаній обстоятельствъ, которыя (т. е. представленія) способны вызвать соотвѣтственныя волненія. Такіе опыты мы можемъ назвать внутренними экспериментами.

Всѣ указанныя разновидности интроспективнаго метода вполнѣ примѣнимы и при изученіи правовыхъ явленій.

Въ составъ правовыхъ явленій входятъ въ качествѣ существеннаго элемента такіе психическіе акты (моторныя возбужденія, см. ниже), которые въ обыденныхъ случаяхъ правовыхъ переживаній обладаютъ слабою интенсивностью и протекаютъ незамѣтно или во всякомъ случаѣ трудно поддаются наблюденію. Такъ какъ безъ знанія этого существеннаго элемента правовыхъ явленій не можетъ быть и знанія того, что такое собственно право, каковы его свойства, какъ и почему оно вліяетъ на наше поведеніе въ качествѣ мотива и т. д., то въ высокой степени важно достигнуть такого повышенія интенсивности этихъ актовъ, при которомъ они становятся замѣтными и поддаются изученію. И вотъ особенно здѣсь можетъ оказать цѣнныя услуги экспериментальный методъ, въ томъ числѣ эксперименты, аналогичные приведеннымъ выше въ видѣ

примѣровъ: чтеніе такихъ повѣстей, романовъ, газетныхъ отчетовъ и т. п., гдѣ живо изображаются случаи «возмутительнаго» произвола и попранія чьего либо несомнѣннаго и «святого» права, отказы въ удовлетвореніи справедливѣйшихъ правопритязаній и т. п.; живое представленіе себя самого въ положеніи подвергающагося сильному искушенію отрицать и оспаривать или инымъ образомъ «попрать» несомнѣнное и «священное» право другого, или живое представленіе себя самого въ качествѣ жертвы возмутительнаго произвола и правонарушенія; услуги друзей, состоящія въ доведеніи насъ (для экспериментальныхъ цѣлей) до правового воодушевленія или «кипѣнія» и негодованія, и проч.; такія и т. п. экспериментальныя средства могутъ доставить намъ возможность наблюдать и изучать подлежащіе, спеціально свойственные праву, психическіе акты въ разныхъ формахъ и степеняхъ интенсивности — вплоть до бурнаго волненія.

Путемъ такихъ же экспериментовъ можно, между прочимъ, ознакомиться со сходными моторными раздраженіями, свойственными нравственности, а путемъ сопоставленія результатовъ тѣхъ и другихъ экспериментовъ познать (доселѣ неизвѣстное, см. ниже) различіе нравственности и права.

Интроспективный методъ, простое и экспериментальное «самопознаніе», является не только единственнымъ средствомъ наблюденія и непосредственнаго и достовѣрнаго познанія и изученія правовыхъ (какъ и нравственныхъ) явленій, но и такимъ средствомъ, безъ котораго вообще исключена всякая возможность какого бы то ни было познанія правовыхъ (и нравственныхъ) явленій.

Вообще нашему познанію доступны только тѣ категоріи психическихъ явленій, которыя извѣстны намъ изъ исторіи нашего духовнаго я, съ которыми мы потому знакомы, что мы сами ихъ переживали; а прочія категоріи психическихъ явленій (можетъ быть, ихъ очень много) абсолютно недоступны нашему познанію. Кто не былъ бы знакомъ по собственной психической жизни съ голодомъ, жаждою, гнѣвомъ, радостью и т. п., тотъ вообще былъ бы лишенъ всякой возможности познать эти психическія явленія, хотя другіе ихъ знаютъ и переживаютъ; поэтому онъ, между прочимъ, и не могъ бы понимать соотвѣтственныхъ поступковъ, тѣлодвиженій, рѣчей другихъ, и т. д. Если бы кто сталъ передъ такимъ субъектомъ прыгать отъ радости или бросаться на другого съ кулаками отъ гнѣва, то эти движенія, разъ онъ самъ никогда не переживалъ радости или гнѣва, представляли бы для него непостижимую загадку; онъ, можетъ быть, предположилъ бы наличность особой болѣзни, вызывающей такія своеобразныя судорожныя движенія, или, можетъ быть, сталъ бы дѣлать разныя догадки относительно психическихъ факторовъ, извѣстныхъ ему по собственному внутреннему опыту, но все это было бы лишь неизбѣжно неудачнымъ гаданіемъ.

То же относится и къ правовымъ явленіямъ. Человѣкъ, страдающій

Инстит. Профес

абсолютнымъ правовымъ идіотизмомъ, т. е. полною неспособностью къ переживанію правовыхъ психическихъ актовъ, былъ бы лишенъ всякой возможности познать, что такое собственно право, и понимать вызываемые правомъ человѣческіе поступки. Слыша слово «право» и видя, что въ обществѣ человѣческомъ много дѣлается со ссылкою на «право», на то, что такъ полагается по «праву» и т. п., онъ бы, можетъ быть, сочинилъ себѣ особое толкованіе на свой ладъ этихъ выраженій и поступковъ, напр., предположилъ бы, что здѣсь дѣло идетъ о повелѣніяхъ, издаваемыхъ сильными въ своемъ интересѣ по адресу слабыхъ и беззащитныхъ, съ надлежащими угрозами на случай неповиновенія, и объ исполненіи этихъ грозныхъ приказовъ со стороны слабыхъ по соображеніямъ цѣлесообразности (во избѣжаніе осуществленія угрозы), какъ это, напр., бываетъ между разбойниками и безоружными путешественниками,— но это не имѣло бы рѣшительно ничего общаго со знаніемъ того, что такое право.

Подобное же незнаніе или ошибочное толкованіе природы разныхъ категорій психическихъ процессовъ и непониманіе смысла и мотивовъ соотвѣтственныхъ человѣческихъ поступковъ возможно и со стороны нестрадающихъ никакими психическими недостатками лицъ и даже выдающихся мыслителей и ученыхъ—въ случаѣ незнанія, гдѣ и какъ можно познать даннаго рода явленія, и примѣненія, вмѣсто надлежащаго метода (интроспекціи), ненадлежащаго, или произвольнаго составленія формулъ и теорій, внѣ какихъ бы то ни было научныхъ методовъ изслѣдованія (въ каковомъ положеніи относительно права находится правовѣдѣніе, вслѣдствіе указаннаго выше оптическаго обмана).

Но если мы путемъ надлежащихъ пріемовъ, т. е. путемъ простой или экспериментальной интроспекціи, достигли знанія психическихъ переживаній извѣстнаго рода, то этимъ мы пріобрѣли средство добывать (впрочемъ, лишь косвенныя и болѣе или менѣе гипотетическія) свѣдѣнія относительно явленій того же рода въ психикѣ другихъ индивидовъ; чужая психика перестаетъ для насъ въ данной области представлять абсолютно непроницаемую тайну.

Дѣло въ томъ, что наши внутренніе, психическіе акты, напр., гнѣвъ, радость, бываютъ причинами разныхъ поддающихся внѣшнему наблюденію тѣлодвиженій. Сюда, въ частности, относятся тѣ тѣлодвиженія, которыя мы производимъ съ цѣлью «сообщить» другимъ какое либо психическое состояніе или движеніе (мимика, произнесеніе и написаніе словъ и т. п.). По аналогіи, наблюдая такія же дѣйствія со стороны другихъ, мы можемъ съ большею или меньшею вѣроятностью предполагать, что въ основѣ ихъ лежатъ такіе же психическіе акты.

Степень вѣроятности такихъ, основанныхъ на такъ называемомъ умозаключеніи по аналогіи, предположеній зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ; напр., отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ правдивымъ или, напротивъ, склоннымъ къ притворству и лжи человѣкомъ, имѣются ли въ

данномъ конкретномъ случаѣ какіе либо особые поводы для предположенія неправдивости (напр., со стороны преступника на судѣ) или такихъ поводовъ нѣтъ, соотвѣтствуютъ ли данныя тѣлодвиженія, въ томъ числѣ, напр., слова, обыкновенно одному опредѣленному типу психическихъ процессовъ, или же они бываютъ однородными внѣшними проявленіями разнородныхъ внутреннихъ переживаній и т. п.

Въ виду этого научное изслѣдованіе чужихъ психическихъ переживаній предполагаетъ кромѣ научнаго познанія такихъ же собственныхъ переживаній еще научную критику годности чужихъ тѣлодвиженій (въ томъ числѣ чужой устной или письменной рѣчи), какъ фактическихъ данныхъ для предположенія психическихъ процессовъ даннаго рода.

Болѣе или менѣе годнымъ суррогатомъ нашихъ личныхъ наблюденій чужихъ тѣлодвиженій при изученіи чужихъ психическихъ процессовъ могутъ служить имѣющіяся у насъ въ распоряженіи сообщенія другихъ лицъ (напр., лѣтописцевъ, біографовъ, путешественниковъ...) о видѣнныхъ ими дѣйствіяхъ, слышанныхъ ими рѣчахъ другихъ и т. д.

Научное пользованіе такими данными («традиціей» какъ суррогатомъ «аутопсіи») предполагаетъ очевидно двойную ихъ критику, а именно, сверхъ указанной выше еще критику достовѣрности самихъ сообщеній (а если имѣются сообщенія изъ вторыхъ рукъ, то требуется тройная критика—и вѣроятность ошибокъ еще больше).

Въ наукѣ психологіи установилось какъ незыблемое положеніе, что предположенія относительно чужихъ психическихъ переживаній производятся всегда въ логической формѣ умозаключенія по аналогіи на основаніи знанія 1) собственныхъ внутреннихъ, 2) собственныхъ внѣшнихъ и 3) чужихъ внѣшнихъ движеній или состояній. Это положеніе не вполнѣ правильно. Путемъ изученія внѣшнихъ проявленій извѣстной категоріи психическихъ переживаній мы можемъ найти извѣстныя закономѣрныя единообразія такихъ проявленій, простирающіяся на людей извѣстнаго класса (напр., народа, расы), или людей вообще, или даже людей и животныхъ. Напр., на основаніи надлежащаго изученія можно было бы установить много общихъ не только для людей, но даже для людей и животныхъ (впрочемъ не всѣхъ классовъ) положеній относительно физическихъ (физіологическихъ) проявленій аппетита, гнѣва, страха и т. п. Добывъ такого рода общія свѣдѣнія, мы имѣемъ посылки для дедуктивныхъ умозаключеній въ конкретныхъ случаяхъ, т. е. для умозаключеній не по аналогіи нашихъ индивидуальныхъ и чужихъ индивидуальныхъ движеній, а путемъ подведенія конкретныхъ чужихъ движеній подъ соотвѣтственныя общія положенія.

Съ точки зрѣнія научной основательности слѣдуетъ стремиться именно къ примѣненію второй схемы, а для этого заботиться о научномъ добываніи общихъ положеній о внѣшнихъ проявленіяхъ разныхъ категорій внутреннихъ переживаній.

Но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, правильно то, что необходимымъ

условіемъ для познанія чужихъ психическихъ переживаній является интроспективное познаніе переживаній того же рода у самого изслѣдователя въ сочетаніи съ познаніями относительно внѣшнихъ проявленій этого рода переживаній. Поэтому соотвѣтственные научные пріемы познанія мы можемъ назвать соединеннымъ методомъ внутренняго и внѣшняго наблюденія. Не требуетъ особыхъ поясненій, что внѣшнее наблюденіе, какъ элементъ этого метода, можетъ быть такъ же, какъ и внутреннее наблюденіе, не только простымъ наблюденіемъ, но и экспериментальнымъ методомъ.

Изложенное о соединенномъ методѣ вполнѣ примѣнимо и должно быть примѣняемо и въ области изученія правовыхъ явленій. Въ частности, важною задачею будущаго научнаго изученія правовыхъ феноменовъ является возможно тщательное изученіе разныхъ родовъ внѣшнихъ проявленій правовыхъ переживаній, отличій этихъ проявленій отъ проявленія сродныхъ психическихъ процессовъ (особенно нравственныхъ) и т. д.—для пріобрѣтенія научнаго базиса изученія чужихъ правовыхъ переживаній (въ частности, этихъ переживаній у людей прежняго времени, низшихъ степеней культурнаго развитія и т. п.).

Точно такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ научнаго изученія чужихъ психическихъ переживаній, на ряду съ простымъ наблюденіемъ чужихъ тѣлодвиженій, примѣнимъ въ области изученія права и экспериментальный методъ. Напримѣръ, если мы у ребенка возьмемъ его игрушку и станемъ утверждать, что это наша игрушка, и мы не возвратимъ ея; или уговоримся съ нимъ, что если онъ исполнитъ опредѣленную работу въ нашу пользу, то получитъ столько то конфектъ, а затѣмъ по исполненіи работы съ его стороны станемъ отказываться отъ исполненія договора съ нашей стороны; или заключимъ съ нимъ такую сдѣлку, чтобы послѣ исполненія съ нашей стороны должно было послѣдовать такое исполненіе со стороны ребенка, которое бы требовало отъ него болѣе или менѣе значительнаго самопожертвованія, напримѣръ, лишенія любимѣйшей игрушки, продолжительнаго воздержанія отъ пищи и т. п.,—то путемъ такихъ и т. п. опытовъ и наблюденія ихъ внѣшнихъ эффектовъ, мы, на почвѣ надлежащихъ свѣдѣній относительно природы и свойствъ правовыхъ явленій, можемъ опредѣлить съ научною основательностью, есть ли уже въ данномъ ребенкѣ способность къ переживанію правовыхъ психическихъ процессовъ, насколько вообще живо и интенсивно онъ ихъ переживаетъ, какова ихъ мотиваціонная сила (давленіе на поведеніе), напр., по сравненію съ голодомъ-аппетитомъ и проч.; далѣе этимъ же экспериментальнымъ путемъ мы можемъ изслѣдовать дѣтскую правовую психику относительно наличности въ ней и свойствъ разныхъ спеціальныхъ видовъ правовыхъ явленій, явленій права собственности, договорно-обязательственнаго права, семейственнаго права и проч. Такіе же эксперименты съ идіотами, глухонѣмыми отъ рожденія, обученными языку глухонѣмыхъ и необученными, и проч. могли бы повести къ

интереснымъ открытіямъ относительно необходимыхъ условій развитія права, и т. д. *).

Предыдущія замѣчанія содержатъ полное перечисленіе научныхъ методовъ изученія правовыхъ явленій, какъ таковыхъ, какъ реальныхъ феноменовъ: иныхъ методовъ научнаго изученія феноменовъ права кромѣ (простого и экспериментальнаго) интроспективнаго метода, какъ основного и абсолютно необходимаго для познанія природы правовыхъ явленій пріема, и соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго (простого или экспериментальнаго) наблюденія, въ качествѣ дополненія и средства выхода за предѣлы личной правовой психики изслѣдователя, по самой природѣ правовыхъ явленій, какъ психическихъ процессовъ особаго рода, нѣтъ и быть не можетъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ содержится также исчерпывающій перечень категорій того фактическаго матеріала, который можетъ и долженъ быть положенъ въ основу построенія научной, на фактахъ и научно-методической переработкѣ ихъ основанной, теоріи права; таковыми являются: 1) наши же собственныя внутреннія переживанія; 2) наши и чужія тѣлесныя движенія и состоянія (извѣстныя намъ по непосредственному наблюденію или изъ другихъ источниковъ).

*) Ниже намъ придется имѣть дѣло съ разными видами права; интуитивнымъ правомъ и позитивнымъ, съ разными видами позитивнаго права, съ такъ наз. обычнымъ правомъ, гдѣ люди считаютъ для себя и другихъ извѣстное поведеніе обязательнымъ потому, что такъ поступали отцы и дѣды, что такова „старая пошлина“ и т. п., съ законнымъ §правомъ, ссылающимся на разныя велѣнія, отъ боговъ или людей исходящія, и проч. Здѣсь можно отмѣтить, что экспериментальный методъ примѣнимъ и въ области изученія явленій позитивнаго права, напр., для рѣшенія знаменитаго вопроса о существованіи или отсутствіи обычнаго права въ сферѣ русскаго крестьянства, для изслѣдованія мотивационной силы тѣхъ остатковъ и обломковъ когда то существовавшаго обычнаго права, которые еще сохранились до сихъ поръ, и проч.

ГЛАВА III.

Объ образованіи общихъ понятій и теорій.

§ 4. Обычные пріемы образованія понятія права и другихъ общихъ понятій.

Кромѣ недоразумѣнія относительно сферы нахожденія правовыхъ явленій и незнанія надлежащаго метода ихъ изученія, построенію научной теоріи права препятствуютъ, далѣе, невыясненность надлежащихъ пріемовъ образованія общихъ понятій и теорій и примѣненіе, особенно въ области образованія понятія права и другихъ общихъ понятій, такихъ пріемовъ, которые совершенно негодны для научнаго рѣшенія подлежащихъ проблемъ.

Дѣло идетъ, впрочемъ, о такихъ недоразумѣніяхъ, которыя свойственны не только наукѣ о правѣ, а и другимъ областямъ изслѣдованія и задерживаютъ развитіе разныхъ наукъ; въ особенности это относится къ такъ называемымъ гуманитарнымъ и соціальнымъ наукамъ: къ наукѣ о нравственности (этикѣ), объ эстетическихъ явленіяхъ (эстетикѣ), объ обществѣ (соціологіи), объ общественномъ хозяйствѣ (политической экономіи). о государствѣ и о другихъ соціально-психическихъ явленіяхъ; и эти науки страдаютъ, между прочимъ, почти такимъ же хаосомъ, спорностью и невыясненностью въ области своихъ общихъ понятій, какъ наука о правѣ; въ частности, моралисты «еще ищутъ опредѣленія для своего понятія нравственности» и тѣмъ же, тоже безъ успѣха, занимаются эстетики по отношенію къ понятію эстетическихъ явленій, соціологи по отношенію къ понятію объ обществѣ, экономисты по отношенію къ понятію о хозяйствѣ, государствовѣды по отношенію къ понятію о государствѣ и т. д.

Для пониманія соотвѣтственныхъ споровъ, попытокъ и неудачъ и вообще для сознательно-критическаго отношенія къ подлежащей литературѣ въ области правовѣдѣнія и другихъ наукъ, важно выяснить существо традиціонныхъ пріемовъ образованія общихъ понятій. Оно, существо этихъ пріемовъ, въ значительной степени, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, неясно самимъ изслѣдователямъ, ихъ примѣняющимъ.

Обыкновенно полагаютъ, что для образованія понятія права слѣдуетъ обозрѣть правовыя явленія, сравнить ихъ другъ съ другомъ для отысканія общихъ всѣмъ имъ признаковъ и затѣмъ сравнить ихъ съ другими, главнымъ образомъ, сродными явленіями, для выбора изъ найденной суммы

такихъ общихъ признаковъ, которые были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и отличительными для правовыхъ явленій (причемъ традиціонно усилія направляются на отысканіе признаковъ, отличающихъ право отъ «нравовъ», нравственности и религіи, ср. выше, стр. 17 прим.); то же mutatis mutandis относится къ образованію другихъ общихъ юридическихъ понятій. Точно также моралисты, государствовѣды, экономисты и т. д. исходятъ при установленіи своихъ центральныхъ и другихъ понятій обыкновенно изъ предположенія необходимости собиранія и обзора соотвѣтственныхъ предметовъ для отысканія общихъ всѣмъ имъ признаковъ и т. д.—и это вообще соотвѣтствуетъ ученію объ образованіи общихъ понятій путемъ отвлеченія, традиціонно повторяющемуся въ ходячихъ учебникахъ логики.

Несмотря на общераспространенность этого воззрѣнія въ различныхъ сферахъ науки и санкцію его со стороны многовѣковой традиціи, все-таки его слѣдуетъ признать непріемлемымъ и притомъ по нѣсколькимъ существеннымъ основаніямъ.

Прежде всего, правило объ обозрѣніи предметовъ создаваемаго общаго понятія и констатированіи наличности у всѣхъ ихъ одинаковыхъ свойствъ предписываетъ нѣчто невозможное и немыслимое по самой природѣ общихъ классовыхъ понятій и классовъ.

Подъ общимъ или классовымъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть идею такихъ предметовъ, которые обладаютъ извѣстными признаками, т. е. идею всего того, что мыслимо, какъ обладающее извѣстными признаками. Подъ классомъ (разрядомъ, родомъ, видомъ и т. д.) слѣдуетъ разумѣть объекты идей такого рода, т. е. всѣ тѣ предметы (вещи, явленія и т. д.), которые обладаютъ или мыслимы какъ обладающіе соотвѣтственными свойствами. Напр., идея всѣхъ такихъ предметовъ, которые имѣютъ бѣлый цвѣтъ, есть классовое понятіе, а именно, понятіе класса бѣлыхъ предметовъ. Составляютъ этотъ классъ всѣ предметы, которые обладаютъ этимъ цвѣтомъ или мыслимы, какъ обладающіе такимъ цвѣтомъ.

Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто классовыя понятія обнимаютъ только реально существующіе предметы, такъ что классы составляютъ болѣе или менѣе многочисленные реальные предметы. Напротивъ, многія классовыя понятія обнимаютъ даже исключительно такіе объекты, которые только мыслимы, но въ природѣ совсѣмъ не встрѣчаются. Таковы, напр., тѣ понятія, съ которыми имѣетъ дѣло геометрія; прямыя, параллельныя линіи, круги, конусы и т. д. въ геометрическомъ смыслѣ—только мыслимые, но отнюдь не реальные объекты.

Что же касается такихъ классовыхъ понятій, которымъ соотвѣтствуютъ реальныя явленія, то отнюдь не слѣдуетъ думать, будто соотвѣтственные классы и состоятъ въ томъ большемъ или меньшемъ количествѣ предметовъ, которые существуютъ въ дѣйствительности (и обладаютъ классовымъ признакомъ), будто, напр., объемъ классоваго понятія предметовъ, обладающихъ бѣлымъ цвѣтомъ, исчерпывается существующими бѣлыми предметами. Напротивъ, какъ бы многочисленны ни были

тѣ предметы, которые въ данное время существуютъ въ природѣ и обладаютъ классовымъ признакомъ, все-таки о нихъ можно сказать, что они всѣ вмѣстѣ составляютъ лишь безконечно малую долю класса. Ибо на ряду съ ними къ тому же классу относятся еще: всѣ тѣ объекты (съ соотвѣтственнымъ классовымъ признакомъ), которые существовали въ прошломъ, какъ бы оно продолжительно ни было, хотя бы «безконечно продолжительно», затѣмъ всѣ тѣ, которые будутъ существовать когда либо, какъ бы продолжительно это будущее ни было, сколько бы милліардовъ лѣтъ появленіе такихъ объектовъ въ будущемъ ни продолжалось и сколько бы милліардовъ этихъ объектовъ (напр., бѣлыхъ цвѣтковъ, снѣжинокъ и иныхъ бѣлыхъ предметовъ) каждый годъ ни появлялось, наконецъ, всѣ тѣ, которые не существовали и не будутъ существовать, но могутъ быть представлены, какъ если бы они существовали — вообще всѣ мыслимые объекты, разъ они мыслятся, какъ снабженные даннымъ признакомъ.

Отсюда очевидно, что рекомендовать въ качествѣ научнаго метода образованія классовыхъ понятій пріемъ, состоящій въ обозрѣніи относящихся къ данному классу предметовъ, подмѣчаніи общихъ всѣмъ этимъ предметамъ свойствъ и т. д., можно только по недоразумѣнію относительно существа тѣхъ умственныхъ продуктовъ, о созданіи коихъ идетъ рѣчь, или вслѣдствіе непринятія во вниманіе ихъ свойствъ при установленіи или повтореніи за другими критикуемаго методологическаго правила. И конечно юристы, пытающіеся установить понятіе права, моралисты, пытающіеся рѣшить такую же задачу по отношенію къ нравственности, и т. д., на дѣлѣ не исполняютъ и не могутъ исполнить такихъ немыслимыхъ работъ, какъ констатированіе свойствъ, общихъ всѣмъ правовымъ, всѣмъ нравственнымъ явленіямъ и т. д. путемъ обозрѣнія этихъ явленій, констатированіе отсутствія нѣкоторыхъ изъ такихъ свойствъ у всѣхъ явленій сродныхъ или принимаемыхъ за сродныя категорій и т. д. Мыслимо лишь исполненіе безконечно малой частицы такой работы безъ всякой надежды довести ее не только до конца, но и, напр., до средины или даже одной сотой. Фактически дѣло ограничивается обозрѣніемъ нѣсколькихъ, представляемыхъ изслѣдователемъ, нормъ права, сравненіемъ ихъ съ нѣсколькими представляемыми нормами нравственности, предписаніями религіи и т. д., а въ качествѣ результата такого изслѣдованія сообщается не то, что у нѣсколькихъ, сравнительно весьма немногихъ, представившихся вниманію, нормъ права, нормъ нравственности оказались такія то общія черты и т. д., а нѣчто несравненно менѣе скромное, такое утвержденіе, какъ если бы авторъ въ самомъ дѣлѣ «видѣлъ» и сравнилъ другъ съ другомъ всѣ правовыя, всѣ нравственныя явленія и т. п. *).

*) Такого поразительнаго несоотвѣтствія, повидимому, нѣтъ въ области государствовѣдѣнія, въ области попытокъ установить понятіе государства: государствъ имѣется на землѣ сравнительно очень немного и обозрѣть (умственно) всѣ государства, повидимому, не трудно. Но и это только повидимому—вслѣдствіе недоразумѣнія относительно природы общихъ понятій, въ томъ числѣ понятія государства (ср. выше стр. 39).

Между прочимъ, въ литературѣ нѣкоторыхъ наукъ встрѣчается иногда методологическій совѣтъ, исходить при образованіи искомаго понятія прежде всего изъ такихъ предметовъ, которые «несомнѣнно» относятся къ данной категоріи, напр., къ праву, а затѣмъ, констатировавъ общіе имъ признаки, заняться изученіемъ болѣе сомнительныхъ случаевъ; а въ нѣкоторыхъ учебникахъ логики рекомендуется исходить изъ изученія «образцовыхъ» представителей опредѣляемаго класса, сравнивать ихъ съ образцовыми экземплярами иныхъ, противопоставляемыхъ классовъ, и т. д. Но какъ бы мы хорошо ни избрали примѣры предметовъ опредѣляемаго и иныхъ классовъ, все-таки между констатированіемъ наличности какого либо общаго свойства всѣхъ такихъ экземпляровъ одного класса и констатированіемъ отсутствія этого свойства у всѣхъ избранныхъ экземпляровъ иныхъ классовъ, съ одной стороны, и принятіемъ за доказанныя наличность тѣхъ же свойствъ у всѣхъ прочихъ членовъ иныхъ классовъ, съ другой,—громадная логическая пропасть *).

*) Можетъ возникнуть вопросъ, какъ это возможно, что такая несообразность, столь поразительное логическое несоотвѣтствіе данныхъ и выводовъ ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователей. Укоренившіеся предразсудки вообще ослѣпляютъ, заставляютъ не замѣчать того, что несогласно съ твердою вѣрою. Въ данномъ случаѣ этому содѣйствуютъ различныя обстоятельства. Что касается логиковъ, то они привыкли разсуждать весьма абстрактно и выставлять весьма общія правила, не думая о конкретно-фактической возможности соблюденія ихъ общихъ указаній; въ литературѣ по логикѣ можно было бы найти не мало примѣровъ совершенно невыполнимыхъ требованій—даже, напр., въ такомъ превосходномъ во многихъ отношеніяхъ и отличающемся вообще трезво-практическимъ характеромъ руководствѣ, какъ „Система логики“ Милля. Лучшая часть этого знаменитаго труда—часть, посвященная индуктивному методу. Но если вдуматься въ существо устанавливаемыхъ авторомъ правилъ индукціи, напр., правилъ, требующихъ для умозаключенія о причинной связи констатированія наличности лишь одного единственнаго различія между нѣсколькими изслѣдуемыми явленіями, то станетъ ясно, что о дѣйствительномъ соблюденіи ихъ не можетъ быть рѣчи (что, впрочемъ, въ данномъ случаѣ, не лишаетъ цѣнности самыхъ правилъ, которыя слѣдуетъ только понимать cum grano salis, напр., не стремиться достигнуть недостижимаго, нахожденія такихъ явленій, которыя бы были только въ одномъ какомъ либо отношеніи различны, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ—ихъ можетъ быть много милліардовъ—сходны, а стараться только, чтобы всѣ прочія, необходимо существующія, различія не были существенно важными съ точки зрѣнія даннаго вопроса различіями, и т. д.). Авторитетнѣйшій изъ современныхъ логиковъ, Зигвартъ, критикуя ученіе Милля объ индукціи въ разныхъ отношеніяхъ, недоволенъ, между прочимъ, и формулированными Миллемъ правилами индукціи, но не потому, что они требуютъ слишкомъ многаго, а потому, что они слишкомъ мало требуютъ, и самъ установляетъ столь строгія требованія, что требованія Милля по сравненію съ ними должны показаться сравнительно весьма скромными и умѣренными. Что касается правила объ отыскиваніи общихъ признаковъ для образованія общаго понятія, то слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что это привычное и освященное многовѣковою традиціею правило внушаетъ вѣрующимъ въ него именно то представленіе, будто дѣло идетъ объ извѣстномъ вообще небольшомъ, во всякомъ случаѣ обозримомъ количествѣ экземпляровъ. Это нерѣдко, болѣе или менѣе ясно, выражается и въ формулировкѣ соотвѣтственныхъ ученій. Ср., напр., Wundt, Logik II B. I. Abth. стр. 13: «Обобщающая абстракція состоитъ въ томъ, что въ предѣлахъ извѣстнаго числа предметовъ или фактовъ, подвергаемаго сравнительному анализу, различныя у различныхъ индивидовъ свойства отбрасываются, а общія всей группѣ удержи-

Но допустимъ для простоты дальнѣйшаго изложенія, что фактически дѣло не ограничивается лишь обзоромъ нѣсколькихъ, немногихъ образцовъ предметовъ опредѣляемаго и иныхъ классовъ, а производится вся

ваются и возводятся въ признаки общаго понятія», и т. д. Очевидно, Вундтъ представляетъ себѣ здѣсь «всю группу», какъ нѣчто въ родѣ небольшой коллекціи предметовъ, стада животныхъ, или т. п. Еще большее absurdum, если можно говорить о различныхъ размѣрахъ этой логической величины, представляетъ требованіе констатировать путемъ обозрѣнія отсутствіе извѣстныхъ признаковъ у всѣхъ, не относящихся къ данному классу, предметовъ. Но это необходимое логическое дополненіе традиціоннаго правила о нахожденіи общихъ признаковъ путемъ абстракціи обыкновенно при формулировкѣ самаго принципа абстракціи упускается изъ виду (ср., напр., приведенное выше положеніе Вундта); и вообще въ руководствахъ логики ученіе объ образованіи понятій странньмъ образомъ нерѣдко сводится къ вопросу объ общихъ свойствахъ, или во всякомъ случаѣ вопросъ объ отличительности классовыхъ признаковъ ступевывается и не играетъ серіозной роли въ соотвѣтственныхъ ученіяхъ (такимъ недостаткомъ страдаетъ, напр., и ученіе Милля объ общихъ понятіяхъ). Если же необходимость отысканія именно отличительныхъ признаковъ не упускается изъ виду, то помогаетъ не замѣчать нелѣпости соотвѣтственнаго требованія то обстоятельство, что и всѣ «прочіе предметы», отъ коихъ необходимо отличить данный классъ, превращаются въ представленіи тоже въ какую то не особенно большую, а во всякомъ случаѣ ограниченную сумму предметовъ или въ нѣсколько различныхъ, но обозримыхъ, «группъ» объектовъ.

Что касается не-логиковъ, напр., юристовъ, пытающихся опредѣлить понятіе права, государствовѣдовъ и т. п., и вопроса, какъ эти изслѣдователи могутъ не замѣчать совершаемыхъ ими ошибокъ, необоснованности выставляемыхъ ими общихъ утвержденій относительно общихъ и отличительныхъ признаковъ права, государства и т. п., то обыкновенно не безъ значенія бываетъ именно то обстоятельство, что они не-логики и подражаютъ традиціи, не обращая большого вниманія на то, насколько она разумна, правильна и т. д. Въ области спорныхъ понятій и безплодныхъ попытокъ ихъ образованія, какъ, напр., въ области понятій «права», «нравственности», «государства», существуютъ къ тому же болѣе или менѣе установившіеся шаблоны и традиціи относительно тѣхъ предметовъ опредѣляемаго класса, на которые необходимо обращать вниманіе такъ, чтобы они подошли подъ предлагаемое понятіе, и тѣхъ предметовъ другихъ классовъ, относительно которыхъ слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы они не подошли подъ искомое опредѣленіе. Прежнія попытки образованія искомаго понятія потерпѣли на такихъ предметахъ крушеніе, и вотъ надо съ этими Сциллами и Харибдами совладать. Вслѣдствіе этого получается такая психологія, что все необозримое и безграничное множество членовъ опредѣляемаго класса исчезаетъ; не играютъ никакой роли въ представленіяхъ даннаго изслѣдователя и тѣ еще «бо̀льшія» полчища другихъ предметовъ, хотя бы только предметовъ «сродныхъ» категорій, которые надо было бы изучать для констатированія у всѣхъ ихъ отсутствія выставляемыхъ классовыхъ признаковъ, а вмѣсто всего этого на умственной сценѣ существуютъ и играютъ активную роль лишь тѣ знаменитыя Сциллы и Харибды, которыя уже причинили въ исторіи науки столько крушеній. Обоіти ихъ благополучно было бы достаточнымъ тріумфомъ!

Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ все представляется обстоящимъ благополучно, въ области установившихся и всѣми принимаемыхъ за правильныя понятій, повторяются по традиціи соотвѣтственныя опредѣленія; а вопросы, какъ они добыты, можно ли ихъ считать научно обоснованными, въ чемъ состоятъ или, точнѣе, должны были бы состоять научныя данныя въ ихъ пользу, вообще не возникаютъ,—пока случайно не обнаружится существованіе Сциллъ и Харибдъ; тогда только прекращается научно-методологическая спячка—и начинается борьба съ этими обнаружившимися врагами (которыхъ, впрочемъ, съ научной точки зрѣнія, слѣдовало бы признать не врагами, а друзьями, потому что въ наукѣ административный принципъ «все обстоитъ благополучно», плохой и въ своей области, совсѣмъ уже неумѣстенъ).

та работа, которая предписывается традиціонными правилами образованія понятій, или что нѣтъ никакого логическаго и научнаго грѣха въ томъ, что на основаніи обозрѣнія нѣсколькихъ объектовъ опредѣляемаго и отличаемыхъ классовъ выставляются такія утвержденія, какъ если бы была исполнена безконечно болѣе трудная задача полнаго обозрѣнія. Все-таки и при такихъ предположеніяхъ есть достаточно основаній для того, чтобы признать традиціонные пріемы безусловно несостоятельными.

Возникаетъ вопросъ: на основаніи чего, по какимъ критеріямъ производится для отысканія общихъ и отличительныхъ признаковъ подборъ однихъ предметовъ, какъ относящихся къ опредѣляемому классу, а другихъ предметовъ, какъ относящихся не къ этому, но къ инымъ, въ частности «сроднымъ» классамъ? Откуда, напр., при образованіи понятія права и еще до исполненія этой работы извѣстно, что такія то явленія суть правовыя явленія, а такія то—неправовыя, напр., нравственныя? Вѣдь дѣло идетъ еще объ отысканіи такихъ признаковъ, по которымъ можно было бы съ научною основательностью извѣстныя явленія относить или не относить къ праву, къ нравственности и т. д., а между тѣмъ, страннымъ образомъ, оказывается, что до отысканія и научнаго обоснованія такого критерія изслѣдователямъ уже извѣстно, что такія то явленія—право или даже «несомнѣнно право», другія—не-право, или даже «несомнѣнно не правовыя, а нравственныя нормы» и т. п.

Можетъ быть, это происходитъ такъ, что изслѣдователи, имѣющіе въ виду доказать, что правовыя явленія обладаютъ извѣстнымъ общимъ признакомъ, напр., свойствомъ *a*, подбираютъ именно примѣры, гдѣ есть налицо или даже выраженъ въ особенно ясной, рѣзкой, вообще «образцовой» формѣ признакъ *a*, а затѣмъ доказываютъ, что дѣйствительно во всѣхъ этихъ (такъ подобранныхъ) случаяхъ такой признакъ имѣется; что такъ же поступаютъ моралисты, государствовѣды и т. д., и что такой же методъ примѣняется въ этихъ и другихъ дисциплинахъ при подборѣ образцовъ другихъ, сопоставляемыхъ съ опредѣляемымъ, классовъ?

Такой вопросъ и такое предположеніе выставляются не впервые въ этомъ сочиненіи. Уже въ сочиненіяхъ другихъ встрѣчается мнѣніе, что, дѣйствительно, при образованіи понятія извѣстнаго рода явленій изслѣдователи приступаютъ къ дѣлу уже съ предвзятымъ мнѣніемъ относительно признаковъ даннаго рода явленій и что иначе и быть не можетъ и такъ и слѣдуетъ поступать; дѣлу образованія понятій по самой его природѣ присущъ логическій кругъ, но его наличность не мѣшаетъ тому, что по мѣрѣ продолженія основанныхъ на немъ изслѣдованій устанавляемое понятіе получаетъ все новыя подтвержденія и научное обоснованіе *).

*) Ср., напр., Bergbohm, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, I, 1892, стр. 79: „Чтобы опредѣлить понятіе того, что есть, нужно исходить отъ отдѣльныхъ предметовъ, которые существуютъ. Слѣдовательно, чтобы найти понятіе права, нужно исходить отъ права, которое дѣйствительно существуетъ... Я отлично знаю, что этимъ путемъ я не избѣгну того порочнаго круга (circulus vitiosus), который неиз-

По поводу этого воззрѣнія необходимо отмѣтить слѣдующее:

Существо рекомендуемаго метода образованія и обоснованія общихъ понятій сводится къ легкому торжеству нахожденія и доказательства наличности того, что было припасено для нахожденія (какъ это дѣлается фокусниками—съ большимъ успѣхомъ, если публика не замѣчаетъ, на чемъ основана удача). На чемъ покоится вѣра въ то, что по мѣрѣ продолженія такого занятія и распространенія на все новые объекты происходитъ провѣрка и создается научная обоснованность предлагаемаго понятія, рѣшительно непонятно. Провѣрка во всякомъ новомъ объектѣ наличности того признака, по которому этотъ объектъ избранъ, конечно, должна всегда вести къ констатированію этой наличности, но это ничего не подтверждаетъ—кромѣ развѣ «остроумія» изслѣдователя, который продолжаетъ заниматься такими манипуляціями и все еще не оріентируется относительно ихъ смысла.

Если правда, что при установленіи и обоснованіи общихъ понятій нѣтъ возможности избѣжать логическаго круга, то приходится вообще отказаться отъ образованія и обоснованія научныхъ понятій. Этотъ отказъ, какъ видно изъ изложеннаго выше (стр. 11 и сл.), равнялся бы признанію правильнымъ полнаго научнаго скептицизма, вообще означалъ бы уничтоженіе науки, какъ таковой; но и отъ весьма печальныхъ выводовъ нѣтъ спасенія—въ логическихъ ошибкахъ, самообманахъ или обманахъ.

Дѣйствительно ли таково положеніе дѣла или, можетъ быть, само ученіе объ образованіи понятій путемъ логическихъ круговъ является ошибочнымъ, будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Здѣсь для выясненія существа фактически традиціонно примѣняемыхъ при образованіи понятій права, нравственности и т. п. пріемовъ мышленія, необходимо прежде всего констатировать, что эти пріемы состоятъ вовсе не въ систематическомъ нарушеніи началъ логики путемъ порочныхъ круговъ, а имѣютъ совсѣмъ иной характеръ.

Какъ и иныя изслѣдованія и разсужденія, образованіе и обоснованіе общихъ понятій въ правовѣдѣніи (впрочемъ, не только въ правовѣдѣніи,

---

бѣжно присущъ всякому образованію понятій. Если мы находимъ объекты, которымъ свойственны признаки, долженствующіе быть включенными въ ихъ понятіе, то мы уже примѣняемъ это самое понятіе какъ критерій выбора гносеологическихъ объектовъ. Умственная концепція каждаго понятія содержитъ въ себѣ въ началѣ необходимо предвзятое мнѣніе, которое должно неизбѣжно повторяться и дальше, при всякой провѣркѣ и утонченіи содержанія понятія путемъ изученія дальнѣйшихъ объектовъ, каковое изученіе въ то же время доставляетъ ему (предвзятому мнѣнію) подтвержденіе. Никакія гносеологическія тонкости не могутъ здѣсь помочь (ср. изъ богатой литературы послѣднихъ лѣтъ Volkelt, Erfahrung und Denken), и невозможно устранить сомнѣній, которыя уже имѣютъ длинную исторію, начавшуюся уже въ сферахъ греческаго философскаго скептицизма. Логики опредѣляли всегда и опредѣляютъ и теперь сужденія, какъ сопоставленіе и приведеніе въ связь понятій другъ съ другомъ; но никто изъ нихъ не отрицаетъ, что самыя понятія суть не что иное, какъ воплощеніе и кристаллизація сужденій".

а и въ другихъ гуманитарныхъ и общественныхъ наукахъ) происходитъ обыкновенно, къ сожалѣнію, безъ подобающей научно-методологической сознательности и вообще безъ размышленія о томъ, какъ слѣдуетъ рѣшать такого рода темы и научно обосновывать предлагаемыя рѣшенія. Поэтому здѣсь возможны и неизбѣжны частыя и разнообразныя логическія ошибки и наивности, въ томъ числѣ и порочные круги. Тѣмъ не менѣе подборъ фактическаго матеріала для образованія и обоснованія классовыхъ понятій на основаніи тѣхъ признаковъ, которые должны войти въ составъ понятія, не только не является абсолютно общимъ правиломъ, но даже не составляетъ обычнаго и типическаго шаблона, а имѣетъ характеръ индивидуальныхъ ошибокъ среди разныхъ другихъ, различныхъ у разныхъ писателей, индивидуальныхъ неудачныхъ пріемовъ мышленія. Путемъ болѣе внимательнаго (психологическаго) изслѣдованія обычнаго происхожденія и теченія идей въ тѣхъ случаяхъ, когда юристы, моралисты, государствовѣды и т. д. не довольствуются выставленіемъ такой или иной формулы опредѣленія права, нравственности, государства, общества и иныхъ общихъ понятій безъ какого бы то ни было научнаго оправданія и обоснованія, а пытаются обосновать правильность предлагаемаго понятія, не трудно констатировать слѣдующее:

Критерій, которымъ они пользуются при подборѣ конкретныхъ примѣровъ опредѣляемаго и противопоставляемыхъ классовъ, обыкновенно и типично, состоитъ въ ихъ привычкахъ называть такіе-то предметы такъ-то, а другіе иначе. Напр., юристы, пытаясь найти признаки, отличающіе право отъ нравственности и другихъ (по ихъ мнѣнію) сродныхъ явленій, дѣйствительно уже заранѣе имѣютъ критерій для отнесенія однихъ объектовъ къ праву, другихъ къ нравственности, и примѣняютъ этотъ критерій съ большою увѣренностью; но тѣмъ не менѣе они исходятъ обыкновенно не изъ искомаго и подлежащаго введенію въ понятіе и обоснованію критерія (хотя иногда бываетъ и это), а просто изъ того, что такую-то норму (напр., объ исполненіи договора купли) они привыкли считать, т. е. именовать, правовою, такую-то другую (напр., о любви къ ближнимъ) нравственною и т. д. Точно также производится образованіе и обоснованіе понятія нравственности въ сферѣ нравственной философіи, понятія государства въ государствовѣдѣніи и т. д.

Что именно этотъ критерій, а не указанный выше логическій порочный кругъ служитъ главнымъ и обыкновеннымъ средствомъ выбора надлежащихъ (по мнѣнію даннаго изслѣдователя) конкретныхъ образцовъ того, что требуется опредѣлить, это видно уже изъ того, что, напр., теоретикамъ права, государствовѣдамъ и т. д. приходится имѣть дѣло не только съ такими примѣрами, которые подтверждаютъ ихъ опредѣленія, но и съ такими, которые ихъ опровергаютъ, никакъ не подходятъ подъ ихъ формулы; напр., многимъ юристамъ причиняетъ большія затрудненія то обстоятельство, что международное право, которое они признаютъ, т. е. называютъ, правомъ, не обладаетъ тѣми признаками, которые они

стараются приписать праву вообще (организованное принужденіе, установленіе государственною властью и т. п.). Въ борьбѣ съ такого рода затрудненіями, въ попыткахъ доказать, что эти противорѣчія «только кажущіяся» и т. д., и состоитъ обыкновенно главное содержаніе тѣхъ разсужденій, которыя выставляются и принимаются за «обоснованія» выставляемыхъ опредѣленій *).

Очевидно, если бы образованіе понятій и обоснованіе опредѣленій покоилось на порочныхъ кругахъ, на подборѣ фактическаго матеріала по имѣющимъ быть введенными въ понятіе признакамъ, то такихъ затрудненій не существовало бы. Изслѣдователи имѣли бы дѣло не со строптивыми членами класса, а только съ покорными и согласными съ ихъ опредѣленіями.

Обыкновенно существо того критерія, по которому одни предметы приводятся какъ образцы опредѣляемаго класса, а другіе имъ противопоставляются, какъ относящіеся не къ опредѣляемому, а къ отличаемымъ классамъ, не сознается самими авторами соотвѣтственныхъ разсужденій и ускользаетъ отъ вниманія читателя. Обыковенно въ такихъ случаяхъ утверждается не то, что такой-то предметъ «называется» такъ-то, напр., правомъ, а другой иначе, напр., нравственною заповѣдью, а то, что такой-то предметъ «есть» то-то, напр., правовая, или, напротивъ, не правовая, а нравственная норма, «несомнѣнно относится» къ такому-то классу, напр., къ праву, и т. п. Это явленіе объясняется тѣмъ, что на почвѣ привычки называть извѣстные объекты извѣстнымъ именемъ создается столь прочная ассоціація представленій этихъ предметовъ и названій, что поневолѣ кажется, какъ будто дѣло идетъ не о нашихъ субъективныхъ привычкахъ называнія, а о чемъ-то объективно присущемъ этимъ предметамъ, о какомъ-то свойствѣ самихъ предметовъ; такимъ-то явленіемъ, кажется намъ на почвѣ указаннаго заблужденія, присуще быть правомъ, они сами по себѣ право, несомнѣнно право, и т. п.

---

*) Ср. выше стран. 42 прим. Конечно, попытки путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ разсужденій сдѣлать такіе или иные примѣры не подходящихъ подъ предлагаемое опредѣленіе нормъ права безвредными для этого опредѣленія и отразить соотвѣтственныя вѣроятныя или неизбѣжныя возраженія не были бы, даже въ случаѣ ихъ удачности, доказательствомъ правильности выставленнаго на основаніи нѣкоторыхъ примѣровъ права положительнаго утвержденія относительно „всѣхъ“ нормъ права; вообще споры противъ сдѣланныхъ уже другими или возможныхъ возраженій отнюдь нельзя отожествлять съ положительнымъ доказательствомъ правильности защищаемаго положенія; но это нерѣдко не сознается, и бездоказательность соотвѣтственныхъ положительныхъ утвержденій дѣлается незамѣтною, вслѣдствіе наличности подробной ихъ защиты противъ дѣйствительныхъ или представляемыхъ возраженій. Вслѣдствіе этого, какъ это ни странно, именно ошибочность предлагаемыхъ формулъ опредѣленій права, государства и т. д., и притомъ особенно наличность многихъ поводовъ и основаній для возраженій и предвидѣнія таковыхъ, содѣйствуетъ тому, что не замѣчается ихъ бездоказательность. Если бы не было возраженій и борьбы съ ними, то видно было бы, что выставленныя утвержденія относительно всѣхъ нормъ права, государствъ и т. д. совершенно произвольны и бездоказательны.

Вѣроятно, такая замаскированность истиннаго существа примѣняемаго обыкновенно при выборѣ конкретныхъ примѣровъ критерія и подала поводъ для недоразумѣній относительно процесса образованія общихъ понятій, для предположенія порочныхъ круговъ и т. д.

Иногда, впрочемъ, примѣненіе лингвистическаго критерія происходитъ сознательно или оно во всякомъ случаѣ ясно видно изъ самой внѣшней формы изложенія. Напр., въ пользу отнесенія извѣстнаго явленія къ опредѣляемому или, напротивъ, къ отличаемому классу, приводятся и такіе аргументы: «Этого никто не назоветъ такъ-то» (напр., правомъ), отнесеніе такого-то предмета къ опредѣляемому классу «противорѣчило бы общепринятому словоупотребленію» и т. п. *).

Для пониманія природы обычныхъ пріемовъ изслѣдованій о существѣ права и вообще характера, содержанія и судебъ науки о правѣ въ высшей степени важно принять во вниманіе, сверхъ сказаннаго, еще слѣдующее обстоятельство.

Слово «право» имѣетъ фактически двѣ различныя области примѣненія, одну сравнительно весьма обширную—въ общемъ народномъ языкѣ, въ обыденной разговорной рѣчи, и другую, по сравненію съ первой, весьма ограниченную—въ сферѣ особаго профессіональнаго словоупотребленія людей, имѣющихъ спеціально дѣло съ законами, судами, процессами и т. д., въ профессіональномъ языкѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ, вообще юристовъ.

Напр., прислушавшись къ разговорамъ взрослыхъ людей или дѣтей, занимающихся какою либо игрою, напр., въ мячикъ, шахматы, шашки, карты и проч., мы бы легко могли убѣдиться, что эти забавы кишатъ такъ сказать «правами» всевозможнѣйшаго содержанія, что играющіе приписываютъ себѣ и своимъ партнерамъ множество разныхъ правъ, которыя обыкновенно уважаются и безпрекословно соблюдаются, иногда оспариваются и нарушаются и проч., (ср., напр., право бить тузомъ ко-

*) Между прочимъ, въ новѣйшей исторіи государствовѣдѣнія произвело коренную революцію и создало „эпоху“ открытіе того обстоятельства, что существуютъ организаціи, не независимыя, не суверенныя, но тѣмъ не менѣе называемыя государствами, между тѣмъ какъ прежняя наука усматривала существо государства въ суверенитетѣ и на этой почвѣ строила свои теоріи. Ср. H. Rehm, Allgemeine Staatslehre, стр. 111: Въ пользу разрыва съ прежнимъ ученіемъ о государствѣ высказался Лабандъ, ссылаясь на то, что „пользовавшееся до сихъ поръ почти всеобщимъ признаніемъ опредѣленіе государства опровергается общепринятымъ словоупотребленіемъ. Въ эпоху прежней Германской Имперіи несуверенныя отдѣльныя нѣмецкія земли все-таки именовались государствами. Члены Сѣверо-американскаго Союза называются „Staaten“ (по нѣмецки = „государствами“); и зависящія отъ Турціи несуверенныя политическія образованія называются государствами. Тогда Шульцъ, Еллинекъ, Розинъ, Бри, Лейферъ и другіе отказались на томъ же основаніи отъ старой теоріи“. Какъ увидимъ ниже, весь этотъ кризисъ въ наукѣ о государствѣ и современная исходная точка зрѣнія основываются на методологическомъ недоразумѣніи.

Въ нѣкоторыхъ научныхъ сферахъ иногда прямо высказывается мнѣніе, что для опредѣленія чего либо слѣдуетъ обозрѣть то, къ чему подходитъ названіе опредѣляемаго класса, и т. д.

роля, королемъ даму..., бить козыремъ чужую масть, право требовать соблюденія очереди ходовъ, сдачи картъ, и т. п., право требовать пересдачи картъ въ случаѣ открытія важной карты или иной неправильности и проч., и проч.); но ни одно изъ такихъ безчисленныхъ правъ не удостоилось бы названія «права» въ залѣ судебнаго засѣданія, вообще съ точки зрѣнія профессіональнаго словоупотребленія легистовъ. То же относится, напр., къ безчисленнымъ «правамъ» приглашеннаго почтеннаго гостя по отношенію къ хозяевамъ, напр., къ праву на почетное, иногда первое мѣсто за столомъ и на иные знаки вниманія и уваженія, къ правамъ, которыя приписываются другъ другу товарищами (напр., по классу въ школѣ), друзьями, влюбленными и проч. на почвѣ товарищескихъ, дружескихъ, любовныхъ отношеній, напр., къ праву на вѣрность въ любви, на откровенность, на тысячи разныхъ услугъ и знаковъ любви и проч. и проч. На каждую тысячу случаевъ примѣненія слова «право» въ общемъ, народномъ языкѣ нашлось бы, пожалуй, не болѣе или даже менѣе одного случая примѣненія того же слова съ точки зрѣнія профессіональнаго словоупотребленія.

Юристы руководствуются и въ области попытокъ рѣшенія вопроса, что такое право, обычаями профессіонально-юридическаго словоупотребленія *). Они считаютъ правомъ, «несомнѣннымъ правомъ» и т. п. то и только то, что они въ качествѣ юристовъ привыкли такъ называть. Все прочее съ ихъ точки зрѣнія—не-право, «несомнѣнно» не-право и т. д. Что же касается иного примѣненія слова «право» въ общемъ народномъ языкѣ, то его юристы обыкновенно не замѣчаютъ или не принимаютъ во вниманіе; поскольку же они по тому или иному поводу на него наталкиваются, они относятся къ нему какъ къ чему-то, не заслуживающему серіознаго вниманія, какъ къ неправильному словоупотребленію, къ ошибочному называнію «правомъ» того, что на самомъ дѣлѣ не есть право, и т. п.

По существу дѣла здѣсь стоитъ одно называніе противъ другого, одна лингвистическая привычка противъ другой, и нѣтъ вовсе основанія считать общенародное примѣненіе слова «права» чѣмъ-то ошибочнымъ, неправильнымъ. Если юристъ то, что онъ привыкъ называть правомъ, считаетъ подлиннымъ, настоящимъ правомъ, а относительно того, что неюристы называютъ правомъ, полагаетъ, что оно вовсе не право, а только такъ неправильно называется, то такое отношеніе къ дѣлу можетъ быть не оправдано и обосновано, а только объяснено съ причинной точки зрѣнія, какъ своеобразное психическое явленіе. Мы уже познакомились выше съ тѣмъ заблужденіемъ, въ которое мы легко впадаемъ вслѣдствіе нашихъ привычекъ называнія извѣстныхъ предметовъ опредѣленнымъ именемъ и которое состоитъ въ томъ, что наша субъективная

*) Иногда это выражается въ самыхъ предлагаемыхъ формулахъ опредѣленія права; ср., напр., Bierling, Juristische Principienlehre I, стр. 19: „Recht im juristischen Sinne ist...“ („Право въ юридическомъ смыслѣ есть“ и т. д.).

привычка называнія такихъ-то предметовъ такъ-то превращается для насъ въ нѣчто, присущее самимъ предметамъ, какъ если бы эти предметы были по природѣ своей именно тѣмъ, какъ мы ихъ называемъ, «столами», «стульями», «правомъ» и т. д. Въ силу этого заблужденія примѣненіе со стороны другихъ того же названія къ предметамъ, которые мы лично не привыкли такъ называть, легко можетъ намъ показаться приписаніемъ этимъ объектамъ чего-то такого, что имъ по природѣ ихъ не присуще. Или же получается такое явленіе, что мы то чужое наименованіе, которое не совпадаетъ съ нашими личными привычками называнія, будемъ понимать и квалифицировать какъ наименованіе, наше же называніе таковымъ (подъ вліяніемъ указанной крѣпкой ассоціаціи идей) не сочтемъ, а примемъ его за нѣчто болѣе серіозное и важное, за надлежащее и притомъ достовѣрное знаніе, что данные объекты сами по себѣ суть то-то, напр., право, а другіе суть нѣчто иное, напр., нравственныя нормы, во всякомъ случаѣ не-право и т. д.

Какъ бы то ни было, юристы при выборѣ конкретныхъ образцовъ права для образованія соотвѣтственнаго понятія исходятъ изъ «юридическихъ», профессіональныхъ привычекъ называнія, а тѣ (весьма обширныя) области, въ которыхъ примѣняется слово «право» съ точки зрѣнія общаго, народнаго языка, они относятъ къ не-праву, къ «правамъ», «конвенціональнымъ правиламъ» и т. п. Тотъ же критерій, т. е. критерій профессіональныхъ привычекъ называнія, примѣняется въ правовѣдѣніи и при образованіи другихъ общихъ понятій.

Это обстоятельство является, между прочимъ, важною особенностью науки о правѣ, отличающею ее отъ науки о нравственности и разныхъ другихъ общественныхъ наукъ, которыя не связаны съ опредѣленною общественною профессіею и не зависятъ отъ какого либо практически-профессіональнаго словоупотребленія, а исходятъ при опредѣленіи своихъ верховныхъ понятій (напр., понятій нравственности, общества, хозяйственнаго явленія...) и разныхъ имъ абсолютно- или относительно-подчиненныхъ понятій изъ общихъ привычекъ называнія.

Какія изъ этой особенности правовѣдѣнія вытекаютъ послѣдствія, будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Теперь мы можемъ во всякомъ случаѣ констатировать, что огульное подозрѣніе изслѣдователей, пытающихся образовать и обосновать опредѣленіе права, нравственности и проч. въ томъ, что они производятъ столь странныя и «порочныя» логически манипуляціи, какъ подборъ объектовъ по напередъ заготовленнымъ признакамъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ искать и съ торжествомъ находить эти признаки въ этихъ объектахъ, неосновательно и покоится на недостаточно внимательномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія дѣла.

Фактически образованіе понятій и обоснованіе предлагаемыхъ опредѣленій (поскольку оно вообще предпринимается) зиждется на общихъ или профессіональныхъ привычкахъ называнія. Примѣненіе этихъ критеріевъ часто соединяется съ заблужденіемъ относительно ихъ суще-

ства, съ ошибочнымъ представленіемъ, будто производимый выборъ годныхъ объектовъ опредѣляется какимъ-то объективнымъ существомъ дѣла, крѣпость субъективной привычки называнія превращается въ «несомнѣнность» соотвѣтственной природы приводимыхъ образцовъ и т. п.; но самые критеріи, какъ таковые, не только вполнѣ свободны отъ нелѣпаго вращенія въ логическомъ кругѣ, но вообще не содержатъ въ себѣ никакого нарушенія принциповъ человѣческой логики, никакой логической несообразности.

Но, несмотря на логическую безпорочность этихъ критеріевъ самихъ по себѣ, можно и слѣдуетъ поставить вопросъ, насколько эти критеріи, т. е. общія и профессіональныя привычки называнія, соотвѣтствуютъ задачамъ образованія научныхъ классовыхъ понятій и способны вести къ удовлетворительному ихъ рѣшенію.

Правильнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ намъ представляется слѣдующій:

1. Изслѣдованія вопросовъ, что̀ называется опредѣленнымъ образомъ, напр., правомъ, нравственностью, хозяйствомъ, цѣнностью, работою и т. п. въ такой или иной лингвистической сферѣ, въ общенародномъ языкѣ, въ сферѣ какой либо спеціальной профессіи и т. п., могутъ быть не только вполнѣ серіозными и научными изслѣдованіями, но и изслѣдованіями, вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію, научно рѣшающими надлежаще поставленныя проблемы, если дѣло идетъ именно о лингвистическихъ проблемахъ, о словахъ, какъ особаго рода символическихъ знакахъ, а именно объ общихъ именахъ и ихъ примѣненіи. Поэтому, напр., тотъ, кто сочиняетъ лингвистическій словарь и по поводу словъ «нравственность», «нравственный», «право» и т. д. произведетъ изслѣдованія относительно области ихъ примѣненія и помѣститъ полученные результаты противъ этихъ словъ въ своемъ словарѣ, поступитъ вполнѣ правильно, и отъ него ничего иного и требовать нельзя. Противъ словечка «право» необходимо было бы въ такомъ словарѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, указать на существующій здѣсь лингвистическій дуализмъ, на существованіе двухъ весьма различныхъ по объему областей примѣненія этого слова (само собою разумѣется, безъ объявленія одного изъ этихъ весьма расходящихся другъ съ другомъ словоупотребленій ошибочнымъ, основаннымъ на отсутствіи истиннаго знанія существа права, или т. п.) *).

*) Сродны съ этими проблемами языковѣдѣнія—задачи, состоящія въ опредѣленіи смысла извѣстнаго слова въ какомъ либо историческомъ памятникѣ, документѣ и т. п. Такого рода вопросы имѣютъ большое значеніе во всѣхъ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ цѣлью или необходимымъ средствомъ познанія является правильное толкованіе чужихъ мыслей: въ общей исторіи и разныхъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинахъ, особенно, напр., въ исторіи философіи, исторіи права и т. п., въ богословскихъ дисциплинахъ, въ томъ числѣ въ богословской этикѣ, и пр. Большое значеніе имѣютъ такого рода проблемы—ихъ можно назвать интерпретаціонными,—между прочимъ, и въ практически-профессіональной и ученой юриспруденціи, поскольку онѣ занимаются толкованіемъ чужихъ мыслей, напр., смысла законовъ, договоровъ, завѣщаній и проч.

2. Производство подобныхъ изслѣдованій, исходятъ ли они изъ общенароднаго или какого либо спеціальнаго словоупотребленія: провинціальнаго, классоваго, профессіональнаго и т. п.—безъ сознанія, что рѣшаются вопросы, относящіеся къ языковѣдѣнію, а, напротивъ, въ томъ убѣжденіи, что производится надлежащее научное изслѣдованіе, образованіе и оправданіе центральнаго или иного классоваго понятія для науки о правѣ, нравственности, государствѣ и т. п., вообще для науки, предметомъ изслѣдованія коей являются не слова, не названія, а явленія, для которыхъ создаются въ такихъ или иныхъ лингвистическихъ сферахъ такія или иныя (въ разныхъ языкахъ, а подчасъ и въ разныхъ слояхъ общества различныя) названія,—покоится на недоразумѣніи и представляетъ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ проблемъ и сферъ человѣческаго познанія.

Весьма важная задача установленія понятій, имѣющихъ быть основными и центральными для болѣе или менѣе обширныхъ наукъ, ихъ частей и дальнѣйшихъ систематическихъ подраздѣленій этихъ наукъ, состоитъ въ образованіи и опредѣленіи такихъ классовъ объектовъ, которые были бы годны именно для этой цѣли, т. е. для созданія по отношенію къ нимъ научныхъ положеній и систематически правильнаго ихъ расположенія.

Проблемъ этого рода—изслѣдованія о томъ, къ чему въ такой или иной лингвистической сферѣ, будетъ ли это общій языкъ какого либо народа или спеціальный діалектъ или жаргонъ какой либо провинціи, профессіи и т. п., примѣняется извѣстное названіе, не только не рѣшаютъ, но и не затрогиваютъ по самому существу своему.

Поэтому, если бы юристамъ и удалось правильно отвѣтить на вопросъ: «что такое право?» въ смыслѣ опредѣленія того, что они привыкли называть правомъ, то все-таки та проблема, безъ рѣшенія коей немыслимо созданіе науки о правѣ, не была бы еще рѣшена. Добытый ими отвѣтъ, какъ таковой, заслуживалъ бы помѣщенія въ лингвистическомъ словарѣ противъ слова «право» или т. п., но отнюдь не принятія за основу для построенія науки о правѣ въ качествѣ центральнаго ея понятія.

Въ дѣйствительности и такого, выясняющаго область примѣненія слова «право» въ профессіонально-юридическомъ словоупотребленіи, отвѣта до сихъ поръ еще не удалось найти; и это было бы вполнѣ понятно и естественно и въ томъ случаѣ, если бы не существовало другихъ заблужденій, препятствовавшихъ успѣшному познанію правовыхъ явленій,—по самому существу той проблемы, которую юристы пытаются рѣшить.

А именно, существо этой проблемы состоитъ въ томъ, чтобы найти общія и отличительныя свойства всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые профессіонально-юридическое словоупотребленіе называетъ правомъ. Но относительно этой проблемы можно и слѣдуетъ напередъ, еще до ближайшаго изученія этихъ предметовъ, предположить, что она въ такомъ видѣ

исключаетъ возможность какого бы то ни было рѣшенія, ибо она равняется требованію найти то, чего нѣтъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Сама постановка такой проблемы возможна только на почвѣ вѣры въ то, что профессіональнымъ привычкамъ примѣненія имени «право» соотвѣтствуетъ объективно особый единый классъ однородныхъ явленій; но эта вѣра съ научной точки зрѣнія весьма неосновательна.

Профессіональное словоупотребленіе естественно приноровляется къ тѣмъ спеціальнымъ практическимъ потребностямъ и цѣлямъ, которыя свойственны данной спеціальной сферѣ практической жизни. Съ точки зрѣнія такихъ потребностей и цѣлей могутъ имѣть одинаковое практическое значеніе, одинаковую цѣнность и т. п., и требовать къ себѣ одинаковаго практическаго отношенія (поведенія) разнороднѣйшіе по своей природѣ, по своимъ объективнымъ свойствамъ объекты, а однородные объекты могутъ имѣть различное значеніе и требовать къ себѣ различнаго практическаго отношенія. Съ этимъ сообразуется соотвѣтственное спеціально-практическое словоупотребленіе, объединяя разнородное и раздѣляя однородное, какъ это удобно и умѣстно съ точки зрѣнія данной спеціальной потребности и цѣли и только съ этой точки зрѣнія. Напр., съ кулинарной, поварской точки зрѣнія различнѣйшія растенія и притомъ разныя части растеній разныхъ родовъ, видовъ и т. д. объединяются въ одну группу и получаютъ одно имя, напр., «зелени», «овощей» и т. п.—потому, что всѣ они цѣнятся, какъ матеріалъ для приготовленія пищи или для какой либо спеціальной кулинарной надобности (напр., въ качествѣ приправъ и проч.); а безчисленныя однородныя съ ними по своей природѣ растенія исключаются изъ группы и не пользуются соотвѣтственнымъ именемъ; нѣкоторыя потому, что они не вкусны; другія потому, что ихъ надо было бы очень долго варить или вообще такъ сложно приготовлять, что питательный или гастрономическій результатъ не оплачивалъ бы затратъ; третьи потому, что они колючи, жестки или т. п.; четвертыя потому, что они вызываютъ разстройство желудка или головныя боли и т. п.; пятыя потому, что ихъ употребленію мѣшаютъ какіе либо особые мѣстные обычаи, предразсудки, незнаніе ихъ качествъ, и проч., и проч. Если бы нашелся такой ученый ботаникъ, который посвятилъ бы себя задачѣ опредѣлить тотъ особый видъ растеній, которому соотвѣтствуетъ кулинарное имя «зелень», то, очевидно, сколько бы онъ ни затратилъ труда на обозрѣніе, изученіе структуры и проч. предметовъ, называемыхъ «зеленью», и сравненіе ихъ съ другими—«сродными» предметами, его усилія были бы тщетны; сама проблема, которой онъ себя посвятилъ, представляетъ своеобразную contradictio in adjecto, содержитъ въ себѣ требованіе найти несуществующее. Въ такое же недоразумѣніе впалъ бы зоологъ, поставивъ себѣ задачу опредѣлить особый видъ животныхъ, называемый съ кулинарной или охотничьей точки зрѣнія «дичью», и т. д.

Въ виду такого характера спеціально-практическихъ наименованій слѣдуетъ съ точки зрѣнія объективно-научнаго изученія разныхъ классовъ явленій относиться къ профессіональнымъ привычкамъ называнія отнюдь не съ такою вѣрою, съ какою наука о правѣ относится къ профессіонально-юридическому словоупотребленію, а, напротивъ, съ величайшимъ недовѣріемъ и критицизмомъ. Не только нѣтъ научнаго основанія исходить, какъ изъ чего-то необходимаго и само собою разумѣющагося, изъ того, что профессіональнымъ привычкамъ называнія соотвѣтствуютъ особыя группы однородныхъ по своимъ свойствамъ объектовъ, но даже слѣдуетъ предполагать противное.

Въ частности, относительно понятія права въ юридическомъ смыслѣ и другихъ классовыхъ понятій науки о правѣ, при современной ея постановкѣ (т. е. при подчиненіи общаго ученія о правѣ и спеціальныхъ юридическихъ дисциплинъ профессіональнымъ привычкамъ называнія), можно a priori предположить, что они не существуютъ не только въ смыслѣ уже образованныхъ и обоснованныхъ научныхъ понятій, но даже и въ смыслѣ могущихъ быть найденными и опредѣленными классовъ и классовыхъ понятій; а имѣется лишь система словъ, именъ, точнѣе привычекъ называнія, исторически приноровившихся къ извѣстнымъ спеціальнымъ надобностямъ и удобствамъ, существенно отличнымъ отъ задачъ научнаго познанія и объясненія явленій. И съ этой точки зрѣнія остающееся до сихъ поръ безрезультатнымъ исканіе опредѣленія «для своего понятія права» и другихъ общихъ понятій въ правовѣдѣніи весьма естественно и понятно.

Вообще на ряду съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, создающими для науки о правѣ и ея прогресса такія затрудненія, съ которыми не приходится имѣть дѣла другимъ, болѣе счастливымъ наукамъ, роковую роль въ исторіи этой вѣтви человѣческаго знанія играло и играетъ то обстоятельство, что она находится въ состояніи зависимости отъ особой общественной профессіи, отъ практической юриспруденціи, т. н. «практики», т. е. судебной практики, и т. д.

Эта зависимость мѣшаетъ наукѣ о правѣ изслѣдовать и познавать истину, какъ таковую, вноситъ въ ея изслѣдованія и разсужденія постороннія соображенія и точки зрѣнія, лишая ихъ объективно-научнаго характера, сужаетъ научный горизонтъ и затемняетъ и искажаетъ научное зрѣніе въ различныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ.

Предметы и темы научнаго интереса и изслѣдованія опредѣляются въ наукѣ о правѣ не столько по научнымъ критеріямъ и точкамъ зрѣнія, сколько тѣмъ, что извѣстные вопросы имѣютъ «практическое значеніе», значеніе для судебной практики и т. д., а другіе такой рекомендаціи для введенія въ систему науки и внимательнаго изученія не имѣютъ; это неизбѣжно влечетъ за собою неравномѣрность развитія и уродливость системы науки, какъ таковой, и проч.

Рѣшаются выдвинутыя по такимъ точкамъ зрѣнія и тенденціямъ научныя проблемы опять таки не исключительно на основаніи объективно-научныхъ данныхъ и объективно-безпристрастнаго, чисто научнаго къ нимъ

отношенія, а съ разными отклоненіями по «практическимъ» соображеніямъ или болѣе или менѣе безсознательнымъ практическимъ тенденціямъ и соотвѣтственнымъ привычкамъ мышленія.

Ничто такъ не противно задачамъ познанія истины, какъ смѣшеніе точки зрѣнія объективнаго изслѣдованія сущаго, каково оно есть (теоретической точки зрѣнія въ общемъ смыслѣ), съ какими бы то ни было практическими точками зрѣнія, какъ привлеченіе своихъ вкусовъ и мнѣній о томъ, что практично или непрактично, желательно или нежелательно и т. п. Какъ бы ни казалось намъ что либо, напр., приписываніе обязанностей или правъ животнымъ, совершеніе какихъ либо дѣйствій безъ всякой цѣли или съ единственною цѣлью причинить себѣ какое либо зло и т. п., «непрактичнымъ», нерацiональнымъ, нелѣпымъ и т. п., это отнюдь не должно вліять на нашъ отвѣтъ, бываетъ ли это, и т. д. *).

Ошибки, состоящія въ смѣшеніи теоретической и практической точекъ зрѣнія, встрѣчаются въ разныхъ дисциплинахъ, касающихся человѣка и его поведенія; между прочимъ, весьма часто встрѣчаются эти, съ научной и методологической точки зрѣнія существенные, промахи въ нравственно-философской литературѣ. Но особенно типичны и характерны, какъ своего рода особый «методъ», такія ошибки для современнаго правовѣдѣнія, причемъ соотвѣтственные практическіе масштабы и точки зрѣнія обыкновенно далеко не отличаются широтою и высотою. Новая школа юриспруденціи, т. н. «практическое» или «практическо-догматическое направленіе», возникшее и пріобрѣвшее господство во второй половинѣ истекшаго столѣтія подъ вліяніемъ ученій знаменитаго юриста Іеринга, выставила своимъ лозунгомъ и знаменемъ «трезвую» «практичность», заботу не объ объективной и логической обоснованности, а о томъ, чтобы ея изслѣдованія и рѣшенія были цѣлесообразны, практичны съ точки зрѣнія житейскихъ интересовъ и ихъ охраны, были годны для «практики», т. е. для примѣненія въ судахъ, и т. д.; что же касается «понятій», «логики» и проч., то придавать имъ рѣшающее значеніе было объявлено формализмомъ и признакомъ отсталости. И до распространенія и укрѣпленія этихъ взглядовъ и лозунговъ въ юриспруденціи научно-объективному изслѣдованію права мѣшало неумѣніе юристовъ отрѣшиться при изслѣдованіи научныхъ вопросовъ отъ профессіонально-практическихъ точекъ зрѣнія и привычекъ мышленія, а новыя ученія, конечно, не могли не способствовать усиленію и укрѣпленію этого весьма ненормальнаго съ научной точки зрѣнія положенія **).

Существеннымъ условіемъ развитія и прогресса науки о правѣ, какъ

---

*) Вѣдь не все практично и цѣлесообразно, что дѣлается, а многое, имѣющее свой разумный смыслъ, кажется иному „непрактичнымъ“ и т. п., потому что онъ, поспѣшивъ примѣнить свои „практическія“ точки зрѣнія и упустивъ научное изученіе, не понимаетъ и не знаетъ существа дѣла, или потому, что его практическія точки зрѣнія имѣютъ слишкомъ низкій полетъ; тѣ животныя, которыя любятъ наѣвшись лежать въ теплой лужѣ, нашли бы весьма непрактичнымъ или даже безсмысленнымъ, нелѣпымъ, а потому и невѣроятнымъ или навѣрно несуществующимъ, многое изъ того, что не только дѣлается, но и весьма разумно съ точки зрѣнія иныхъ вкусовъ и взглядовъ, напр., занятіе наукою, и т. п.

**) Впрочемъ, ненормальнаго не только съ научной точки зрѣнія; ср. мое соч. „Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы“ 1-е изданіе 1897 г. приложеніе: „Модные лозунги юриспруденціи“.

объективно-научнаго изученія, познанія и объясненія правовыхъ явленій, слѣдуетъ признать освобожденіе этой науки отъ служебной зависимости по отношенію къ профессіонально-практической юриспруденціи и соотвѣтственнымъ точкамъ зрѣнія.

Основнымъ эмансипаціоннымъ актомъ и хартіею свободы и независимости должна послужить замѣна «понятія права въ юридическомъ смыслѣ» понятіемъ права въ научномъ смыслѣ, т. е. такимъ понятіемъ, которое отвѣчаетъ задачамъ познанія и объясненія сущаго, независимо отъ профессіонально-юридическихъ привычекъ называнія, какъ бы онѣ ни были укоренены и удобны въ своей сферѣ примѣненія. Пріобрѣвъ такой самостоятельный и надлежащій базисъ научнаго изслѣдованія, слѣдуетъ затѣмъ подвергнуть соотвѣтственному пересмотру и прочія, абсолютно и относительно подчиненныя понятія и ученія.

Переставъ такимъ образомъ быть какимъ-то зависимымъ придаткомъ къ практической юриспруденціи, наука о правѣ можетъ безпрепятственно создавать дѣйствительно научный свѣтъ, въ томъ числѣ и тотъ свѣтъ, въ которомъ для сознательнаго отношенія къ своему дѣлу нуждается практическая юриспруденція, какъ особая общественно важная и цѣнная спеціальная дѣятельность.

Это прежде всего относится къ выясненію того, что такое собственно право въ профессіонально-юридическомъ смыслѣ, къ устраненію того страннаго и ненормальнаго положенія въ сферѣ практической юриспруденціи, которое состоитъ въ служеніи чему-то неизвѣстному, въ примѣненіи чего-то такого, по поводу чего инстинктивно произносится или представляется слово «право»—съ неизвѣстнымъ смысломъ, такъ что, если бы кто посторонній спросилъ юриста о смыслѣ этого имъ на каждомъ шагу примѣняемаго слова, онъ бы совершилъ невольную или сознательную деликатность *).

А именно, если отрѣшиться отъ подчиненнаго и некритическаго отношенія къ профессіональнымъ привычкамъ примѣненія слова «право» и стать на почву научно-самостоятельнаго образованія классовыхъ понятій и классовъ, то оказывается, что есть такой разрядъ явленій, который находится въ аналогичномъ отношеніи къ тому, что юристы привыкли называть «правомъ», какъ классъ «растенія» относится къ «зелени» въ кулинарномъ смыслѣ, т. е., что «праву въ юридическомъ смыслѣ» соотвѣтствуетъ нѣкая эклектическая группа, сумма избранныхъ по извѣстнымъ причинамъ житейско-практическаго свойства разновидностей этого, найденнаго независимо отъ юридическаго словоупотребленія, класса; и вопросъ сводится къ тому, чтобы выяснить, какія избранныя разновидности этого класса пользуются въ профессіонально-юридическомъ словоупотребленіи однимъ общимъ именемъ «право», и каковъ принципъ выбора и предпочтенія однѣхъ разновидностей и исключенія другихъ. На эти вопросы, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, отвѣтить не трудно, разъ извѣстны природа и свойства того класса явленій, изъ котораго набирается подлежащая выясненію эклекти-

*) „Если меня не спрашиваютъ, то я знаю“, отвѣтилъ св. Августинъ на вопросъ, что такое „время“—подходящая отговорка и для юристовъ, которымъ стали бы надоѣдать вопросомъ, что такое „право“ (Bergbohm, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie I, стр. 75).

ческая группа, и притомъ получается даже довольно простая и краткая формула отвѣта на вопросъ: «что такое право въ юридическомъ смыслѣ?» А именно, произведя въ найденномъ классѣ явленій нѣкоторыя важныя и для научно-теоретическаго изученія правовыхъ явленій, какъ такового, дѣленія на виды и разновидности, можно на этотъ вопросъ отвѣтить названіемъ тѣхъ (немногихъ) разновидностей, которыя (по особымъ, легко объяснимымъ причинамъ) встрѣчаютъ одинаковое практическое отношеніе со стороны профессіональной юриспруденціи и пользуются вслѣдствіе этого однимъ именемъ. Вмѣсто этой формулы можно также воспользоваться формулою, состоящею въ названіи найденнаго и опредѣленнаго класса явленій съ указаніемъ подлежащихъ исключенію видовъ. Такимъ же образомъ можно далѣе выяснить смыслъ другихъ юридическихъ профессіональныхъ названій, напр., отвѣтить на вопросъ, что «такое преступленіе» въ юридическомъ смыслѣ, «должникъ» въ смыслѣ того же словоупотребленія, и въ какомъ отношеніи, напр., «преступленіе» въ юридическомъ смыслѣ состоитъ къ преступленію въ смыслѣ научнаго изученія явленій (и въ общечеловѣческомъ смыслѣ, см. ниже)—вопросы и отвѣты, которые можно снабдить и принятой въ новѣйшей литературѣ нашей науки рекомендаціей, а именно, что они имѣютъ «практическое значеніе».

Изложенное выше о профессіональныхъ и вообще спеціально-практическихъ словоупотребленіяхъ, въ томъ числѣ о профессіонально-юридическихъ привычкахъ называнія, не относится къ общему языку и его именамъ, имѣющимъ приложеніе не въ сферѣ какой либо односторонней спеціальной потребности или практической дѣятельности, а въ сферѣ общей орієнтировки въ явленіяхъ внѣшняго и внутренняго міра и соотвѣтственныхъ разговоровъ, обмѣна впечатлѣніями, свѣдѣніями, мнѣніями и т. п. Путемъ процессовъ, которые въ извѣстномъ смыслѣ похожи на процессъ «естественнаго подбора» въ дарвинистическомъ смыслѣ, и выясненіемъ коихъ намъ придется подробно заняться въ связи съ вопросомъ о происхожденіи и развитіи права (и нравственности), въ области общенароднаго обмѣна впечатлѣніями, свѣдѣніями и мнѣніями происходитъ своеобразное «безсознательно-геніальное», если можно такъ выразиться, приспособленіе именъ къ надлежащей орієнтировкѣ въ мірѣ явленій и успѣшному образованію и сообщенію другимъ свѣдѣній; здѣсь происходитъ развитіе не одинаковыхъ наименованій для сборныхъ, эклектическихъ группъ объектовъ, а образованіе подлинныхъ классовыхъ именъ и классовъ.

Въ существѣ дѣла и спеціально-практическія словоупотребленія образуются не случайно и не лишены своего рода «мудрости». Но, какъ уже сказано выше, именно вслѣдствіе приспособленія здѣсь наименованій къ тѣмъ одностороннимъ надобностямъ и удобствамъ, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе въ данной спеціально-практической области, они разъединяютъ объективно однородное и соединяютъ объективно разнородное, выдѣляя эклектическія, сборныя группы съ общимъ «условнымъ» значкомъ (именемъ), какъ это удобно съ точки зрѣнія данной спеціальной потребности и ея удовлетворенія. Напротивъ, тѣ словоупотребленія, которыя образуются на почвѣ общенароднаго обмѣна представленій и сужденій по поводу разныхъ предметовъ не какъ результаты односторонняго давленія какой либо спеціально-практической потребности, а какъ отложенія без-

численныхъ переживаній милліардовъ различнѣйшихъ (по возрасту, классу, занятіямъ, интересамъ, направленіямъ вниманія...) индивидовъ на почвѣ всевозможныхъ соприкосновеній съ этими объектами при различнѣйшихъ обстоятельствахъ и «освѣщеніяхъ»,—именно вслѣдствіе этого должны вообще имѣть иной характеръ: не значковъ для односторонне-субъективныхъ, спеціально-практическихъ сборныхъ группъ, а классовыхъ именъ, отражающихъ объективную однородность и разнородность предметовъ.

Изъ одной и той же общей посылки (весьма важной вообще для изученія и объясненія соціальной жизни и исторіи), а именно, изъ посылки безсознательно удачнаго соціальнаго приспособленія, получается для спеціально-практическихъ словоупотребленій дедукція ихъ стремленія къ образованію эклектическихъ группъ, негодныхъ для объективнаго изученія явленій по ихъ сходствамъ и различіямъ, а для словоупотребленій противоположнаго типа—противоположная дедуктивная теорема.

Поэтому, если мы имѣемъ одинъ словесный значекъ съ двумя сферами примѣненія: одной профессіональной и другой общенародной, то предпочтенія съ точки зрѣнія предположенія наличности соотвѣтственнаго класса однородныхъ и отличныхъ отъ другихъ предметовъ заслуживаетъ отнюдь не профессіональное, а, напротивъ, общее словоупотребленіе.

Есть, такимъ образомъ, основаніе предположить, что если бы юристы въ области попытокъ образованія понятія права и другихъ понятій не считали единственно важнымъ и заслуживающимъ вниманія спеціально-юридическое словоупотребленіе, а общенародное—чѣмъ то неинтереснымъ и не заслуживающимъ вниманія, то ихъ изслѣдованія были бы въ болѣе выгодномъ положеніи, менѣе безнадежны.

И въ другихъ отношеніяхъ наука о правѣ и не только она, а Наука вообще, находились бы въ такомъ случаѣ въ лучшемъ положеніи, нежели теперь. Не зная даже тѣхъ сферъ Науки вообще, въ которыхъ, среди другихъ смежныхъ областей, находится правовѣдѣніе съ предназначенною ей областью изслѣдованія, можно a priori, на основаніи дедуктивныхъ соображеній, предвидѣть, что въ этихъ сферахъ изъ-за правовѣдѣнія долженъ существовать общій, выходящій за предѣлы правовѣдѣнія какъ такового, научный непорядокъ. Для надлежащаго порядка и системы въ этой области, для правильнаго дѣленія областей изслѣдованія между разными науками, въ томъ числѣ между наукою о правѣ и наукою о нравственности, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы распредѣленіе областей, опредѣленіе границъ и т. д. происходило по одному какому либо масштабу. А теперь здѣсь такое странное и ненормальное положеніе дѣла, что наука о нравственности опредѣляетъ или во всякомъ случаѣ пытается опредѣлить свою область изслѣдованія, свои границы—по одному критерію, по общему словоупотребленію, а наука права, ближайшій сосѣдъ, дѣлаетъ то же по другому, какъ показано выше, существенно отличному критерію. Если бы дѣло шло о дѣлежѣ территоріи и сосѣдствѣ въ буквальномъ, физическомъ смыслѣ, то отъ этого могли бы произойти весьма серіозныя опасности; въ лучшемъ случаѣ пришлось бы, вѣроятно, пойти на судъ третьяго лица и просить примѣненія третьяго, нейтральнаго масштаба. Такъ какъ дѣло идетъ объ идеальныхъ сферахъ мысли человѣческой, и моралисты вообще мало интересуются тѣмъ, что дѣлаютъ юристы, а юристы еще менѣе тѣмъ,

что думаютъ моралисты, то кажется, будто все обстоитъ между этими науками благополучно; но это только кажется, а въ дѣйствительности здѣсь не только нѣтъ порядка и системы въ Наукѣ вообще, но ихъ и не можетъ быть по самому существу различныхъ точекъ зрѣнія сосѣдей.

На ряду съ выведенными выше для двухъ противоположныхъ типовъ словоупотребленій общими «законами» (тенденціями) слѣдуетъ, впрочемъ, конечно принимать во вниманіе возможность дѣйствія въ конкретныхъ случахъ разныхъ факторовъ, осложняющихъ процессъ безсознательно-эмпирическаго приспособленія и вводящихъ въ образующіяся лингвистическія отложенія разныя модификаціи и осложненія.

Такъ, въ областяхъ неуклоннаго дѣйствія разныхъ оптическихъ обмановъ въ тѣсномъ и въ общемъ смыслѣ, напр., въ области явленій «восхода, заката солнца» и т. п., въ области проекціи «обязанностей» на разныя представляемыя существа (въ правѣ и нравственности) и т. п., особенно если съ житейской точки зрѣнія вообще или съ точки зрѣнія профессіи это не причиняетъ особаго вреда, привычки представленія и называнія, естественно, воплощаютъ въ себѣ и закрѣпляютъ эти (съ научной точки зрѣнія подчасъ весьма существенныя) заблужденія.

Довольно общее, осложняющее и спеціально-практическія, и общежитейскія словоупотребленія явленіе есть далѣе пользованіе именами внѣ сферы ихъ основного примѣненія для выраженія различныхъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе смутно сознаваемыхъ сходствъ другихъ объектовъ съ основными предметами наименованія—метафорическое, переносное, образное и т. п. примѣненіе словъ.

Впрочемъ, переносныя примѣненія имени по большей части легко могутъ быть отличены какъ таковыя, тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленнѣе основной смыслъ слова и «глубже пропасть» (рѣзче различіе) между основнымъ и метафорическимъ смысломъ имени (ср., напр., только что примѣненное выраженіе «глубже пропасть»). Но нерѣдко первоначально переносное примѣненіе имени консолидируется, переходитъ въ привычное называніе, и, такимъ образомъ, получается два или болѣе смысловъ у одного и того же слова. Возможны, сверхъ того, конечно и разные другіе пути образованія двусмысленныхъ и многосмысленныхъ именъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно и общеизвѣстно, что есть не мало именъ съ двумя или болѣе смыслами (termini aequivoci). Въ обыденной жизни это можетъ не причинять особаго вреда, не мѣшать понимать чужую рѣчь и даже тонкіе оттѣнки ея смысла по обстоятельствамъ разговора, по связи, въ какой слово примѣнено, и т. п. Но въ области попытокъ образованія научныхъ понятій съ подчиненіемъ привычкамъ называнія, на этой почвѣ могутъ и должны возникать существенныя недоразумѣнія, безплодныя попытки дать единое опредѣленіе всему тому, что называется такимъ то именемъ и проч.

Особенно благопріятную почву для образованія такихъ и т. п. лингвистическихъ осложненій и вообще чрезвычайно неблагопріятную почву для успѣшнаго развитія такой системы привычекъ называнія, на которую бы можно было опереться при объективномъ изученіи явленій, представляетъ область духовныхъ, а также такихъ явленій, въ коихъ психическіе факторы играютъ болѣе или менѣе существенную роль, какъ, напр., область человѣческаго поведенія, общественныхъ явленій и проч.—область абсолютно- и относительно-психологическихъ объектовъ (ср. выше стр. 15 и сл.).

Дѣло въ томъ, что въ этой области имѣется весьма существенное осложненіе, затрудняющее выработку опредѣленныхъ привычекъ называнія, выдѣляющихъ опредѣленные классы,—въ видѣ того, уже упомянутаго выше, факта, что каждый человѣкъ можетъ наблюдать лишь тѣ психическіе процессы, которые происходятъ въ его собственной психикѣ. Въ тѣхъ областяхъ называнія, гдѣ дѣло идетъ о какихъ либо физическихъ предметахъ, напр., о камнѣ, деревѣ, топорѣ, столѣ и т. п. и разныхъ ихъ частяхъ и объективныхъ свойствахъ, намъ дана возможность видѣть то, что другой при видѣ его называетъ опредѣленнымъ образомъ; вообще путемъ наблюденія удостовѣриться въ томъ, что̀ другой или другіе такъ или иначе называютъ, при случаѣ, напр., попросить, чтобы другой показалъ пальцемъ то, что онъ такъ то называетъ; точно также здѣсь мы, съ своей стороны, можемъ показать другимъ или иначе сдѣлать предметомъ ихъ наблюдательнаго удостовѣренія то, чему мы придаемъ опредѣленное имя. Напротивъ, въ области называнія психическихъ явленій нѣтъ возможности взаимнаго выясненія и фиксированія объекта называнія путемъ показыванія или иныхъ средствъ наблюдательнаго удостовѣренія. Вслѣдствіе этого здѣсь согласованіе и фиксированіе называнія неизбѣжно связано съ элементомъ гадательности, съ безчисленными недоразумѣніями и, вообще, съ такими осложненіями и затрудненіями, которыя исключаютъ возможность такого успѣха въ выработкѣ системы именъ съ однообразными для всѣхъ, болѣе или менѣе рѣзко очерченными областями и границами примѣненія, какой возможенъ въ сферѣ физическихъ объектовъ.

Путемъ болѣе подробнаго изслѣдованія вопроса, какъ здѣсь вообще возможна выработка хотя бы сравнительно и слабо развитой и несовершенной системы однообразнаго называнія, какіе факторы и обстоятельства играютъ здѣсь роль суррогатовъ, замѣняющихъ здѣсь до извѣстной степени существующія въ другихъ областяхъ средства приведенія привычекъ называнія къ одному достовѣрно и точно опредѣленному знаменателю, и т. д. (ср. выше стр. 34 и сл.), можно было бы установить рядъ теоремъ относительно того, въ какихъ отдѣльныхъ областяхъ абсолютно- и относительно-психологическихъ именъ, и по какимъ причинамъ словоупотребленіе заслуживаетъ все-таки извѣстной степени довѣрія въ извѣстныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ, въ какихъ другихъ областяхъ и направленіяхъ и по какимъ основаніямъ положеніе дѣла должно быть хуже или совсѣмъ плохо и т. д. Напр., есть основаніе предполагать, что тѣ психологическія имена обыденнаго словоупотребленія, которыя имѣютъ сравнительно болѣе конкретный и спеціальный (менѣе общій и отвлеченный) характеръ, особенно если соотвѣтственныя психическія явленія связаны съ опредѣленными и рѣзко выраженными физическими явленіями, какъ своими болѣе или менѣе постоянными спутниками (ср., напримѣръ, «гнѣвъ», «страхъ», «радость») или предшественниками (ср., напримѣръ, «голодъ», «жажда»),—вообще заслуживаютъ вниманія и довѣрія съ точки зрѣнія изученія разныхъ классовъ психическихъ явленій; напротивъ, въ областяхъ противоположнаго характера можно предположить отсутствіе опредѣленныхъ именъ вообще или существованіе именъ безъ опредѣленныхъ классовъ или съ весьма туманнымъ или неопредѣленнымъ смысломъ. Напримѣръ, слово «чувство» обыденной рѣчи примѣняется къ разнороднѣйшимъ психическимъ актамъ и

ихъ сочетаніямъ, особенно къ тѣмъ внутреннимъ переживаніямъ разнороднѣйшаго свойства, которыя говорящій лишь смутно сознаетъ, мало знаетъ и плохо различаетъ: такъ что частое примѣненіе этого слова въ разговорахъ, разсужденіяхъ и т. д. скорѣе свидѣтельствуетъ о неясности психологическихъ представленій, о неумѣніи въ нихъ разбираться со стороны говорящаго и т. п., чѣмъ о наличности и значеніи соотвѣтственнаго особаго класса психическихъ явленій и вообще опредѣленнаго смысла этого слова.

Вслѣдствіе указанныхъ и разныхъ иныхъ обстоятельствъ, подробное перечисленіе и изслѣдованіе которыхъ потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста и для нашей цѣли не представляется необходимымъ, далеко не свободны отъ разныхъ недоразумѣній и затрудненій и тѣ отрасли научнаго изслѣдованія, въ которыхъ образованіе понятій происходитъ на почвѣ не спеціально практическихъ, а общихъ привычекъ называнія. Затрудненія эти объясняются тѣмъ, что лежащая въ основѣ соотвѣтственныхъ изслѣдованій вѣра въ существованіе какой-то особой природы у всѣхъ тѣхъ объектовъ, которые называются даннымъ именемъ, во многихъ конкретныхъ случаяхъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И это въ особенности относится къ наукамъ, имѣющимъ дѣло съ абсолютно или относительно-психологическими понятіями и именами, къ такъ называемымъ гуманитарнымъ и общественнымъ наукамъ (т. н. «Geisteswissenschaften» по нѣмецкой традиціонной терминологіи).

Но если бы такихъ осложненій и не бывало, если бы всѣ названія, имѣющія видъ классовыхъ именъ, дѣйствительно были таковыми (какъ это въ громадной массѣ случаевъ несомнѣнно и происходитъ), все-таки слѣдовало бы признать пріемы образованія понятій, сводящіеся къ изслѣдованіямъ того, что есть данный предметъ, т. е. называется такъ-то, основанными на принципіальномъ недоразумѣніи относительно того, какъ слѣдуетъ ставить и рѣшать подлежащія проблемы.

И относительно безчисленнаго множества тѣхъ общихъ понятій, которыя, благодаря безсознательной мудрости языка, удалось найти и опредѣлить въ области общественныхъ и другихъ наукъ путемъ удачнаго отвѣта на вопросъ, что называется такъ-то или иначе, и которыя не возбуждаютъ никакихъ споровъ и сомнѣній, потому что они ни въ какомъ направленіи не находятся въ коллизіи съ привычками называнія, слѣдуетъ утверждать, что эти понятія лишены научнаго характера, научной легитимаціи.

Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, несмотря на ихъ полное соотвѣтствіе съ общепринятымъ словоупотребленіемъ, не соотвѣтствуютъ природѣ и задачамъ науки вообще или тѣхъ вѣтвей знанія и изслѣдованія, въ которыя они попали по лингвистическимъ причинамъ и соображеніямъ, и должны были бы быть замѣнены другими, болѣе соотвѣтствующими существу дѣла.

Другія, можетъ быть, соотвѣтствуя обычному словоупотребленію, въ то же время представляютъ по своему объему и содержанію нѣчто объективно удачное или даже идеально-совершенное и въ качествѣ элемента подлежащей науки, до такой степени, что и геніальнѣйшее научное изслѣдованіе не могло бы произвести въ результатѣ ничего болѣе совершеннаго, и строжайшая научная критика не могла бы найти въ немъ никакого объективнаго недостатка. Но и эти качества не могутъ сами по себѣ возвести

такія понятія въ рангъ научныхъ, не доставляютъ имъ научной легитимаціи.

Объективная удачность извѣстной идеи и научность—двѣ принципіально различныя вещи. Объективно удачныя мысли могутъ быть добываемы и путемъ случайно удачнаго угадыванія. Если кто на вопросы, существуетъ ли безсмертіе души, возможно ли самопроизвольное зарожденіе жизни, имѣютъ ли такіе-то объекты физическую или психическую природу, было ли такое-то событіе или явленіе въ исторіи или нѣтъ и т. п., станетъ наугадъ отвѣчать разъ такъ, а другой разъ иначе, то онъ непремѣнно выскажетъ въ томъ или другомъ случаѣ объективно истинныя положенія. Извѣстно, что дѣти нерѣдко поражаютъ высказываемыми по разнымъ ассоціаціямъ идей объективно удачными мыслями. Кто не сталъ бы жалѣть времени на розыски въ архивахъ печатныхъ произведеній прежняго времени, не высказано ли тамъ случайно нѣкоторыхъ мыслей, которыя можно было бы объявить «предшественницами» разныхъ болѣе или менѣе глубокихъ ученій и цѣнныхъ научныхъ открытій новаго времени, тотъ нерѣдко дѣйствительно наткнулся бы, между прочимъ, на такія изреченія, которыя болѣе или менѣе совпадаютъ по содержанію съ результатами научной мысли, иногда многолѣтнихъ методическихъ изслѣдованій, великихъ мыслителей и ученыхъ новаго времени; и притомъ такія изреченія нашлись бы и въ сочиненіяхъ совершенно ненаучнаго и вообще макулатурнаго свойства или въ сочиненіяхъ такой эпохи, когда вообще не было и не могло быть еще серіозныхъ научныхъ данныхъ для того, чтобы выставлять подобныя утвержденія (такъ что они по существу имѣли характеръ легкомысленныхъ гаданій и фантазій) *).

Научность есть сознательная научно-методическая обоснованность, а не случайная удачность, вообще не объективная удачность, какъ таковая.

Такъ и тѣ объективно-удачныя понятія, которыя попали въ науку, благодаря счастливой случайности, состоящей въ томъ, что языкъ безсознательно-удачно выдѣлилъ особымъ классовымъ именемъ извѣстный объективно-годный и для науки классъ объектовъ, а представители извѣстной дисциплины, слѣдуя указкѣ языка и полагая, что задача образованія надлежащаго научнаго понятія состоитъ въ опредѣленіи того, что называется такъ-то, фактически оперируютъ соотвѣтствующимъ классовымъ именемъ и классомъ въ своей области,—не суть научныя, а только объективно-удач-

*) Этимъ путемъ, путемъ поисковъ за сходными по содержанію изреченіями прежнихъ писателей, представители мелкой и завистливой литературной критики пытались въ новое время умалить заслуги Дарвина, Адама Смита и другихъ великихъ ученыхъ и мыслителей. Явленіе—во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствующее существу и достоинству науки. При этомъ получается такого рода вопіющая несправедливость, что разныя, въ свое время бывшія ненаучными, научно-легкомысленными, или, во всякомъ случаѣ, научно-необоснованными, изреченія, какъ таковыя, въ свое время не заслуживавшія и не обратившія на себя никакого вниманія, теперь, благодаря соотвѣтственной научной теоріи, благодаря научному созданію и обоснованію такого же тезиса, получаютъ ретроактивно характеръ какой-то мудрости и заслуги; и этотъ, заимствованный у послѣдующаго творца дѣйствительно научной теоріи, свѣтъ примѣняется какъ средство умаленія и отрицанія истинной и великой научной заслуги именно того, благодаря кому прежній незначительный писатель возросъ до ранга «предшественника».

ныя понятія, пока не произведена самостоятельная научно-методическая и критическая работа выдѣленія и опредѣленія надлежащаго класса предметовъ, независимо отъ какой бы то ни было посторонней указки. Притомъ нужно еще принять во вниманіе, что до исполненія такой работы и подтвержденія этимъ путемъ объективной удачности установившихся подъ вліяніемъ языка понятій, нельзя даже съ научною основательностью знать, что извѣстныя понятія объективно удачны.

Поэтому и высказанное выше положеніе о томъ, что юристамъ при образованіи понятія права и разграниченіи областей своей науки и науки о нравственности ужъ лучше было бы слѣдовать тому же масштабу, которому слѣдуютъ моралисты въ своей области, т. е. общенародному, а не профессіональному словоупотребленію, слѣдуетъ понимать лишь въ относительномъ смыслѣ—выбора изъ двухъ научныхъ золъ меньшаго, такого, которое, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ шансовъ объективной удачи представляетъ нѣчто положительное, а не отрицательное.

Съ принципіально-научной точки зрѣнія и по адресу общенароднаго языка, какъ ни велика его классо-образовательная безсознательная «геніальность», слѣдуетъ подчеркнуть:

Наука должна быть суверенною во всѣхъ отношеніяхъ и направленіяхъ, и никакія указки для нея не авторитетъ; она должна собственною мыслью создавать и оправдывать тѣ умственные продукты, которые ей нужны, и для этого вырабатывать сознательно-критическіе методы и критеріи правильности и обоснованности.

---

§ 5 Образованіе классовыхъ понятій и критеріи правильности теоретическихъ понятій и сужденій.

Для научнаго рѣшенія проблемъ, состоящихъ въ образованіи тѣхъ классовыхъ понятій, которыя имѣютъ быть центральными и основными для цѣлыхъ наукъ или ихъ частей и развѣтвленій, слѣдуетъ не только принципіально отличать эти проблемы отъ вопросовъ о томъ, что какъ въ какой либо лингвистической сферѣ называется, и тщательно избѣгать всякаго смѣшенія соотвѣтственныхъ, по существу совершенно различныхъ, точекъ зрѣнія, данныхъ и т. д., но и отрѣшиться вообще и прежде всего отъ такихъ или иныхъ собственныхъ или чужихъ привычекъ называнія объектовъ изслѣдуемыхъ областей и оставить вопросъ о называніи совсѣмъ въ сторонѣ. Классъ и его понятіе, съ одной стороны, названія классовъ, съ другой стороны — совершенно различныя и другъ съ другомъ ничего общаго не имѣющія вещи, и очень важно къ вопросамъ о классахъ и классовыхъ понятіяхъ, какъ таковыхъ, не примутывать вопросовъ о словахъ, именахъ и называніяхъ.

Что такое классы и классовыя понятія, мы опредѣлили выше (стр. 39). Изъ этого опредѣленія видно, что всякая мысль, соотвѣтствующая схемѣ: «все, что обладаетъ признакомъ *a*», будетъ классовымъ понятіемъ, а всѣ мыслимые объекты (независимо отъ существованія въ дѣйствительности),

соотвѣтствующіе такой идеѣ (всѣ объекты, обладающіе свойствомъ *a*), будутъ составлять классъ. Напр., «все бѣлое», «черные предметы», «круглыя вещи», «предметы длиною въ аршинъ», «птицы, несущія золотыя яйца»—классы, а соотвѣтствующія идеи—классовыя понятія.

Отсюда слѣдуетъ:

1. Что образованіе классовыхъ понятій и классовъ, какъ таковое, отнюдь не предполагаетъ какихъ бы то ни было умышленныхъ или неумышленныхъ порочныхъ круговъ (ср. выше стр. 43); подставляя въ схему: «все, обладающее свойствомъ *a*» вмѣсто *a* какой либо признакъ, мы вовсе не совершаемъ никакого логическаго круга и вообще никакой нелогичности.

2. Что для образованія классовыхъ понятій отнюдь не требуется обозрѣнія всевозможныхъ объектовъ ихъ для констатированія наличности какихъ либо всѣмъ имъ общихъ признаковъ. При правильномъ пониманіи существа классовыхъ понятій и ихъ образованія это оказывается не только неисполнимымъ, но и совершенно лишнимъ, лишеннымъ смысла. Подставляя въ нашу схему какіе либо признаки и образуя такимъ образомъ классовыя понятія, мы тѣмъ самымъ, безъ всякихъ вообще дальнѣйшихъ работъ, достигаемъ того, что всѣ объекты нашихъ классовыхъ понятій будутъ обладать общими признаками—на томъ простомъ основаніи, что только тѣ предметы, которые обладаютъ тѣмъ, что мы возвели въ классовый признакъ, и будутъ относиться къ данному классу. Напр., всѣ объекты образованнаго нами понятія «бѣлые предметы» неизбѣжно будутъ обладать общимъ свойствомъ—бѣлизною, но не потому, чтобы мы для образованія этого понятія предварительно исполнили невозможную и нелѣпую работу осмотра всѣхъ бѣлыхъ предметовъ, а потому, что, образовавъ понятіе «бѣлые предметы», такъ и слѣдуетъ относить къ этому классу отнюдь не черные и т. п., а конечно бѣлые и только бѣлые предметы. Между прочимъ, цѣнность классовыхъ понятій, какъ особыхъ орудій мышленія, добыванія и примѣненія познаній, состоитъ въ значительной степени, какъ яснѣе будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, въ томъ, что они обнимаютъ и будущія, еще не существовавшія и потому не имѣвшія возможности быть подвергнутыми наблюденію, явленія, и вслѣдствіе этого служатъ средствомъ предвидѣнія такихъ или иныхъ результатовъ разныхъ возможныхъ факторовъ и воздѣйствій, въ томъ числѣ такихъ или иныхъ поступковъ. Съ традиціонной точки зрѣнія осмотра объектовъ образуемаго понятія для констатированія наличности всѣмъ имъ общихъ признаковъ, понятія имѣли бы только такъ сказать ретроспективное, воспоминательное значеніе.

3. Точно также не требуется для образованія понятій исполненія (еще болѣе невозможной, если можно говорить о степеняхъ невозможности) работы обзора прочихъ, хотя бы только «сродныхъ», объектовъ для нахожденія отличительныхъ, у всѣхъ прочихъ объектовъ отсутствующихъ, признаковъ. При правильномъ пониманіи существа классовыхъ

понятій и ихъ образованіи и это оказывается не только неисполнимымъ, но и совершенно лишнимъ, лишеннымъ смысла. Подставляя въ нашу схему какіе либо признаки и образуя такимъ образомъ классовыя понятія, мы тѣмъ самымъ, безъ всякихъ вообще дальнѣйшихъ работъ, достигаемъ того, что всѣ объекты нашихъ классовыхъ понятій будутъ обладать отличительными признаками—на томъ простомъ основаніи, что всѣ тѣ предметы, которые обладаютъ тѣмъ признакомъ, который мы возвели въ классовый, будутъ относиться къ данному классу, стало быть, за предѣлами его останутся лишь предметы, не обладающіе этимъ признакомъ, стало быть, отличные отъ объектовъ нашего класса. Напр., всѣ объекты образованнаго нами понятія «бѣлые предметы» неизбѣжно будутъ отличаться своимъ цвѣтомъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, но не потому, чтобы мы исполнили невозможную и нелѣпую работу осмотра всѣхъ прочихъ или хотя бы только «сродныхъ», напр., свѣтло-сѣрыхъ и т. п., предметовъ, а потому, что, образовавъ понятіе «бѣлые предметы», мы и должны относить къ этому классу все бѣлое и не относить небѣлые предметы.

4. Изъ двухъ предыдущихъ положеній видно, что при надлежащемъ пониманіи и образованіи классовыхъ понятій не можетъ быть вовсе такихъ бѣдствій и затрудненій, борьба съ которыми представляетъ главное занятіе изслѣдователей, пытающихся образовать понятія права, нравственности, государства и множества другихъ безуспѣшно отыскиваемыхъ понятій, и которыя состоятъ въ томъ, что оказываются наличными такіе предметы, которые «противорѣчатъ» предлагаемымъ формуламъ, напр., «нормы права», которыя не обладаютъ признакомъ, объявленнымъ общимъ «всѣмъ нормамъ права», или такіе «нравы», которые обладаютъ тѣмъ, что объявлено отличительнымъ признакомъ «права» отъ «нравовъ»; одни предметы не подходятъ подъ выставленную формулу, такъ что приходится ихъ насильно, путемъ разныхъ, съ логической точки зрѣнія весьма рѣшительныхъ и болѣзненныхъ, операцій, подводить подъ понятіе, а другіе, непрошенные, предметы сами лѣзутъ въ рамки понятія, такъ что приходится разными отчаянными мѣрами заграждать имъ путь, не пускать. Эти затрудненія объясняются отсутствіемъ правильнаго пониманія существа классовыхъ понятій и надлежащихъ пріемовъ ихъ образованія и (какъ уже указано выше) отождествленіемъ проблемъ образованія понятій съ опредѣленіемъ того, что въ извѣстной лингвистической сферѣ по привычкѣ называется извѣстнымъ именемъ.

Если исходить изъ словъ и ихъ примѣненія, составлять коллекціи примѣровъ объектовъ, называемыхъ такъ-то, и объектовъ, называемыхъ иначе, и заниматься отыскиваніемъ признаковъ, наличныхъ во всѣхъ примѣрахъ перваго рода и отсутствующихъ во всѣхъ примѣрахъ второго рода, тогда, конечно, часто должно случаться, что образованная по однимъ примѣрамъ формула не подойдетъ къ другимъ примѣрамъ примѣненія тѣхъ же словъ. Если же образовать классовыя понятія не по именамъ

и привычкамъ ихъ примѣненія, а по свойствамъ предметовъ по указанной схемѣ и въ указанномъ смыслѣ, то никакихъ предметовъ, «противорѣчащихъ» образуемымъ такимъ образомъ понятіямъ, по самому существу дѣла, быть не можетъ.

Вообще правильно понимаемое образованіе понятій, какъ таковое, не встрѣчаетъ никакихъ особыхъ препятствій и затрудненій и не предполагаетъ для ихъ устраненія или обхода ни какихъ либо «гносеологическихъ» или иныхъ тонкостей, ни какихъ либо умышленныхъ или неумышленныхъ логическихъ погрѣшностей и т. п. *). Вмѣсто обозрѣнія необозримаго множества предметовъ для образованія одного понятія (да и то съ нарушеніемъ общихъ началъ человѣческой логики), на самомъ дѣлѣ достаточно взгляда на одинъ какой либо предметъ, чтобы имѣть достаточно матеріала для логически вполнѣ корректнаго образованія множества классовыхъ понятій—путемъ подставленія въ общую схему понятій различнѣйшихъ признаковъ этого предмета (напр., предметы такой-то формы,—такого-то объема, предметы такого-то вѣса,—состава,—цвѣта и проч., и проч.). Для этого не нужно даже подвергать что либо конкретное осмотру или изученію. Откуда бы и по какому бы поводу намъ ни пришли въ голову представленія какихъ либо свойствъ, признаковъ, мы можемъ ихъ возвести въ классовые признаки и образовать, такимъ образомъ, классовыя понятія и классы **).

Но далѣе возникаетъ выходящій уже за предѣлы общихъ началъ человѣческой логики, но весьма важный съ точки зрѣнія науки и научной методологіи, вопросъ такого свойства:

Далеко не всѣ безукоризненные съ обще-логической точки зрѣнія классовыя понятія и классы могутъ имѣть значеніе и цѣнность въ наукѣ, какъ таковой. И такіе, напр., классовыя понятія и классы, какъ: сигары въ 10 к. цѣною или—въ 10 лотовъ вѣсомъ, животныя съ длинными ногами и короткимъ хвостомъ и т. п. ничѣмъ не грѣшатъ противъ логики; но научное ихъ значеніе болѣе чѣмъ сомнительно.

И вотъ спрашивается: каковы условія и критеріи годности классо-

---

*) Ср. выше, стр. 43 и сл. Разныя гносеологическія и логическія тонкости и осложненія, крайне запутывающія и затемняющія ученія современныхъ передовыхъ логиковъ объ образованіи понятій (ср. напр., наиболѣе выдающееся вообще руководство по логикѣ новѣйшаго времени, Sigwart, Logik, т. I §§ 40 и сл., т. II §§ 75 и сл., § 94), объясняются главнымъ образомъ ошибочными представленіями о существѣ понятій. Подробное изложеніе и разборъ разныхъ сюда относящихся современныхъ теорій и недоразумѣній потребовали бы здѣсь слишкомъ много мѣста; для нашей цѣли изложенныя выше и слѣдующія ниже замѣчанія, которыя, впрочемъ, содержатъ вмѣстѣ съ положительною теоріей образованія научныхъ понятій также implicite и критику разныхъ другихъ теорій, представляются достаточными.

**) Заниматься перечисленіемъ всевозможныхъ поводовъ образованія классовыхъ понятій, напр., всѣхъ сортовъ умственныхъ процессовъ, которые могутъ насъ привести къ концепціи такихъ или иныхъ классовыхъ понятій (куда, между прочимъ, относятся и сновидѣнія) было бы, очевидно, праздным дѣломъ, лишенною смысла тратою времени.

выхъ понятій (предполагая ихъ обще-логическую безпорочность) съ точки зрѣнія задачи научнаго познанія и объясненія явленій?

Мы уже знаемъ, что такимъ критеріемъ отнюдь не можетъ служить согласіе понятія съ общимъ, а тѣмъ болѣе съ профессіональнымъ или инымъ спеціально-практическимъ словоупотребленіемъ; но теперь требуется положительно указать, что нужно принимать во вниманіе, чтобы образовать надлежащія научныя понятія; что можетъ служить оправданіемъ и обоснованіемъ научной удовлетворительности предлагаемыхъ кѣмъ либо классовыхъ понятій; что является надлежащимъ масштабомъ для сознательно научной критики множества уже существующихъ, но еще надлежащей критикѣ не подвергнутыхъ понятій, и т. д.

Удовлетворяющими задачѣ научнаго познанія и объясненія явленій слѣдуетъ признавать такія классовыя понятія и классы, относительно коихъ существуютъ или могутъ быть образованы адэкватныя научныя теоріи.

Подъ теоріями мы здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи разумѣемъ утвержденія какихъ либо истинъ относительно классовъ объектовъ, будутъ ли это отдѣльныя сужденія этого рода, или большія или меньшія ихъ совокупности, или же цѣлыя самостоятельныя науки или болѣе или менѣе обширныя части ихъ; напр., біологія, соціологія, психологія суть теоріи въ нашемъ смыслѣ, поскольку онѣ содержатъ или стремятся создать совокупности истинъ, касающихся классовъ: явленія жизни, общественныя, психическія явленія и т. д. *). Научныя теоріи—сознательно-

*) Слово «теорія» весьма часто примѣняется, но не имѣетъ не только въ обиходномъ языкѣ, но и въ научной литературѣ, въ томъ числѣ юридической, характера имени опредѣленнаго класса, а употребляется въ различныхъ смыслахъ или вообще безъ ясно сознаваемаго смысла. Между прочимъ, Штаммлеръ, выступая въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи: «Die Lehre von dem richtigen Rechte», 1902, въ пользу учрежденія, въ качествѣ особой самостоятельной правовой науки, такой дисциплины, которая бы, въ отличіе отъ существующихъ юридическихъ наукъ, изучающихъ положительное право, какъ оно есть, развивала начала правильнаго, надлежащаго права, способнаго вызвать опредѣленные благіе результаты (ein gewisser Erfolg), предлагаетъ называть эту будущую науку «теоретическимъ правовѣдѣніемъ». Существующія уже юридическія дисциплины, въ томъ числѣ т. н. «общее ученіе о правѣ» («Allgemeine Rechtslehre oder jurist. Principienlehre», стр. 4) онъ называетъ «техническимъ правовѣдѣніемъ» («technische Rechtslehre»), стр. 3 и сл. Авторъ вообще обнаруживаетъ необычную въ нѣмецкой научной литературѣ склонность придавать путемъ особыхъ наименованій, особыхъ, имѣющихъ своеобразный и подчасъ замысловатый видъ, формулъ и т. п. внѣшнихъ средствъ оригинальный видъ идеямъ, которыя бы безъ такихъ масокъ не произвели впечатлѣнія оригинальныхъ идей. (Напр., идея, положенная Штаммлеромъ въ основу его сочиненія объ отношеніи хозяйства и права, «Wirthschaft und Recht», и формулированная имъ такъ, что право является «формою», а экономическія явленія «матеріею», какъ видно изъ разныхъ частей его же сочиненія, сводится, говоря болѣе ясными и опредѣленными терминами, къ той, уже предложенной и проведенной въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ юридико-экономическихъ изслѣдованій до появленія сочиненія Штаммлера, теоріи, по которой экономическія явленія опредѣляются правовою мотивацією, мотивами массоваго поведенія, исходящими отъ права; подъ имѣющею весьма глубокомысленный и замысловатый видъ формулою выставленнаго Штам-

методически (и систематически) обоснованныя теоріи, или теоріи вмѣстѣ съ ихъ научно-методическими основаніями.

Подъ «адэкватными» научными теоріями мы разумѣемъ такія теоріи, въ которыхъ то, что высказывается (логическія сказуемыя, предикаты вмѣстѣ съ ихъ основаніями), истинно именно относительно того класса объектовъ, о которомъ оно высказывается (мыслится); такъ что, если о какомъ либо видѣ какого либо рода или объ его подвидѣ и т. д. высказывается нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ истинно относительно всего рода или вообще болѣе обширнаго класса, или имѣется налицо обратное несоотвѣтствіе, то это не будутъ адэкватныя теоріи въ нашемъ смыслѣ.

Для пониманія существа и научнаго значенія адэкватности теорій въ нашемъ смыслѣ необходимо принять во вниманіе слѣдующее:

Такія сужденія о классахъ и теоріи вообще, даже очень обильныя теоріи, которыя не содержатъ въ себѣ никакой прямой неправды, которыя правильны лишь въ томъ смыслѣ, что утверждаемое относительно даннаго класса не можетъ быть (основательно) отвергнуто относительно всѣхъ или нѣкоторыхъ объектовъ этого класса, можно было бы легко создавать въ неограниченномъ множествѣ относительно всевозможнѣйшихъ классовъ, хотя бы образованныхъ совершенно наудачу и случайно.

Напримѣръ, относительно классовъ: «сигары вѣсомъ въ 10 лотовъ», «собаки съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей» и т. п. можно было бы высказать столь большія массы такихъ «истинъ», образовать столь обширныя теоріи этого рода, что ихъ изложеніе заполнило бы многіе

мѣромъ въ томъ же сочиненіи соціальнаго идеала: «общеніе свободно хотящихъ людей», «eine Gemeinschaft frei wollender Menschen», скрывается идеалъ любви, «свободы отъ эгоизма», ср. полемическія замѣчанія автора по этому вопросу по моему адресу въ его сочиненіи «Das Recht der Schuldverhältnisse», 1897, стр. 41, и проч. и проч.). Продуктомъ той же склонности является, повидимому, и идея желательности и необходимости основанія особой самостоятельной правовой науки «теоретическаго правовѣдѣнія»; авторъ избѣгаетъ болѣе естественнаго и подходящаго имени «политика права», подъ которымъ до него предлагалось основаніе соотвѣтственной самостоятельной, методической и систематической дисциплины, и предпочитаетъ имя теоріи права, теоретическаго правовѣдѣнія. Оказалось это возможнымъ потому именно, что слово «теорія» не имѣетъ характера установившагося научнаго термина съ опредѣленнымъ смысломъ.

Сравнительно ясный и опредѣленный смыслъ имѣютъ въ научной литературѣ выраженія „теоретическая точка зрѣнія“, „теоретическія науки“ и т. п. въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ противопоставляется „практическая точка зрѣнія“, „практическія науки“ и т. п. Въ такихъ контекстахъ „теоретическая точка зрѣнія“ означаетъ, согласно этимологіи слова, точку зрѣнія объективнаго наблюденія и изученія, констатирующаго сущее, какъ оно есть, въ отличіе отъ точки зрѣнія желательнаго, должнаго и т. п. Въ этомъ смыслѣ и констатированіе какого либо конкретноединичнаго факта, напр., что Сократъ умеръ отъ яда, будетъ теоретическимъ сужденіемъ; исторія, географія и т. д. будутъ теоретическими науками и т. д. Такъ какъ для противопоставленія „практической точки зрѣнія“ нѣтъ лучшаго выраженія нежели «теоретическая точка зрѣнія», то это словоупотребленіе можетъ быть сохранено на ряду съ понятіемъ и именемъ „теорія“, „теоріи“ (или „теорія въ тѣсномъ смыслѣ“) въ смыслѣ объективныхъ сужденій о классахъ и совокупностей такихъ сужденій.

толстые томы. Относительно «сигаръ, вѣсящихъ 10 лотовъ» можно, напр., утверждать, что онѣ, будучи приведены въ движеніе, стремятся двигаться въ томъ же направленіи и съ такою же скоростью (инерція), что онѣ подвержены земному притяженію, падаютъ (стремятся падать, поскольку нѣтъ тренія воздуха и иныхъ осложненій) по такимъ то законамъ, что онѣ подвержены расширенію отъ теплоты и проч. и проч. (ср. содержаніе механики и физики вообще); далѣе можно высказать множество истинныхъ положеній относительно ихъ химическаго состава и соотвѣтственныхъ безчисленныхъ общихъ всѣмъ имъ вслѣдствіе наличности общихъ составныхъ элементовъ (напр., углерода) химическихъ свойствъ (напр., горѣнія, частичной несгораемости и т. п.); по поводу разныхъ элементовъ ихъ состава (въ томъ числѣ, напр., никотина) можно сверхъ того высказать немало положеній о вліяніи ихъ куренія, введенія въ желудокъ путемъ ѣды и т. п. на животный или спеціально человѣческій организмъ: слѣдующіе томы нашей воображаемой «науки о сигарахъ вѣсомъ въ 10 лотовъ» можно было бы заполнить истинами біологическаго характера по поводу клѣточной структуры табачныхъ листьевъ, свертки коихъ представляютъ сигары; затѣмъ, истинами спеціально ботаническаго характера, сначала такими, напр., которыми интересуются спеціалисты по общей анатоміи растеній и т. п., затѣмъ такими, которыя интересуютъ тѣхъ, которые спеціально изучаютъ нѣкоторыя вѣтви растительнаго царства, причемъ на каждую ступень приближенія отъ весьма обширнаго класса: «растенія» до (сравнительно очень узкаго) класса: «табакъ», можно было бы предназначить по одному тому. Но этимъ еще далеко не было бы исчерпано содержаніе возможной «науки о сигарахъ вѣсомъ въ 10 лотовъ». Дѣло въ томъ, что объ этомъ классѣ можно было бы еще установить немало истинъ такого характера и направленія, какой свойственъ разнымъ общественнымъ наукамъ, напр., политической экономіи; такъ можно, напр., утверждать, что рыночная цѣна «сигаръ въ 10 лотовъ вѣсомъ» находится въ такой то зависимости отъ спроса и предложенія, въ такой то зависимости отъ заработной платы, ренты, процента на капиталъ и проч. и проч. Даже юристы, констатировавъ, что «сигары въ 10 лотовъ вѣсомъ» относятся къ «движимымъ вещамъ», къ «замѣнимымъ вещамъ» и т. п., сумѣли бы обогатить кое какими свѣдѣніями нашу воображаемую «науку». Такого же рода обширныя «науки» могли бы быть образованы относительно «собакъ съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей», относительно «оловянныхъ солдатиковъ» и т. п.

Но такія «науки» были бы пародіей науки и наглядным образцомъ того, какъ не слѣдуетъ образовать теорій; онѣ были бы иллюстраціей промаховъ и пороковъ, которыхъ тщательно слѣдуетъ избѣгать при образованіи научныхъ теорій. Ненаучность подобныхъ теорій, ихъ научная порочность состояла бы въ неадэкватности ихъ, а именно, въ томъ, что высказываемое въ нихъ (логическія сказуемыя) было бы отнесено къ неподходящимъ, слишкомъ узко очерченнымъ классамъ, между тѣмъ какъ

оно правильно и должно было бы быть отнесено къ болѣе обширнымъ классамъ; напр., положенія объ инерціи, о притяженіи къ землѣ и т. д. высказаны только относительно сигаръ, да еще почему то относительно «сигаръ вѣсомъ въ 10 лотовъ» или относительно «собакъ съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей», между тѣмъ какъ дѣло идетъ о томъ, что въ дѣйствительности относится ко всѣмъ физическимъ тѣламъ, т. е. къ гораздо болѣе обширному классу предметовъ.

Такія теоріи не даютъ надлежащаго научнаго свѣта и даже затемняютъ существо дѣла. Онѣ способны вводить въ заблужденія, создавая ошибочныя предположенія, будто то свойство, которое приписано объектамъ даннаго класса, представляетъ особенность этихъ предметовъ, нѣчто имъ спеціально принадлежащее, и вызываютъ, тоже ошибочную, идею о существованіи какой то связи между тѣмъ, что приписано предметамъ, обладающимъ извѣстнымъ признакомъ, и этимъ признакомъ.

Конечно, утвержденія въ родѣ: «сигары въ 10 лотовъ вѣсомъ подвержены земному притяженію», «люди низкаго роста не могутъ жить безъ воздуха» едва ли кого либо введутъ въ заблужденіе, будто иныя сигары и вообще иные вещественные предметы не подвержены земному притяженію, будто необходимость воздуха для поддержанія жизни зависитъ отъ роста человѣка и т. п. — потому что ясно и хорошо извѣстно, что это не такъ; и другіе логическіе пороки и неправильности безвредны, если они ясны, если, напр., ясна правильность противоположнаго ошибочно утверждаемому и проч. Но въ случаяхъ отсутствія достаточной освѣдомленности въ области, о которой идетъ рѣчь, если выставляются такія теоріи съ неправильно подобраннымъ классомъ, заблужденія указаннаго рода вполнѣ естественны и могутъ быть весьма вредными.

Какъ бы то ни было, надлежащими, совершенными научными теоріями слѣдуетъ признавать лишь такія, въ которыхъ то, что высказывается, отнесено къ надлежащему, а именно, къ столь обширному классу, какъ это по содержанію и основаніямъ высказываемаго соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Другими словами: въ основу образованія научныхъ теорій должно быть положено въ качествѣ принципа научной методологіи то правило, что слѣдуетъ заботиться объ адэкватности теорій въ смыслѣ отнесенія высказываемаго къ надлежащимъ достаточно обширнымъ классамъ объектовъ.

Такія теоріи, которыя грѣшатъ противъ начала достаточно обширнаго класса, т. е. теоріи, въ которыхъ сказуемыя отнесены къ слишкомъ узко очерченнымъ кругамъ объектовъ, мы будемъ называть хромыми теоріями (онѣ напоминаютъ неэстетическіе образы большихъ и громоздкихъ предметовъ, положенныхъ на недостаточныя по размѣру или числу подставки—«подлежащія»).

Благопріятную почву для появленія и размноженія хромыхъ сужденій и цѣлыхъ болѣе или менѣе обширныхъ ученій съ такимъ порокомъ

представляютъ, между прочимъ, такія области теоретическаго творчества, въ которыхъ изслѣдованіе подчиняется профессіональнымъ привычкамъ называнія или иным словоупотребленіямъ, снабжающимъ однимъ именемъ разные избранные виды или подвиды, или разновидности какого либо рода (болѣе обширнаго класса) съ исключеніемъ прочихъ видовъ или подвидовъ, или разновидностей того же рода (изъ за меньшей практической годности ихъ или т. п.). Общимъ для всѣхъ такихъ одноименныхъ предметовъ будетъ все то, что является общимъ для того рода, изъ области котораго сдѣланъ наборъ этихъ разныхъ видовъ, подвидовъ и т. д.; но всѣ сужденія, констатирующія такія общія свойства и ихъ совокупности, будутъ непремѣнно хромыми ученіями, ибо они отнесены не къ роду, какъ слѣдовало бы по началу надлежащаго класса, а лишь къ нѣкоторой части этого класса. Напр., относительно зелени въ кулинарномъ смыслѣ можно, конечно, высказать много такихъ положеній ботаническаго характера, которыя будутъ истинны относительно всѣхъ сортовъ зелени, но эти ученія будутъ хромыми ученіями: то, что обще всѣмъ сортамъ зелени, на самомъ дѣлѣ является общимъ для болѣе обширнаго круга предметовъ. Такой же характеръ имѣла бы зоологическая теорія «дичи» въ кулинарномъ или охотничьемъ смыслѣ, и т. д. Между прочимъ, такого рода ученія—не только хромыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мнимыя теоріи (съ объективной точки зрѣнія вообще не теоріи), т. е. кромѣ хроманія онѣ страдаютъ еще тѣмъ порокомъ, что онѣ суть сужденія о мнимыхъ, на самомъ дѣлѣ, въ смыслѣ объективнаго различія и сходства явленій, вообще не существующихъ классахъ объектовъ. (каковой порокъ—естественное явленіе вообще въ тѣхъ областяхъ изслѣдованія, гдѣ существуетъ подчиненіе руководству словъ, наименованій).

Дальнѣйшимъ обильнымъ источникомъ хромыхъ теорій является привнесеніе въ теоретическія изслѣдованія разныхъ практическихъ точекъ зрѣнія и тенденцій. Тѣ группы предметовъ, съ которыми связаны какіе либо современные практическіе интересы, обращаютъ на себя главное или исключительное вниманіе не только «практичныхъ людей», но и изслѣдователей, заслоняя собою прочее, по объективной природѣ однородное, и на почвѣ такого суженія научнаго горизонта процвѣтаютъ хромыя теоріи, какъ подлинныя, такъ и мнимыя.

Ниже мы будемъ имѣть случай указать еще на другія обстоятельства, способствующія въ связи съ упомянутыми тому, что совокупность существующихъ теоретическихъ мнѣній, убѣжденій, ученій—весьма нуждается въ тщательномъ критическомъ пересмотрѣ и исправленіи съ точки зрѣнія принципа надлежащаго, достаточно обширнаго класса.

Что касается самаго исправленія, то: 1) для приведенія въ надлежащее состояніе подлинныхъ, но хромыхъ теорій, очевидно, необходимо замѣнить наличныя въ нихъ слишкомъ узкія классовыя понятія (и классы) надлежащими высшими, болѣе обширными понятіями, напр., подвиды видами или родами и т. д. (какъ узнать, что данный классъ слишкомъ узокъ и каковъ надлежащій классъ, объ этомъ ниже); иногда можетъ оказаться достаточнымъ образованіе и подставленіе одного надлежащаго понятія для исправленія весьма обширной теоріи, обширной совокупности классовыхъ сужденій; иногда для этой цѣли необходимо образовать цѣлый рядъ, цѣлую іерархи-

ческую лѣстницу понятій разныхъ высотъ (степеней общности); послѣднее въ томъ случаѣ, если данная болѣе или менѣе обширная теорія, напр., цѣлая теоретическая наука, представляетъ смѣсь положеній различныхъ степеней хроманія, напр., изъ того, что высказано о видѣ, къ которому теорія отнесена, кое что истинно относительно рода, кое что—относительно надъ-рода, кое что—относительно еще болѣе высокаго класса и т. д.; 2) для приведенія въ надлежащій видъ хромыхъ и въ то же время мнимыхъ теорій, напр., сужденій и совокупностей сужденій о сборныхъ, какимъ либо профессіонально-практическимъ именемъ внѣшне-объединенныхъ, группахъ, необходимо найти тотъ классъ, изъ элементовъ коего набрана данная эклектическая группа; иногда сверхъ соотвѣтственнаго, ближайшаго класса окажется необходимымъ еще образованіе болѣе обширныхъ классовъ (см. выше sub 1).

Что касается результатовъ такой ревизіи и исправленій, то они могутъ быть двоякаго рода:

1. Простое упраздненіе теоріи безъ какого либо новаго положительнаго пріобрѣтенія для науки. Таковъ будетъ результатъ исправленія хромой, подлинной или мнимой, теоріи въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ надлежащаго исправленія окажется, что въ какой либо наукѣ уже есть соотвѣтственная, вполнѣ правильная теорія (ср., напр., разныя положенія приведенной выше «науки о сигарахъ въ 10 лотовъ вѣсомъ»). Впрочемъ, уже само очищеніе науки отъ мусора хромыхъ или еще болѣе уродливыхъ умственныхъ продуктовъ—хромыхъ и въ то же время и мнимыхъ теорій—есть нѣчто цѣнное.

2. Большинство хромыхъ теорій, естественно, именно тѣмъ держится, что нѣтъ надлежащихъ теорій, и это способствуетъ незамѣтности ихъ порока. Поэтому обыкновеннымъ результатомъ исправленія хромыхъ, какъ подлинныхъ, такъ и мнимыхъ теорій, будетъ нѣчто еще болѣе цѣнное для науки, нежели простое упраздненіе неправильной теоріи, а именно, замѣна теоріи сравнительно узкой по объему, по области приложенія, и неправильной—теоріей, вполнѣ правильной и болѣе широкой, дающей болѣе научнаго свѣта, такой теоріей, которая совершенна сама по себѣ и къ тому же освѣщаетъ и такія пространства, которыя при прежней, хромой теоріи находились вообще въ научномъ мракѣ. Пріобрѣтенія тѣмъ цѣннѣе въ обоихъ смыслахъ, чѣмъ большей степенью хроманія страдала теорія до исправленія, чѣмъ, слѣдовательно, больше происшедшее расширеніе класса; напр., замѣна одного изъ подвидовъ цѣлымъ видомъ—цѣнное пріобрѣтеніе, а замѣна одного изъ подвидовъ цѣлымъ родомъ или еще болѣе общимъ понятіемъ—еще болѣе грандіозное научное пріобрѣтеніе, и т. д.

Если фактическое положеніе въ наукѣ таково, что существуетъ нѣсколько дисциплинъ (или нѣсколько вѣтвей одной дисциплины), изучающихъ разныя категоріи сродныхъ предметовъ, т. е. разные виды (или неполные виды, избранные, привилегированные случайно подвиды и т. п.) одного и того же рода (напр., наука о правѣ—наука о нравственности), а теорій соотвѣтственнаго общаго рода (напр., рода «этическія явленія», разумѣя подъ этимъ выраженіемъ болѣе общій классъ, включающій въ себѣ и право, и нравственность) не существуетъ, и на этой почвѣ эти сродныя, соподчиненныя вѣтви знанія загрязняются хромыми теоріями (разное изъ того,

что имъ удается найти, какъ истинное и общее для всѣхъ ими спеціально изучаемыхъ объектовъ, на самомъ дѣлѣ истинно относительно общаго, высшаго рода, напр., свойственно не спеціально нравственности, какъ таковой, или праву, какъ таковому, а этическимъ явленіямъ вообще),—то результатомъ ревизіи и корректуры съ точки зрѣнія нашего методологическаго принципа должно быть: 1) образованіе новой высшей, въ одинаковомъ отношеніи верховности ко всѣмъ сроднымъ дисциплинамъ находящейся науки (или вообще высшей теоріи); 2) очищеніе всѣхъ сродныхъ дисциплинъ сразу отъ соотвѣтственныхъ хромыхъ теорій.

Вообще изъ общаго методологическаго закона надлежащей общности теоретическаго класса-подлежащаго вытекаетъ на ряду съ другими слѣдующая частная теорема:

Если есть n видовъ сродныхъ предметовъ, то теоретическихъ наукъ, вообще теорій, должно быть $n+1$; напр., при наличности 2-хъ видовъ требуется $2+1=3$ науки; при наличности 3 видовъ — 4 науки и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если классъ a (напр., правовыя явленія) и классъ b (напр., нравственныя явленія)—дѣйствительно классы сродныхъ явленій, т. е. на ряду со своими спеціальными особенностями имѣютъ и общія черты и свойства, относятся къ тому же высшему роду, то для надлежащаго познанія объектовъ того и другого класса необходимо какъ знаніе родовыхъ, общихъ, такъ и специфическихъ свойствъ; но при наличности только двухъ дисциплинъ, теоріи a (напр., права) и теоріи b (нравственности) такое знаніе невозможно въ видѣ вполнѣ правильныхъ теорій, а неизбѣжно или полное отсутствіе знанія родовыхъ свойствъ или же наличность въ обѣихъ дисциплинахъ хромыхъ теорій; для избѣжанія того или другого необходимо на ряду съ двумя видовыми дисциплинами, изучающими и излагающими специфическія особенности класса a и класса b, еще одна высшая, родовая дисциплина C, изучающая и излагающая свойственное общему роду. Также можно доказать необходимость 4-хъ теорій для изученія трехъ классовъ сродныхъ явленій, 5-ти теорій для изученія 4-хъ сродныхъ классовъ и т. д., однимъ словомъ необходимость $n+1$ теорій для n сродныхъ классовъ.

Съ помощью этой простой теоремы было бы, между прочимъ, легко открыть и доказать наличность въ наукѣ вообще немалаго количества вредныхъ пробѣловъ и методологическую необходимость построенія многихъ теорій и даже цѣлыхъ новыхъ наукъ, которыя теперь, къ сожалѣнію, отсутствуютъ, хотя подчасъ для построенія ихъ есть даже готовый сырой матеріалъ—въ видѣ разныхъ хромыхъ болѣе спеціальныхъ ученій. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ соотвѣтственныя дисциплины уже существуютъ или стремятся зародиться, но вслѣдствіе отсутствія сознанія приведенныхъ методологическихъ принциповъ подвергаются сомнѣнію, отрицанію, нападкамъ, сами не могутъ точно и ясно опредѣлить своей темы, своего особаго предмета и доказать такимъ образомъ свое право на существованіе, и т. п.

Въ такомъ состояніи находится, между прочимъ, какъ это ни странно, почтеннѣйшая по положенію среди наукъ дисциплина—философія. Въ древности философами назывались вообще люди, посвящавшіе себя научнымъ размышленіямъ, а «философія» означала вообще науку; затѣмъ постепенное расширеніе и спеціализація знанія повели къ образованію и выдѣленію изъ «философіи» разныхъ спеціальныхъ наукъ, и, въ концѣ кон-

цовъ, философія очутилась предъ вопросомъ, что же для нея остается. Всѣ темы и предметы изученія, повидимому, разобраны: явленія физическаго міра изучаетъ физика и цѣлый рядъ другихъ спеціальныхъ наукъ, психическія явленія изучаетъ психологія и т. д. Еще сохраняется традиція считать нѣкоторыя науки (главнымъ образомъ психологію, этику, эстетику и логику въ связи съ такъ называемой теоріей познанія) «философскими», принадлежащими къ философіи и составляющими ея область дисциплинами *). Но это равняется отрицанію философіи, какъ особой науки, и то же слѣдуетъ сказать объ отождествленіи философіи съ одной какой либо изъ этихъ наукъ, напр., съ теоріей познанія, этикой и т. п. Не спасаетъ философіи, какъ особой науки, и весьма распространенное мнѣніе, по которому особою задачею философіи является приведеніе въ общую, единую, согласную систему знаній, добываемыхъ отдѣльными науками **). Для такой функціи заведенія идейнаго порядка и системы между науками нѣтъ надобности въ спеціальной дисциплинѣ, потому что объ этомъ должны заботиться сами соотвѣтственныя науки безъ всякой посторонней указки (ср. выше стр. 16). Еще менѣе могутъ служить оправданіемъ и научнымъ опредѣленіемъ философіи и ея предмета разныя туманныя изреченія о задачѣ «выработки міросозерцанія» (Weltanschauung), «житейской мудрости» (Lebensweisheit), «житейскаго міросозерцанія» (Lebensansicht) и т. п.

Въ виду отсутствія научнаго оправданія философіи путемъ надлежащаго выдѣленія и опредѣленія для нея особаго предмета и особой области изслѣдованія, вполнѣ естественно, что многіе вообще относятся къ философіи отрицательно, не признаютъ совсѣмъ ея права на существованіе. Положимъ, несмотря на это, отъ времени до времени философія дѣлается не только терпимою, но даже и популярною и модною «наукою», и голоса скептиковъ заглушаются голосами приверженцевъ философіи (хотя они и не могутъ точно опредѣлить предмета своихъ симпатій); но это зависитъ отъ моды (отъ которой не зависятъ другія, болѣе прочно обоснованныя науки), а моды проходятъ...

Какъ бы то ни было вопросъ о предметѣ и задачѣ философіи и даже вопросъ о самомъ правѣ на существованіе философіи—до сихъ поръ спорные вопросы. Съ точки зрѣнія теоремы о необходимости $n+1$ наукъ для надлежащаго изученія n видовъ предметовъ вопросы эти получаютъ несомнѣнное, благопріятное для философіи, и при этомъ ясно и точно опредѣленное, рѣшеніе. А именно, съ точки зрѣнія этой методологической теоремы оказывается, что само представленіе о томъ, будто всѣ предметы изученія уже разобраны разными спеціальными науками, покоится на недоразумѣніи. Несмотря на то, что дѣйствительно физическіе предметы относятся къ области вѣдѣнія физики (въ общемъ смыслѣ наукъ, изучающихъ

*) Ср. W. Windelband, Geschichte der Philosophie, 2-te Aufl. §§ 1, 3, который, впрочемъ, относитъ къ философіи еще и разныя другія матеріи: «философію общества», «философію исторіи» и т. д.

**) Ср., напр., Wundt, Einleitung in die Philosophie §§ 1 и 2, который, впрочемъ, сверхъ того, относитъ къ философіи также «сведеніе примѣняемыхъ въ наукѣ общихъ методовъ и посылокъ познанія къ ихъ основнымъ началамъ»; такимъ образомъ, и у него, какъ и у Виндельбанда, философія получаетъ сборный, эклектическій характеръ—характеръ суммы разнородныхъ темъ.

физическія явленія), а психическіе — къ вѣдѣнію психологіи (въ такомъ же общемъ смыслѣ), или точнѣе: именно потому, что къ области физическихъ наукъ относятся спеціально физическія, а къ области психологическихъ наукъ спеціально психическія явленія, необходима еще одна наука для изслѣдованія еще одного класса явленій, не относящагося къ вѣдѣнію этихъ наукъ. Этотъ классъ есть родъ, обнимающій собою какъ физическія, такъ и психическія явленія, какъ виды, подъ-классы, а именно классъ реальнаго вообще (все, что реально, все, что существовало, существуетъ или будетъ существовать). Иными словами: философія (здѣсь подъ философіей мы разумѣемъ «теоретическую философію», о т. н. «практической философіи» см. ниже) есть или, точнѣе, должна быть спеціальною теоріею реальнаго (какъ единаго класса, высшаго, нежели классы: матеріальное и духовное) въ смыслѣ науки, спеціально изучающей то, что свойственно этому классу, въ отличіе отъ другихъ наукъ, изучающихъ иные классы: классъ физическихъ явленій (физика въ общемъ смыслѣ), классъ психическихъ явленій (психологія въ общемъ смыслѣ) *).

Сверхъ отсутствія порока хроманія для полной правильности теоріи требуется еще, чтобы то, что въ ней высказывается, было отнесено только къ тому классу предметовъ, относительно котораго оно правильно,

---

*) Изъ предложеннаго понятія философіи какъ теоріи, имѣющей предметомъ своего особаго изученія классъ реальнаго вообще, вытекаетъ, между прочимъ:

1) Что философія принципіально отличается отъ какой то, хотя бы въ самую стройную систему приведенной, компиляціи содержанія или главнаго содержанія всѣхъ наукъ (къ чему сводится наиболѣе распространенное теперь опредѣленіе философіи, слова „компиляція“ впрочемъ естественно не примѣняющее). Философія—это спеціальная наука со спеціальнымъ содержаніемъ, такъ что ни одно положеніе какой бы то ни было другой науки не можетъ относиться, какъ таковое, къ ея содержанію, и ни одно положеніе философіи не можетъ, какъ таковое, быть (надлежащимъ) элементомъ, тезисомъ какой либо другой науки. Такое отношеніе рѣзкаго разграниченія, принципіальнаго несмѣшенія, существуетъ (должно существовать) и по отношенію къ наиболѣе сроднымъ наукамъ, къ наукамъ того же класса, т. е. къ теоріямъ, напр., къ физикѣ и психологіи. Даже теоретическіе предикаты, какъ таковые, должны быть принципіально различны въ этихъ наукахъ: въ случаѣ фактическаго совпаденія чего либо утверждаемаго въ философіи (т. е. относительно соотвѣтствующаго класса) съ утверждаемымъ въ физикѣ, психологіи или какой бы то ни было другой наукѣ слѣдовало бы предположить: или 1) что соотвѣтственное утвержденіе физика, психолога или т. п.—хромая теорія (напр., неправильно отнесено спеціально къ физическимъ явленіямъ то, что на самомъ дѣлѣ относится и къ нефизическимъ явленіямъ), или 2) что утвержденіе философа ошибочно, а именно о реальномъ, какъ родѣ, высказывается то, что правильно лишь относительно какого либо вида этого рода, напр., только относительно физическихъ или только психическихъ явленій („прыгающая теорія“, ср. ниже). A fortiori это начало несмѣшенія относится къ наукамъ, которыя вообще не относятся къ классу теорій, высказываютъ совсѣмъ иного рода сужденія. Особеннаго упоминанія здѣсь заслуживаетъ въ этомъ направленіи наука, изучающая грандіознѣйшій конкретно-индивидуальный предметъ (сложный предметъ, комплексъ), включающій въ себѣ, въ качествѣ частицы, землю и даже весь нашъ солнечный міръ, солнечную систему, а именно наука, изучающая весь „космосъ“ міровыхъ тѣлъ. Заслуживаетъ особаго упоминанія, что философія и отъ этой науки принципіально отлична, что ея положенія ничего не имѣютъ общаго и съ положеніями этой науки, въ виду того, что въ разсужденіяхъ о философіи постоянно повторяются слова «міросозерцаніе», «Weltanschauung» и т. п. Для пріобрѣтенія правильнаго представленія о мірѣ, конечно,

а не къ болѣе широкому кругу предметовъ; требуется, чтобы теоретическія подлежащія были не только не слишкомъ узкими, но и не слишкомъ широкими по своему объему.

Такія теоріи, которыя страдаютъ порокомъ, состоящимъ въ отсутствіи ограниченія высказываемаго областью его истинности, въ распространеніи его за эти предѣлы, могутъ быть названы, въ противоположность хромающимъ, прыгающими теоріями (въ нихъ сказуемыя совершаютъ прыжки чрезъ свои естественныя границы въ чуждыя области).

И этотъ, противоположный хроманію, порокъ представляетъ не только въ обыденномъ, житейскомъ мышленіи, но даже и въ наукѣ далеко не рѣдкость. Особенно распространенъ онъ въ области общественныхъ и вообще гуманитарныхъ наукъ. Это относится прежде всего къ т. н. соціологіи, «наукѣ объ обществѣ». Здѣсь мы имѣемъ предъ собою картину все

нужно знать разныя астрономическія и космографическія истины, но къ содержанію философіи эти истины совсѣмъ не относятся.

2) Что къ содержанію философіи спеціально относится отысканіе и констатированіе того, что истинно по отношенію ко всякому явленію, будетъ ли это, напр., паденіе камня или полетъ фантазіи въ душѣ поэта, любовь, ненависть и т. п. На отысканіе общей «природы», общихъ чертъ, общихъ свойствъ всѣхъ явленій, всего реальнаго и должны быть направлены сознательныя и методическія усилія философскаго мышленія, и отъ успѣха такихъ изысканій, отъ нахожденія и научнаго обоснованія соотвѣтственныхъ истинъ и зависитъ фактическое достиженіе философіи—въ смыслѣ научной теоріи реальнаго.

Возникаетъ вопросъ, особенно, напр., при мысли о столь непохожихъ другъ на друга явленіяхъ, какъ паденіе камня и мысль, есть ли вообще что либо общее (и спеціально свойственное) всему реальному, и этотъ вопросъ есть вопросъ to be or not to be для философіи.

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить: до сихъ поръ соотвѣтственныхъ истинъ научно найти и установить не удалось, но мы не знаемъ научныхъ основаній, по которымъ можно было бы утверждать, что этого не удастся достигнуть въ будущемъ; можетъ быть, надлежащія сознательныя и методическія изслѣдованія и увѣнчаются успѣхомъ; во всякомъ случаѣ соотвѣтственная проблема, какъ таковая, и притомъ какъ вполнѣ серіозная и достойная вниманія научная проблема существуетъ.

Между прочимъ, въ философской литературѣ различаются издревле два главныхъ направленія, двѣ главныя школы: матеріализмъ (болѣе древняя школа) и идеализмъ. Матеріализмъ представляетъ въ существѣ дѣла не что иное, какъ своеобразную теорію интересующаго насъ класса; ибо существо матеріалистической философіи сводится къ утвержденію, что все существующее, бывающее, въ томъ числѣ всѣ духовныя явленія, имѣютъ одну природу, а именно, матеріальную; всѣ явленія какъ физическія, такъ и психическія, по этой теоріи, собственно—физическія явленія, сводятся къ матеріи и ея движенію. Это ученіе представляетъ не научно обоснованную теорію, а произвольное утвержденіе, и потому оно не можетъ считаться философіей въ смыслѣ науки философіи, научной философіи. Но если бы эту теорію удалось научно обосновать, то мы обладали бы научной философіей въ установленномъ выше смыслѣ. Идеализмъ, идеалистическая философія тоже подходитъ подъ наше опредѣленіе если не философіи, въ смыслѣ науки, то во всякомъ случаѣ въ смыслѣ философіи, какъ особой темы для изслѣдованія; существо этого ученія (которое правильнѣе называть спиритуализмомъ) сводится къ тому, что все реальное имѣетъ духовную природу, есть проявленіе одного общаго духовнаго начала. Нѣкоторые спиритуалисты, напр., Шопенгауеръ, Гартманнъ, Вундтъ, усматриваютъ это духовное начало въ «волѣ» (волюнтаризмъ), другіе въ разумѣ, интеллектѣ (интеллектуализмъ). Но и эти теоріи, къ сожалѣнію,—произвольныя, научно не обоснованныя утвержденія, такъ что и научной идеалистической философіи не существуетъ.

возрастающаго множества конкурирующихъ теорій, изъ которыхъ каждая возводитъ какой либо особый факторъ или элементъ человѣческой жизни въ «основу» всей общественной жизни и ея исторіи, всѣхъ общественныхъ процессовъ; одни соціологи утверждаютъ, что основою всего въ человѣческомъ обществѣ, факторомъ, опредѣляющимъ всѣ прочія явленія (напр., право, нравственность, религію, науку и т. д.), являются условія производства матеріальныхъ благъ, производительныя силы и орудія производства (т. н. экономическій матеріализмъ, соціологическій марксизмъ); другіе все сводятъ къ подражанію со стороны членовъ общенія болѣе выдающимся и проявляющимъ личное творчество индивидамъ (Тардъ и др.); третьи все сводятъ къ столкновенію и покоренію однихъ племенъ и иныхъ общественныхъ группъ другими (Гумпловичъ); четвертые считаютъ рѣшающими борьбу за существованіе и естественный подборъ (соціологи-дарвинисты); пятые корень всего видятъ въ свойствахъ расы, шестые—въ физико-географическихъ условіяхъ жизни даннаго общества, и проч. и проч. Не требуется болѣе подробнаго изученія и критики этихъ и т. п. въ изобиліи фабрикуемыхъ въ соціологической литературѣ теорій, а достаточно очень простыхъ общихъ соображеній, чтобы сказать, что соціологія представляетъ своего рода музей научной патологіи, а именно обильную коллекцію разныхъ прыгающихъ теорій. Если бы смыслъ этихъ и т. п. теорій состоялъ только въ утвержденіи, что такой то, облюбованный данною теоріею, факторъ имѣетъ свою, такую то, область дѣйствія и долю значенія въ общественной жизни и ея исторіи, то всѣ или многія изъ такихъ теорій могли бы быть истинными. Но такъ какъ онѣ имѣютъ не такой скромный смыслъ, а заявляютъ такія притязанія, которыя находятся другъ съ другомъ въ коллизіи, другъ друга исключаютъ, а именно, одна теорія утверждаетъ, что въ общественныхъ явленіяхъ все — *a* (всеопредѣляющимъ является такой то факторъ), другая, что отнюдь не *a*, а напротивъ *b*, третья, что все—*c* (но отнюдь не *a* и не *b*) и т. д., то по основному «закону логики», т. н. закону противорѣчія, онѣ не могутъ быть одновременно истинными, а должны быть всѣ, кромѣ одной (если не всѣ), ложными сужденіями; ихъ ложность можетъ быть или абсолютная, или относительная; абсолютная въ томъ случаѣ, если облюбованный данною соціологическою теоріею факторъ *a* или *b*, или *c* и т. д. или не существуетъ, или не играетъ никакой роли въ общественной жизни, не вызываетъ въ этой области никакихъ послѣдствій; относительная — если факторъ существуетъ и не лишенъ причинныхъ свойствъ, вызываетъ свои послѣдствія въ общественной жизни, но только его дѣйствія скромнѣе, уже, чѣмъ полагаетъ данный соціологъ (т. е. его теорія—прыгающая теорія).

Какъ ни велика научная легкомысленность утвержденій, господствующая въ соціологической литературѣ, но ужъ a priori невѣроятно было бы предположить перваго рода ложность всѣхъ или хотя бы значительной части этихъ теорій; и въ дѣйствительности дѣло идетъ о факторахъ и явленіяхъ, несомнѣнно существующихъ и не лишенныхъ причинныхъ свойствъ въ общественно-исторической жизни людей. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ производствомъ и скопленіемъ прыгающихъ теорій. То же можно было бы доказать (тоже не теряя времени на разборъ соотвѣтственныхъ теорій въ отдѣльности) на основаніи общихъ соображеній о причинной связи явле-

ній, о необходимомъ участіи даже въ простѣйшихъ явленіяхъ, напр., при паденіи камня, множества причинныхъ факторовъ (напр., наличности воздуха, солнца и т. п.), и притомъ участія, такъ сказать, на равныхъ правахъ; причемъ изъ соотвѣтствующихъ общихъ соображеній можно было бы вывести даже больше, чѣмъ изъ закона противорѣчія, а именно, что всѣ теоріи указаннаго рода (а не всѣ, кромѣ развѣ одной) необходимо должны быть прыгающими теоріями (развѣ что нѣкоторыя еще хуже—абсолютно-ложны), и что вообще такого рода творчество и направленіе мысли, которое вошло въ обычай въ соціологіи, только и можетъ вести къ созданію научно-патологическихъ продуктовъ—прыгающихъ теорій *).

Путемъ аналогичныхъ соображеній (съ точки зрѣнія общихъ началъ логики или съ точки зрѣнія природы причинной связи явленій) можно было бы обнаружить и въ разныхъ другихъ гуманитарныхъ наукахъ и разныхъ ихъ частяхъ наличность множества прыгающихъ теорій (напр., относительно происхожденія и развитія права въ правовѣдѣніи,—нравственности въ наукѣ о нравственности, религіи въ такъ называемой «философіи религій» и т. д.).

Меньше всего такого рода научной патологіи изъ общественныхъ наукъ имѣется, повидимому, въ (теоретической) политической экономіи—наукѣ, вообще наиболѣе успѣшной и научной изъ всѣхъ общественныхъ дисциплинъ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе состоянія нѣкоторыхъ ея ученій, хотя бы, напр., такихъ, какъ ученіе о цѣнности, о рентѣ, о предпринимательской прибыли, показало бы, что даже и эта общественная наука немало страдаетъ отъ тенденціи образованія прыгающихъ теорій. А если принять во вниманіе, съ одной стороны, содержаніе ея положительныхъ и весьма цѣнныхъ теоретическихъ продуктовъ, напр., закона спроса и предложенія и т. п., а съ другой стороны, существующія опредѣленія того, о чемъ собственно толкуетъ наука политической экономіи, теоріей чего она себя считаетъ, опредѣленія «хозяйства», «хозяйственныхъ явленій», то окажется, что эта наука, какъ цѣлое,—прыгающая теорія. Ибо ея ученія весьма цѣнны и превосходны во многихъ отношеніяхъ,—но только они истинны лишь по отношенію къ частицѣ того, что она считаетъ своимъ предметомъ, что она опредѣляетъ, слѣдуя руководству словоупотребленія, какъ «хозяйство», «хозяйственное явленіе» и т. п. Въ дѣйствительности ея истины — дѣйствительно истины только по отношенію къ той частицѣ «хозяйственныхъ» явленій въ смыслѣ обычнаго словоупотребленія и пытающихся опредѣлить смыслъ и объемъ соотвѣтственныхъ именъ (впрочемъ несогласныхъ другъ съ другомъ) опредѣленій экономистовъ, которая представляетъ индивидуальное и массовое поведеніе людей, опредѣляемое типическою мотивацією, исходящею изъ институтовъ гражданскаго права (институтовъ частной собственности, обязательно-договорнаго права, семейственнаго и наслѣдственнаго права) **).

---

*) Съ другой стороны, было бы не научно думать, что можно было бы создать науку соціологіи путемъ принятія во вниманіе и перечисленія тѣхъ милліоновъ факторовъ, которые являются дѣйствительно факторами въ общественной жизни и исторіи; такая соціологія была бы очень длиннымъ (но все таки неполнымъ) каталогомъ всевозможныхъ вещей. Къ вопросу о научной постановкѣ проблемы соціологіи авторъ имѣетъ въ виду возвратиться въ другомъ сочиненіи.

**) Cp. L. v. Petrażycki, Lehre v. Einkommen II, 1895 r., Anhang: Entwurf (II.) Civilpolitik und politische Oekonomie.

Вообще некритическое подчиненіе привычкамъ наименованія (вмѣсто самостоятельнаго образованія научно-подходящихъ классовыхъ понятій) является обильнымъ источникомъ не только хромыхъ (ср. выше), но и прыгающихъ теорій. Разъ данная теоретическая наука, выставляя такія или иныя общія утвержденія, опредѣляетъ классъ, къ которому эти утвержденія относятся, не по существу дѣла, а по тому, къ чему какое либо слово примѣняется въ качествѣ общаго имени въ такой или иной лингвистической сферѣ, то естественно, что часто должны получаться разныя несоотвѣтствія: то опредѣленный такимъ образомъ классъ будетъ слишкомъ узкій (и теорія будетъ хромать), то онъ будетъ слишкомъ широкій (и теорія будетъ прыгать).

Въ частности и подчиненіе профессіональнымъ и инымъ спеціально-практическимъ привычкамъ называнія—хотя природѣ этого явленія болѣе соотвѣтствуетъ хроманіе теорій (сравн. выше)—порождаетъ нерѣдко и противоположное несоотвѣтствіе, бываетъ источникомъ прыгающихъ теорій. Если данная теоретическая дисциплина руководствуется спеціально-практическими именами, обнимающими сборныя группы разнохарактерныхъ предметовъ, принимаемыхъ вслѣдствіе ихъ одноименности за одинаковые по своей объективной природѣ, то это весьма благопріятная почва для отнесенія разныхъ мнѣній и утвержденій, составившихся на почвѣ изученія такихъ или иныхъ элементовъ этой сборной группы, ко всей одноименной группѣ, т. е. и къ такимъ ея частямъ, которыя имѣютъ иной характеръ и являются для соотвѣтственнаго сказуемаго неподходящею областью. Эта тенденція образованія прыгающихъ (и въ данномъ случаѣ въ то же время мнимыхъ теорій, ср. выше стр. 69) теорій получаетъ естественно особенно упорный характеръ въ томъ случаѣ, если какой либо изъ разныхъ элементовъ сборной одноименной группы по какимъ либо причинамъ обращаетъ на себя главное вниманіе, является главнымъ источникомъ примѣровъ и образцовъ, путемъ изученія коихъ составляются общія мнѣнія и утвержденія. Если, напр., въ данной дисциплинѣ, посвященной изученію сборной одноименной группы $A+b+c$, элементы b и c остаются обыкновенно въ тѣни, а главную роль играетъ элементъ A, то чѣмъ больше A преобладаетъ и закрываетъ собою b и c, тѣмъ лучше почва для появленія прыгающихъ теорій (и тѣмъ болѣе правильное и однообразное направленіе получитъ прыганіе сказуемыхъ: прыжки будутъ направляться именно отъ A къ b и c, а не отъ b или c на цѣлую группу *).

И привнесеніе практическихъ точекъ зрѣнія и тенденцій въ теоретическія изслѣдованія представляетъ обильный источникъ не только хромыхъ, но и прыгающихъ теорій. Если практическое значеніе какихъ либо объек-

*) Какъ увидимъ ниже, въ правовѣдѣніи роль A въ сборной группѣ „право въ юридическомъ смыслѣ“ играетъ оффиціально внутри государства дѣйствующее право, а роль b—международное право, и вотъ разныя мнѣнія и утвержденія, возникающія на почвѣ изученія этого A, напр., о необходимости для права признанія со стороны органовъ госуд. власти, со стороны надлежащаго начальства (какового въ международной области вообще не существуетъ), о повелительной природѣ права, о принудительности правовыхъ нормъ (о существованіи организованнаго принужденія со стороны надлежащаго начальства) и проч.—упорно распространяются на всю одноименную группу, на все „право“ въ смыслѣ юридически-профессіональнаго словоупотребленія.

товъ превращаетъ ихъ въ привилегированный предметъ изученія, въ привилегированное подлежащее для предикатовъ, которые должны были бы быть относимы къ болѣе обширнымъ классамъ, то мы имѣемъ хромыя теоріи; но бываетъ и такъ, что практически привилегированная группа бываетъ спеціальнымъ источникомъ добыванія сказуемыхъ, относимыхъ къ болѣе обширному классу, по отношенію къ которому они являются прыгающими утвержденіями. Правовѣдѣніе представляетъ главнымъ образомъ совокупность дисциплинъ, посвященныхъ толкованію и обработкѣ современнаго дѣйствующаго права для примѣненія его на практикѣ, въ судахъ и т. д.; но тѣ сужденія, которыя образуются на этой почвѣ, упорно стремятся распространиться на право вообще, или, смотря по спеціальности, на государственное право и государство вообще, и т. п., хотя то, что правильно относительно современнаго государства, современнаго права, далеко не всегда можетъ быть утверждаемо о правѣ, о государствѣ вообще. Очень распространенный видъ прыгающихъ теорій представляютъ такія, въ которыхъ что либо утверждается, какъ общій законъ, напр., что каждое дѣйствіе предпринимается для какой либо цѣли, что цѣлью всякаго дѣйствія бываетъ достиженіе извѣстной пользы или избѣжаніе вреда (утилитаризмъ), или достиженіе извѣстнаго удовольствія или избѣжаніе страданія (гедонизмъ) и т. п.—потому, что данному изслѣдователю кажется, что иное было бы практически нелѣпымъ, безсмысленнымъ и т. п. *).

Исправленіе прыгающихъ теорій, очевидно, должно состоять въ замѣнѣ слишкомъ широкихъ круговъ предметовъ надлежащими, болѣе узкими классами. По отношенію къ подлиннымъ, но прыгающимъ теоріямъ дѣло сводится къ замѣнѣ даннаго слишкомъ обширнаго рода видами, подвидами, разновидностями и т. д., смотря по степени прыганія теоріи или разныхъ

*) Что теоріи, по которымъ всякое дѣйствіе опредѣляется цѣлью, и цѣль всегда состоитъ въ достиженіи пользы, удовольствія, и т. п. суть прыгающія теоріи, см. ниже. Къ числу представителей этихъ прыгающихъ теорій и соотвѣтственнаго смѣшенія практической и теоретической точки зрѣнія относятся, между прочимъ, и наиболѣе выдающіеся логики новаго времени: Милль и Зигвартъ. По мнѣнію Зигварта (Vorfragen der Ethik, стр. 6). „Вполнѣ свободная отъ эгоизма воля есть нѣчто невозможное. Совершенно правильно указываютъ на то, что созданіе эффекта, отъ котораго бы ни для кого не было никакой пользы и которое бы не вызывало ни у кого чувства удовольствія, не можетъ быть разумнымъ образомъ цѣлью (vernünftigerweise kein Zweck sein kann); но если къ этому присоединяется оговорка, что человѣкъ долженъ стремиться къ достиженію не удовольствія для себя, а счастья для другихъ, то и это невозможное требованіе. Онъ не можетъ по своей природѣ въ дѣйствительности желать чего либо такого, что не доставляетъ ему личнаго чувства удовлетворенія; онъ желаетъ въ извѣстномъ смыслѣ себя самого, своего собственнаго блага, и это относится ко всякой волѣ... Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ утверждать, что не только эвдемонизмъ, сообразованіе поведенія съ чувствами удовольствія вообще, но и эгоизмъ, сообразованіе поведенія съ собственнымъ личнымъ удовольствіемъ, необходимо содержится во всякой человѣческой волѣ" и проч.

Если авторитетнѣйшій изъ современныхъ логиковъ полагаетъ, что соображеніе о томъ, что̀ можетъ быть разумною цѣлью, есть научное доказательство того, что люди всегда такою цѣлью и руководятся, то нельзя удивляться, если нѣкоторые юристы, особенно, напр., Іерингъ, и наиболѣе вѣрные его подражатели, вообще не обнаруживаютъ способности различать вопросовъ о томъ, что практично, цѣлесообразно, съ одной стороны, что есть, бываетъ, съ другой стороны, если они на каждомъ шагу возводятъ кажущееся имъ практичнымъ, цѣлесообразнымъ и т. п. въ законы сущаго, въ общія (прыгающія) теоріи.

ея элементовъ. Если данная теорія не только прыгающая, но въ то же время и мнимая, то слѣдуетъ опредѣлить соотвѣтственный подлинный классъ и затѣмъ дѣлить его на виды, подвиды и т. д. — пока не найдутся надлежащіе болѣе узкіе классы для элементовъ прыгающей и мнимой теоріи.

Результатомъ ревизіи и исправленія прыгающихъ теорій съ точки зрѣнія начала надлежащаго, не слишкомъ широкаго класса, будетъ иногда: простое очищеніе науки отъ неправильныхъ ученій (ср. выше стр. 71); обыкновенно, замѣна неправильныхъ болѣе скромными, но зато вполнѣ правильными положеніями. Иногда прежняя сложная прыгающая теорія превратится отъ такого исправленія въ нѣсколько видовыхъ, подвидовыхъ и т. д. теорій; то, что прежде ошибочно было относимо къ роду A (или къ сборной группѣ какого либо рода), окажется послѣ дѣленія рода A на виды a и b относящимся отчасти къ a, отчасти къ b, такъ что вмѣсто неправильной теоріи A получатся правильная теорія a + правильная теорія b; а кое-какія положенія, можетъ быть, окажутся прыгающими даже въ случаѣ отнесенія къ этимъ видамъ и вполнѣ правильными лишь по отношенію къ дальнѣйшимъ, болѣе дробнымъ развѣтвленіямъ рода; такимъ образомъ вмѣсто прежней, въ одной плоскости находящейся (къ одному дѣйствительному или мнимому, но слишкомъ широкому классу относимой) смѣси положеній разныхъ степеней прыганія получится цѣлая развѣтвляющаяся внизъ система правильныхъ теорій.

Теоремѣ о необходимости еще одной теоріи, родовой, при наличности нѣсколькихъ соподчиненныхъ, видовыхъ теорій, можно вообще здѣсь противопоставить теорему о необходимости, сверхъ теоріи рода еще столькихъ, сй подчиненныхъ, видовыхъ теорій, сколько есть въ данномъ родѣ видовъ, могущихъ дать почву для научно-цѣнныхъ, именно этимъ видамъ соотвѣтствующихъ, теорій.

Если данная сложная теорія, напр., цѣлая теоретическая дисциплина, представляетъ смѣсь прыгающихъ и хромающихъ теорій (чего, какъ видно изъ сопоставленія сказаннаго на стр. 69 и на стр. 78, a priori можно ожидать относительно такой дисциплины, которая имѣетъ дѣло со сборною группою, принимая ее за подлинный классъ изъ за наличности одного имени), то исправленіе такого ученія съ точки зрѣнія начала надлежащаго класса будетъ построеніемъ теорій и вверхъ и внизъ отъ данной плоскости, т. е. образованіемъ новыхъ, отчасти высшихъ, болѣе общихъ, отчасти же низшихъ, болѣе спеціальныхъ ученій.

На ряду съ соединеніемъ въ одной сложной теоріи и хромыхъ и прыгающихъ ученій, возможно сосдинепіе обоихъ пороковъ въ одной и той же простой теоріи, въ одномъ и томъ же классовомъ утвержденіи.

Если, напр., что либо утверждается относительно одноименной сборной группы разнохарактерныхъ предметовъ, то легко можетъ случиться, что высказываемое: 1) правильно не относительно всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ элементовъ группы (прыгающая мнимая теорія), и въ то же врема оно 2) правильно не только относительно этихъ, но и относительно другихъ (однородныхъ, но не включенныхъ въ группу, напр., по практическимъ основаніямъ) предметовъ (хромающая и мнимая теорія). Если бы кто либо, наивно повѣривъ имени «зелень» или «дичь» въ кулинарномъ смыслѣ, сталъ писать диссертацію: «анатомія зелени» или «физіологія дичи», то

онъ, вѣроятно, произвелъ бы не мало образцовъ такихъ теорій, которыя одновременно отличались бы и хроманіемъ, и прыганіемъ.

Исправленіе такихъ теорій, очевидно, должно состоять въ суженіи объема непадлежащихъ теоретическихъ подлежащихъ въ одномъ и въ расширеніи ихъ въ другомъ направленіи. Для этого надо образовать высшій классъ, включающій въ себѣ всѣ объекты, относительно коихъ правильно данное утвержденіе, и затѣмъ раздѣлить этотъ высшій классъ на виды (эвентуально далѣе на подвиды и т. д.) для полученія того класса, который будетъ обнимать всѣ и въ то же время только тѣ объекты, относительно коихъ правильно данное сказуемое.

Для полноты нашего очерка патологіи теоретическихъ ученій и наукъ и классификаціи неправильныхъ теорій необходимо, наконецъ, еще упомянуть о такихъ теоріяхъ, въ коихъ то, что утверждается относительно какого либо подлиннаго или мнимаго класса, неправильно въ полномъ объемѣ, ложно относительно всего класса-подлежащаго.

Такія теоріи мы можемъ назвать абсолютно-неправильными теоріями—въ отличіе отъ хромыхъ и прыгающихъ теорій, которыя можно здѣсь соединить въ одинъ классъ теорій съ ненадлежащимъ объемомъ подлежащаго—подъ общимъ именемъ относительно-неправильныхъ теорій.

Бываютъ и такія абсолютно-неправильныя теоріи не только въ области житейскаго мышленія (особенно у темныхъ и необразованныхъ людей, напр., теорія, по которой люди послѣ смерти продолжаютъ нуждаться въ пищѣ, напиткахъ, женахъ, рабахъ, оружіи, мстятъ за нарушеніе своихъ правъ и т. п., чѣмъ объясняются многіе, отчасти весьма жестокіе обычаи разныхъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ, напр., сожженіе или закапываніе женъ, рабовъ, коней и разныхъ вещей вмѣстѣ съ трупомъ господина), но и въ области науки.

Но роль и значеніе такихъ теорій въ наукѣ, а равно источники ихъ происхожденія—иные, нежели относительно-неправильныхъ теорій.

Теоретическая наука вообще, особенно та обширная вѣтвь ея, которая носитъ имя гуманитарныхъ и общественныхъ наукъ, положительно кишитъ отъ относительно-неправильныхъ теорій; пороки хроманія и прыганія играютъ серьезнѣйшую (отрицательную) роль въ наукѣ и требуютъ сообразно съ этимъ внимательнѣйшаго методологическаго изученія ихъ причинъ, средствъ лѣченія и предупрежденія и т. д. Напротивъ, абсолютная ложность теорій не только въ наукѣ вообще, но даже и въ особенно мало (пока) удачной вѣтви ея, въ обществовѣдѣніи въ собирательномъ смыслѣ, есть сравнительно рѣдкое явленіе; во всякомъ случаѣ не общераспространенное и эпидемическое, какъ хроманіе и прыганіе теорій, а лишь спорадическое, а въ большинствѣ наукъ, пожалуй, совершенно исключительное или даже небывалое явленіе.

Это различіе въ степени распространенности находится въ связи съ различіемъ въ источникахъ происхожденія тѣхъ и другихъ научныхъ пороковъ.

Построеніе теорій съ вполнѣ надлежащими классовыми понятіями предполагаетъ, вообще говоря, ясное и опредѣленное методологическое сознаніе существа проблемъ образованія надлежащихъ классовыхъ понятій и крите-

ріевъ правильнаго ихъ рѣшенія и методическое примѣненіе этого знанія и этихъ критеріевъ на дѣлѣ. Но вмѣсто этого условія образованія вполнѣ правильныхъ теорій въ наукѣ существуютъ разныя затемняющія существо дѣла недоразумѣнія относительно существа процесса образованія понятій, а въ области фактическаго образованія классовыхъ понятій господствуютъ въ научныхъ сферахъ такія методологическія привычки, которыя прямо и положительно способствуютъ размноженію и процвѣтанію хромыхъ и прыгающихъ теорій.

Для избѣжанія абсолютно-ложныхъ теорій, какъ таковыхъ, не требуется образованія вполнѣ правильныхъ, какъ разъ подходящихъ классовъ и классовыхъ понятій и знанія всего того, что для этого требуется, а достаточно, вообще говоря, не утверждать того, чего на дѣлѣ вообще не бываетъ, держаться фактовъ, опыта и наблюденія и воздерживаться отъ произвольныхъ фантазій, фикцій и т. д.

Такъ какъ представители науки, особенно современной, не склонны вообще къ легкомысленному выдумыванію, безпочвенному фантазированію и т. п., а, напротивъ, отличаются противоположными умственными склонностями и качествами, то абсолютно-неправильныя теоріи могутъ находить благопріятную сферу для размноженія и господства въ разныхъ, особенно въ болѣе темныхъ и суевѣрныхъ слояхъ общества и человѣческихъ группахъ, но отнюдь не въ наукѣ.

Лишь въ видѣ исключенія, вслѣдствіе въ высшей степени неблагопріятнаго для данной вѣтви науки стеченія обстоятельствъ, или въ силу наличности въ данной области какихъ либо особыхъ факторовъ, систематически искажающихъ зрѣніе, упорно порождающихъ и поддерживающихъ какіе либо оптическіе—въ буквальномъ или въ общемъ смыслѣ—обманы, можетъ получиться и въ наукѣ такое явленіе, что въ данной спеціальной области накопится рядъ абсолютно-неправильныхъ теорій. Въ такомъ исключительно-неблагопріятномъ положеніи находится какъ разъ наука о правѣ. Объ этомъ и о тѣхъ пріемахъ изслѣдованія конкретныхъ правовыхъ явленій, которые необходимы для избѣжанія фантастическихъ построеній, фикцій и т. п. и постановки нашей науки на почву фактовъ и ихъ надлежащаго наблюдательнаго и экспериментальнаго изученія, мы уже говорили выше (§§ 2 и 3). Въ дальнѣйшемъ обсужденіи проблемы образованія научныхъ классовыхъ понятій и теорій, въ томъ числѣ понятія и теоріи права, мы будемъ исходить изъ того, что въ качествѣ основы и матеріала для образованія общихъ понятій и теорій имѣется знаніе или во всякомъ случаѣ возможность познанія путемъ обыкновеннаго или экспериментальнаго наблюденія конкретныхъ явленій, фактовъ, какъ таковыхъ, а не принятіе разныхъ несуществующихъ предметовъ и явленій (напр., особой воли, души и т. п. у казны, государства и т. п.) за существующіе.

Сводя воедино изложенное по поводу понятія адэкватныхъ теорій, мы можемъ сказать:

Адэкватныя теоріи суть такія теоріи, которыя (не будучи абсолютно-ложными, что само собою разумѣется) вполнѣ свободны какъ отъ порока хроманія, такъ и отъ порока прыганія, т. е. теоріи, въ которыхъ то, что высказывается (мыслится), отнесено не къ слишкомъ узкому, но

и не къ слишкомъ широкому, а какъ разъ къ соотвѣтствующему классу, т. е. къ классу, обнимающему область объективной правильности теоретическаго сказуемаго.

Только адэкватныя теоріи и всѣ адэкватныя теоріи суть вполнѣ правильныя, совершенныя теоріи: адэкватность есть необходимый и достаточный критерій правильности теорій.

Въ области критики существующихъ и построенія новыхъ теорій слѣдуетъ руководствоваться, какъ общимъ и основнымъ методологическимъ принципомъ, какъ верховнымъ закономъ теоретическаго мышленія, тѣмъ требованіемъ, чтобы наши теоріи были адэкватны.

Этотъ принципъ не только является критеріемъ правильности отдѣльныхъ теорій, ихъ содержанія и объема, и показателемъ того, къ чему мы должны стремиться и чего избѣгать для того, чтобы наши теоріи были вполнѣ правильны по своему содержанію и объему, но въ то же время содержитъ въ себѣ и верховное руководящее начало надлежащей систематизаціи теоретическаго знанія.

Наука есть систематическое мышленіе и знаніе. Она должна быть не безпорядочною смѣсью разнородныхъ свѣдѣній безъ сознанія ихъ связи и зависимости, а, напротивъ, системою, соединяющею однородныя, раздѣляющею разнородныя положенія и располагающею разныя группы однородныхъ положеній сообразно ихъ взаимной связи и зависимости, ихъ подчиненности и соподчиненности.

И вотъ принципъ адэкватности теорій содержитъ въ себѣ и верховное руководящее начало для устроенія такой упорядоченности теоретическаго знанія.

Между тѣмъ какъ несоблюденіе принципа адэкватности теорій ведетъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, къ смѣси положеній разныхъ порядковъ, примѣненіе принципа адэкватности (и вытекающихъ изъ него слѣдствій, положенія о $n+1$ теорій при n видахъ предметовъ, и т. д.) ведетъ неизбѣжно къ пріуроченію каждаго теоретическаго положенія къ надлежащей области, къ надлежащему классу и къ расположенію отдѣльныхъ теорій въ надлежащемъ порядкѣ іерархическаго верховенства и подчиненія, соподчиненія и т. д. (ср. выше стр. 80).

Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе критерія адэкватности теорій ведетъ къ очищенію системы теоретическаго знанія отъ лишнихъ положеній, отъ теоретическихъ плеоназмовъ (ср. выше, стр. 71, 80) и къ достиженію надлежащей полноты системы теоретическихъ наукъ, къ обнаруженію и устраненію пробѣловъ въ системѣ теоретическаго знанія и изслѣдованія—въ видѣ отсутствія необходимыхъ дисциплинъ или необходимыхъ вѣтвей (видовыхъ, подвидовыхъ теорій) въ предѣлахъ существующихъ наукъ (стр. 72, 80).

Въ томъ же, простомъ и незамысловатомъ, но весьма важномъ, методологическомъ принципѣ, въ началѣ адэкватности теорій, содержится и тотъ искомый методологическій свѣтъ, который необходимъ для надлежащаго и методически-сознательнаго образованія классовъ и классовыхъ понятій въ области научно-теоретическаго знанія и изслѣдованія.

А именно изъ этого верховнаго начала теоретическаго мышленія вы-

текаютъ для методологическаго ученія объ образованіи научно-теоретическихъ классовыхъ понятій слѣдующія положенія:

1. Въ предѣлахъ каждой опредѣленной сферы теоретическаго знанія и изслѣдованія, каждаго опредѣленнаго теоретическаго ученія (какъ отдѣльныхъ теоретическихъ утвержденій, такъ и совокупностей таковыхъ, въ томъ числѣ цѣлыхъ самостоятельныхъ наукъ) проблема образованія надлежащихъ классовыхъ понятій сводится къ задачѣ опредѣленія отнюдь не области примѣненія такого или иного общаго имени, напр., словъ «право», «нравственность», «хозяйство», и т. п., а тѣхъ классовъ объектовъ, при отнесеніи къ коимъ соотвѣтственныхъ утвержденій или ихъ совокупностей получатся не прыгающія или хромающія, а вполнѣ адэкватныя теоріи.

Такіе классы мы можемъ назвать адэкватными классами и сказать, что въ предѣлахъ опредѣленныхъ сферъ теоретическаго знанія проблема образованія научныхъ классовыхъ понятій сводится къ отысканію и опредѣленію адэкватныхъ этимъ сферамъ классовъ.

Научнымъ оправданіемъ и обоснованіемъ такихъ или иныхъ существовавшихъ уже раньше безъ сознательно-научнаго обоснованія или вновь образуемыхъ центральныхъ для всей науки или ея вѣтвей классовыхъ понятій можетъ и должно быть доказательство отнюдь не того, что все, называемое такъ-то, напр., правомъ, хозяйствомъ и т. п., обладаетъ такими-то признаками, а того, что предлагаемый путемъ указанія такихъ-то классовыхъ признаковъ классъ есть именно адэкватный классъ для той науки или той ея части, о которой идетъ рѣчь.

Научными аргументами противъ существовавшихъ раньше или вновь предлагаемыхъ кѣмъ либо для опредѣленной теоретической области понятій могутъ и должны быть доказательства неадэкватности соотвѣтственныхъ классовъ данной теоретической дисциплинѣ или данной ея вѣтви (а отнюдь не указаніе на то, что предлагаемое понятіе противорѣчитъ такому или иному словоупотребленію *) и т. д.

2. Если имѣть въ виду не опредѣленныя теоретическія ученія, а образованіе понятій, годныхъ для теоретическаго познанія вообще, то съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ утверждать, что критеріемъ научности теоретическихъ классовыхъ понятій является ихъ годность для образованія адэкватныхъ теорій, т. е. ихъ адэкватность какимъ либо теоретическимъ сказуемымъ.

Отсюда видно, что вообще научное оправданіе и обоснованіе теоретическихъ классовыхъ понятій должно происходить путемъ приведенія такихъ теорій, подлежащими коихъ являются предлагаемыя понятія, и

---

*) Поэтому, напр., упомянутая выше, стр. 47 прим., недавно произведенная Лабандомъ и другими путемъ ссылокъ на примѣненіе имени Staat къ сѣверо-американскимъ штатамъ и т. д. революція въ теоріи государства должна быть признана съ научной точки зрѣнія мнимою, научно не обоснованною, только на недоразумѣніи основанною.

доказательства адэкватности этихъ теорій (а не путемъ доказательства, что то, что называется такъ-то, обладаетъ такими-то признаками, и т. д.).

Порядокъ образованія и обоснованія научно теоретическихъ классовъ и классовыхъ понятій можетъ быть, какъ видно изъ изложеннаго, двоякій:

1. Или мы исходимъ изъ какой либо существующей теоріи (отдѣльныхъ теоретическихъ утвержденій или ихъ совокупности, напр., цѣлой теоретической науки) и по содержанію теоретическихъ утвержденій (сказуемыхъ) опредѣляемъ адэкватное классовое подлежащее, напр., приходимъ къ выводу, что существующія ученія, относимыя къ такому-то кругу предметовъ, образуютъ не адэкватныя, а хромающія или прыгающія, дѣйствительныя или мнимыя теоріи, а если замѣнить этотъ кругъ предметовъ такимъ-то классомъ, то получится надлежащее адэкватное ученіе.

2. Или мы установляемъ (хотя бы сначала наудачу, ср. выше стр. 65) какое либо классовое понятіе, а затѣмъ съ успѣхомъ образуемъ и обосновываемъ по отношенію къ соотвѣтственному классу адэкватныя теоретическія положенія и этимъ создаемъ для этого понятія и класса научную легитимацію.

Существо всего изложеннаго ученія объ образованіи классовыхъ понятій и классовъ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ двумъ основнымъ тезисамъ:

1. Для образованія классовыхъ понятій и классовъ вообще не нужно всего того, что традиціонно для этого требуется, а достаточно составленіе любой мысли, любой идеи по схемѣ: объекты съ признакомъ a (каково содержаніе признака a и откуда пришла въ голову мысль о немъ, вообще безразлично).

2. Для научно-теоретической легитимаціи образованныхъ такимъ образомъ понятій и классовъ требуется еще, говоря схематически, доказать, что тому, чему свойственно a, вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально свойственно еще что либо, напр. b или b, c, d и т. д. *).

---

*) Тезисъ второй имѣетъ въ виду принципіально только тѣ науки, которыя мы условились называть теоріями, и методологіи коихъ посвящено спеціально наше изложеніе. Но поскольку другія науки—теоретическія въ общемъ смыслѣ (ср. выше стр. 66 прим.), но не классовыя, а индивидуальныя (напр. космографія, географія, исторія), а равно практическія прикладныя науки для своихъ выводовъ нуждаются въ теоріяхъ, какъ посылкахъ, изложенное имѣетъ косвенное значеніе и для этихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе въ области методологіи нѣкоторыхъ наукъ, не представляющихъ собою теорій, необходимы особыя начала образованія надлежащихъ понятій, отличныя отъ 2-го тезиса нашего ученія. Необходима выработка особыхъ началъ образованія группъ объектовъ, годныхъ для составленія и изложенія правилъ поведенія, практическихъ рецептовъ (такими группами здѣсь могутъ быть не только классы, но и сборныя группы). Для нашихъ цѣлей разсмотрѣніе подлежащихъ вопросовъ не требуется. Укажемъ только по адресу спеціалистовъ по логикѣ и методологіи, что и для рецептовъ (правилъ поведенія) можно и должно установить начало адэкватности въ смыслѣ надлежащаго (не слишкомъ широкаго, но и не слишкомъ узкаго) объема соотвѣтственныхъ сужденій и вывести изъ него анало-

Приложеніе. О называніи классовъ.

Ни первый, ни второй тезисъ нашего ученія объ образованіи классовъ (классификаціи) и классовыхъ понятій (стр. 85) не предполагаютъ наличности особыхъ названій для образуемыхъ классовъ и классовыхъ понятій и пользованія такими названіями въ какомъ бы то ни было смыслѣ и направленіи: все наше ученіе объ образованіи классовъ и классовыхъ понятій вполнѣ эманципировано отъ какой бы то ни было зависимости отъ общаго народнаго языка или какихъ либо профессіональныхъ или иныхъ спеціальныхъ привычекъ называнія.

Не мысль должна сообразоваться со словами, а слова съ мыслью. Это относится ко всякой мысли, а къ научной мысли и подавно.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ о называніи можетъ для насъ имѣть разумный смыслъ лишь въ видѣ вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли образуемыя (совершенно независимо отъ указки языка) понятія снабжать особыми именами и если да, то какими.

По поводу этого, съ точки зрѣнія научной мысли и ея методовъ, побочнаго, словеснаго вопроса замѣтимъ слѣдующее:

1. Для громаднаго большинства образуемыхъ нами и могущихъ быть образованными въ обыденной жизни и въ наукѣ классовыхъ понятій и классовъ нѣтъ никакихъ особыхъ названій и нѣтъ разумныхъ основаній таковыя сочинять. Зачѣмъ обременять свою или чужую память особыми названіями, напр., для классовъ: «бѣлые предметы», «птицы съ длиннымъ клювомъ», «смутныя представленія», «ясныя понятія», «завистливые и недоброжелательные люди», «вещества, удѣльный вѣсъ которыхъ меньше удѣльнаго вѣса ртути» и т. п. Для мышленія чего либо о такихъ и безчисленныхъ тому подобныхъ классахъ (и для сообщенія своихъ мыслей другимъ) можно вѣдь съ полнымъ успѣхомъ пользоваться самими понятіями, опредѣленіями соотвѣтственныхъ классовъ, не прибѣгая къ особымъ, замѣняющимъ понятія, кличкамъ. И это на каждомъ шагу дѣлается въ обыденномъ мышленіи и въ наукѣ. Обыденное и научное мышленіе кишитъ

гичныя установленнымъ нами для теорій частныя теоремы, въ томъ числѣ, напр., теорему о необходимости $n+1$ практическихъ дисциплинъ при наличности n спеціальныхъ цѣлей, подчиненныхъ высшей, болѣе общей цѣли (каковою, напр., является „счастіе“ по отношенію къ цѣлямъ: „здоровье“, „имущественное благосостояніе“ и т. п.). Такъ называемая „практическая философія“ есть практическая дисциплина, находящаяся въ такомъ же отношеніи къ другимъ практическимъ дисциплинамъ, какъ теоретическая философія къ прочимъ теоріямъ; это наука о высшей цѣли жизни и соотвѣтственныхъ (адэкватныхъ) началахъ поведенія. Если исходить изъ (имѣющей свои разумныя основанія) уніи, соединенія двухъ самихъ по себѣ существенно различныхъ дисциплинъ: теоретической философіи и практической философіи въ лицѣ однихъ и тѣхъ же мыслителей, то можно сказать, что философія=теорія высшаго рода: сущаго+практическое ученіе о высшей цѣли или: Philosofia=summa theoria+summa teleologia. На аналогичныхъ соображеніяхъ основано предложенное нами понятіе философіи права: philosofia juris=summa theoria+summa teleologia (politica) juris.

Практически годною группою объектовъ въ сферѣ рецептовъ является такая группа, по отношенію къ коей существуетъ или можетъ быть образованъ адэкватный рецептъ.

безыменными, не имѣющими особыхъ названій классами и ихъ опредѣленіями (понятіями) *).

2) Существуетъ надобность въ особыхъ названіяхъ главнымъ образомъ для тѣхъ сравнительно немногихъ изъ безчисленныхъ образуемыхъ нами

---

*) Ученіе объ образованіи классовыхъ понятій излагается обыкновенно въ руководствахъ логики подъ именемъ ученія объ опредѣленіи (definitio). Традиціонныя правила опредѣленія и вообще все ученіе о definitio основаны на игнорированіи существованія безчисленнаго множества классовыхъ понятій безъ особаго названія и приноровлены къ опредѣленію смысла классовыхъ названій. Съ нашей точки зрѣнія, всѣ идеи по схемѣ „то, что обладаетъ признакомъ *a*“ („бѣлые предметы“, „дома съ соломенными крышами“ и т. п.) суть классовыя опредѣленія, опредѣленія соотвѣтственныхъ классовъ. Съ точки зрѣнія традиціоннаго ученія логиковъ объ опредѣленіи требуется, чтобы оно непремѣнно было суждениемъ, однимъ изъ членовъ которыхъ является какое либо названіе, а другимъ—изъясненіе его смысла. Напр., „бѣлые предметы“ по этому ученію не было бы признано опредѣленіемъ. Но если бы, напр., по какимъ либо причинамъ составилось какое либо особое названіе для бѣлыхъ предметовъ, напр., „альбы“, то имѣлось бы мѣсто для опредѣленія въ смыслѣ традиціонныхъ ученій, а именно, таковымъ бы было: „альбы суть бѣлые предметы“. Если бы для класса геометрическихъ фигуръ: „прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны“ случайно не было особой клички „квадратъ“, то не было бы мѣста и для „опредѣленія“ соотвѣтственнаго класса въ смыслѣ современной логики.

Вообще традиціонное ученіе логиковъ о понятіяхъ представляетъ какую-то смѣсь логики съ филологіей; отъ этого смѣшенія понятій и ученій слѣдовало бы освободиться и въ томъ случаѣ, если бы (какъ это иногда въ логикахъ прямо и высказывается) всякому классовому понятію соотвѣтствовало особое наименованіе, а всякому общему имени—особый объективный классъ предметовъ; на самомъ дѣлѣ спеціальныя общія названія существуютъ лишь для весьма микроскопической доли образуемыхъ нами классовыхъ понятій и классовъ; съ другой стороны, общимъ наименованіямъ соотвѣтствуютъ часто отнюдь не особые классы однородныхъ предметовъ, а то, что мы назвали сборными, эклектическими группами; и тѣмъ не менѣе логики никакъ не могутъ эмансипировать ученіе о понятіяхъ и опредѣленіи отъ зависимости отъ названій.

Нѣкоторые логики, въ частности Милль и Зигвартъ, между прочимъ, прямо указываютъ на то, что общимъ именамъ подчасъ не соотвѣтствуютъ классы однородныхъ предметовъ, и тѣмъ не менѣе и у нихъ вопросы о понятіяхъ и опредѣленіяхъ перепутаны съ вопросами о названіяхъ (ср. ученіе Милля объ именахъ объ опредѣленіи и т. д.; Зигвартъ возводитъ въ существенный признакъ понятій „Sicherheit und Allgemeingültigkeit seiner Wortbezeichnung“ Logik I § 40; а по его ученію о пріемахъ образованія понятій оказывается, что надо исходить изъ языка, т. е. названій, а затѣмъ вращаться въ логическомъ кругѣ между абстракціей и индукціей—„in einem Girkel bewegen zwischen Abstraktion und Induktion“ Logik II. § 77, стр. 242 изд. 1893 г.—и все-таки получаются лишь „гипотетическіе“ результаты ср. выше стр. 65 прим.).

Слѣдуетъ отмѣтить, что на ряду съ безчисленнымъ множествомъ безыменныхъ, т. е. не имѣющихъ спеціальныхъ названій, понятій есть немало и такихъ понятій, которыя не только фактически переживаются, мыслятся вообще безъ словъ и безъ представленія какихъ бы то ни было словъ, но и не могутъ быть выражены словами (безсловесныя, невыразимыя понятія). Увидавъ какой либо предметъ своеобразнаго и не имѣющаго особаго названія цвѣта, я могу тотчасъ же образовать и мыслить соотвѣтственный классъ и классовое понятіе, опредѣленіе соотвѣтствующаго класса по схемѣ „то, что обладаетъ такимъ цвѣтомъ“, хотя не имѣю въ распоряженіи ни особаго названія для предметовъ этого класса, ни названія для ихъ своеобразнаго цвѣта, ни вообще словъ для описанія и сообщенія другимъ того, что я имѣю въ виду. Между прочимъ, множество невыразимыхъ понятій переживаемъ мы тогда, когда думаемъ не о предметахъ внѣшняго міра, а о разныхъ внутреннихъ пережи-

на каждомъ шагу классовъ и классовыхъ понятій, къ которымъ намъ приходится часто возвращаться, много думать, говорить, писать о нихъ, такъ что желательно сберечь время замѣною повторныхъ указаній классовыхъ признаковъ (опредѣленій) краткимъ условнымъ значкомъ. Съ точки зрѣнія теоретической науки достойными крещенія особымъ именемъ являются во всякомъ случаѣ тѣ изъ образуемыхъ классовъ, относительно коихъ можно образовать болѣе или менѣе обширныя адэкватныя теоріи *).

Что касается самаго называнія, то оно можетъ состоять въ образованіи новаго или въ заимствованіи какого либо существующаго уже въ той или иной лингвистической сферѣ имени.

Нѣтъ необходимости сочинять новыя названія, если въ существующемъ языкѣ есть такія имена, которыми можно воспользоваться и для названія образованныхъ нами понятій.

ваніяхъ. Языкъ такъ бѣденъ здѣсь словами (ср. выше стр. 58), что для безчисленныхъ видовъ внутреннихъ переживаній и ихъ свойствъ нѣтъ словъ, ни спеціальныхъ названій, ни средствъ описанія.

По поводу невыразимыхъ понятій возникаетъ, между прочимъ, вопросъ, какъ быть въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ не о мышленіи, какъ таковомъ (для этого годны и безсловесныя понятія), а о сообщеніи другимъ своихъ мыслей, напр., въ научныхъ лекціяхъ или сочиненіяхъ психологическаго содержанія. Для этого не лишне было бы основать и развить особое техническое ученіе (особенно важное для сознательнаго и надлежащаго преподаванія и писательства въ области общей психологіи, но необходимое и въ области спеціальныхъ наукъ о правовыхъ, нравственныхъ, эстетическихъ явленіяхъ и т. п., ср. ниже). Вообще для сообщенія другимъ безсловеснаго понятія надо стараться заставить другого пережить то, что необходимо для самостоятельнаго составленія совпадающаго по содержанію понятія. Въ области внѣшнихъ предметовъ средствами для этой цѣли могутъ быть показываніе соотвѣтственныхъ предметовъ или рисунки съ подчеркиваніемъ того, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ психологической области надо стараться снабдить слушателей или писателей матеріаломъ для самонаблюденія въ тѣсномъ или въ воспоминательномъ смыслѣ путемъ указыванія на такія обстоятельства, при которыхъ обыкновенно переживается то, что мы имѣемъ въ виду, но не можемъ описать словами; при томъ слѣдуетъ самимъ подборомъ примѣровъ и другими средствами стараться достигнуть того, чтобы вниманіе было обращено именно на то, на тѣ стороны, на тѣ свойства переживанія, которыя необходимы для понятія. Здѣсь слѣдуетъ признать по началу „крайней необходимости“ допустимыми и такія средства, которыя вообще въ наукѣ, особенно въ области опредѣленій классовъ, въ области понятій, какъ таковыхъ, надо считать недопустимыми: образныя, метафорическія выраженія, сравненія вмѣсто прямого названія того, что имѣется въ виду и т. п., поскольку такія средства: 1) не принимаются самимъ авторомъ и не выдаются имъ за опредѣленія понятія (какъ это, между прочимъ, въ психологической литературѣ часто бываетъ), 2) такъ комбинируются другъ съ другомъ и другими средствами, что въ психикѣ слушателей или читателей возникаетъ желательная идея, отчетливое знаніе по самонаблюденію (а не по этимъ метафорамъ и т. п., какъ таковымъ), о чемъ идетъ рѣчь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для невыразимаго понятія, для явленій, которыя не поддаются словесному опредѣленію и описанію, существуетъ особое названіе (напр., „голодъ“, „жажда“, „гнѣвъ“ и т. п.), имѣющее характеръ классоваго имени, надо дорожить такими названіями, какъ средствами взаимнаго пониманія. Образованіе научныхъ понятій и здѣсь должно быть независимо отъ названій, но для сообщенія другимъ соотвѣтственныхъ понятій можно исходить изъ названій, какъ опоры и основного средства для достиженія взаимнаго пониманія.

*) Имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса о надобности особой клички также сложность и длиннота самаго понятія (опредѣленія), а также его полная или частичная невыразимость.

Прежде всего можно и слѣдуетъ заимствовать такія имена, область примѣненія коихъ вообще совпадаетъ съ кругомъ объектовъ нашего понятія *).

Въ случаѣ заимствованія для образованнаго нами не по указкѣ языка, а по изложеннымъ выше началамъ, совпадающаго по объектамъ примѣненія имени изъ обыденной жизни или т. п., получается такой же конечный результатъ, который бы получился въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали обычнымъ пріемамъ опредѣленія, а именно, исходя изъ обычнаго примѣненія слова, удачно опредѣлили область его примѣненія.

Ниже намъ придется, образовавъ понятіе отличающихся извѣстными признаками психическихъ явленій, заимствовать для нихъ существующее уже, вполнѣ подходящее имя «право», причемъ мы имѣемъ въ виду заимствованіе не изъ профессіонально-практическаго словоупотребленія, а изъ общенароднаго языка.

Такое же понятіе и съ такимъ же названіемъ получилось бы у насъ и въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали примѣру предшественниковъ по образованію понятія права съ тѣмъ только отступленіемъ, что мы постарались бы опредѣлить, что называется «правомъ» не въ профессіональныхъ сферахъ, а на общенародномъ языкѣ.

Тѣмъ не менѣе, т. е. несмотря на совпаденіе конечныхъ результатовъ, дѣло идетъ о существенно различныхъ умственныхъ операціяхъ, и второй способъ слѣдуетъ признать принципіально ненаучнымъ.

Какъ уже мы упомянули выше (стр. 60), въ наукѣ существуетъ множество вполнѣ удачныхъ понятій, добытыхъ путемъ словотолкованія, благодаря классификаціонной безсознательной мудрости языка.

Но и эти, сами по себѣ удачныя, понятія надо для достиженія ихъ полной научности подвергнуть, такъ сказать, повторному акту производства; добывъ ихъ разъ въ видѣ подарковъ безсознательно-мудраго языка, наукѣ надо создать ихъ второй разъ собственнымъ умомъ, научно-методическимъ путемъ.

Эти повторныя производства понятій должны двигаться въ направленіи, противоположномъ первичнымъ актамъ ихъ добыванія. Исторія происхожденія этихъ понятій такова, что дѣло начиналось со слова, по названію собирались и изучались предметы, находились ихъ общіе признаки, изъ общихъ выбирались отличительные и въ концѣ концовъ получались формулы, смыслъ которыхъ сводится къ удачному опредѣленію смысла слова. Научно-ревизіонное новое производство должно, напротивъ, исходить изъ извѣстныхъ классовыхъ признаковъ (которые eo ipso будутъ общими и отличительными для соотвѣтственнаго класса, ср. выше) и доказательства адэкват-

---

*) Подъ „совпаденіемъ“ мы разумѣемъ въ текстѣ не абсолютное тождество областей примѣненія, а лишь относительное совпаденіе, которое можно констатировать въ томъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ метафорическое примѣненіе слова, а равно неизбѣжныя у разныхъ людей различныя индивидуальныя отклоненія отъ общей тенденціи обычнаго словоупотребленія.

Лингвистическія сферы заимствованія могутъ быть различныя: общенародный языкъ, классовое, сословное, профессіональное словоупотребленіе и т. д. Совпаденіе съ общенароднымъ словоупотребленіемъ (и соотвѣтственное заимствованіе) вообще цѣннѣе (и чаще можетъ имѣть мѣсто въ теоретическихъ наукахъ, ср. выше, стр. 57), чѣмъ совпаденіе съ какимъ либо профессіональнымъ или вообще менѣе общимъ словоупотребленіемъ.

ности соотвѣтственнаго понятія и кончаться актомъ крещенія добытыхъ понятій (въ данномъ случаѣ готовымъ уже именемъ). При этомъ собственно научную мыслительную работу научнаго образованія и опредѣленія класса слѣдуетъ считать законченною до акта наименованія (какъ человѣкъ существуетъ уже до крещенія).

Наименованіе является добавочнымъ актомъ лингвистическаго свойства и бываетъ, какъ уже указано выше, по большей части излишнимъ, нужнымъ иногда со словесно-технической точки зрѣнія; однако самаго понятія, самаго опредѣленія и его научной легитимаціи оно не затрогиваетъ *).

Допустимо заимствованіе готоваго названія не только въ случаѣ полнаго, но и въ случаѣ приблизительнаго совпаденія областей примѣненія, т. е. и въ случаѣ частичнаго разногласія, а иногда даже въ случаѣ большого разногласія, если имя по своему этимологическому смыслу или инымъ основаніямъ для нашихъ цѣлей удобно, и нѣтъ въ конкретномъ случаѣ основаній опасаться, что это будетъ порождать недоразумѣнія и смѣшенія различныхъ вещей **).

Въ случаѣ заимствованія для образованнаго по научнымъ критеріямъ класса стараго имени, несмотря на нѣкоторое несовпаденіе областей примѣненія, получается такой же конечный результатъ, который бы получился въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали обычнымъ пріемамъ опредѣленія, т. е. воспользовались руководствомъ словоупотребленія, но не обратили вниманія на примѣненіе или непримѣненіе слова къ нѣкоторымъ объектамъ и вслѣдствіе такого неумышленнаго недосмотра или умышленнаго игнорированія получили какъ разъ то понятіе, которое въ данномъ случаѣ требуется принципомъ адэкватности.

---

*) Схема всего процесса такова:

1) Предлагаемъ понятіе: „предметы съ признакомъ *a*“ (этимъ образованъ классъ и дано его опредѣленіе; разговоръ объ общности и отличительности признака *a* былъ бы наивенъ, ср. выше, и въ научномъ изслѣдованіи не долженъ имѣть мѣста).

2) Научное основаніе и оправданіе предложеннаго нами понятія состоитъ въ томъ, что относительно этого класса можно обосновать такія то адэкватныя теоріи (этимъ достигнута научная легитимація сдѣланнаго предложенія и вообще этимъ закончена собственно-научная работа).

3) Для словесно техническихъ цѣлей удобно имѣть для предложеннаго и научно опредѣленнаго нами понятія краткій условный значекъ. Назовемъ образованный классъ такъ то; эвентуальное дальнѣйшее поясненіе: это словечко удобно потому, что оно уже примѣняется къ такого же рода объектамъ въ обиходной жизни, или т. п.

По традиціонной теоріи опредѣленія, какъ мы уже упомянули выше, къ обряду опредѣленія непремѣнно относится указаніе названія: „Право есть то то“, „Государство есть то то“ и т. п.

Съ нашей точки зрѣнія соотвѣтственныя положенія: „объекты, обладающіе такими-то признаками, мы назовемъ (будемъ называть въ дальнѣйшемъ изложеніи) правомъ“, „....государствомъ“ и т. д.—суть соединенія опредѣленій съ добавочными актами наименованія.

**) Вообще слѣдуетъ принимать во вниманіе, что людямъ, особенно менѣе сильнымъ въ области самостоятельнаго и критическаго мышленія, бываетъ трудно относиться сознательно и критически къ словамъ, ясно различать понятія и слова, не смѣшивать различныхъ предметовъ, несмотря на ихъ одноименность, на совпаденіе именъ и т. п. Вслѣдствіе этого заимствованіе старыхъ именъ для новыхъ классовъ слѣдуетъ производить съ большою осторожностью; въ случаѣ болѣе или менѣе существеннаго разногласія прежнихъ привычекъ называнія и новаго понятія предположеніе говоритъ скорѣе въ пользу введенія новаго слова.

Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о двухъ принципіально различныхъ пріемахъ, и научнымъ слѣдуетъ признать не отправленіе отъ слова и умышленное или неумышленное измѣненіе его смысла, а только самостоятельное образованіе понятія съ добавочнымъ актомъ наименованія (ср. выше, стр. 89).

Фактически много попавшихъ въ науку изъ обыденной рѣчи названій съ теченіемъ времени измѣнили здѣсь, вслѣдствіе обычнаго словотолкованія, постепенной перемѣны въ привычкахъ называнія и т. п., свой смыслъ и притомъ такъ, что путемъ этихъ модификацій были достигнуты вполнѣ адэкватныя для соотвѣтственныхъ областей знанія понятія.

И въ наукѣ, какъ и въ другихъ сферахъ соціально-психическаго обмѣна, происходятъ безсознательно-цѣлесообразный подборъ и удачное приспособленіе разныхъ идейныхъ образованій къ потребностямъ, которымъ они удовлетворяютъ. Это относится и къ понятіямъ и словамъ, попадающимъ въ научныя сферы изъ другихъ сферъ; и въ наукѣ происходитъ безсознательно-удачная эволюція особаго своеобразнаго языка, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ сферѣ разныхъ практическихъ профессій и т. п. *). Поэтому вполнѣ возможны, напр., такія явленія, что извѣстное имя имѣетъ одно значеніе въ общемъ языкѣ, другое въ какомъ либо практически-профессіональномъ и третье въ научномъ языкѣ. При составленіи опредѣленій (образованіи понятій) ученые руководствуются обыкновенно своими привычками называнія, и поскольку эти привычки называнія получили въ силу указаннаго процесса своеобразный, отличный отъ обыкновеннаго, приноровленный къ научному дѣлу характеръ, въ результатѣ получаются нерѣдко вполнѣ удачныя понятія съ названіями, отличающимися по смыслу отъ тѣхъ же словъ въ обыденномъ языкѣ, и т. п.

Впрочемъ, такія разногласія научныхъ и иныхъ словоупотребленій бываютъ въ наукѣ нерѣдко причиною разныхъ недоразумѣній, великихъ споровъ на словесной почвѣ, смѣшенія понятій и т. п. непорядковъ.

Дѣло въ томъ, что въ такихъ случаяхъ нерѣдко въ наукѣ проявляется одновременное дѣйствіе разныхъ привычекъ называнія, спеціально-научныхъ и общежитейскихъ и т. п. (особенно если соотвѣтственныя общежитейскія привычки называнія крѣпко укоренены, а отличныя отъ нихъ тенденціи научнаго языка еще не вполнѣ окрѣпли). Полученное путемъ безсознательно-удачнаго подбора научное понятіе подвергается оспариванію со стороны тѣхъ, которые замѣчаютъ, что соотвѣтственное имя примѣняется въ жизни и къ такимъ предметамъ, которые не подходятъ подъ установившееся понятіе; подъ рубрику даннаго понятія подводятся по житейскимъ привычкамъ называнія такіе предметы, которые не слѣдовало бы подводить подъ эту рубрику, и проч. и проч. **).

---

*) Иногда метаморфозы, которымъ въ наукѣ подвергаются значенія словъ, имѣютъ довольно радикальный характеръ. Напримѣръ, слово „чувство“, въ обыденной жизни означающее разнороднѣйшія внутреннія переживанія (ср. выше стр. 59), сдѣлалось въ психологіи съ теченіемъ времени спеціальнымъ именемъ для переживаній положительныхъ и отрицательныхъ удовольствій (для наслажденій и страданій, Lust, Unlust).

**) Напримѣръ, присмотрѣвшись ближе къ тѣмъ спеціальнымъ видамъ психическихъ переживаній, которые психологи подводятъ подъ рубрику „чувствъ“, можно было бы найти не мало примѣровъ такихъ психологическихъ актовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ удовольствіями и страданіями (ср. предыдущее прим.),

И такія понятія, которыя установились въ наукѣ путемъ измѣненія смысла заимствованныхъ изъ разныхъ лингвистическихъ сферъ словъ, должны, для провѣрки ихъ научной доброкачественности (адэкватности), для созданія ихъ сознательно научнаго оправданія и для предохраненія ихъ отъ возможнаго оспариванія и порчи по наивно-лингвистическимъ мотивамъ—быть подвергнуты вторичному, независимому отъ привычекъ называнія, методологически-сознательному производству. Вообще къ нимъ относится изложенное выше о понятіяхъ съ именами, вполнѣ согласными съ обыденнымъ словоупотребленіемъ, съ тою лишь разницею, что при добавочномъ актѣ крещенія не лишне предупреждать о необходимости остерегаться смѣшенія разныхъ смысловъ даннаго имени *).

Въ томъ случаѣ, когда для образованнаго нами понятія нѣтъ въ существующемъ запасѣ словъ никакого подходящаго наименованія, а для соотвѣтственнаго класса желательно все-таки имѣть особое имя, приходится таковое сочинить, изобрѣсти.

но называются въ публикѣ чувствами и подъ вліяніемъ давленія соотвѣтственныхъ привычекъ называнія попадаютъ и у психологовъ въ разрядъ чувствъ (ср. ниже). Съ другой стороны, отсутствіе яснаго методологическаго сознанія относительно необходимости образованія и сохраненія такихъ понятій, которыя годны для образованія адэкватныхъ теорій, заставляетъ разныхъ психологовъ отъ времени до времени возбуждать споръ противъ установившагося въ психологіи научно-цѣннаго понятія чувствъ и доказывать, что чувствами являются еще (сверхъ положительныхъ и отрицательныхъ удовольствій) и разныя другія переживанія (разные психологи вносятъ различныя постороннія примѣси).

*) Между прочимъ Милль, исходя изъ положеній, что опредѣленіе есть „анализъ имени“, что оно „даетъ указаніе относительно обычнаго употребленія словъ“,— что „всѣ опредѣленія касаются именъ и только именъ“ и т. п. и вообще построивъ свое ученіе объ опредѣленіи на почвѣ словотолкованія, затѣмъ указываетъ на разные недостатки обыденнаго словоупотребленія и на эвентуальную необходимость ихъ исправленія и доходитъ въ одномъ мѣстѣ (Логика, кн. I, гл. VIII, § 7) даже до такого смѣлаго изреченія: „Нѣтъ, цѣль ихъ (опредѣленій)—не столько опредѣлить, каково значеніе имени, сколько установить, каково оно должно быть“.

Странно, что такой глубокій и послѣдовательный мыслитель могъ построить столь непослѣдовательное ученіе. Убѣдившись, въ концѣ концовъ, въ необходимости „исправленія“ словоупотребленія, ему слѣдовало зачеркнуть все предыдущее ученіе; т. е. уже изъ признанія факта наличности разныхъ недостатковъ словоупотребленія и необходимости ихъ „исправленій“ вытекаетъ то простое логическое слѣдствіе, что стало быть есть самостоятельные и независимые отъ привычекъ называнія критеріи образованія понятій и опредѣленія, и на почвѣ этихъ критеріевъ, выяснивъ ихъ надлежащимъ образомъ, и слѣдуетъ строить соотвѣтственныя методологическія ученія. Въ противномъ случаѣ получается странный кругъ: для образованія понятій намъ надо слушаться указаній языка, а языкъ долженъ слушаться нашихъ указаній.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія изложенныхъ выше методологическихъ воззрѣній, рѣчь можетъ идти отнюдь не объ „исправленіи“ недостатковъ языка, а только о заимствованіи изъ языка именъ для называнія самостоятельно образуемыхъ адэкватныхъ (теоретическимъ задачамъ) понятій, несмотря на несовпаденіе обыденнаго значенія слова съ нашими понятіями.

При этомъ мы отнюдь не предъявляемъ претензіи на то, чтобы общій языкъ или иное какое словоупотребленіе, напр., профессіонально-практическое, отказывалось отъ своихъ, можетъ быть вполнѣ удачныхъ въ своей области, привычекъ называнія. Мы только требуемъ для науки освобожденія отъ слѣдованія чьимъ либо указкамъ, въ томъ числѣ отъ подчиненія такимъ или инымъ словамъ и обычаямъ ихъ примѣненія.

Это, между прочимъ, весьма часто бываетъ въ области естественныхъ наукъ по поводу открытія новыхъ, прежде неизвѣстныхъ, явленій природы, веществъ, растеній, животныхъ и т. п., но случается и въ другихъ наукахъ при образованіи разныхъ новыхъ теорій, добываніи новыхъ цѣнныхъ истинъ и т. п. Фактически наука создала въ теченіе вѣковъ большое множество новыхъ классовыхъ именъ (съ помощью корней и словъ латинскаго и греческаго языковъ, именъ первооткрывателей, ср. напр., рентгеновскіе лучи, и другихъ лингвистическихъ средствъ), образовавъ такимъ образомъ новые классы и классовыя понятія, очевидно, не путемъ обозрѣнія того, что было раньше принято называть опредѣленнымъ именемъ.

Характерно, что именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ «руководства» для образованія понятій въ видѣ готовыхъ привычекъ называнія, какъ, напр., въ случаяхъ открытій новыхъ явленій природы, не замѣчается вообще такихъ бѣдствій, какія, напр., испытываетъ правовѣдѣніе по поводу опредѣленія понятія права и другихъ общихъ понятій, политическая экономія—по поводу понятій «хозяйственное явленіе», «хозяйство», соціологія—по поводу понятія «общество» и проч. и проч.

Вообще въ такъ называемыхъ естественныхъ наукахъ классовыя понятія находятся фактически въ сравнительно удовлетворительномъ состояніи. Напротивъ, въ такъ называемыхъ гуманитарныхъ и общественныхъ наукахъ системы классовыхъ понятій—чуть ли не сплошная научная патологія. Весьма способствуютъ этой неурядицѣ и мѣшаютъ вообще прогрессу этихъ наукъ именно разныя, сбивающія ученыхъ съ толку, готовыя привычки называнія. Здѣсь особенно важно ясно сознавать и на дѣлѣ систематически примѣнять такіе критеріи образованія научныхъ понятій, которые освобождали бы научную мысль отъ подчиненія словамъ и указывали ей путь самостоятельнаго, соотвѣтствующаго существу дѣла, творчества.

Откуда бы мы ни взяли имя для образованнаго нами адэкватнаго класса и классоваго понятія, будетъ ли это впервые образованное слово (или сложное выраженіе), или старое слово, перенесенное нами въ нашу научную область, несмотря на то, что въ области заимствованія это слово имѣло иное значеніе, или старое слово, означающее вообще тѣ же предметы и въ области, откуда мы его заимствовали,—во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ одинаково слѣдуетъ смотрѣть на данное имя, какъ на новую и самостоятельную лингвистическую величину, какъ на условный значекъ для образованнаго научнаго понятія и только для него, а эвентуальныя старыя привычки называнія, ассоціаціи идей и проч. слѣдуетъ принципіально оставить въ сторонѣ, никоимъ образомъ не припутывая ихъ къ дѣлу *).

---

*) Это правило относится какъ къ самимъ ученымъ изслѣдователямъ, такъ и къ тѣмъ, которые имѣютъ дѣло съ чужими научными изслѣдованіями, къ слушателямъ и читателямъ. Если авторъ, образовавъ какое либо научное понятіе и классъ, назвалъ его опредѣленнымъ образомъ, напр., правомъ, нравственностью и т. п., и дальше оперируетъ этимъ именемъ въ тѣхъ или иныхъ контекстахъ, то для правильнаго пониманія его мыслей, для надлежащаго усвоенія соотвѣтственныхъ теорій, для научной критики ихъ и т. д. необходимо къ этимъ именамъ относиться исключительно какъ къ обозначеніямъ установленныхъ и такъ названныхъ авторомъ понятій: отъ своихъ домашнихъ привычекъ называнія, отъ привычки обозначать такимъ же словомъ, напр. словомъ „нравственность“ или „право“ что либо, что не подходитъ подъ установленное авторомъ понятіе или отъ непривычки называть

Такія названія, которыя имѣютъ характеръ условныхъ словесныхъ значковъ для самостоятельно образованныхъ научныхъ (адэкватныхъ) понятій (а не словъ, примѣняемыхъ по профессіональной или иной привычкѣ называнія къ объектамъ какого-либо рода или какой-либо сборной группы), мы будемъ называть научными терминами.

Въ научныхъ изслѣдованіяхъ и сочиненіяхъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы тѣ имена, смыслъ коихъ имѣетъ существенное значеніе въ данной области, были научными терминами въ указанномъ смыслѣ этого выраженія, а не словами общаго или профессіональнаго языка съ соотвѣтственными привычками называнія и представленіями *).

Изъ вышеизложеннаго, между прочимъ, слѣдуетъ, что, приступая къ научно-теоретическому изслѣдованію какихъ либо явленій, по отношенію къ коимъ существуютъ въ такой или иной лингвистической сферѣ такія или иныя привычки называнія и имена, напр., «право», «нравственность», «общество», «хозяйство», «государство» и т. п., слѣдуетъ принципіально

этимъ словомъ то, для чего авторъ избралъ данное названіе и т. д., слѣдуетъ принципіально отрѣшиться. Въ частности было бы наивно спорить и критиковать понятіе и теорію автора путемъ приведенія примѣровъ такихъ явленій, которыя „тоже называются такъ то“, напр., правомъ, но не подходятъ подъ ученіе, установленное авторомъ, или, наоборотъ, „называются не правомъ, а иначе“, а по ученію автора оказываются „правомъ“. Еще наивнѣе была бы критика путемъ ссылки на то, что такія-то явленія несомнѣнно „суть“ или „не суть“ правовыя, а по автору дескать выходитъ иначе. Въ послѣднемъ случаѣ къ непониманію того, какъ слѣдуетъ относиться къ научнымъ понятіямъ и названіямъ, присоединялось бы принятіе иной привычки называнія за нѣчто, имѣющее объективное значеніе, дѣлающее одно истиннымъ правомъ, другое неправомъ и т. д. (ср. выше стр. 46).

Дѣйствительно, научною критикою установленнаго авторомъ понятія и соотвѣтственныхъ теорій будетъ лишь такая критика, которая, оставляя слова, какъ таковыя, въ сторонѣ, направлена на провѣрку научной адэкватности предлагаемаго авторомъ понятія и его теоріи (ср. выше стр. 66 и сл.).

Кромѣ этой критики по существу, возможно, впрочемъ, и разсмотрѣніе сравнительно неважнаго и побочнаго, чисто словеснаго вопроса, состоящаго въ томъ, удачно ли избрано авторомъ названіе для предложеннаго имъ понятія, напр., вопроса, раціонально ли поступаетъ авторъ, назвавъ образованный имъ классъ явленій „правомъ“ или „нравственностью“, не слѣдовало ли ему избрать лучше иную кличку, напр., образовать новое слово и т. д.

Указанныя правила пониманія и критики предполагаютъ, впрочемъ, соотвѣтственное научное отношеніе самого автора къ своимъ понятіямъ и названіямъ.

Какъ видно изъ изложеннаго выше о томъ, что теперь юристы, моралисты и т. д. понимаютъ подъ опредѣленіемъ права, нравственности и т. д., ихъ „опредѣленія“ и примѣняемыя ими имена: „право“, „нравственность“ и т. д., имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой предполагается въ только что изложенныхъ правилахъ научнаго отношенія къ понятіямъ и именамъ. А именно, обычныя опредѣленія „права“ юристовъ имѣютъ смыслъ утвержденій, что то, что въ профессіонально-юридическомъ языкѣ принято называть „правомъ“ имѣетъ такія-то общія и отличительныя свойства. Опредѣленія „нравственности“ у моралистовъ означаютъ утвержденія, что то, что обыденное словоупотребленіе относитъ къ нравственности, обладаетъ такими-то общими и отличительными свойствами и т. д. Это собственно не понятія въ нашемъ смыслѣ, а своеобразныя теоріи лингвистическаго характера (понятія и опредѣленія въ нашемъ смыслѣ не суть вообще утвержденія, сужденія, а лишь элементы для сужденій). Противъ такихъ теорій дѣйствительно можно и должно спорить такъ, какъ обыкновенно противъ нихъ спорятъ и ихъ опровер-

исходить изъ возможности, что для научно-теоретическихъ цѣлей придется не только произвести иную группировку, иную классификацію явленій, но и отбросить существующія имена, хотя бы столь почтенныя, какъ «право», «нравственность» и т. п., и создать для новыхъ, образованныхъ по началу адэкватности, понятій и классовъ новыя имена въ качествѣ научныхъ терминовъ (ср. имена: «зелень», «дичь» и т. п., съ одной стороны, терминологію ботаники и зоологіи, съ другой стороны).

Уже въ самой постановкѣ такихъ проблемъ, что дескать надо прежде всего опредѣлить, что такое «право», что такое «нравственность», что такое «государство» и т. п., скрывается обыкновенно принципіальное методологическое заблужденіе, а именно въ основѣ лежитъ некритическая вѣра въ то, 1) что разъ есть такое-то слово, то есть и соотвѣтственный классъ, и 2) какъ разъ этотъ классъ и долженъ быть возведенъ въ центральный для подлежащей науки.

Все это отнюдь не необходимо, хотя (послѣ надлежащаго изслѣдованія) и можетъ оказаться такое удачное совпаденіе, что соотвѣтственныя слова

гаютъ, а именно, напр., въ области правовѣдѣнія, путемъ ссылокъ на разныя явленія, относимыя профессіонально-юридическимъ словоупотребленіемъ къ праву, но, вопреки утвержденію автора, не обладающія такими-то признаками и т. д.

И наше правило о томъ, что для пониманія научнаго сочиненія, въ которомъ образовано извѣстное классовое понятіе и для него условлено извѣстное сокращенное названіе, нужно имѣть въ виду не обычное значеніе слова и т. п., а только установленное понятіе, не примѣняется къ тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ опредѣленія имѣютъ смыслъ попытки толкованія такихъ или иныхъ словъ профессіональнаго или обыденнаго словоупотребленія. Авторы такихъ сочиненій, напр., о „правѣ“, о „нравственности“ и т. п., примѣняя соотвѣтственныя имена, имѣютъ въ виду то, что называется такъ въ соотвѣтственной лингвистической сферѣ. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ понимать ихъ словоупотребленіе. Нерѣдко, особенно, напр., въ юридической литературѣ, бываетъ такъ, что предложенное въ одномъ изъ начальныхъ параграфовъ опредѣленіе предмета, о которомъ дальше идетъ рѣчь, напр., „права“, дальше никакой роли не играетъ, не принимается и самимъ авторомъ во вниманіе (большинство опредѣленій понятія права таковы, что при подстановкѣ ихъ вмѣсто слова „права“ въ дальнѣйшемъ изложеніи получились бы совершенно невозможные результаты, явныя противорѣчія и т. п.). Мало того, нерѣдко уже въ томъ мѣстѣ изложенія, гдѣ установляется опредѣленіе, послѣднее тотчасъ же подвергается своеобразной кассаціи—путемъ указанія на разные объекты, которые не подходятъ подъ установленное понятіе, но тоже называются авторомъ (по примѣру другихъ) такъ-то (напр. правомъ), а потому подтягиваются авторомъ путемъ разныхъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ мѣръ подъ то же понятіе, т. е. причисляются къ той же одноименной группѣ. Очевидно, для правильнаго пониманія дальнѣйшаго изложенія въ такихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что авторъ называетъ примѣняемымъ имъ именемъ, а не предложенную имъ формулу опредѣленія, не имѣющую по существу рѣшающаго значенія.

*) Требовать, чтобы всѣ имена въ научномъ сочиненіи, даже напр., примѣняемыя въ поясняющихъ примѣрахъ, побочныхъ замѣчаніяхъ и т. п., были научными терминами въ нашемъ смыслѣ, было бы нелѣпымъ педантизмомъ.

Но, съ другой стороны, сочиненія подъ заглавіемъ „этика“, „энциклопедія права“, „учебникъ гражданскаго права“ и т. п., въ которыхъ слова: „нравственность“, „право“ и т. п.—не термины, а профессіональныя или общежитейскія слова, даже безъ соотвѣтственнаго, т. е. словотолковательнаго, опредѣленія—трудно относить къ научной въ строгомъ смыслѣ слова литературѣ, въ частности къ такой литературѣ, изученіе коей прививаетъ навыки научнаго мышленія, пріучаетъ къ методическому, ясному и точному мышленію, и т. д.

годятся не только для областей ихъ фактическаго примѣненія, но и для возведенія въ рангъ научныхъ терминовъ *).

§ 6. Начала образованія и обоснованія адэкватныхъ теорій.

Выше мы познакомились съ принципомъ адэкватности теорій и убѣдились, что этотъ принципъ содержитъ въ себѣ критеріи и верховныя руководящія начала какъ для надлежащаго образованія (и научной критики) теорій, такъ и для надлежащаго исполненія вспомогательныхъ работъ теоретическаго мышленія, извѣстныхъ въ логикѣ и методологіи подъ именами: образованія понятій, опредѣленія и классификаціи.

Въ виду такой важности для всѣхъ работъ въ области теоретическаго мышленія начала адэкватности большое значеніе получаютъ вопросы о техническихъ средствахъ діагноза (распознанія) адэкватности или неадэкватности теорій и нахожденія и обоснованія адэкватныхъ теоретическихъ положеній.

Между прочимъ, если всмотрѣться ближе въ существо традиціоннаго ученія объ образованіи общихъ понятій и опредѣленій путемъ обзора конкретныхъ предметовъ извѣстнаго рода, напр., правовыхъ, нравственныхъ явленій, констатированія общихъ всѣмъ имъ признаковъ, выбора среди этихъ признаковъ отличительныхъ чертъ путемъ сравненія этихъ предметовъ съ другими, особенно «сродными», и т. д., то оказывается, что это ученіе есть своеобразный рецептъ образованія особаго рода адэкватныхъ теорій, а именно, теоретическихъ утвержденій по схемѣ: «все то, что называется такъ-то, и только оно обладаетъ такими-то свойствами».

Если признать «все, что называется такъ-то» ужъ изъ-за общности наименованія (хотя бы дѣло шло о разнороднѣйшихъ объективно вещахъ) особымъ классомъ предметовъ и назвать такіе классы лингвистическими классами, то можно сказать, что традиціонные рецепты образованія понятій (опредѣленій) права, нравственности и т. п. представляютъ рецепты отыскиванія адэкватныхъ сказуемыхъ для соотвѣтственныхъ лингвистическихъ классовъ (каковыя предпріятія иногда не удаются и не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, потому что иногда, кромѣ общности имени, никакихъ общихъ и отличительныхъ свойствъ у предметовъ «лингвистическаго класса» нѣтъ).

---

*) Въ другихъ сочиненіяхъ авторъ надѣется, между прочимъ, показать, что слово „общество“ не заслуживаетъ чести возведенія въ центральный научный терминъ для особой науки „соціологіи“, и что то же относится къ слову „хозяйство“ (или къ выраженіямъ „хозяйственное явленіе“; „хозяйственное благо“ и [т. д.) въ области экономической теоріи. Къ слову „право“ это случайно не относится—потому что это слово въ общенародномъ языкѣ имѣетъ область примѣненія, вообще соотвѣтствующую такому понятію и классу, который является адэкватнымъ для о собой теоретической науки (важной и для практической юриспруденціи, хотя ея слово „право“ имѣетъ гораздо болѣе узкій смыслъ—смыслъ сборной группы, соединяющей въ себѣ лишь нѣкоторыя, сравнительно незначительныя, части соотвѣтственнаго класса).

Мы отвергли это ученіе въ качествѣ ученія объ образованіи понятій и опредѣленій (за каковое оно себя по недоразумѣнію принимаетъ), не можемъ признать научнымъ дѣломъ и образованіе теорій по лингвистическимъ классамъ, и сами имѣемъ въ виду образованіе адэкватныхъ теорій не относительно лингвистическихъ, а относительно объективныхъ классовъ, т. е. не относительно того, «что называется такъ-то», а относительно того, «что обладаетъ такими-то объективными свойствами», но тѣмъ не менѣе для насъ возникаетъ вопросъ: не приходится ли намъ заимствовать соотвѣтственный рецептъ въ качествѣ рецепта образованія адэкватныхъ теорій, измѣнивъ его въ томъ отношеніи, что вмѣсто общаго названія слѣдуетъ исходить изъ общихъ объективныхъ свойствъ (напр., состава, формы предметовъ и т. п.) и обозрѣвать и сравнивать съ другими не одноименные, а объективно однородные предметы.

По этому поводу напомнимъ прежде всего то, указанное нами уже выше (стр. 38 и сл.) обстоятельство, что предметы классовыхъ понятій принципіально необозримы, что къ нимъ относятся и будущіе, еще не бывшіе предметы, поскольку они будутъ обладать классовыми признаками, и т. д.

Но затѣмъ для пониманія существа и методовъ добыванія теоретическихъ знаній въ высшей степени важно принять во вниманіе еще слѣдующее:

Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто теоретическія, т. е. классовыя, истины утверждаютъ непремѣнно что либо такое, что можетъ быть найдено въ каждомъ, доступномъ конкретному изученію, экземплярѣ класса путемъ наблюденія.

Относительно класса: «физическія тѣла» добыто наукою много цѣнныхъ истинъ, напр., формулъ ихъ движенія, паденія и т. д. Но смыслъ этихъ формулъ—«законовъ» вовсе не тотъ, будто фактически движущіяся тѣла, напр., брошенные вверхъ и потомъ падающіе внизъ камни, совершаютъ именно тѣ движенія, которыя предусмотрѣны этими формулами. Напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что фактическія движенія безчисленныхъ физическихъ тѣлъ на землѣ и въ другихъ мѣстахъ всегда происходятъ иначе, чѣмъ гласятъ эти формулы. Безчисленные факторы (напр., наличность воздуха на землѣ, луны, солнца и безчисленныхъ другихъ небесныхъ тѣлъ) вносятъ въ каждое реальное движеніе на землѣ и въ другихъ мѣстахъ міра безчисленныя отклоненія и осложненія, и ни одно тѣло не падаетъ, вообще не движется фактически такъ, чтобы можно было путемъ наблюденія констатировать осуществленіе какой либо формулы механики. Если даже въ какомъ либо конкретномъ случаѣ изслѣдователю покажется, что онъ констатировалъ путемъ наблюденія точное осуществленіе какого либо закона механики, то можно сказать съ увѣренностью, что онъ ошибся, напр., вслѣдствіе того, что инструменты, которыми онъ пользовался для измѣренія, слишкомъ грубы, не показываютъ малыхъ разницъ, отступленій или т. п.

Въ области общественныхъ наукъ пока мало найдено такихъ истинъ, которыя заслуживали бы имя научныхъ теорій, но есть все-таки нѣкоторыя положенія и здѣсь, которымъ, повидимому, нельзя отказать въ такой чести; таковъ характеръ нѣкоторыхъ положеній наиболѣе счастливой изъ общественныхъ наукъ — политической экономіи, напр., «закона спроса и предложенія». И относительно этихъ формулъ можно сказать, что онѣ въ дѣйствительности вовсе не осуществляются, а если бы кто въ конкретномъ случаѣ констатировалъ осуществленіе какого либо изъ экономическихъ законовъ, то слѣдовало бы предположить наличность ошибокъ въ его наблюденіяхъ или вычисленіяхъ, или разсужденіяхъ.

Хотя такимъ образомъ разные «законы» природы и общественныхъ явленій, можно сказать, утверждаютъ то, чего никогда въ дѣйствительности не бываетъ, они все-таки имѣютъ вообще великую цѣнность для объясненія того, что дѣйствительно бываетъ (а равно для предвидѣнія будущаго, для сообразованія съ этимъ поведенія, для достиженія разныхъ цѣнныхъ техническихъ и иныхъ продуктовъ и эффектовъ и т. д.).

Смыслъ такихъ формулъ состоитъ въ указаніи того, что бы было, если бы не было разныхъ осложняющихъ условій, и къ чему въ тѣмъ большей степени должна приближаться и приближается дѣйствительность, чѣмъ слабѣе отклоняющіе факторы по сравненію съ тѣмъ факторомъ, законъ дѣйствія котораго представляетъ данная формула, вообще чѣмъ менѣе существенную роль играютъ осложняющія условія.

Хотя фактически обыкновенно дѣйствуютъ легіоны отклоняющихъ факторовъ, но для теоретическихъ цѣлей познанія и объясненія явленій, а равно для практическихъ цѣлей можно громадное большинство этихъ факторовъ игнорировать, принимать за $= 0$, такъ что остается лишь нѣсколько, обыкновенно сравнительно немного, важныхъ, рѣшающихъ факторовъ. Если мы знаемъ законы этихъ рѣшающихъ факторовъ, то мы, вообще, хозяева положенія дѣла въ смыслѣ возможности объясненія дѣйствительности, предвидѣнія, сообразованія поведенія и т. д. — съ достаточною относительною точностью, съ достаточнымъ приближеніемъ.

Сообразно указанной природѣ соотвѣтственныхъ «законовъ» ихъ иногда въ подлежащихъ научныхъ сферахъ называютъ тенденціями, стремленіями, и вводятъ соотвѣтственныя указанія въ самыя формулы: «каждое движущееся тѣло стремится продолжать движеніе съ тою же скоростью по прямой линіи» и т. п.

Сообразно съ этимъ и общій законъ причинной связи иногда формулируется такъ, что «всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или другими опредѣленными явленіями, если къ тому нѣтъ препятствій», и т. п.

Впрочемъ, указанное несовпаденіе теоретическихъ истинъ и конкретныхъ объектовъ наблюденія относится не только къ тѣмъ положеніямъ, которыя принято подводить подъ законъ причинности и называть «законами природы» (въ общемъ смыслѣ, обнимающемъ и законы обществен-

ныхъ явленій). Напр., геометрическія истины тоже de facto никогда не осуществляются. Въ природѣ нѣтъ такихъ случаевъ, въ которыхъ бы осуществлялись геометрическія теоремы относительно круговъ, шаровъ, конусовъ и т. п. Случаются только въ извѣстныхъ областяхъ (главнымъ образомъ въ области человѣческой техники, ср. также явленія кристаллизаціи) такія приближенія къ ихъ осуществленію, что разныя необходимыя неправильности и осложненія не играютъ существенной роли, напр., не мѣшаютъ архитекторамъ предвидѣть съ достаточною относительною точностью количество необходимаго для постройки матеріала и т. п. Геометрическія теоремы, можно сказать, тоже выражаютъ тенденціи; онѣ указываютъ, что должно было бы быть въ дѣйствительности, если бы не было неизбѣжныхъ осложненій...

Какъ бы то ни было, теоретическое знаніе вообще отнюдь не есть какая-то копія или протоколъ дѣйствительности и содержитъ въ себѣ принципіально отличное отъ того, что могло бы быть констатировано путемъ наблюденія.

Тамъ, гдѣ путемъ наблюденія, какъ такового, пришлось бы только констатировать хаосъ безконечнаго разнообразія и измѣнчивости и нельзя было бы найти никакой правильности и ничего общаго между явленіями, теорія находитъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же общихъ и элементарныхъ факторовъ и ихъ правильныхъ и неизмѣнныхъ тенденцій. Можетъ быть и обратное: то, что наблюденію представляется однороднымъ, одинаковымъ, съ точки зрѣнія теоретическаго знанія и пониманія окажется принципіально различнымъ, осуществленіями принципіально разнородныхъ элементарныхъ тенденцій и ихъ сочетаній.

Но если бы между теоретическимъ знаніемъ и наблюденіями и не было указаннаго принципіальнаго различія, если бы теоретическое знаніе не говорило вовсе о неподдающихся наблюденію и принципіально отличныхъ отъ наблюдаемаго въ дѣйствительности тенденціяхъ, а касалось бы исключительно такого рода объектовъ, какіе могутъ быть и бываютъ предметами наблюденія, все-таки каждая теорія, какъ таковая, содержала бы въ себѣ нѣчто принципіально отличное отъ того, что можетъ быть констатировано путемъ наблюденія; ибо теоріи—классовыя сужденія, т. е. онѣ содержатъ утвержденія не о тѣхъ объектахъ, которые существовали или существуютъ и случайно были подвергнуты наблюденію, а о классахъ, т. е. о чемъ-то принципіально безконечно большемъ, чѣмъ то, что могло быть подвергнуто наблюденію, хотя бы такихъ наблюденій были сдѣланы милліоны (ср. выше, стр. 38 и сл.).

Тѣ пріемы изслѣдованія, о которыхъ традиціонно идетъ рѣчь въ области ученія объ опредѣленіи, которые примѣняются для отысканія общихъ и отличительныхъ свойствъ права, нравственности, государствъ и т. п., и вообще всякіе пріемы изученія, которые сводятся къ протоколированію (и, эвентуально, сокращенному выраженію) констатированнаго въ дѣйствительности, могутъ быть годными и достаточными методами

только въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ дѣло идетъ именно объ описаніи или пересказѣ наличнаго или бывшаго въ конкретной дѣйствительности (въ области конкретныхъ, описательныхъ и повѣствовательныхъ наукъ), но не въ области классовыхъ наукъ, теорій. Съ точки зрѣнія классовыхъ наукъ положенія, добытыя путемъ простого констатированія фактовъ, въ томъ числѣ путемъ нахожденія общихъ чертъ въ подвергнутыхъ наблюденію объектахъ извѣстнаго рода (хотя бы и сравнительно весьма многочисленныхъ), въ лучшемъ случаѣ представляютъ сырой фактическій матеріалъ, могущій быть утилизированнымъ для извѣстныхъ теоретическихъ предположеній, выводовъ и т. д.

Для того, чтобы образовать и обосновать какую либо правильную теорію, недостаточно констатировать какое либо фактическое бываніе, а надо установить наличность необходимой логической или причинной связи (тенденціи) между специфическимъ признакомъ (differentia specifica) какого либо класса объектовъ (теоретическаго подлежащаго) и чѣмъ либо другимъ (тѣмъ, что относительно этого класса высказывается, теоретическимъ сказуемымъ).

Для доказательства правильности и выясненія значенія этого методологическаго тезиса замѣтимъ слѣдующее:

1. Если установлено, что между какимъ либо признакомъ a какого-либо класса A и чѣмъ либо другимъ b существуетъ необходимая логическая связь, такъ что изъ предположенія наличности a вытекаетъ неизбѣжно наличность b, то тѣмъ самымъ доказано, что всѣ мыслимые A связаны съ b, что, стало быть, теорія, приписывающая b классу A, не можетъ быть прыгающею теоріею. Точно также, если доказано, что между какимъ либо свойствомъ извѣстнаго класса и чѣмъ либо другимъ существуетъ необходимая причинная связь, то тѣмъ самымъ доказано, что теорія, приписывающая всему классу соотвѣтственное причинное свойство, не можетъ быть прыгающею теоріею; напр., если установлено, что свойству a класса A присуща причинная тенденція b, то тѣмъ самымъ доказано, что всѣмъ прошедшимъ (въ томъ числѣ намъ неизвѣстнымъ) A была свойственна тенденція b, что будущимъ A будетъ свойственна тенденція b, и вообще, что всѣмъ мыслимымъ A свойственна (должна быть мысленно приписана) тенденція b, т. е., что теорія, приписывающая классу A какъ таковому тенденцію b, не есть прыгающая теорія. Вообще установленіе необходимой логической или причинной связи между какимъ либо признакомъ теоретическаго (классоваго) подлежащаго и теоретическимъ сказуемымъ есть достаточная гарантія противъ порока прыганія теоріи.

Съ другой стороны, установленіе такой связи есть единственная гарантія противъ порока прыганія теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если что либо, приписываемое извѣстному классу, не связано необходимо ни съ какимъ признакомъ этого класса, въ такомъ случаѣ возможны, мыслимы объекты

этого класса безъ того, что приписано классу, а въ такомъ случаѣ соотвѣтственная теорія есть прыгающая теорія.

Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣтимъ, что установленныя положенія о гарантіи противъ порока прыганія предполагаютъ такое пониманіе и образованіе классовыхъ понятій, какое выше, стр. 62 и сл., было указано, какъ правильное и ведущее къ тому, что приписанные классу признаки являются неизбѣжно абсолютно общими признаками для всѣхъ объектовъ класса (стр. 62).

На почвѣ подвергнутаго выше критикѣ традиціоннаго пониманія и образованія классовыхъ понятій доказательство необходимой связи между какимъ либо приписаннымъ классу признакомъ и чѣмъ либо другимъ отнюдь не являлось бы гарантіей противъ прыганія теоріи, ибо нѣтъ никакой гарантіи, что дѣло идетъ объ общихъ всѣмъ членамъ класса признакахъ (ср. выше, стр. 64). Если бы, напр., юристы или моралисты образовывали свои теоретическія утвержденія о правѣ или нравственности путемъ установленія необходимой связи между приписанными ими праву или нравственности въ соотвѣтственныхъ опредѣленіяхъ признаками и чѣмъ либо другимъ, все-таки къ ихъ теоріямъ наше положеніе о гарантіи противъ прыганія вовсе бы не относилось. Ибо ихъ утвержденія, что праву или нравственности общи такіе-то признаки (утвержденія, основанныя на обзорѣ и сравненіи лишь нѣсколькихъ «правовыхъ» или «нравственныхъ», т. е. такъ называемыхъ, явленій), бездоказательны и обыкновенно даже явно ошибочны, такъ что необходимая связь чего либо другого съ такими признаками вовсе не обосновываетъ свободы теоріи отъ порока прыганія.

2. Установленіе необходимой, логической или причинной, связи между какимъ либо классовымъ свойствомъ теоретическаго подлежащаго и теоретическимъ сказуемымъ является (при условіи правильнаго пониманія и образованія классовыхъ понятій) надлежащею гарантіею противъ прыганія теоріи, но отнюдь не заключаетъ въ себѣ необходимой гарантіи противъ хроманія теоріи. Напротивъ, нѣкоторыя теоріи, высказываемыя на основаніи необходимой связи между классовыми свойствами теоретическихъ подлежащихъ и сказуемымъ, неизбѣжно должны быть хромыми, и лишь нѣкоторыя — свободными отъ этого порока.

Въ этомъ отношеніи важно различать два рода классовыхъ признаковъ: *a.* признаки, общіе всѣмъ членамъ даннаго класса, но не имъ однимъ, т. е. признаки, свойственные какому либо болѣе общему, высшему классу: роду, видомъ котораго является данный классъ, надъ-роду и т. д.— «родовые признаки». Напр., въ классѣ прямоугольные треугольники наличность трехъ угловъ есть родовой признакъ — свойственный не только прямоугольнымъ треугольникамъ; въ классѣ прозрачныя жидкости признакъ жидкаго состоянія есть родовой признакъ, признакъ матеріальной природы — тоже (это надъ-родовой признакъ, ибо онъ свойственъ не только всѣмъ жидкостямъ — ближайшему высшему роду, но еще болѣе

обширному классу — физическимъ тѣламъ вообще, въ томъ числѣ и твердымъ и газообразнымъ); *b.* признаки, спеціально свойственные даннымъ классамъ, отличающіе ихъ отъ всѣхъ другихъ классовъ — «видовые», «специфическіе признаки», «специфическія отличія» (differentia specifica); напр., въ только что приведенныхъ примѣрахъ прямоугольность треугольника, прозрачность жидкости суть видовые признаки, видовыя отличія. Въ классѣ бѣлыя круглыя тѣла признаки: тѣлесная природа, бѣлизна, круглая форма въ отдѣльности, а равно и комбинаціи по два: тѣлесность + + бѣлизна (бѣлыя тѣла), тѣлесность + круглая форма (круглыя тѣла) суть родовые признаки, но комбинація сразу всѣхъ трехъ признаковъ есть специфическое отличіе даннаго класса.

Сообразно съ этимъ слѣдуетъ различать два рода теорій, основанныхъ на наличности необходимой связи между классовыми признаками теоретическаго подлежащаго и сказуемыми.

a. Теоріи, сказуемыя коихъ связаны (логически или причинно) съ родовыми признаками классовыхъ подлежащихъ. Всѣ такія теоріи могутъ (на основаніи пункта 1 выше, стр. 100) быть расширены путемъ отнесенія сказуемыхъ къ тѣмъ высшимъ классамъ, для которыхъ данные родовые признаки все еще остаются общими признаками, безъ введенія порока прыганія; слѣдовательно, въ настоящемъ видѣ всѣ эти теоріи суть хромыя теоріи. Степень ихъ хроманія тѣмъ больше, чѣмъ выше тотъ послѣдній классъ, для котораго данные родовые признаки все еще остаются общими признаками, по отношенію къ тому классу, къ которому теперь пріурочены сказуемыя. Если къ виду отнесено то, что связано съ признаками, общими всему роду и только ему, то имѣется хроманіе 1-й степени; если дѣло идетъ о признакахъ, общихъ не только для рода, но и для надъ-рода, то имѣется хроманіе 2-й степени и т. д. Напр., если относительно класса «прозрачныя жидкости» высказывается что либо такое, что причинно связано съ жидкимъ состояніемъ тѣлъ, то имѣется хроманіе 1-й степени, если же то, что высказывается о прозрачныхъ жидкостяхъ, связано съ матеріальною ихъ природою, то имѣется хроманіе 2-й степени и т. п.

b. Теоріи, сказуемыя коихъ связаны не съ родовыми, а съ видовыми признаками, со специфическими отличіями теоретическихъ подлежащихъ. Такія теоріи не допускаютъ расширенія путемъ отнесенія сказуемыхъ къ болѣе обширнымъ классамъ, ибо въ противномъ случаѣ получились бы неизбѣжно прыгающія теоріи (выше, стр. 100), слѣдовательно, онѣ свободны отъ порока хроманія.

Предыдущее положеніе предполагаетъ такое пониманіе и образованіе классовыхъ понятій, при которомъ имѣется гарантія, что классовое опредѣленіе (соотвѣтствующій признакъ или совокупность признаковъ) отличаетъ всѣ объекты класса отъ всѣхъ прочихъ объектовъ, дѣйствительно содержитъ въ себѣ специфическое отличіе. На почвѣ подвергнутаго выше критикѣ традиціоннаго пониманія и образованія классовыхъ понятій до-

казательство необходимой связи между какими либо, приписанными классу въ качествѣ отличительныхъ, признаками и чѣмъ либо другимъ отнюдь не доказывало бы свободы теоріи отъ порока хроманія, ибо нѣтъ никакой гарантіи, что дѣло идетъ о признакахъ, дѣйствительно отличающихъ объекты, о которыхъ говорится, отъ всѣхъ прочихъ объектовъ (ср. выше, стр. 64). Если бы, напр., юристы или моралисты образовывали свои теоретическія утвержденія о правѣ или нравственности путемъ установленія необходимой связи между приписанными ими праву или нравственности въ соотвѣтственныхъ опредѣленіяхъ отличительными признаками и чѣмъ либо другимъ, все-таки къ ихъ теоріямъ наше положеніе о свободѣ отъ порока хроманія не относилось бы. Ибо ихъ утвержденія, что праву или нравственности спеціально свойственны въ отличіе отъ «сродныхъ» и вообще всѣхъ другихъ явленій такіе-то признаки (утвержденія, основанныя на обзорѣ и сравненіи нѣсколькихъ «правовыхъ» или «нравственныхъ», т. е. такъ называемыхъ, явленій съ нѣсколькими иначе называемыми и принимаемыми за сродныя явленіями), бездоказательны и обыкновенно даже явно ошибочны, такъ что необходимая связь чего либо другого съ такими признаками вовсе не обосновываетъ свободы теоріи отъ порока хроманія.

Иное положеніе дѣла получается въ томъ случаѣ, если исходить изъ установленнаго выше, стр. 62 и сл., пониманія существа классовыхъ понятій и ихъ образованія; въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ исполненіи неисполнимой работы обзора всѣхъ сродныхъ съ опредѣляемыми объектовъ для отысканія отличительныхъ признаковъ, и тѣмъ не менѣе есть абсолютная гарантія въ томъ, что классовыя опредѣленія содержатъ въ себѣ дѣйствительно специфическія отличія, что введенные въ опредѣленія признаки (или совокупности признаковъ) свойственны только объектамъ даннаго класса и ничему другому въ мірѣ (стр. 63, sub 3); такъ что есть гарантія и въ томъ, что связанное логически или причинно съ такими признаками находится въ связи именно со специфическою, единственною въ своемъ родѣ, природою объектовъ даннаго класса, и что, поэтому, утверждаемое вмѣстѣ съ его основаніями не можетъ быть безъ ошибки отнесено къ болѣе обширному классу *).

Такъ какъ при правильномъ пониманіи и образованіи понятій существуетъ гарантія, что специфическое отличіе есть абсолютно общій

*) По поводу изложеннаго можетъ возникнуть вопросъ, можно ли утверждать, что своеобразныя, чуждыя всему прочему, свойства извѣстныхъ объектовъ должны влечь за собою и своеобразныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что къ составу господствующаго ученія о причинахъ и причинной связи относится, между прочимъ, воззрѣніе, по которому разныя причины могутъ вести къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ: смерть можетъ послѣдовать отъ пули, отъ яда, отъ погруженія въ воду, въ безвоздушное пространство, отъ различнѣйшихъ болѣзней и проч. Если исходить изъ этого, повидимому, несомнѣннаго и весьма убѣдительно и наглядно доказываемаго примѣромъ разныхъ причинъ смерти положенія, въ такомъ случаѣ на поставленный вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Но намъ само ученіе о тождественныхъ послѣдствіяхъ различныхъ причинъ представляется покоющимся

всему классу признакъ, а теоріи, основанныя на необходимой связи сказуемыхъ съ общими признаками класса, не могутъ быть прыгающими теоріями (стр. 100); то получается то положеніе, что теоріи, основанныя на необходимой связи сказуемыхъ со специфическими отличіями классовыхъ подлежащихъ, суть адэкватныя (не хромающія и не прыгающія) теоріи. Изъ предыдущаго вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ, что только эти теоріи (и притомъ только при предположеніи надлежащаго пониманія и образованія классовыхъ понятій) могутъ быть утверждаемы, какъ вполнѣ правильныя, какъ свободныя отъ пороковъ хроманія и прыганія теоріи.

Изъ этихъ положеній между прочимъ видно, сколь важную роль должны играть специфическія классовыя отличія при научно-методическомъ образованіи теоретическихъ ученій, въ томъ числѣ цѣлыхъ теоретическихъ наукъ о какихъ либо объектахъ, напр., о правѣ, нравствен-

---

на недоразумѣніи. Дѣйствительно, смерть можетъ послѣдовать и отъ пули, и отъ яда, и т. д. Но тѣмъ не менѣе ударъ пули влечетъ за собою совсѣмъ иныя послѣдствія, чѣмъ ядъ, и т. п., какъ это, между прочимъ, наглядно показываетъ даже чисто внѣшнее сравненіе труповъ. Судебная и клиническая экспертиза уже при современномъ состояніи знаній умѣетъ путемъ изслѣдованія трупа рѣшить не только, напр., вопросъ, послѣдовала ли смерть отъ утопленія или удушенія, или отъ яда, или отъ естественной болѣзни, но и вопросъ, отъ какого изъ многихъ извѣстныхъ ядовъ, отъ какой изъ многихъ извѣстныхъ болѣзней послѣдовала смерть,—потому что разные яды, разныя болѣзни и т. д. производятъ разныя измѣненія въ организмѣ, вызываютъ разные специфическіе процессы, влекутъ за собою разныя послѣдствія. Если бы разныя причины порождали тѣ же послѣдствія, тогда вообще о научномъ или вообще сколько нибудь достовѣрномъ опредѣленіи причинъ по послѣдствіямъ, т. е. о томъ, что въ жизни и въ наукѣ на каждомъ шагу съ успѣхомъ дѣлается, не могло бы быть рѣчи. Мало того, тогда мы бы никогда не были въ состояніи съ увѣренностью утверждать, что что либо было, напр., что вчера или только что произошло какое либо событіе: ибо всякое утвержденіе о прошедшемъ есть въ существѣ дѣла утвержденіе о причинахъ на основаніи послѣдствій; даже если мы были очевидцами чего либо и по памяти высказываемъ соотвѣтственное утвержденіе, то наше утвержденіе есть утвержденіе о бывшей причинѣ по наличнымъ теперь послѣдствіямъ—по памяти, по образамъ, которые теперь возникаютъ въ нашей психикѣ, какъ послѣдствія бывшаго прежде. Если даже я теперь вижу солнечный свѣтъ или слышу колокольный звонъ и утверждаю, что свѣтитъ солнце, звенитъ колоколъ, то это мое утвержденіе есть своего рода экспертиза по послѣдствіямъ о причинѣ (о причинѣ моихъ свѣтовыхъ, звуковыхъ ощущеній, и т. д.). Съ точки зрѣнія теоріи объ одинаковыхъ послѣдствіяхъ различныхъ причинъ всѣ такія и т. п. утвержденія должны были бы быть признаны лишь догадками, ничего не доказывающими и не удостовѣряющими, ибо изъ особенностей послѣдствій отнюдь не вытекаетъ наличности опредѣленной особенной причины. Недоразумѣніе, лежащее въ основаніи этого ученія, состоитъ въ томъ, что за совпаденіе слѣдствій здѣсь принимается частичное сходство въ какихъ либо (различныхъ) элементахъ и звеньяхъ различныхъ процессовъ, вызванныхъ различными причинами. Съ практическо-житейской точки зрѣнія обыкновенно безчисленныя различія процессовъ, вызываемыхъ различными причинами, не представляются важными (громадное большинство ихъ вообще обыкновенно неизвѣстно, и это относится даже и къ наукѣ при современномъ ея состояніи), а важна лишь одна какая либо сторона дѣла или обращаютъ на себя вниманіе лишь нѣкоторыя стороны дѣла; и съ этой точки зрѣнія разговоры объ однихъ и тѣхъ же послѣдствіяхъ разныхъ причинъ психологически вполнѣ понятны и извинительны. Но въ наукѣ слѣдовало бы отличать послѣдствія отъ того, что намъ въ какой либо стадіи процесса-слѣдствія случайно броситься въ глаза и покажется похожимъ на другое.

ности, государствѣ и т. д. Специфическія отличія изучаемыхъ классовъ должны представлять научные базисы всѣхъ теоретическихъ построеній и тезисовъ; они истинныя fundamenta theoriae. Содержаніе научной теоріи должно состоять въ изложеніи того, что связано логически или причинно со специфическимъ отличіемъ изучаемаго класса, и въ выясненіи и доказательствѣ этихъ связей *).

Предыдущіе методологическіе тезисы исходятъ изъ предположенія, что имѣется налицо надлежаще образованное классовое понятіе, и дѣло идетъ объ образованіи соотвѣтственнаго класса адэкватныхъ теорій.

Но фактически теперь многія теоріи и даже цѣлыя науки, напр., о правѣ, о нравственности, о государствѣ, и т. п., представляютъ болѣе

---

*) Прежніе логики придавали большое значеніе правилу опредѣленія, которое гласитъ, что definitio fit per genus et differentiam specificam: опредѣлять слѣдуетъ путемъ названія ближайшаго высшаго рода и указанія специфическаго отличія даннаго класса (вида). Само собою разумѣется, это правило не относится къ тому случаю, когда данный классъ представляетъ высшій родъ, такой классъ, надъ которымъ нѣтъ высшаго, такъ что указаніе genus proximum не можетъ имѣть мѣста.

Новые логики относятся къ этому правилу скептически. Главная основа критики состоитъ въ существующемъ въ современной логикѣ представленіи, что понятіе чего либо это полное и совершенное знаніе этого предмета, знаніе всѣхъ его свойствъ. «Для того, чтобы имѣть ясныя идеи, необходимо знать всѣ общія свойства вещей, относимыхъ нами къ одному классу. Это должно сдѣлать наше понятіе о классѣ не только яснымъ, но и полнымъ» (Милль, Система логики, кн. IV, гл. II § 5; ср. Sigwart, Logik II § 77 и др.). Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, указаніе рода и специфическаго отличія не даетъ еще «полнаго» понятія. Съ этой же точки зрѣнія вообще надлежащія понятія—нѣчто такое, о достиженіи чего едва ли когда либо можетъ быть рѣчь (для этого нужна была бы увѣренность во всезнаніи). Это—идеалы, къ которымъ знаніе человѣческое можетъ лишь, по мѣрѣ своего обогащенія и усовершенствованія, приближаться.

Но въ основѣ этого ученія лежитъ смѣшеніе разнородныхъ вещей, а именно смѣшеніе классовыхъ понятій съ полными, до совершенства развитыми, теоріями этихъ классовъ. Классовыя понятія суть только элементы сужденій, звенья для составленія теорій; они вовсе не утверждаютъ, что «когда есть налицо то-то, то есть и другое» или «всему, что обладаетъ такими-то признаками, присущи и такія-то свойства», а тѣмъ болѣе не заключаютъ въ себѣ всѣхъ возможныхъ истинныхъ утвержденій такого рода; они образуютъ только начала такихъ сужденій: «всякій разъ, когда есть налицо то-то», «все, чему свойственно то-то».

Замѣчательно, что представленіе о понятіяхъ, какъ о какихъ-то всезнаніяхъ о соотвѣтственныхъ классахъ, уживается въ современныхъ логикахъ съ другимъ, тоже неправильнымъ, но несравненно болѣе скромнымъ ученіемъ о понятіяхъ и опредѣленіяхъ, по которому дѣло сводится къ словамъ, ихъ значенію и толкованію этого значенія (ср., напр., приведенное только что положеніе Милля о полныхъ понятіяхъ съ положеніями, упомянутыми выше стр. 92 прим.); между прочимъ у Милля находимъ также возраженіе противъ правила о genus и differentia и съ точки зрѣнія опредѣленія, какъ «анализа имени», т. е. толкованія смысла слова: для толкованія смысла слова вовсе нѣтъ надобности непремѣнно указывать родъ и видовое отличіе, а достаточно «замѣнить одно слово (опредѣляемое), соозначающее заразъ цѣлый рядъ признаковъ, двумя или болѣе словами, соозначающими тѣ же признаки, только взятые по одиночкѣ или меньшими группами» (Система, кн. I гл. VIII §§ 1—3).

Неудовлетворительность обѣихъ точекъ зрѣнія и ихъ совмѣщеніе, несмотря на несовмѣстимость по существу, должны естественно порождать хаосъ и путаницу въ ученіяхъ о понятіяхъ и опредѣленіяхъ. Впрочемъ, воззрѣніе на понятія, какъ

или менѣе значительныя, съ теченіемъ времени возрастающія, совокупности сужденій, пріуроченныхъ къ соотвѣтственнымъ названіямъ, къ словамъ: «право», «нравственность», «государство», и т. п., которымъ не соотвѣтствуютъ какія либо опредѣленныя и прочно установившіяся въ наукѣ понятія, такъ что о значеніи этихъ словъ идутъ безконечные споры, происходятъ поиски за удачнымъ опредѣленіемъ ихъ смысла, и т. д. Какъ ни ненормально состояніе науки, которая представляетъ скопленія сказуемыхъ безъ опредѣленнаго теоретическаго подлежащаго, и какъ оно ни далеко отъ условій надлежащаго, методически-сознательнаго построенія теоретическихъ наукъ, все-таки можно предполагать (на основаніи тенденціи безсознательно-удачнаго подбора и приспособленія), что такія науки, особенно имѣющія столь длинную исторію развитія, какъ, напр., наука о правѣ, наука о нравственности, заключаютъ въ себѣ разныя цѣнныя отложенія вѣковой коллективной мысли, въ частности, что раз-

---

на знаніе „всѣхъ общихъ свойствъ“, у большинства логиковъ (въ томъ числѣ, напр., у Милля) не оказываетъ серьезнаго вліянія на соотвѣтственныя методологическія ученія. При послѣдовательномъ примѣненіи этой точки зрѣнія въ ученіе объ образованіи понятій слѣдовало бы собственно вмѣстить всю логику и методологію. Зачатки такой „послѣдовательности“ находимъ, между прочимъ, въ логикѣ Зигварта. У него въ ученіе объ образованіи понятій привлечена индукція (Logik II, § 77), и въ изложеніе правилъ объ индуктивныхъ умозаключеніяхъ включенъ кусокъ ученія объ образованіи понятій (тамъ же § 94). Съ этимъ естественно связаны повторенія одного и того же и темнота и запутанность обоихъ, перемѣшанныхъ другъ съ другомъ, ученій (ср. упомянутое уже выше, стр. 87 прим., ученіе Зигварта о необходимости отправленія при образованіи понятій отъ существующаго языка, о вращеніи въ логическомъ кругѣ между абстракціей и индукціей и о провизорности и гипотетичности результатовъ такихъ операцій).

Съ нашей точки зрѣнія по поводу правила, что опредѣленія слѣдуетъ составлять путемъ указанія ближайшаго высшаго рода, къ которому данный классъ относится, и указанія специфическаго отличія даннаго вида, приходится замѣтить слѣдующее:

1. Поскольку въ основѣ этого правила лежитъ представленіе, что при опредѣленіи приходится исходить изъ какого-то готоваго и даннаго класса и разыскивать къ какому роду данные предметы относятся и каково ихъ специфическое отличіе, то противъ него имѣютъ силу всѣ тѣ возраженія, которыя мы привели выше по поводу традиціоннаго воззрѣнія на образованіе понятій (§ 4).

2. Къ тому же это правило имѣетъ обыкновенно тотъ смыслъ, что дѣло идетъ о названіи, о кличкѣ рода. Схема соотвѣтственныхъ опредѣленій такова: A (названіе опредѣляемаго класса) = B (названіе ближайшаго рода) + такое-то свойство; напр., квадратъ есть прямоугольникъ, который имѣетъ равныя стороны. Въ этомъ заключается то ошибочное предположеніе, будто каждый классъ имѣетъ свое особое названіе (ср. выше, стр. 86).

3. Съ другой стороны, при правильномъ пониманіи и образованіи понятій всякое понятіе заключаетъ и непзбѣжно должно заключать въ себѣ специфическое отличіе, т. е. указаніе того, что свойственно образованному классу и только ему (выше, стр. 64).

4. Если въ понятіе входятъ (explicite или implicite) нѣсколько признаковъ, напр., „прозрачныя жидкости“ (прозрачность, жидкое состояніе, матеріальная природа), „бѣлые круглые предметы“ (матеріальная природа, бѣлизна, круглая форма), то въ составъ понятія входятъ непремѣнно и родовые признаки, и въ этомъ смыслѣ указаніе genus или даже нѣсколькихъ genera разныхъ степеней высоты (тѣла, прозрачныя тѣла, жидкія тѣла и т. д.), потому что, отбросивъ одинъ изъ признаковъ,

ныя теоретическія сказуемыя такихъ дисциплинъ, пріуроченныя пока къ именамъ, вмѣсто понятій, даже къ такимъ именамъ, которымъ объективно соотвѣтствуетъ не особый классъ, а лишь эклектическая группа разныхъ видовъ объектовъ какого либо рода, могли бы быть утилизированы для составленія надлежащихъ теорій, если бы удалось найти для нихъ надлежащее, вполнѣ адэкватное, теоретическое подлежащее.

И вотъ по поводу такихъ ученій и другихъ случаевъ неизвѣстности и сомнѣнія, къ какому классу объектовъ должно отнести извѣстное теоретическое сказуемое, возникаетъ методологическій вопросъ: что требуется исполнить для того, чтобы по теоретическому сказуемому опредѣлить адэкватное ему классовое подлежащее (разумѣется, если таковое вообще существуетъ, т. е. если данное сказуемое вообще годно для образованія адэкватной теоріи)?

Для рѣшенія такихъ теоретическихъ задачъ надо опредѣлить, каковы

мы получимъ ближайшій высшій родъ, отбросивъ два признака, получимъ надъродъ, и т. д. Если понятіе заключаетъ въ себѣ лишь одинъ признакъ, то оно представляетъ summum genus, высочайшій родъ, и тогда конечно родовыхъ признаковъ въ отличіе отъ видовыхъ въ немъ нѣтъ. Это, замѣтимъ, не можетъ имѣть мѣста ни при классификаціи психическихъ, ни при классификаціи физическихъ явленій уже потому, что во всѣхъ классахъ перваго рода указывается или подразумѣвается признакъ духовной, во всѣхъ классахъ второго рода—признакъ физической, матеріальной природы. Если поэтому оставить въ сторонѣ исключительный случай summum genus, то можно сказать, что, конечно, definitio fit per genus et differentiam.

5. Указаніе родовыхъ признаковъ, конечно, не возбраняется замѣнить названіемъ соотвѣтствующаго рода, если оно имѣетъ смыслъ именно названія опредѣленнаго класса, есть сокращенное выраженіе опредѣленныхъ признаковъ; напр., противъ опредѣленій „прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны“, „право, которое отличается отъ другихъ видовъ права тѣмъ-то“ и т. п. ничего нельзя возразить, если названія „прямоугольникъ“, „право“ суть научные термины съ опредѣленнымъ смысломъ (а не просто слова съ привычками называнія, но безъ понятій). Мало того, такія опредѣленія слѣдуетъ признать особенно удачно приноровленными къ задачамъ теоретическаго мышленія и знанія. А именно они подчеркиваютъ и выдвигаютъ специфическое отличіе, которое, какъ показано въ текстѣ, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду при образованіи теорій даннаго класса, какъ надлежащую основу теоретическихъ построеній; съ другой стороны, названіемъ ближайшаго рода эти опредѣленія напоминаютъ, что къ объектамъ даннаго класса относится также и все то, что извѣстно относительно объектовъ ближайшаго высшаго класса. Если этотъ ближайшій родъ, въ свою очередь, опредѣленъ путемъ имени слѣдующаго высшаго класса и differentia specifica, то этимъ, въ свою очередь, указывается, что слѣдуетъ относить спеціально къ нему (ближайшему роду перваго класса) и что къ слѣдующему, еще болѣе широкому классу, и т. д.

Такимъ образомъ въ старинномъ правилѣ definitio fit per genus et differentiam заключается (на ряду съ нѣкоторою наивностью въ пониманіи существа дѣла) своего рода безсознательная практическая мудрость.

Что касается противопоставляемаго этому правилу положенія, что понятіе должно заключать въ себѣ не специфическое отличіе, а знаніе всѣхъ общихъ свойствъ вещей, относимыхъ нами къ одному классу, то къ сказанному выше прибавимъ еще, что такое „понятіе“ не только не было бы понятіемъ, а совокупностью теорій, но оно было бы къ тому же смѣсью разнородныхъ и долженствующихъ быть отнесенными къ различнымъ классамъ теорій. „Полныя понятія“, образованныя по соотвѣтственному рецепту, представляли бы то, что мы изобразили выше, стр. 67 и сл., какъ пародію науки, для того, чтобы указать, какъ не слѣдуетъ образовывать теоріи.

необходимыя (съ точки зрѣнія причинной или логической связи) предположенія того, что имѣется въ виду въ сказуемомъ, съ чѣмъ послѣднее необходимо связано; результатъ такого изслѣдованія покажетъ, въ чемъ состоятъ общія и отличительныя свойства искомаго класса, т. е. каковъ искомый классъ. Это вытекаетъ изъ того, доказаннаго выше, положенія, что такія теоріи, въ которыхъ сказуемыя находятся въ необходимой логической или причинной связи съ общими и отличительными свойствами теоретическаго подлежащаго, и только эти теоріи суть адэкватныя теоріи.

Изъ всего вышеизложеннаго вообще видно, что въ основѣ всѣхъ теоретическихъ построеній должно лежать знаніе и пониманіе причинныхъ и логическихъ связей и зависимостей между разными объектами мысли.

Что касается, наконецъ, средствъ и пріемовъ опредѣленія такихъ зависимостей, то дѣло идетъ о техникѣ человѣческаго мышленія вообще, и въ этомъ отношеніи мы должны указать, какъ на пособія для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, на учебники и руководства по логикѣ, ограничиваясь здѣсь лишь слѣдующими краткими замѣчаніями.

Основою установленія и доказательства необходимыхъ логическихъ и причинныхъ связей являются дедуктивныя и индуктивныя умозаключенія. Ни тѣ, ни другія не имѣютъ ничего общаго съ обзоромъ всѣхъ или хотя бы множества членовъ какого либо класса для нахожденія того, что имъ всѣмъ свойственно, и т. д. Дедуктивныя умозаключенія исходятъ вообще не отъ конкретныхъ фактовъ, а изъ самоочевидныхъ общихъ истинъ (аксіомъ, ср., напр., геометрію) и иныхъ общихъ положеній. Индуктивныя умозаключенія исходятъ изъ частныхъ данныхъ, въ томъ числѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, но для нихъ важно не количество фактовъ, а ихъ качество, точнѣе наличность особыхъ отношеній между фактами. Основныя правила индукціи Милль формулируетъ слѣдующимъ образомъ.

1. Методъ сходства: если два или болѣе случая подлежащаго изслѣдованію явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство, въ которомъ только и согласуются всѣ эти случаи, есть причины (или слѣдствія) даннаго явленія.

2. Методъ различія. Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, сходны во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося лишь въ первомъ случаѣ, то это обстоятельсто, въ которомъ одномъ только и разнятся эти два случая, есть слѣдствіе, или причина, или необходимая часть причины явленія.

3. Методъ сопутствующихъ измѣненій. Всякое явленіе, измѣняющееся опредѣленнымъ образомъ всякій разъ, когда нѣкоторымъ особеннымъ образомъ измѣняется другое явленіе, есть либо причина, либо слѣдствіе этого явленія, либо соединено съ нимъ какою либо причинной связью *).

*) Сверхъ того Милль и за нимъ другіе логики приводятъ еще два правила:

1. Если два или болѣе случая возникновенія явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, и два или болѣе случая невозникновенія того же явленія имѣютъ общимъ только отсутствіе того же самаго обстоятельства, то это обстоя-

Изъ этихъ правилъ, между прочимъ, видно, что для установленія причинной связи можетъ быть достаточнымъ имѣть въ распоряженіи два явленія (или два различныхъ фазиса того же явленія, до извѣстной перемѣны и послѣ нея) при наличности извѣстнаго отношенія между ними.

Какъ въ области образованія понятій (классовъ и классовыхъ опредѣленій), такъ и въ области установленія и доказательства теорій, обозрѣніе всѣхъ случаевъ изслѣдуемаго класса, констатированіе общаго путемъ абстракціи и т. д. представляютъ не только невозможныя, но и лишнія умственныя операціи; для обѣихъ задачъ теоретическаго мышленія и дѣятельностей есть болѣе подходящія логическія средства.

Въ обыденномъ, ненаучномъ, технически несовершенномъ мышленіи образованіе какъ общихъ понятій, такъ и теорій (классовыхъ сужденій) дѣйствительно происходитъ обыкновенно путемъ абстракціи, путемъ подмѣчанія и запоминанія сходныхъ чертъ между предметами извѣстной группы, при чемъ основою группировки являются имена, привычки называнія, и, само собою разумѣется, общія сужденія составляются на основаніи знакомства не со всѣми членами класса, а лишь съ нѣкоторыми, съ тѣми, которые попадались данному субъекту и обратили на на себя его вниманіе.

Дѣти съ помощью такого «метода» весьма легко создаютъ множество теорій въ родѣ: всѣ бонны говорятъ по-французски, всѣ дяди имѣютъ длинныя бороды и т. п.

Теоріи, образуемыя и высказываемыя на каждомъ шагу въ обществѣ взрослыми, обыкновенно имѣютъ менѣе наивный видъ, но въ существѣ дѣла обыкновенно такого же происхожденія. Если субъекту случилось пострадать отъ эгоизма другихъ, отъ легкомыслія тѣхъ женщинъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, отъ обмановъ, нахальства или т. п. со стороны тѣхъ лицъ другой національности, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, то обыкновенно готовы теоріи: всѣ люди эгоисты, женщины легкомысленны, люди такой-то національности обманщики, нахалы, и проч., и проч.

Процессъ образованія классовыхъ сужденій состоитъ здѣсь въ логи-

---

тельство, въ которомъ только разнятся оба рода случаевъ, есть или слѣдствіе, или причина, или необходимая часть причины изучаемаго явленія.

Соотвѣтственный методъ установленія причинной связи Милль называетъ „соединеннымъ методомъ сходства и различія“. Онъ состоитъ въ двойномъ примѣненіи перваго правила и поэтому его бы слѣдовало указывать лишь какъ иллюстрацію примѣненія метода сходства, а не какъ особый основной методъ.

2. Если изъ явленія вычесть ту его часть, которая, какъ извѣстно изъ прежнихъ индукцій, есть слѣдствіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предыдущихъ, то остатокъ даннаго явленія долженъ быть слѣдствіемъ остальныхъ предыдущихъ.

Соотвѣтственный методъ установленія причинной связи Милль называетъ „методомъ остатковъ“.

Но опредѣленіе на основаніи общихъ знаній (хотя бы добытыхъ индуктивнымъ путемъ), что въ извѣстномъ явленіи извѣстные элементы суть слѣдствія опредѣленныхъ предыдущихъ, а равно заключеніе, что остатокъ долженъ быть слѣдствіемъ другихъ предыдущихъ, суть дедуктивныя умозаключенія; поэтому отнесеніе такъ называемаго „метода остатковъ“ къ индукціи представляется намъ неправильнымъ.

чески неосновательномъ перенесеніи констатированнаго относительно единичныхъ объектовъ на классы, въ логическомъ скачкѣ предикатовъ съ индивидуальныхъ на классовыя подлежащія, на общія имена.

Что касается выбора тѣхъ общихъ именъ, на которыя перескакиваютъ предикаты, то дѣло зависитъ отъ того, какое имя по отношенію къ соотвѣтственнымъ конкретнымъ объектамъ наиболѣе привычно или въ данномъ случаѣ приходитъ на умъ.

Напр., если бы дядя съ длинной бородой, котораго знаетъ ребенокъ, пользовался въ семьѣ именемъ не «дяди», а какимъ либо другимъ, напр.. «генералъ», «родственникъ» и т. п., то законъ природы, образованный ребенкомъ, гласилъ бы: не «всѣ дяди», а «всѣ генералы» или «всѣ родственники» имѣютъ длинную бороду. Человѣкъ, побывавшій въ Берлинѣ и подвергшійся тамъ случайно невѣжливому обращенію со стороны нѣкоторыхъ лицъ, напр., кондукторовъ городской электрической или паровой ж. д., имѣетъ матеріалъ для цѣлаго ряда теорій разныхъ степеней общности: берлинскіе кондуктора такой-то дороги грубы, берлинскіе кондуктора грубы, нѣмцы грубы... На которое изъ этихъ классовыхъ именъ весьма различной степени общности произойдетъ скачекъ сказуемаго, зависитъ отъ случайнаго направленія вниманія, отъ того, о чемъ идетъ разговоръ, и т. п.; напр., если разговоръ идетъ о степени вѣжливости пруссаковъ, то будетъ провозглашено отрицательное мнѣніе именно относительно пруссаковъ и въ «доказательство» будетъ разсказанъ случай съ кондукторомъ; въ случаѣ же разговора о нѣмецкихъ кондукторахъ такому же неосновательному обвиненію подвергнется классъ нѣмецкихъ, въ томъ числѣ, стало быть, и баварскихъ, саксонскихъ и т. п. кондукторовъ.

Казалось бы, въ наукѣ не мѣсто такимъ «методамъ»; и современемъ, конечно, наука очистится отъ подобныхъ нелогичностей. Но пока во многихъ наукахъ, особенно же въ большинствѣ такъ называемыхъ гуманитарныхъ или соціальныхъ наукъ, эти пріемы, къ сожалѣнію, все еще примѣняются и процвѣтаютъ такъ же, какъ и въ обыденной жизни.

Правда, въ теоріяхъ ученыхъ фактическій матеріалъ, отъ котораго происходятъ скачки предикатовъ на общія имена, напр., на «право», «нравственность», «соціальныя явленія» (соціологія) и т. п., состоитъ обыкновенно не въ единицахъ или десяткахъ конкретныхъ фактовъ, а въ болѣе или менѣе значительныхъ ихъ массахъ; напр., упомянутая выше соціологическая теорія, которая въ основѣ всѣхъ соціальныхъ явленій и историческихъ процессовъ усматриваетъ дѣйствіе экономическаго фактора, а равно теорія Тарда и разныя другія соціологическія теоріи, имѣютъ въ своей основѣ и приводятъ въ «доказательство» своей правильности весьма многочисленные факты изъ области жизни разныхъ народовъ и временъ, и т. д.; но зато обыкновенно тѣмъ болѣе грандіозный видъ и притязательный характеръ имѣютъ образованныя путемъ скачковъ теоретическихъ сказуемыхъ классовыя утвержденія въ научныхъ сферахъ по сравненію

съ тѣми теоріями, которыя создаются и высказываются въ дѣтскихъ комнатахъ и гостиныхъ. Принципіально же логическій пріемъ производства и доказательства такихъ теорій остается одинаково порочнымъ, происходитъ ли скачекъ предиката на классъ съ единицы или сотни или тысячъ конкретныхъ объектовъ. И между милліономъ конкретныхъ экземпляровъ и классомъ логическое разстояніе громадно (выше, стр. 39), такъ что и скачекъ съ милліона членовъ класса на классъ какъ таковой—логически громадный скачекъ, произвольное и ненаучное умозаключеніе.

Что касается подбора тѣхъ общихъ именъ, на которыя проявляютъ тенденцію перескакивать теоретическія сказуемыя въ научныхъ сферахъ, то здѣсь имѣетъ большое значеніе то обстоятельство, что обыкновенно обращается все вниманіе на одинъ избранный и спеціально изучаемый классъ, напр., «право», «нравственность», «соціальныя явленія», «государство» и т. п., такъ что добываемыя сказуемыя стремятся перескакивать не на различные, а именно, на этотъ, спеціально интересующій, классъ; въ этомъ смыслѣ подборъ общихъ именъ, съ которыми сочетаются теоретическія сказуемыя, имѣетъ здѣсь менѣе случайный и измѣнчивый характеръ, чѣмъ въ иныхъ сферахъ, не-научныхъ. Но съ принципіально-логической точки зрѣнія и этотъ подборъ имѣетъ характеръ случайнаго и произвольнаго, научно не обоснованнаго. Тотъ фактъ, что въ данной области идетъ дѣло спеціально о такомъ-то классѣ (или даже только объ общемъ имени, напр., словѣ «право» безъ умѣнія указать соотвѣтственный классъ явленій), не есть вовсе достаточное логическое основаніе для соотвѣтственнаго адресованія разныхъ, добытыхъ на почвѣ знанія единичныхъ явленій, сказуемыхъ.

Если оставить въ сторонѣ принципы логики (въ томъ числѣ основное начало логики, называемое «закономъ достаточнаго основанія», principium rationis sufficientis, запрещающее утверждать что либо безъ достаточнаго основанія) и поставить вопросъ о фактической удачности, о шансахъ и степени объективной (логически случайной) правильности теорій, производимыхъ описаннымъ способомъ, то, конечно, нельзя утверждать, что всѣ такія теоріи объективно ошибочны. Особенно въ наукѣ, гдѣ обыкновенно каждая теорія для пріобрѣтенія и удержанія гражданства должна побѣдоносно выдерживать попытки опроверженія или исправленія со стороны множества другихъ изслѣдователей, гдѣ происходитъ весьма интенсивная и трудная «борьба за существованіе» и переживаніе лишь наиболѣе приспособленныхъ ученій, можно ожидать, что съ теченіемъ времени должны вырабатываться и накопляться и объективно удачныя теоріи, несмотря на несовершенство пріемовъ образованія классовыхъ понятій и сужденій.

Но шансы отдѣльнаго изслѣдователя, образующаго теоріи путемъ скачковъ предикатовъ на общія имена, на почвѣ такихъ или иныхъ привычекъ называнія, угадать, достигнуть объективной удачности теоріи, вообще не велики.

Положимъ, его теоріи обыкновенно (если только имѣется правильное наблюденіе и констатированіе конкретныхъ феноменовъ) не будутъ абсолютно неправильными (и вѣра, что дяди—люди съ длинною бородою, не есть абсолютно неправильная теорія); но онѣ будутъ обыкновенно страдать относительною неправильностью, будутъ представлять или хромающія, или прыгающія теоріи или страдать обоими пороками одновременно.

Конкретно-реальные объекты обыкновенно представляютъ сочетанія весьма многихъ свойствъ (ср. выше примѣръ науки о сигарахъ въ 10 лотовъ вѣсомъ), а потому они могутъ быть членами весьма многихъ классовъ (соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ наличнымъ свойствамъ и разнымъ ихъ сочетаніямъ), и если нѣтъ сознательныхъ началъ опредѣленія какъ разъ надлежащаго, адэкватнаго класса для образуемой теоріи, и отнесеніе теоретическихъ сказуемыхъ къ тому или иному классу зависитъ отъ разныхъ случайностей, то шансы отношенія сказуемаго къ ненадлежащему классу вообще значительно больше, чѣмъ шансы такого счастливаго стеченія обстоятельствъ, что сказуемое совершитъ скачекъ какъ разъ на адэкватный классъ. Если же положеніе дѣла таково, что адэкватный для даннаго теоретическаго сказуемаго или цѣлаго ряда ихъ классъ не имѣетъ вообще соотвѣтственнаго имени въ языкѣ (что, какъ указано выше, должно особенно часто имѣть мѣсто въ области психическихъ явленій), то на почвѣ перенесенія сказуемыхъ съ конкретныхъ объектовъ на классы по привычкамъ называнія только и могутъ получаться неудачныя, хромающія или прыгающія или же страдающія обоими пороками теоріи.

Не лучше положеніе дѣла въ томъ случаѣ, если для всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ образуемыхъ теорій есть подходящія классовыя имена въ общенародномъ языкѣ, но въ данной дисциплинѣ господствуетъ игнорированіе этихъ классовыхъ именъ и областей ихъ примѣненія, и дѣйствуютъ профессіональныя привычки называнія, соотвѣтствующія эклектическимъ группамъ.

Часть II.

Психологическія основы теорій нравственности и права.

ГЛАВА I.

Господствующая психологическая доктрина и основныя понятія и положенія ея.

§ 7. Зависимость наукъ о правѣ и нравственности и другихъ гуманитарныхъ наукъ отъ науки психологіи и необходимость дополненія и исправленія современной психологической доктрины.

Отсутствіе надлежащей научной методологіи и примѣненіе негодныхъ для научныхъ цѣлей пріемовъ мышленія и изслѣдованія—существенное, но не единственное препятствіе для построенія и успѣшнаго развитія науки о правѣ и науки о нравственности.

Успѣшное изученіе подлежащихъ особыхъ видовъ психическихъ явленій, имѣющихъ сложную природу, въ частности изученіе ихъ состава и отдѣльныхъ составныхъ элементовъ, ихъ причинныхъ свойствъ и дѣйствій, вліянія на поведеніе въ качествѣ мотивовъ и т. д.—предполагаетъ обладаніе надлежащимъ научнымъ базисомъ въ видѣ системы соотвѣтственныхъ общихъ, родовыхъ знаній, касающихся вообще психическихъ процессовъ, ихъ элементовъ, ихъ причинныхъ зависимостей и свойствъ, въ частности ихъ вліянія на поведеніе, и т. д. Разработкѣ подлежащихъ, высшихъ и основныхъ, родовыхъ знаній посвящена психологія — наука, которую можно опредѣлить, какъ теорію психическихъ явленій, явленій сознанія. Но традиціонныя и господствующія ученія этой науки отличаются такими существенными пороками, что на почвѣ психологіи въ теперешнемъ ея видѣ построеніе научной теоріи права и нравственности невозможно. И можно съ увѣренностью сказать, что если бы юристы и моралисты примѣняли надлежащіе научные методы изученія конкретныхъ правовыхъ и нравственныхъ явленій и построенія соотвѣтственныхъ общихъ понятій и теорій, они все-таки на почвѣ тѣхъ понятій и ученій, которыя имѣются въ психологіи въ теперешнемъ ея видѣ, не могли бы достигнуть не только построенія болѣе или менѣе развитыхъ научныхъ теорій права и нравственности, но даже выработки подлежащихъ центральныхъ понятій, понятій права и нравственности. Какъ будетъ выяснено и доказано ниже, именно тѣ элементарные психическіе процессы, которые являются главными составными частями права и нравственности и вообще играютъ роль основного фактора психической жизни, опредѣляющаго другіе внутренніе процессы и внѣшнее поведеніе, неизвѣстны

современной психологіи; а то, что вызывается и опредѣляется въ психической и иной жизни подлежащими процессами, въ частности поведеніе, приписывается причинному дѣйствію разныхъ другихъ, уже извѣстныхъ, элементовъ психической жизни, главнымъ образомъ наслажденій и страданій (теорія гедонизма и эгоизма человѣческой природы и поведенія, ср. ниже) и т. д.

Поэтому для выясненія природы права и нравственности и для построенія соотвѣтственныхъ научныхъ теорій требуется предварительная критика и реформа традиціонной психологіи. Этой задачѣ посвящена настоящая, вторая часть введенія въ изученіе права и нравственности.

Какъ и первая, методологическая, и эта, психологическая, часть введенія имѣетъ по содержанію своему болѣе общее значеніе, не ограниченное предѣлами наукъ о правѣ и нравственности, а распространяющееся и на разныя другія вѣтви знанія. Сюда относятся, кромѣ самой психологіи (человѣка и животныхъ, а также и физіологіи, поскольку физіологическіе процессы зависятъ отъ психическихъ, см. ниже), всѣ т. н. гуманитарныя, въ томъ числѣ соціальныя и политическія, науки. Эти науки имѣютъ дѣло или непосредственно съ явленіями человѣческаго духа, съ абсолютно-психологическими объектами и понятіями (напр., съ переживаніями красиваго и безобразнаго, эстетика, съ религіозными переживаніями, теорія и исторія религіи, съ научнымъ, философскимъ и т. д. мышленіемъ, какъ объектомъ изученія, теорія науки, философіи и т. д., какъ особыхъ явленій духовной жизни, и исторія ихъ и проч.), или съ такими явленіями, которыя состоятъ въ причинной связи съ психическими процессами, представляютъ ихъ проявленія, причинныя дѣйствія и т. д., съ относительно-психологическими объектами и понятіями, напр., съ явленіями языка (языковѣдѣніе), съ индивидуальными поступками (напр., дѣтей въ области педагогики, историческихъ личностей въ области исторіи и т. п.) или съ массовымъ поведеніемъ, съ общественными явленіями (соціологія, историческія въ тѣсномъ смыслѣ, экономическія, государственныя, политическія науки и т. д.).

Причиною слабаго развитія и неудовлетворительнаго состоянія гуманитарныхъ, въ особенности общественныхъ наукъ, въ отличіе отъ такъ называемыхъ естественныхъ наукъ, является въ значительной степени отсутствіе научнаго базиса въ видѣ надлежащей, правильной теоріи психическихъ явленій, въ частности и въ особенности научной теоріи мотивовъ поведенія.

Первая часть этого введенія представляетъ по существу методологическое введеніе не только въ теоріи права и нравственности, но въ теоретическія науки вообще, настоящая часть—психологическое введеніе не только въ теоріи права и нравственности, но въ гуманитарныя науки вообще, не только теоретическія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и историческія, описательныя и практическія (педагогическія, политическія и т. д.) науки этого рода.

Настоящая глава посвящена краткому изложенію основныхъ понятій и положеній современной психологіи, слѣдующія главы — разработкѣ тѣхъ дополненій и исправленій, которыя необходимо ввести въ эту науку для того, чтобы она могла послужить годнымъ базисомъ для построенія теорій права и нравственности и другихъ гуманитарныхъ наукъ.

Въ основѣ современной психологіи лежитъ дѣленіе элементовъ психической жизни на три категоріи: познаніе, чувство, воля *). Сообразно съ этимъ психологію дѣлятъ на три части: психологію познанія, психологію чувства и психологію воли. По этимъ рубрикамъ и мы изложимъ главное и необходимое для пониманія дальнѣйшаго содержаніе господствующей психологической доктрины.

§ 8. Познаніе.

Къ познанію относятся процессы образованія внутреннихъ образовъ окружающихъ индивида предметовъ или явленій и самого индивида. Основными элементами познанія признаются ощущенія, простѣйшія познавательныя переживанія, возникающія подъ вліяніемъ такихъ или иныхъ физическихъ процессовъ, исходящихъ изъ внѣшней по отношенію къ организму среды и дѣйствующихъ на внѣшніе, периферическіе концы нервовъ (напр., звуковыхъ, свѣтовыхъ волнъ, механическаго давленія) или происходящихъ внутри организма (напр., пищеваренія, сокращеній мускуловъ, выдѣленій) — внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей.

Внѣшнимъ раздражителямъ соотвѣтствуютъ т. н. органы «пяти внѣшнихъ чувствъ» (слѣдовало бы говорить не внѣшнихъ, а внѣшне, периферически возбуждаемыхъ, и не «чувствъ», а «ощущеній»), а именно: органы зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, и пять видовъ ощущеній: 1) зрительныя (свѣтовыя и цвѣтовыя), 2) слуховыя (ощущенія тоновъ и шумовъ), 3) вкусовыя (ощущенія разныхъ вкусовъ; основными считаются: ощущенія сладкаго, кислаго, горькаго и соленаго), 4) обонятельныя (ощущенія разныхъ, не поддающихся классификаціи, запаховъ, напр., запаха розы, фіалки и т. п.), 5) осязательныя (ощущенія прикосновенія и давленія — осязательныя ощущенія въ тѣсномъ смыслѣ — и температурныя ощущенія: холода и тепла).

Внутреннимъ раздражителямъ соотвѣтствуютъ разныя т. н. органическія ощущенія; главные ихъ виды: 1) витальныя, жизненныя ощущенія — ощущенія, связанныя съ разными растительными процессами: дыханіемъ, пищевареніемъ, выдѣленіями (напр., ощущенія разныхъ затрудненій дыханія, ощущенія наполненности желудка, сытости, и проч.); 2) ощущенія движенія (мускульныя и суставныя ощущенія).

*) Объ индивидуальныхъ попыткахъ свести эти традиціонныя и признаваемыя господствующею доктриною категоріи къ двумъ или даже къ одной, см. ниже.

Обыкновенно мы переживаемъ не отдѣльныя, изолированныя ощущенія, а цѣлые болѣе или менѣе сложные комплексы ихъ, вызывающіе образы разныхъ предметовъ и явленій, напр., дерева, облака, музыкальной мелодіи; переживанія такихъ образовъ называются воспріятіями.

Сообразно тѣмъ ощущеніямъ, которыя лежатъ въ основѣ воспріятій, послѣднія дѣлятся на зрительныя, слуховыя и т. д. Для классификаціи воспріятій нужно, впрочемъ, принимать во вниманіе, что въ основѣ ихъ часто лежатъ сочетанія ощущеній разныхъ видовъ, напр., воспріятіе предмета, который мы держимъ въ рукѣ, основывается на сочетаніи осязательныхъ и мускульныхъ или также и зрительныхъ ощущеній. Такія воспріятія можно назвать многосторонними въ отличіе отъ односторонніхъ, чисто зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. воспріятій, и различать соотвѣтственныя двустороннія (осязательно-мускульныя, осязательно-зрительныя и т. д.), трехстороннія (осязательно-мускульно-зрительныя и т. д.), четырехстороннія и т. д. комбинаціи. При ближайшемъ анализѣ воспріятій, представляющихся съ перваго взгляда односторонними, обыкновенно оказывается, что они въ дѣйствительности многосторонни. Напр., воспріятія, кажущіяся чисто зрительными, основываются на сочетаніи со зрительными еще ощущеній, связанныхъ съ движеніемъ глазъ, вообще приноровленіемъ (аккомодаціей) органа зрѣнія къ условіямъ свѣта, мѣстонахожденія видимаго предмета и т. д. То, что представляется вкусомъ какой либо пищи, обыкновенно есть сочетаніе разныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній (поэтому насморкъ, т. е. болѣзнь органа обоняніе, измѣняетъ «вкусы»), причемъ не малую роль играютъ подчасъ еще и осязательныя въ тѣсномъ смыслѣ и температурныя ощущенія (напр., «вкусъ ванильнаго мороженаго» собственно не вкусъ, а сочетаніе четырехъ видовъ ощущеній).

Переживаемыя нами ощущенія и воспріятія не проходятъ безслѣдно, а оставляютъ послѣ себя «слѣды», природа которыхъ намъ неизвѣстна (существуютъ гадательныя предположенія объ измѣненіи молекулярнаго расположенія элементовъ мозга и т. п.), но дѣйствіе извѣстно и состоитъ въ способности къ переживанію подобныхъ по содержанію (хотя и отличныхъ по характеру, въ частности по степени живости, яркости) образовъ, несмотря на отсутствіе прежнихъ раздражителей.

Вообще переживаніе разныхъ психическихъ актовъ бываетъ источникомъ предрасположенія къ воспроизведенію этихъ актовъ или тѣхъ или иныхъ ихъ элементовъ (или образовъ этихъ актовъ). Такіе слѣды, предрасположенія, оставленныя прежними переживаніями, мы будемъ называть диспозиціями. То, что въ обыденной жизни называется «знаніемъ», «обширными познаніями» и т. п., въ существѣ дѣла представляетъ наличность соотвѣтственныхъ диспозицій, «потенціальное», а не «актуальное», наличное теперь въ сознаніи, знаніе. Всякое обученіе и вообще духовное воспитаніе сводится къ выработкѣ разныхъ диспози-

цій *). Диспозиціи бываютъ источникомъ возобновленія элементовъ прежнихъ переживаній не непремѣнно въ такомъ сочетаніи, въ такихъ комбинаціяхъ, въ какихъ они были пережиты прежде; они даютъ матеріалъ не только для «копій» прежняго, но и для новыхъ сочетаній, для возникновенія новыхъ комбинацій и видоизмѣненій.

Итакъ, ощущенія и воспріятія оставляютъ познавательныя диспозиціи, представляющія основу для соотвѣтственныхъ актуальныхъ переживаній въ прежнихъ или новыхъ сочетаніяхъ, несмотря на отсутствіе прежнихъ раздражителей. Соотвѣтственныя актуальныя переживанія называются въ психологіи представленіями. Мы можемъ, напр., «представить» себѣ видѣнное или слышанное раньше и сдѣлать соотвѣтственное описаніе, показаніе на судѣ въ качествѣ свидѣтелей и т. п., хотя того, что было тогда, теперь уже нѣтъ; мы можемъ «представить» себѣ дракона, огромную змѣю, изрыгающую пламя, гиппоцентавровъ — полу-людей, полу-коней, комбинируя и модифицируя соотвѣтственные элементы, образы змѣи въ увеличенномъ размѣрѣ и пламени и т. п.

Такія представленія, которыя воспроизводятъ содержаніе прежнихъ познавательныхъ актовъ въ прежнихъ сочетаніяхъ, называются воспоминательными представленіями, воспоминаніями, а соотвѣтственная общая психическая способность, способность пріобрѣтать соотвѣтственныя диспозиціи, называется памятью. Диспозиціямъ вообще свойственна тенденція съ теченіемъ времени постепенно слабѣть и исчезать, если нѣтъ особыхъ противодѣйствующихъ факторовъ, въ частности упражненія, возобновленія соотвѣтственныхъ актуальныхъ переживаній; если такое ослабѣваніе и исчезновеніе касается познавательныхъ диспозицій, то имѣетъ мѣсто «забываніе», а недостатокъ способности къ пріобрѣтенію прочныхъ и устойчивыхъ познавательныхъ диспозицій называется забывчивостью, плохою памятью.

Такія представленія, которыя являются новыми сочетаніями воспроизводимыхъ элементовъ, какъ, напр., представленіе дракона, называются фантастическими представленіями, фантазмами, а общая способность къ образованію такихъ новыхъ познавательныхъ комбинацій называется фантазіей (между прочимъ, способность, имѣющая большое значеніе въ искусствѣ, техникѣ, наукѣ и вообще вездѣ, гдѣ требуется «творчество», а не простое копирующее воспроизведеніе).

Подобно воспріятіямъ представленія можно дѣлить на односторонніе: зрительныя, слуховыя и т. д., и многосторонніе: зрительно-слуховыя и т. д.

Впрочемъ, представленія, которыя психологи обыкновенно опредѣляютъ какъ репродуцированныя, воспроизведенныя (въ менѣе живомъ видѣ)

---

*) Психологи примѣняютъ выраженіе „диспозиціи“ къ различнѣйшимъ психическимъ (а подчасъ и физіологическимъ) способностямъ и свойствамъ, напр., и къ природной способности переживать такія или иныя ощущенія и проч. Въ такомъ случаѣ слово диспозиція представляетъ наименованіе для разнороднѣйшихъ вещей, относительно конхъ не можетъ быть рѣчи объ образованіи адэкватныхъ теорій.

ощущенія и воспріятія, возникаютъ не только на почвѣ прежнихъ ощущеній и воспріятій, какъ ихъ «репродукціи»; напротивъ, представленія (т. е. соотвѣтственныя однородныя по существу и долженствующія быть отнесенными къ одному и тому же классу явленія)возникаютъ на почвѣ всевозможныхъ психическихъ переживаній и даютъ намъ образы не только видѣннаго, слышаннаго и вообще того, что предполагается въ традиціонномъ опредѣленіи, а и образы различнѣйшихъ нашихъ психическихъ переживаній; напр., мы переживаемъ воспоминанія прежнихъ нашихъ радостей, страданій, волевыхъ рѣшеній и проч. (на этомъ основывается возможность примѣненія пріема воспоминательнаго самонаблюденія для изученія психическихъ явленія вообще, ср. выше, стр. 31); точно также мы способны представлять себѣ разныя чужія психическія переживанія, напр., муки Тантала, восторги побѣдителей и горе побѣжденныхъ въ разныхъ историческихъ сраженіяхъ; на возможности образованія фантазмъ разныхъ чужихъ психическихъ переживаній основывается возможность примѣненія къ изученію разныхъ психическихъ явленій метода, названнаго нами выше соединеннымъ методомъ внутренняго и внѣшняго наблюденія, и вообще всякое историческое и иное пониманіе и изученіе духовной жизни другихъ.

Поэтому опредѣленіе представленій какъ репродуцированныхъ ощущеній и воспріятій слѣдуетъ признать слишкомъ узкимъ и замѣнить его болѣе общею формулою: переживаніе образовъ всевозможныхъ объектовъ не въ силу наличности и дѣйствія самихъ объектовъ, а на почвѣ слѣдовъ, оставленныхъ прежними переживаніями, или т. п. Сообразно съ этимъ и классификацію представленій слѣдуетъ дополнить принятіемъ во вниманіе представленій разныхъ психическихъ переживаній, «психологическихъ представленій», и соотвѣтственныхъ сложныхъ сочетаній: сочетаній психологическихъ представленій съ иными; напр., представленія «злобнаго взгляда», «веселой улыбки» и т. п. суть зрительно-психологическія представленія; представленіе «крика ужаса», «горестнаго стона» суть сочетанія слуховыхъ и психологическихъ представленій; въ представленіи «горестнаго рыданія» сочетаются слуховыя, зрительныя и психологическія представленія и т. д.

Разныя представленія, въ томъ числѣ психологическія, играютъ важную роль въ области образованія воспріятій, вступая въ сочетаніе съ ощущеніями и создавая вмѣстѣ съ ними единый образъ воспринимаемаго; такъ что соотвѣтственныя воспріятія состоятъ изъ двухъ элементовъ: 1) изъ ощущеній, которыя можно здѣсь назвать «ощутительнымъ базисомъ», 2) изъ представленій на почвѣ прежняго опыта, изъ «представительныхъ» (или «фантастическихъ») дополненій.

Въ жизни и литературѣ на каждомъ шагу встрѣчаются, напр., такія выраженія, какъ «слышать» мнѣнія другихъ, «услышать» гнѣвный голосъ, крикъ ужаса и т. п., видѣть горе, радость, гнѣвъ другого, замѣтить ироническую, радостную улыбку, злобные взгляды, злость на лицѣ другого

и проч. и проч. Такъ какъ психическіе процессы въ душѣ другого не могутъ быть для насъ раздражителями, не даютъ намъ никакихъ ощущеній, то очевидно, что соотвѣтственныя воспріятія состоятъ изъ двухъ различныхъ, указанныхъ выше, элементовъ, въ частности включаютъ въ себѣ элементы психологическихъ представленій *).

Кромѣ психологическихъ представленій, въ образованіи воспріятій участвуютъ и разныя другія, напримѣръ, зрительныя, слуховыя и т. д. Напримѣръ, часто бываетъ, что мы, находясь на извѣстномъ разстояніи отъ какого либо предмета, напримѣръ, человѣка, ясно и съ разными подробностями видимъ этотъ предметъ, какъ отлично намъ знакомый, напримѣръ, отчетливо видимъ своего пріятеля, черты его лица и т. д., подойдя же ближе мы убѣждаемся, что произошла ошибка, что это чужой человѣкъ, или вообще иной предметъ, а не тотъ, который мы «видѣли». Очевидно, здѣсь тоже имѣетъ мѣсто дополненіе наличнаго базиса ощущеній разными элементами представленій на почвѣ прежняго опыта. Въ приведенномъ примѣрѣ дополненіе происходитъ неудачно; въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе яснаго и отчетливаго видѣнія предметовъ знакомыхъ по прежнему опыту на извѣстномъ разстояніи оно происходитъ болѣе удачно, но тѣмъ не менѣе тоже состоитъ въ большей или меньшей степени изъ представленій, основанныхъ на прежнемъ опытѣ, а не только изъ ощущеній. Поэтому знакомые предметы мы видимъ иначе, вообще лучше, болѣе подробно, чѣмъ незнакомые. То же относится къ слуховымъ и инымъ воспріятіямъ; иногда, напр., слышится отдаленный ружейный выстрѣлъ (и возникаетъ зрительный образъ ружья), а при повтореніи звука того же происхожденія уже слышится не отдаленный, а болѣе близкій звукъ захлопываемой двери (и возникаетъ соотвѣтственный зрительный образъ); т. е. разные элементы предыдущаго воспріятія были неудачными представительными дополненіями, смѣнив-

*) Мы имѣли случай указать выше на ошибочность традиціоннаго ученія психологовъ, будто наши предположенія относительно чужихъ психическихъ переживаній всегда происходятъ въ формѣ умозаключеній по аналогіи. Тамъ, въ методологической части изложенія, мы указали на возможность и желательность примѣненія иного вида умозаключеній, а именно, дедуктивныхъ, на основаніи общихъ положеній относительно внѣшнихъ явленій, сопровождающихъ внутренніе, психическіе процессы. Теперь, въ психологической части изложенія, мы можемъ къ этому добавить утвержденіе, что фактически, въ обыденной жизни, дѣло обходится обыкновенно вообще безъ какихъ бы то ни было умозаключеній; если бы обычное ученіе было правильно, то наша оріентировка относительно чужихъ психическихъ переживаній была бы психологически очень сложнымъ и медленнымъ процессомъ и часто наступала бы съ практической точки зрѣнія слишкомъ поздно; если фактически эта оріентировка, напр., въ области разговоровъ, столкновенія враговъ и т. д., происходитъ моментально, съ величайшею быстротою (что иногда важно для сохраненія жизни), то это объясняется существованіемъ болѣе простыхъ, не требующихъ переживанія не только нѣсколькихъ, но даже и одного сужденія, способовъ познанія, въ частности слухо- и зрительно-психологическихъ воспріятій, мгновенныхъ сочетаній элементовъ зрительныхъ и т. п. ощущеній и элементовъ психологическихъ представленій.

шимися затѣмъ болѣе удачными дополненіями; въ частности первый звукъ «представился» намъ отдаленнымъ на основаніи прежняго опыта относительно силы звука ружейнаго выстрѣла; когда же воспріятіе ружейнаго выстрѣла смѣнилось болѣе удачнымъ воспріятіемъ стука дверей, то и прежнее неудачное представленіе отдаленности смѣнилось соотвѣтственнымъ болѣе удачнымъ представленіемъ. Вообще пространственные элементы воспріятій какъ въ области слышанія, такъ и въ области видѣнія покоятся на представленіяхъ изъ прежняго опыта. Какъ въ области слышанія на извѣстномъ разстояніи играетъ роль прежній опытъ относительно силы даннаго рода звуковъ, такъ въ области видѣнія на разстояніи важенъ прежній опытъ относительно объема видимаго предмета; чѣмъ меньше кажущійся объемъ по сравненію съ извѣстнымъ намъ дѣйствительнымъ объемомъ предмета, тѣмъ дальше мы его себѣ представляемъ (поэтому на картинахъ уменьшеніе объемовъ служитъ средствомъ изображенія болѣе далекихъ предметовъ); съ другой стороны, чѣмъ дальше мы себѣ представляемъ видимый предметъ, напр., на основаніи прежнихъ прогулокъ, на основаніи воспріятія множества предметовъ, напр., кустовъ, между нами и разсматриваемымъ предметомъ, тѣмъ больше представляется его объемъ; поэтому, напр., луна и солнце кажутся намъ бо́льшими въ началѣ «восхожденія» (когда посрединѣ имѣются кусты и т. п.), чѣмъ послѣ. Но вообще какъ отдаленность, такъ и объемъ видимыхъ предметовъ мы представляемъ себѣ сравнительно удачно лишь въ случаѣ малой отдаленности, болѣе же отдаленные предметы (не говоря уже о такихъ, какъ луна, солнце, звѣзды, которыя намъ представляются маленькими дисками и свѣтящимися точками) вводятъ насъ въ этихъ отношеніяхъ въ большія заблужденія, даже при наличности большого житейскаго опыта. Дѣти же дѣлаютъ попытки схватить рукою луну и т. п. Оперированнымъ слѣпорожденнымъ сначала, т. е. до присоединенія надлежащаго опыта къ пріобрѣтенной путемъ операціи способности къ зрительнымъ ощущеніямъ, видимые предметы кажутся находящимися въ непосредственной близости, малыми въ случаѣ отдаленности и имѣющими плоскую форму, какъ изображеніе на картинѣ (и мы луну и солнце видимъ въ качествѣ круговъ, а не шаровъ). Что касается видѣнія рельефной, тѣлесной формы, вмѣсто плоскихъ изображеній, то здѣсь большую роль играетъ между прочимъ нашъ опытъ относительно расположенія свѣта и тѣней. Это видно изъ того, что можно, нарисовавъ на бумагѣ кругъ, путемъ ретушовки превратить его въ изображеніе шара, и т. д. Вообще путемъ изученія картинъ, путемъ сопоставленія тѣхъ образовъ, которые заставляютъ переживать насъ художники, въ частности образовъ разныхъ человѣческихъ страстей и иныхъ духовныхъ явленій, образовъ разныхъ близкихъ и далекихъ предметовъ различнѣйшихъ тѣлесныхъ формъ, и тѣхъ средствъ, которыя они для этого примѣняютъ, или сравненія того, что мы видимъ на картинѣ, смотря на нее съ надлежащаго разстоянія, съ тѣмъ, что мы видимъ, если станемъ смотрѣть совсѣмъ близко (пятна и комки масляной

краски), можно сдѣлать много интересныхъ выводовъ относительно природы нашихъ воспріятій, въ частности относительно роли въ нихъ разныхъ дополнительныхъ представленій и ихъ опытныхъ (диспозитивныхъ) основъ.

Поскольку дополненіе базиса ощущеній элементами представленій происходитъ неудачно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, соотвѣтствующее воспріятіе называется иллюзіей (въ области зрительныхъ воспріятій спеціально—оптическимъ обманомъ). Изъ предыдущихъ указаній видно, что мы въ области воспріятій разныхъ предметовъ весьма часто имѣемъ дѣло съ иллюзіями, что воспріятія въ значительной степени состоятъ изъ базиса ощущеній и отчасти удачныхъ, отчасти же неудачныхъ, иллюзорныхъ фантазмъ *). Обыкновенно, впрочемъ, выраженіе «иллюзія» (и «оптическій обманъ») примѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дополненіе въ высокой степени неправильно, такъ что воспріятіе весьма сильно расходится съ дѣйствительностью, напр., если кто либо (подъ вліяніемъ страха и т. п., ср. ниже) видитъ разбойника съ револьверомъ тамъ, гдѣ имѣется пень съ сукомъ, или т. п.

И правильныя, и неправильныя фантазмы, входя въ сочетаніе съ ощущеніями въ качествѣ дополненій воспріятія, пріобрѣтаютъ такой же характеръ живости и реальности, какъ и базисъ воспріятія, т. е. ощущенія **).

Бываетъ иногда (сравнительно рѣдко, лишь подъ вліяніемъ особыхъ ненормальныхъ физическихъ и психическихъ процессовъ) и такъ, что фантазмы пріобрѣтаютъ такой характеръ живости и реальности, что ихъ нельзя отличить отъ ощущеній, и при отсутствіи базиса ощущеній; напр., страдающій маніей преслѣдованія можетъ «видѣть» разбойника съ револьверомъ и тамъ, гдѣ вообще нѣтъ никакого предмета, дающаго матеріалъ для оптическаго обмана (для иллюзіи зрѣнія). Психическія явленія этого рода называются галлюцинаціями. Галлюцинаціи можно, стало быть, опредѣлить, какъ фантазмы, имѣющія характеръ воспріятія реальнаго, несмотря на отсутствіе базиса ощущеній.

Относительно представленій развилась исторически и играетъ большую роль въ психологіи теорія, называемая ученіемъ объ ассоціаціи идей (представленій) или «законами ассоціаціи». По этому ученію представленія

*) Сравнительно меньше другихъ подвержены иллюзіямъ осязательныя воспріятія и вообще осязаніе (въ тѣсномъ смыслѣ, нетемпературныя ощущенія) играетъ у людей роль лучшаго критерія реальности. Но и осязательныя данныя требуютъ иногда провѣрки—путемъ другихъ воспріятій; многостороннія воспріятія въ установленномъ выше смыслѣ вообще достовѣрнѣе односторонніхъ; въ нѣкоторыхъ же областяхъ, напр., въ области составленія образовъ міра, земли, неба, солнца, звѣздъ, освобожденіе отъ господства разныхъ иллюзій (хотя и не отъ самихъ иллюзій) доставляетъ лишь—наука, методическое наблюденіе въ сочетаніи съ методическими умозаключеніями. То же относится, между прочимъ, къ психологическимъ воспріятіямъ (ср. выше), особенно въ области психологіи животныхъ.

**) Это очень важный общій законъ познавательной жизни; обычныя изложенія психологіи познанія напрасно его не указываютъ и упускаютъ изъ виду въ разныхъ частныхъ теоріяхъ и разсужденіяхъ.

всегда вызываются другими представленіями или воспріятіями (и ощущеніями), и это относится и къ тѣмъ случаямъ, когда они, повидимому, появляются въ сознаніи самопроизвольно, внѣ связи съ другими познавательными актами. Та связь представленій съ другими представленіями и воспріятіями, въ силу которой послѣднія вызываютъ первыя, называется ассоціаціей, а самъ психическій процессъ, состоящій въ появленіи разныхъ представленій и ихъ рядовъ подъ вліяніемъ предыдущихъ воспріятій и представленій, называется ассоціативнымъ теченіемъ идей. Разные случаи связи и вызыванія однѣхъ идей другими психологи сводятъ къ двумъ видамъ ассоціаціи: 1) ассоціаціи по смежности и 2) ассоціаціи по сходству, и къ двумъ соотвѣтствующимъ «законамъ»:

Существо и законъ ассоціаціи по смежности (или просто «законъ смежности») формулируются такъ: воспріятія или представленія, которыя прежде переживались одновременно или непосредственно одно за другимъ, такъ сочетаются другъ съ другомъ, что появленіе одного члена вызываетъ появленіе и другихъ членовъ сочетанія.

Напр., представленіе матросовъ вызываетъ представленіе корабля, послѣднее вызываетъ представленіе моря; воспріятіе звука выстрѣла вызываетъ представленіе ружья, человѣка стрѣляющаго, охотника и собаки и проч.; воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ мы проводили дѣтство, вызываетъ воспоминаніе о лицахъ, тамъ насъ окружавшихъ, о разныхъ происшествіяхъ, участникахъ ихъ, особенностяхъ ихъ характера, постигшей ихъ участи... Важнымъ случаемъ ассоціаціи по смежности являются, между прочимъ, ассоціаціи представленій разныхъ объектовъ съ именами (представленіями соотвѣтственныхъ звуковыхъ комбинацій, а въ области письма и начертательныхъ, зрительныхъ комбинацій), въ силу которыхъ воспріятіе или представленіе имени, напр., «левъ», вызываетъ представленіе соотвѣтственнаго объекта и обратно (ср. выше о роли этихъ ассоціацій въ области образованія понятій въ правовѣдѣніи и другихъ наукахъ). Вообще языкъ зиждется на ассоціаціяхъ по смежности.

Существо и законъ ассоціаціи по сходству (или просто «законъ сходства») формулируются слѣдующимъ образомъ: воспріятія или представленія вызываютъ такія представленія, которыя съ ними въ чемъ либо сходны.

Напр., портретъ знакомаго лица вызываетъ представленіе этого лица, а это представленіе можетъ вызвать представленіе другого лица, похожаго на первое, и проч. Ассоціаціи по сходству являются, между прочимъ, источникомъ разныхъ метафоръ, въ частности перенесенія разныхъ названій, эпитетовъ и проч. съ физическихъ на психическія явленія, ср., напр., ассоціативное «теченіе» идей, «бурныя» страсти, «вспышки» гнѣва и т. п.

Традиціонное сопоставленіе этихъ двухъ категорій и формулъ ассоціаціи, какъ двухъ видовъ одного и того же рода, возбуждаетъ нѣкоторыя методологическія сомнѣнія. А именно, ассоціація по смежности означаетъ

связь познавательныхъ диспозицій, диспозитивныя сочетанія, соотвѣтствующія въ качествѣ «слѣдовъ» фактическому сочетанію бывшихъ раньше воспріятій, и представляющія основу для возможнаго актуальнаго воспроизведенія соотвѣтствующихъ образовъ въ томъ же порядкѣ, между тѣмъ какъ т. н. ассоціація по сходству такой связи не означаетъ и касается вообще только актуальныхъ переживаній; къ тому же законъ ассоціаціи представленій по смежности есть хромая теорія: дѣло въ томъ, что не только воспріятія и представленія, а вообще всевозможнаго рода психическія переживанія оставляютъ соотвѣтственные слѣды; и связь, сочетаніе этихъ слѣдовъ соотвѣтствуетъ фактическому порядку переживаній, оставляющихъ эти слѣды, а это, въ свою очередь, является почвою для возможнаго «оживанія» этихъ слѣдовъ, возникновенія соотвѣтствующихъ актуальныхъ переживаній въ томъ же сочетаніи. Напр., если извѣстное воспріятіе сочеталось фактически со стыдомъ, возмущеніемъ, чувствомъ непріятности, страданіемъ и т. п., то соотвѣтствующее послѣдующее представленіе (воспоминаніе) имѣетъ тенденцію вызывать стыдъ, возмущеніе, чувство неудовольствія (хоть въ видѣ слабаго отблеска прежнихъ болѣе сильныхъ переживаній этого рода) и т. п. психическія явленія не познавательнаго свойства. Въ виду этихъ соображеній (и нѣкоторыхъ другихъ, ср. ниже) слѣдуетъ принципіально различать (и соотвѣтственно размѣщать въ системѣ науки): 1) родовое, касающееся психическихъ переживаній вообще, понятіе и ученіе объ ассоціаціи, какъ диспозитивной связанности, какъ связи диспозицій, установленной смежностью психическихъ переживаній; 2) понятіе и ученіе о возникновеніи актуальныхъ представленій независимо отъ наличности такой связи (ассоціаціи), подъ вліяніемъ иныхъ факторовъ (съ каковой темой намъ еще придется имѣть дѣло ниже).

Отмѣченное выше явленіе, состоящее въ дополненіи базиса ощущеній элементами представленій, сводится отчасти къ общему закону ассоціаціи, т. е. покоится на томъ, что данныя теперешнихъ ощущеній въ прежнемъ опытѣ сочетались съ другими данными, и эти другія, ассоціированныя, данныя теперь появляются въ качествѣ дополненій (дополненія воспоминательнаго характера), отчасти же (напр., въ области иллюзій по поговоркѣ: у страха глаза велики) здѣсь дѣйствуютъ нѣкоторые осложняющіе факторы, съ которыми намъ придется еще имѣть дѣло ниже.

На ряду съ представленіями обыкновенно въ качествѣ особой категоріи познавательныхъ явленій упоминаются и обсуждаются психологами понятія. Понятія, какъ видно изъ изложеннаго выше, играютъ особую и весьма важную практическую роль въ области науки и мышленія вообще и требуютъ поэтому особаго вниманія и изученія въ области логики и методологіи; но съ психологической точки зрѣнія понятія представляютъ не нѣчто отличное отъ представленій, а представленія или сочетанія представленій (представленія классовъ съ такими или иными, представляемыми, свойствами), поэтому ихъ столь же неосновательно возводить въ особую психологическую категорію на ряду съ представле-

ніями, какъ и разныя другія представленія и сочетанія представленій, напр., представленія Божества, поэтическія, техническія представленія и т. п.

Далѣе, къ рубрикѣ познанія традиціонно относится мышленіе. Нерѣдко само основное тройственное дѣленіе элементовъ психической жизни изображается такъ: мысль, чувство, воля. Съ психологической точки зрѣнія отнесеніе мышленія къ «познанію» вполнѣ естественно и понятно въ виду житейскаго смысла слова «познаніе»; тѣмъ не менѣе съ технически-научной точки зрѣнія подведеніе мышленія подъ категорію «познанія», несмотря на этимологическій и житейскій смыслъ этого слова, слѣдуетъ признать неумѣстнымъ. Подъ мышленіемъ, мыслями слѣдуетъ разумѣть (для того, чтобы имѣть научное понятіе и терминъ для особаго класса психическихъ явленій и образованія соотвѣтственныхъ адэкватныхъ теорій) процессы сужденій: какъ отдѣльныя сужденія (напр., «потерпѣвшіе убытки отъ преступленія имѣютъ право требовать отъ виновныхъ денежнаго возмѣщенія»), такъ и разныя ихъ комбинаціи, въ частности умозаключенія, процессы, состоящіе въ образованіи изъ данныхъ сужденій, какъ основаній, новыхъ сужденій (напр., на основаніи приведеннаго сужденія въ сочетаніи съ сужденіемъ: «А. потерпѣлъ отъ преступленія В. 1000 р. убытка» получается новое, третье сужденіе, дедуктивный выводъ: «А. имѣетъ право требовать отъ В. 1000 р.»). Вопросъ о томъ, что такое представляетъ собою сужденіе, не нашелъ еще себѣ научнаго рѣшенія въ современной психологіи. Одни опредѣляютъ сужденіе, какъ сочетаніе, синтезъ представленій, другіе какъ разложеніе на составныя части, анализъ представленій, и т. п. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться ниже, что на почвѣ современной классификаціи элементовъ психической жизни проблема о психологической природѣ сужденій (и умозаключеній, т. е. мышленія вообще) по существу неразрѣшима, и что въ составъ сужденій входятъ, во-первыхъ, представленія, составляющія подлежащее (то, о чемъ мыслится) и сказуемое (то, что приписывается подлежащему), во-вторыхъ, особые психическіе элементы, еще неизвѣстные современной психологической доктринѣ и существенно отличные какъ отъ познавательныхъ, такъ и отъ чувственныхъ и волевыхъ переживаній. Сообразно съ этимъ мышленіе нельзя подводить подъ одну рубрику съ ощущеніями, воспріятіями и представленіями и вообще подъ какую бы то ни было рубрику, предназначенную для одного какого либо рода элементовъ психической жизни, а слѣдуетъ его относить къ сочетаніямъ познавательныхъ и иныхъ, здѣсь пока еще не могущихъ быть указанными, переживаній (точно такъ же, какъ, напр., смѣсь воды съ мукою, тѣсто, слѣдуетъ подводить не подъ рубрику «вода» и не подъ рубрику «мука», а подъ рубрику именно тѣста, смѣси разныхъ веществъ).

Такимъ образомъ, къ психологической категоріи познанія слѣдуетъ относить только ощущенія, представленія и воспріятія. Если же имѣть въ виду указаніе и дѣленіе простѣйшихъ, не подлежащихъ дальнѣйшему

анализу (мысленному разложенію на болѣе простыя составныя части), элементовъ психическихъ явленій, то, принимая во вниманіе, что воспріятія суть сложныя психическія явленія, слагающіяся изъ разныхъ ощущеній и представленій, простѣйшими познавательными элементами слѣдуетъ признавать элементарныя, простѣйшія ощущенія и представленія.

---

§ 9. Чувства.

Дальнѣйшую основную категорію психическихъ переживаній, на ряду съ познаніемъ, составляютъ чувства. Подъ этимъ терминомъ научной психологіи (въ отличіе отъ разнообразнѣйшаго примѣненія слова «чувство» въ обыденной жизни) слѣдуетъ разумѣть удовольствія, наслажденія, переживанія пріятнаго («положительныя чувства») и неудовольствія, страданія, переживанія непріятнаго («отрицательныя чувства»).

Между тѣмъ какъ познавательныя переживанія имѣютъ объективный или, точнѣе, объективирующій характеръ, давая намъ образы чего-то объективнаго, напр., разныхъ предметовъ въ пространствѣ, чувства имѣютъ чисто субъективный характеръ. Функція чувствъ состоитъ по воззрѣнію современной психологіи въ томъ, что они являются показателями того, какъ дѣйствія разныхъ объектовъ и процессовъ отражаются на нашемъ благосостояніи, и служатъ импульсами къ избѣганію вреднаго для жизни и къ выбору полезнаго. Отрицательныя чувства, страданія, сопровождаютъ вообще вредные для жизни, опасные и разрушительные процессы, положительныя чувства — процессы противоположнаго свойства. Какъ это общее правило, такъ и нѣкоторыя единичныя исключенія (напр., отрицательныя чувства, связанныя съ пріемомъ разныхъ полезныхъ лѣкарствъ, положительныя чувства, доставляемыя алкоголемъ, опіумомъ и т. п.) объясняются природою процесса естественнаго подбора, т. е. вымиранія существъ, менѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе и переживанія съ наслѣдственной передачей полезныхъ свойствъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ со стороны болѣе приспособленныхъ (дарвинистическая теорія). Этотъ процессъ дѣйствуетъ въ направленіи выработки и укрѣпленія такихъ или иныхъ физическихъ и психическихъ свойствъ данной категоріи живыхъ существъ медленно и постепенно и ведетъ къ приспособленности къ издавна существующимъ общимъ условіямъ жизни. Въ человѣческой жизни, вслѣдствіе процесса культуры и разныхъ новыхъ изобрѣтеній, должны быть разныя явленія физической и психической неприспособленности къ новымъ условіямъ жизни, что не устраняетъ общаго закона приспособленія, въ частности общаго закона сочетанія вреднаго для жизни съ отрицательными, полезнаго съ положительными чувствами.

Что касается дѣленія чувствъ на виды и разновидности, то нѣкоторые психологи и философы (напр., Шопенгауеръ) полагаютъ, что собственно реальнымъ въ области чувства является страданіе, что же касается удо-

вольствія, наслажденія, то это не самостоятельный элементъ психической жизни и не особый видъ реальнаго чувства, а только прекращеніе или отсутствіе страданія. Но это справедливо отвергается большинствомъ психологовъ, какъ ни на чемъ (кромѣ стремленія къ пессимистическому истолкованію жизни, какъ сплошного страданія) не основанное утвержденіе: оба вида чувства являются одинаково реальными элементами психической жизни. Обыкновенно лишь признается, что страданія вообще имѣютъ болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ удовольствія, и оказываютъ болѣе сильное давленіе на поведеніе; кромѣ того, въ области ученія о волѣ и поведеніи психологи исходятъ изъ предположенія, что примитивные волевые акты основываются на страданіи, въ частности на отрицательномъ чувствѣ голода, и представляютъ попытки избавиться отъ этого страданія *); лишь впослѣдствіи присоединяется опытъ относительно удовольствій и соотвѣтствующее поведеніе (направленное на достиженіе и удержаніе пріятнаго).

Относительно дальнѣйшаго дѣленія двухъ основныхъ видовъ чувствъ на подвиды и разновидности существуютъ разныя несогласія. Такъ, нѣкоторые психологи полагаютъ, что удовольствія и неудовольствія могутъ имѣть сами по себѣ различные качества и оттѣнки, напр., головная боль имѣетъ иной характеръ, чѣмъ зубная, бываютъ боли рѣжущія, сверлящія, колющія и пр. Другіе исходятъ изъ того, что какъ страданія, такъ и удовольствія сами по себѣ одинаковы по качеству и только могутъ имѣть различныя степени силы, интенсивности; если же тѣ и другія кажутся намъ въ разныхъ случаяхъ качественно различными, то это объясняется не различнымъ характеромъ самихъ чувствъ, какъ таковыхъ, а различіемъ познавательныхъ процессовъ (ощущеній и т. д.), съ которыми эти, сами по себѣ всегда одинаковыя, чувства сочетаются. (по господствующему мнѣнію чувства вообще не появляются никогда въ изолированномъ видѣ, а всегда сочетаются съ такими или иными познавательными переживаніями, ощущеніями, воспріятіями, представленіями, составляя т. н. «чувственный, положительный или отрицательный, тонъ» ощущеній, воспріятій и т. д.). Въ частности разныя боли, какъ на это указываютъ эпитеты: «рѣжущія», «колющія» и т. п., представляютъ сочетанія чувства неудовольствія съ различными ощущеніями. Господствующимъ въ современной психологіи является второе мнѣніе.

Сообразно съ этимъ современная классификація разновидностей чувствъ сводится къ классификаціи познавательныхъ элементовъ, съ которыми сочетаются удовольствія и неудовольствія; различаются чувства, связанныя съ ощущеніями, съ воспріятіями, представленіями и ихъ сочетаніями; среди чувствъ перваго рода различаются чувства, связанныя съ вкусовыми, обонятельными, слуховыми ощущеніями и т. д. Чувства, связанныя съ ощущеніями (и воспріятіями), обыкновенно противополагаются подъ

*) Ср., напр., Wundt, Grundriss der Psychologie 5-te Aufl. 1902, S. 220.

именемъ «низшихъ» или «первичныхъ» чувствъ (въ нѣмецкой психологіи обыкновенно «sinnliche Gefühle») чувствамъ, связаннымъ съ другими познавательными актами, высшимъ, вторичнымъ (т. е. связаннымъ съ вторичными, репродуцированными познавательными элементами, представленіями) чувствамъ *).

Точно также опредѣленіе природы отдѣльныхъ чувствъ сводится къ указанію положительнаго или отрицательнаго характера чувства (т. е. имѣемъ ли мы дѣло съ удовольствіемъ или неудовольствіемъ) + указаніе той категоріи познавательныхъ переживаній, напр., представленій извѣстнаго содержанія, съ которыми въ данномъ случаѣ связано удовольствіе или страданіе.

При этомъ, особенно въ области т. н. высшихъ чувствъ, дѣлается обыкновенно тотъ методологическій промахъ, что подводятся подъ понятіе чувства и именуются чувствами не самыя только чувства, какъ таковыя, а сложныя сочетанія элементовъ познанія и чувства, сочетанія представленій и удовольствій, представленій и неудовольствій (или то, что правильно или ошибочно опредѣляется какъ такое сочетаніе). Напримѣръ, любовь опредѣляется какъ сочетаніе представленія другого лица и чувства удовольствія, ненависть какъ сочетаніе представленія другого лица съ неудовольствіемъ, зависть какъ сочетаніе представленія какой либо удачи, благополучія другого съ чувствомъ неудовольствія и проч., и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь, ненависть, зависть и т. д. называются чувствами, обсуждаются какъ особыя разновидности чувства. Сообразно съ этимъ говорится о «чувственныхъ» или «эмоціональныхъ» (= чувственныхъ) и интеллектуальныхъ, познавательныхъ элементахъ такого-то опредѣленнаго чувства или чувствъ вообще. Очевидно, это логическая несообразность, аналогичная подведенію тѣста подъ понятіе и имя воды, опредѣленію тѣста какъ особаго вида воды, состоящаго изъ воды и муки, и т. п. Единственно логичнымъ и научнымъ слѣдуетъ признать подведеніе подъ понятіе чувства именно только чувственныхъ, эмоціональныхъ элементовъ сочетаній чувствъ съ другими элементами психической жизни, а эти сочетанія такъ и слѣдуетъ признавать сочетаніями чувствъ и представленій, сложными чувственно-познавательными сочетаніями. Сообразно съ этимъ, если правда, что любовь, ненависть, зависть и проч. суть сочетанія представленій извѣстнаго содержанія съ удовольствіями и неудовольствіями, то слѣдуетъ любовь, ненависть и т. д. признавать и называть не чувствами, а сочетаніями представленій и чувствъ. Объясняются эти логически несообразныя классификаціонныя традиціи давленіемъ привычекъ называнія; по обыденному словоупотребленію любовь, ненависть, зависть и т. п. суть

*) Эта классификація принимается, впрочемъ, и тѣми психологами, которые думаютъ, что въ этихъ различныхъ сочетаніяхъ и сами удовольствія и неудовольствія, какъ таковыя, имѣютъ различные качественные оттѣнки; и вообще указанное разногласіе не играетъ существенной роли въ дальнѣйшемъ построеніи психологіи чувства.

чувства (т. е. именуются чувствами, «чувство любви», чувство ненависти»), и соотвѣтственныя привычки называнія такъ крѣпки и оказываютъ такое давленіе на психологовъ, что заставляютъ ихъ не замѣчать даже весьма поразительныхъ самихъ по себѣ классификаціонныхъ несообразностей, возникающихъ на почвѣ внесенія этихъ привычекъ называнія и въ психологію.

Впрочемъ, и съ самими обычными опредѣленіями природы любви, ненависти, зависти и многихъ другихъ, причисляемыхъ теперь къ чувствамъ и опредѣляемыхъ какъ сочетанія чувственныхъ и познавательныхъ элементовъ (напр., благодарности, состраданія, страха, гнѣва и т. п.), психическихъ явленій, тоже нельзя согласиться. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, эти психическія явленія представляютъ вовсе не «чувства» въ психологическомъ смыслѣ и не сочетанія чувствъ съ познавательными элементами и вообще не могутъ быть правильно познаны и опредѣлены съ помощью современныхъ классовыхъ понятій психологіи. Если же въ основѣ ихъ усматривается наличность чувствъ (удовольствій и неудовольствій), то это опять таки объясняется давленіемъ привычекъ называнія, а именно крѣпкими привычками считать ихъ (т. е. именовать) «чувствами».

На ряду съ низшими и высшими чувствами, въ психологіи приводятся и обсуждаются, въ качествѣ особыхъ разновидностей чувствъ, еще три категоріи психическихъ явленій: аффекты (Affecte), настроенія (Stimmungen) и страсти (Leidenschaften).

По этому поводу указывается, что чувства «могутъ пріобрѣтать разныя формы интенсивности и протенсивности (разныя степени силы и широты, глубины), смотря по тому, какъ и какъ часто появляются вызывающія ихъ представленія, насколько они постоянно господствуютъ въ сознаніи и какое значеніе имѣетъ представляемое благо или зло для благосостоянія, счастія и несчастія, чувствующаго субъекта. Эти формы принято называть аффектами, страстями, настроеніями» *).

«Подъ аффектомъ разумѣютъ внезапное появленіе столь сильнаго, основаннаго на представленіяхъ, чувства или быстрое возрастаніе силы связаннаго съ представленіемъ чувства до такой степени интенсивности, что этимъ вытѣсняется всякое другое содержаніе сознанія, и остается исключительно господствующимъ данное чувственное состояніе вмѣстѣ съ вызвавшими его представленіями **).

На ряду съ признакомъ «исключительнаго господства» или вмѣсто этого признака указывается часто въ качествѣ существеннаго признака аффекта то обстоятельство, что данное внезапно появившееся чрезвычайно сильное чувство нарушаетъ нормальное теченіе психической жизни, въ частности мѣшаетъ свободному и естественному сочетанію познавательныхъ процессовъ ***).

---

*) Jodl, Lehrbuch der Psychologie. 2-te Aufl. 1903. II. B. S. 358.

**) Jodl, тамъ же, стр. 358.

***) Напр., Höffding. Psychologie in Umrissen, 3-te Ausg. 1901, стр. 384 опредѣляетъ эффектъ, какъ «такую внезапную сильную вспышку чувства (plötzliches Aufbrausen des Gefühls), которая на нѣкоторое время пріобрѣтаетъ господство въ сознаніи и мѣшаетъ свободному и естественному сочетанію элементовъ познанія».

Сообразно тому, лежитъ ли въ основѣ аффекта положительное или отрицательное чувство, аффекты дѣлятъ на положительные (аффекты наслажденія, Lustaffekte) и отрицательные (аффекты страданія. Unlustaffekte). Къ первымъ относятъ радость, восторгъ, надежду (порывъ надежды); ко вторымъ горе, испугъ, страхъ, гнѣвъ, ярость, разочарованіе.

Подъ страстями разумѣютъ укоренившіяся путемъ привычки и обычно господствующія направленія чувствъ (съ чѣмъ связано соотвѣтственное господствующее направленіе воли); напр., страстная любовь, ненависть и т. п.

Настроенія опредѣляютъ, какъ противоположныя аффектамъ, спокойныя, не «острыя», а «хроническія» чувственныя состоянія; напр., грусть, веселое, ироническое настроеніе, настроеніе боязливости, раздраженности и т. п.

Эти классификаціонныя рубрики, понятія и соотвѣтствующія ученія, страдаютъ существенными пороками и должны быть отвергнуты.

1. Прежде всего возбуждаетъ сомнѣніе то свойство этихъ понятій, что ихъ классовые признаки имѣютъ количественный, а не качественный, и притомъ неопредѣленно-количественный характеръ; въ классовый признакъ аффекта возведено внезапное, т. е. очень быстрое, появленіе очень сильнаго чувства, и т. д. Мы выше въ качествѣ примѣра научно-негодныхъ классовыхъ понятій привели примѣры понятій «сигаръ вѣсомъ въ 10 лотовъ» и «собакъ съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей», т. е. избрали понятія съ количественными классовыми признаками, потому что уже самъ этотъ количественный характеръ признаковъ является препятствіемъ для образованія адэкватныхъ теорій, а именно, онъ представляетъ источникъ порока хроманія тѣхъ теоретическихъ утвержденій, которыя высказываются относительно такихъ классовъ. Съ разными специфическими качествами объектовъ бываютъ связаны разныя специфическія причинныя тенденціи (ср. выше стр. 98), но большая или меньшая степень этого качества въ конкретномъ случаѣ вообще не измѣняетъ природы этой тенденціи, и если соотвѣтственное сказуемое высказывается только относительно тѣхъ объектовъ этого рода, которымъ данное качество присуще въ сильной или средней или слабой степени и т. п., то это будетъ хромая теорія, потому что соотвѣтственная тенденція будетъ присуща и другимъ объектамъ съ такимъ же качественнымъ свойствомъ, хотя, можетъ быть, въ конкретныхъ явленіяхъ она, вслѣдствіе небольшой силы, перевѣса противодѣйствующихъ силъ и т. д., будетъ порождать выглядящія иначе послѣдствія. Въ нѣкоторыхъ областяхъ при наличности опредѣленныхъ количественныхъ сочетаній элементовъ получаются такія своеобразныя послѣдствія, напр., такія новыя свойства сложнаго тѣла, которыхъ наукѣ не удалось до сихъ поръ объяснить, какъ результатъ сочетанія разныхъ элементарныхъ тенденцій (ср. химическія соединенія тѣлъ, напр., полученіе воды изъ кислорода и водорода); въ такихъ случаяхъ наукѣ приходится вводить соотвѣтственныя опредѣленія количества въ классовыя понятія. Тѣмъ не менѣе въ видѣ общаго мето-

дологическаго правила слѣдуетъ держаться того начала, что слѣдуетъ стремиться къ образованію классовъ по качественнымъ, а не количественнымъ различіямъ; всякое же отступленіе отъ этого правила должно имѣть соотвѣтственное обоснованіе и оправданіе. Въ области ученія объ аффектахъ, настроеніяхъ и т. д. такого оправданія мы не находимъ, и едва ли какой либо психологъ вообще сумѣетъ объяснить, почему онъ придерживается традиціи относить къ аффектамъ лишь такія психическія переживанія извѣстнаго рода, напр., страхъ, которыя въ конкретномъ случаѣ появились или достигли большой силы «внезапно», напр., въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, а не медленно и постепенно, напр., вслѣдствіе внушенія устрашающихъ предположеній и т. п. въ теченіе часа или больше. Точно также нѣтъ научнаго основанія относить страхъ и т. п. къ различнымъ классамъ, смотря по тому, имѣется ли соотвѣтственное переживаніе въ особенно сильной степени или же этого нѣтъ. И весьма слабыя переживанія чего либо должны быть относимы къ одному и тому же психологическому классу, наравнѣ съ весьма сильными—для достиженія адэкватныхъ и избѣжанія хромыхъ теорій.

Предыдущія методологическія соображенія касались количественныхъ классовыхъ признаковъ вообще въ противоположность качественнымъ. Но далѣе классовые признаки критикуемыхъ психологическихъ классовыхъ понятій отличаются тѣмъ свойствомъ, что они неопредѣленно-количественны. Предполагается для понятія аффекта «внезапное», очень быстрое появленіе или усиленіе чувства, но внезапность означаетъ не опредѣленный промежутокъ времени, а весьма неопредѣленную, растяжимую и колеблющуюся величину; иногда промежутокъ въ нѣсколько секундъ уже покажется не внезапностью, иногда же промежутокъ въ нѣсколько минутъ или даже часовъ, дней, мѣсяцевъ, лѣтъ не представляется исключающимъ «внезапность» (ср., напр., внезапный ростъ культурныхъ силъ даннаго народа). Положимъ, «внезапность» въ традиціонномъ опредѣленіи аффектовъ такъ же, какъ и противоположныя опредѣленія времени въ понятіяхъ «настроеній» и «страстей», менѣе неопредѣленны, чѣмъ «внезапность» вообще и т. д., но все-таки это очень неопредѣленныя величины; то же относится къ признаку особенно большой или «чрезвычайной» интенсивности чувства въ случаѣ аффекта и т. д. Относительно понятій съ неопредѣленно-растяжимыми классовыми признаками можно установить и доказать теорему, что по отношенію къ соотвѣтственнымъ классамъ не можетъ быть адэкватныхъ теоретическихъ сказуемыхъ, что всѣ теоріи, образуемыя на почвѣ такихъ классовыхъ понятій, должны быть теоріями или хромыми, или прыгающими, или зараженными обоими пороками, но во всякомъ случаѣ не адэкватными. Основаніе для этого состоитъ въ слѣдующемъ.

Если данное сказуемое адэкватно извѣстному классу, напр., классу a, то оно тѣмъ самымъ не адэкватно иной группѣ объектовъ, въ частности всякой болѣе обширной группѣ объектовъ ($a + b$, прыгающая теорія) и

всякой менѣе обширной группѣ ($a — b$, хромая теорія): если данное классовое понятіе не указываетъ опредѣленныхъ границъ класса, оставляя просторъ для колебанія этихъ границъ, для захвата то большей, то меньшей группы объектовъ, то это равняется съ логической точки зрѣнія предложенію въ одной мыслительной и словесной формулѣ сразу множества классовъ разныхъ объемовъ; отыскиваніе такихъ теоретическихъ сказуемыхъ, которыя были бы адэкватны опредѣленнымъ подобнымъ образомъ классовымъ подлежащимъ, равняется логически отыскиванію сказуемыхъ, которыя были бы адэкватны одновременно для множества классовъ разныхъ объектовъ, что логически немыслимо. Въ области теоретическихъ наукъ классовыя понятія съ неопредѣленно-растяжимыми признаками— негодныя понятія, и ихъ слѣдуетъ тщательно избѣгать, если желательно образовать адэкватныя, а не хромающія и прыгающія теоріи *).

*) Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣтимъ, что методологическія соображенія текста о количественныхъ и неопредѣленно-растяжимыхъ классовыхъ признакахъ касаются спеціально методологіи теорій, теоретическихъ наукъ и образованія соотвѣтственныхъ, теоретическихъ классовыхъ понятій, и не касаются другихъ сферъ логики и методологіи. Напротивъ, въ сферѣ практической жизни и вообще въ сферѣ практическихъ сужденій, гдѣ дѣло идетъ объ образованіи не адэкватныхъ теорій, а годныхъ для жизни правилъ поведенія, классовыя понятія съ количественными, въ томъ числѣ съ неопредѣленно-количественными признаками, могутъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію и не вызывать никакихъ возраженій. Въ области правилъ цѣлесообразности, т. е. нахожденія, опредѣленія и рекомендаціи пригодныхъ для извѣстной цѣли средствъ, напр., раціональныхъ средствъ для сохраненія или возстановленія здоровья (гигіена, медицина) и т. п., важны вообще не абсолютное отсутствіе или абсолютная наличность свойствъ, тенденцій, дѣйствій, эффектовъ опредѣленнаго рода и т. д., а такая сила, такое количество и т. п., что имѣется «значительная» польза или «значительный» вредъ, «столько» результата, что изъ-за него «стоитъ» принимать особыя мѣры и т. д. Поэтому въ этой области такія выраженія въ классовыхъ опредѣленіяхъ, какъ умѣренный (напр., умѣренное питаніе, умѣренная умственная, физическая работа и т. п.), скудный, обильный, слабый, сильный, очень сильный, чрезмѣрно сильный, медленно, быстро, очень быстро, внезапно, болѣе сознательный, менѣе сознательный и проч., могутъ быть надлежащими выраженіями и соотвѣтственныя понятія вполнѣ годными и даже идеально удачными понятіями, хотя эти и т. п. выраженія слѣдуетъ признать «строжайше воспрещенными» въ области образованія классовыхъ понятій въ теоретическихъ наукахъ, въ психологіи, теоріи права, теоріи нравственности и т. д. Ниже мы будемъ имѣть случай выяснить, что для права, какъ особыхъ правилъ поведенія, вполнѣ пригодны разные количественно-опредѣленные классовые признаки; при этомъ, по особымъ основаніямъ, ничего не имѣющимъ общаго съ соображеніями текста по поводу теоретическихъ сужденій и понятій, въ правѣ важна и цѣнна математическая опредѣленность соотвѣтственныхъ величинъ; напр., для понятія совершеннолѣтія необходимо точное опредѣленіе количества лѣтъ, считая со дня рожденія, такъ, чтобы ясно было, что до исполненія 12 часовъ ночи такого-то дня субъектъ относился къ несовершеннолѣтнимъ, а послѣ къ совершеннолѣтнимъ, и т. п. Напротивъ, когда мы познакомимся съ природою нравственности, то выяснится, что здѣсь такія понятія непригодны, что существу и назначенію нравственности соотвѣтствуютъ неопредѣленно-растяжимыя понятія, что здѣсь точная фиксированность границъ классовыхъ понятій прямо вредна и нежелательна. Въ области эстетики классовыя понятія должны иногда имѣть такой характеръ какъ въ правѣ, а иногда такой, какъ въ нравственности.

Функцію понятій въ области обыденнаго, ненаучнаго мышленія и обмѣна мыслями исполняютъ имена, слова съ (диспозитивно) ассоціированными представле-

На ряду съ указанными методологическими пороками современному дѣленію чувствъ на чувства въ тѣсномъ смыслѣ и аффекты, страсти и настроенія свойственна еще слѣдующая логическая уродливость:

Нельзя образовать классификаціонные ряды изъ объектовъ, относящихся къ разнымъ высшимъ классамъ, къ разнымъ логическимъ категоріямъ; напр., ряды: 1) собаки въ тѣсномъ смыслѣ, 2) быстрое появленіе собакъ, 3) сильный собачій лай; 1) вода просто, 2) внезапный и сильный напоръ воды, 3) слабое и спокойное теченіе воды, 4) сильное и постоянное теченіе воды по одному глубокому руслу — уродливыя классификаціи, потому что самыя собаки, какъ особый видъ животныхъ,

---

ніями соотвѣтственныхъ объектовъ (такъ неточно называемыя общія представленія). Сообразно потребностямъ обыденной практической жизни, особенно въ области отношеній людей другъ къ другу, множество именъ обыденнаго житейскаго языка имѣетъ неопредѣленно-растяжимый смыслъ, напр., относится не ко всѣмъ объектамъ извѣстной качественной категоріи, а лишь къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ извѣстное свойство замѣчается въ особенно высокой (точнѣе не опредѣленной) степени. Напр., имена: мудрость, талантъ, геній, добродѣтель, порокъ, страсть, горе, радость, ужасъ, ярость, любовь, ненависть и проч. и проч. означаютъ въ существѣ дѣла особенно выдающіяся по степени нѣкоторыхъ свойствъ явленія и не примѣняются къ такимъ же по природѣ явленіямъ, если соотвѣтственныя свойства нѣсколько слабѣе выражены. Иногда при этомъ для различныхъ градацій существуютъ цѣлые ряды соотвѣтственныхъ именъ, напр., если извѣстное переживаніе очень сильно, то для него есть имя «ярость», если оно не такъ уже сильно, но все-таки сильно, то оно называется «злостью», «гнѣвомъ», еще болѣе слабыя переживанія того же рода именуются «раздраженіемъ» и т. п. Нерѣдко же, особенно въ области разныхъ психическихъ переживаній, которыя замѣтны только въ случаяхъ особенной интенсивности, для низшихъ степеней совсѣмъ нѣтъ названій. Бываетъ и такъ, что въ обыденномъ языкѣ нѣтъ имени не только для болѣе слабыхъ переживаній извѣстнаго рода, но вообще для соотвѣтственныхъ отдѣльныхъ актуальныхъ переживаній, и лишь диспозиціи къ болѣе или менѣе сильнымъ и частымъ переживаніямъ этого рода достигаютъ чести имѣть особое имя. «Любовь» есть имя не для соотвѣтственныхъ отдѣльныхъ переживаній, а для постояннаго (диспозитивнаго) отношенія особаго рода къ другому, напр., къ брату, и притомъ требуется особая сила соотвѣтственной диспозиціи (въ случаяхъ меньшей интенсивности говорится о «симпатіи», но наличность «любви» не признается).

Эти особенности привычекъ называнія порождаютъ въ соотвѣтственныхъ наукахъ, на почвѣ обычной зависимости отъ словъ, именъ, множество соотвѣтственныхъ неудачныхъ понятій и теорій. Особенно психологія переполнена такими съ научно-теоретической точки зрѣнія совсѣмъ негодными умственными продуктами. Имена, соотвѣтствующія разнымъ или только высшимъ степенямъ интенсивности, или разнымъ сильнымъ и постоянно дѣйствующимъ диспозиціямъ, на каждомъ шагу здѣсь принимаются за имена особыхъ классовъ психическихъ переживаній, подлежащихъ особому изученію въ психологіи. Соотвѣтственныя недоразумѣнія процвѣтаютъ главнымъ образомъ въ области подчиненныхъ и спеціальныхъ «понятій», «терминовъ» (напр., «гнѣвъ», «ярость» и т. п.) и теорій; но на этой почвѣ создаются также и соотвѣтственныя болѣе общія рубрики: понятія «аффектовъ», «страстей» и «настроеній» и соотвѣтственныя ученія-иллюстраціи этого положенія. «Гнѣвъ» и «ярость» фигурируютъ здѣсь какъ особые психологическіе классы, и они же въ совокупности съ нѣкоторыми другими именами для «превосходныхъ степеней» нѣкоторыхъ переживаній составляютъ почву для особаго общаго класса «аффектовъ», о каковомъ классѣ составляются разныя (между прочимъ, весьма несогласныя другъ съ другомъ) теоріи. Такъ какъ эти теоріи уже по общимъ методологическимъ соображеніямъ не могутъ быть научными, то мы на нихъ подробнѣе не будемъ останавливаться.

вода, какъ особый видъ вещества, съ одной стороны, обстоятельства появленія и движенія этихъ объектовъ, съ другой, совершенно различныя логическія категоріи, а не виды одного и того же рода. Но то же смѣшеніе различныхъ логическихъ категорій лежитъ въ традиціонномъ сопоставленіи 1) чувства въ тѣсномъ смыслѣ, 2) внезапнаго появленія столь сильнаго, связаннаго съ представленіями чувства и т. д. (или «внезапной вспышки чувства», аффекта) и т. д. Какъ въ ученіяхъ о собакахъ достаточно одной классовой категоріи «собаки», а затѣмъ можно сказать, что эти животныя могутъ быстро бѣгать, а потому «внезапно появляться» (напр., выскакивать внезапно изъ-за воротъ), лаять и т. п., такъ и въ области чувствъ достаточно одной основной логической категоріи «чувства» (т. е. наслажденія и страданія), а затѣмъ, не образуя особыхъ яко бы соподчиненныхъ классовъ: «внезапнаго появленія сильнаго чувства въ связи съ представленіемъ» и т. д., можно сказать, что чувства иногда внезапно появляются, достигаютъ большой силы, сочетаются съ представленіями и проч.

Наконецъ, кромѣ методологическихъ, возникаетъ еще и сомнѣніе по существу относительно того, дѣйствительно ли правда, что, напр., то, что именуется «гнѣвомъ», «яростью», «страхомъ», «испугомъ», «ужасомъ» и т. д., представляетъ «внезапное появленіе сильныхъ, связанныхъ съ представленіями, чувствъ» (т. е. удовольствій или страданій) и т. д., вообще сомнѣніе относительно того, правильны ли теперешнія опредѣленія природы и состава тѣхъ психическихъ явленій, которыя психологи относятъ къ «аффектамъ», «страстямъ» и т. д. Бываютъ, напр., случаи появленія весьма сильнаго страданія, напр., на почвѣ болѣзней, ранъ, соединеннаго съ представленіями, напр., съ представленіемъ пули, оторвавшей руку и т. п.; и иногда эти страданія столь сильны, что они нарушаютъ процессы познанія, доводятъ даже до обморока и т. д.; но, страннымъ образомъ, психологи этихъ явленій, несомнѣнно подходящихъ подъ ихъ понятіе аффектовъ, въ качествѣ таковыхъ не приводятъ. То же, что они приводятъ въ качествѣ отрицательныхъ аффектовъ, напр., гнѣвъ, ярость, страхъ, и что по ихъ опредѣленію должно содержать въ себѣ сильнѣйшія страданія, фактически, при непредубѣжденномъ взглядѣ на дѣло, таковыхъ не содержитъ; случается, что люди злятся не безъ нѣкотораго удовольствія, а иногда тоже ради удовольствія подвергаютъ себя разнымъ страхамъ (напр., туристы, искатели приключеній и т. п.); во всякомъ же случаѣ «чрезвычайно интенсивныхъ» страданій (или хотя бы такихъ, какія, напр., бываютъ въ случаѣ зубной боли) здѣсь не замѣчается. Точно также психологи не причисляютъ къ аффектамъ разныхъ случаевъ весьма сильныхъ наслажденій (напр., сладострастныхъ), хотя здѣсь наслажденіе обыкновенно болѣе интенсивно, чѣмъ въ области надеждъ, и т. д. Тѣ психическія явленія, которыя называются гнѣвомъ, яростью, ужасомъ и т. п., дѣйствительно представляютъ собою нѣкоторыя весьма сильныя, чрезвычайно интенсивныя переживанія, но они состоятъ

не въ (отрицательныхъ) чувствахъ въ техническомъ смыслѣ (хотя въ публикѣ къ нимъ примѣняется имя «чувство»), а имѣютъ совершенно иную природу. Между прочимъ, сомнѣніе въ правильности господствующаго опредѣленія природы и состава страха, гнѣва и другихъ аффектовъ (хотя и съ иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ указанныя выше) существуетъ и въ средѣ современной психологіи. А именно, нѣкоторые психологи съ Джемсомъ (и Ланге) во главѣ совсѣмъ иначе опредѣляютъ природу аффектовъ, чѣмъ господствующее ученіе. По мнѣнію Джемса, аффекты представляютъ комплексы органическихъ ощущеній, напр., ощущеній дрожанія тѣла, истеченія слезъ и т. д. Разные внѣшніе раздражители, напр., видъ внезапно появившагося предъ индивидомъ въ лѣсу медвѣдя, пощечина и т. п., вызываютъ, по мнѣнію Джемса, непосредственно разные тѣлесные процессы въ качествѣ рефлексовъ (чисто физическихъ, независимыхъ отъ психики, измѣненій, ср. ниже), напр., дрожаніе, приливъ крови къ головѣ, истеченіе слезъ и т. п.; эти процессы порождаютъ соотвѣтственныя ощущенія, и вотъ совокупность этихъ ощущеній и составляетъ то, что называется страхомъ, яростью, огорченіемъ и т. д. «Обыкновенно, поясняетъ свою мысль Джемсъ, принято выражаться слѣдующимъ образомъ: мы потеряли состояніе, огорчены и плачемъ; мы повстрѣчались съ медвѣдемъ, испуганы и обращаемся въ бѣгство; мы оскорблены врагомъ, приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ. Согласно защищаемой мною гипотезѣ, порядокъ этихъ событій долженъ быть нѣсколько инымъ; именно, первое душевное состояніе (т. е. воспріятіе факта, возбуждающаго аффектъ) не смѣняется немедленно вторымъ; между ними должны находиться тѣлесныя проявленія, и потому наиболѣе раціонально выражаться слѣдующимъ образомъ: мы опечалены, потому что плачемъ; приведены въ ярость, потому что бьемъ другого; боимся, потому что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ, потому что опечалены, приведены въ ярость, испуганы». Какъ ни странной представляется эта «гипотеза» (которую не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ: мы боимся промокнуть, потому что покупаемъ зонтикъ, а не наоборотъ, и т. п.), у нея нашлись послѣдователи, и число ихъ (особенно во французской и англо-американской психологической литературѣ) все болѣе возрастаетъ *). Это во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ въ пользу научной крѣпости и убѣдительности господствующаго ученія.

Небезынтересно также отмѣтить, что прежніе психологи и философы

*) Аналогично ученіе Ланге, по которому въ основѣ аффектовъ тоже лежатъ физическія измѣненія въ организмѣ, а именно, вазомоторные процессы (суженіе и расширеніе кровяныхъ сосудовъ) и ихъ физіологическія послѣдствія; при этомъ Ланге и нѣкоторые другіе послѣдователи новаго ученія, напр., Рибо, отождествляютъ сами аффекты, т. е. явленія сознанія, съ предполагаемыми ими физіологическими процессами („матеріалистическая теорія“ аффектовъ—точнѣе: смѣшеніе понятій, отъ каковой ошибки свободенъ Джемсъ, усматривающій существо изслѣдуемыхъ психическихъ явленій не въ самихъ физическихъ процессахъ, а въ ихъ отраженіяхъ въ сознаніи, въ ощущеніяхъ).

относили аффекты и страсти къ категоріи воли, разсматривали ихъ какъ волевыя стремленія. Въ XIX столѣтіи эти переживанія перекочевали изъ области воли въ область чувства, а сторонники новѣйшаго ученія, сводя ихъ къ ощущеніямъ, тѣмъ самымъ переносятъ ихъ въ третью основную классификаціонную рубрику, категорію познанія. Это блужданіе цѣлыхъ разрядовъ психическихъ переживаній между основными и принципіально различными классификаціонными категоріями наводитъ на мысль, что въ основѣ самой классификаціи есть какой-то недочетъ, что извѣстныя уже и признанныя основныя психологическія категоріи: познаніе, чувство, воля, — недостаточны для надлежащаго размѣщенія между ними всѣхъ видовъ психическихъ явленій.

Въ чемъ состоитъ этотъ недочетъ, и что такое представляютъ разныя т. н. высшія чувства, а равно аффекты, страсти и настроенія, относимые господствующимъ ученіемъ къ «чувствамъ», будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Теперь же по поводу категоріи «чувства» слѣдуетъ отмѣтить: несомнѣнно, положительныя и отрицательныя чувства (наслажденія и страданія) представляютъ такой разрядъ явленій, который вслѣдствіе особой специфической природы, особыхъ причинныхъ свойствъ, особой біологической функціи соотвѣтственныхъ переживаній (ср. ниже), можетъ и долженъ быть возведенъ въ особый основной психологическій классъ, какъ годный и необходимый базисъ для построенія адэкватныхъ психологическихъ теорій. Этой методологической точки зрѣнія и соотвѣтственнаго смысла избраннаго термина «чувство» и слѣдуетъ сознательно и послѣдовательно держаться во всѣхъ областяхъ психологическаго мышленія и изслѣдованія, въ частности неуклонно заботиться о содержаніи этого цѣннаго класса (и соотвѣтственнаго термина) въ состояніи логической чистоты и отдѣленности, свободы отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Всякое привлеченіе постороннихъ элементовъ, т. е. отнесеніе къ чувствамъ того, что не представляетъ страданія или наслажденія, въ томъ числѣ сочетаній познавательныхъ переживаній съ наслажденіями или страданіями, превращаетъ цѣнный теоретическій классъ въ эклектическую группу, не допускающую адэкватныхъ теорій и загрязняющую науку прыгающими или хромающими теоріями. Для избѣжанія этого необходимо отрѣшиться отъ подчиненія давленію привносимыхъ изъ обыденной жизни привычекъ называнія «чувствами» разнороднѣйшихъ переживаній и исходить въ области опредѣленія природы отдѣльныхъ психическихъ явленій, ихъ классифицированія и т. д. не изъ того, что эти переживанія обыкновенно называются чувствами и что они, стало быть, суть чувства (что методологически наивно и ведетъ къ произвольному конструированію природы изучаемыхъ явленій, какъ положительныхъ или отрицательныхъ чувствъ или сочетаній этихъ и другихъ элементовъ, и къ наполненію рубрики чувства посторонними примѣсями), а изъ того, что къ чувствамъ необходимо относить только то, что окажется страданіемъ или наслажденіемъ, и только это.

§ 10. Воля.

Волю психологи характеризуютъ, какъ активные элементы психической жизни, какъ стремленія къ совершенію или недопущенію какихъ либо измѣненій (напр., воля сдѣлать извѣстную работу, воля побороть сонъ, не заснуть).

Между тѣмъ какъ познаніе доставляетъ образы объективныхъ данныхъ, чувство исполняетъ функцію оцѣнки этихъ данныхъ, ихъ положительнаго или отрицательнаго значенія для блага индивида, функція воли состоитъ, по ученію современной психологіи, въ активной реакціи противъ того, что отрицательно оцѣнено чувствомъ (отрицательная воля, нежеланіе), и въ пользу того, что оцѣнено положительно (положительная воля).

По поводу существа воли въ современной психологической литературѣ существуютъ разныя существенныя недоразумѣнія, изъ коихъ нѣкоторыя могутъ быть указаны лишь впослѣдствіи, нѣкоторыя же должны быть отмѣчены уже теперь.

Прежде всего, представленіе «активности», какъ особенности воли, влечетъ за собою (по ассоціаціи словъ и представленій) подведеніе подъ категорію воли такого вида «активности», который не имѣетъ ничего общаго не только съ правильнымъ понятіемъ воли, но и съ общею категоріею психическихъ явленій, какъ таковыхъ, а именно физической активности, тѣлесныхъ движеній, т. е. явленій, состоящихъ въ сокращеніяхъ мускуловъ. Движенія, предшествуемыя соотвѣтственною волею, внѣшнія дѣйствія, поступки, слѣдуетъ въ качествѣ физическихъ явленій строго отличать отъ самой воли, какъ особаго явленія сознанія. Между тѣмъ въ психологической литературѣ часто встрѣчается не только смѣшеніе воли съ дѣйствіями, но и подведеніе подъ категорію воли такихъ движеній, которыя совершаются совершенно непроизвольно, механически. Къ такимъ движеніямъ относятся рефлексы и спонтанныя движенія.

Рефлексами называются тѣлесныя движенія, представляющія реакціи на разныя внѣшнія или внутренне-органическія раздраженія и происходящія независимо отъ нашего сознанія; напр., суженіе зрачковъ отъ приближенія свѣта, кашель въ случаѣ раздраженія дыхательныхъ путей какимъ либо постороннимъ тѣломъ. Физіологи объясняютъ рефлексы тѣмъ, что здѣсь раздраженіе чувствительныхъ нервовъ передается моторнымъ, управляющимъ движеніями, нервамъ, безъ посредства большого мозга (органа, считаемаго «центромъ сознанія»).

Спонтанными движеніями называются такія, тоже безъ участія психики происходящія, движенія, которыя совершаются безъ особыхъ «поводовъ» въ видѣ раздражающихъ воздѣйствій; сюда, напр., относятся сокращеніе мускуловъ сердца, перистальтическія (червеобразныя) движенія кишокъ и т. д.; сюда же относятся отмѣченныя лишь въ новое время

движенія, характеризуемыя какъ «разряды накопившейся путемъ процесса питанія физической энергіи», напр., нѣкоторыя движенія плода въ утробѣ матери и новорожденнаго младенца.

И вотъ въ психологіи замѣчается тенденція включать въ классовое понятіе воли и спонтанныя и рефлекторныя движенія. По большей части эта тенденція проявляется и осуществляется не при самомъ опредѣленіи природы воли, а въ разныхъ дальнѣйшихъ частныхъ разсужденіяхъ. Главнымъ и наиболѣе частымъ поводомъ для этого является вопросъ о происхожденіи и историческомъ развитіи воли. Нѣкоторые психологи выставляютъ въ качествѣ «зачаточной», «первоначальной» формы воли спонтанныя движенія, представляющія разрядъ накопившейся энергіи, другіе — спонтанныя движенія вообще, третьи — рефлексы. Иногда же включеніе спонтанныхъ движеній и рефлексовъ происходитъ при самомъ опредѣленіи природы воли. Въ качествѣ оправданія приводится то соображеніе, что «непроизвольныя и произвольныя движенія представляютъ рядъ связанныхъ другъ съ другомъ ступеней развитія» *).

Мы считаемъ вообще попытки выводить происхожденіе и развитіе воли, какъ особыхъ психическихъ переживаній, изъ механическихъ движеній ненаучными; онѣ представляютъ прыжки къ волѣ отъ отсутствія воли, отъ 0, каковые прыжки потому только остаются незамѣтными, что они закрываются наличностью тѣлесныхъ движеній и здѣсь и тамъ. Но если бы воля исторически и происходила отъ механическихъ движеній, то все-таки соотвѣтственное «общее» понятіе воли этимъ отнюдь не было бы оправдано; теоретическія понятія существуютъ вовсе не для того, чтобы изображать историческія превращенія одного въ другое, а для того, чтобы служить основою образованія адэкватныхъ теорій; включеніе же рефлексовъ и т. п. въ понятіе воли уничтожаетъ всякую возможность образованія адэкватныхъ теорій, превращая соотвѣтственный классъ въ эклектическую группу, представляющую смѣсь психическихъ и физическихъ явленій; а тѣ теоріи, которыя были бы правильны относительно методически правильно образованнаго класса волевыхъ явленій, какъ особаго разряда явленій сознанія, превращаются при этомъ необходимо въ прыгающія теоріи **).

Еще болѣе сильною и распространенною въ современной психологіи является тенденція портить классовое понятіе воли путемъ подведенія подъ него разныхъ посторонніхъ примѣсей психологическаго свойства.

---

*) Ср. Höffding, Psychologie, 3-te Ausg., 1901, стр. 415: „послѣднее словоупотребленіе (т. е. отнесеніе къ волѣ спонтанныхъ движеній и рефлексовъ) представляется болѣе естественнымъ, такъ какъ непроизвольныя и произвольныя движенія представляютъ рядъ связанныхъ другъ съ другомъ ступеней развитія“, ср. тамъ же стр. 135, 416 и др.

**) Къ сожалѣнію это, какъ и вообще критеріи годности классовъ и классовыхъ понятій, не сознается въ современной психологіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ тенденція во что бы то ни стало выводить различныя психическія явленія другъ изъ друга (или изъ физіологическихъ процессовъ), находить вездѣ переходныя

Мы видѣли, между прочимъ, выше, что въ области воспріятій и представленій происходитъ въ нашей психикѣ комбинированіе разныхъ элементовъ, построеніе новыхъ сочетаній, дополненіе базиса ощущеній элементами изъ прежняго опыта, опредѣленіе этимъ путемъ разстоянія, объема воспринимаемыхъ объектовъ и проч. Въ этихъ и т. п. случаяхъ примѣнимо выраженіе психическая «активность» въ томъ смыслѣ, что здѣсь дѣло не ограничивается чисто пассивнымъ переживаніемъ того, что, такъ сказать, навязывается извнѣ, а имѣется дѣятельное, созидательное участіе со стороны нашей психики. И вотъ здѣсь благопріятная почва для отнесенія къ волѣ, какъ «психической активности», разнообразнѣйшихъ психическихъ явленій. Въ существѣ дѣла «активность» въ указанномъ смыслѣ имѣетъ мѣсто во всѣхъ областяхъ психической жизни. И ощущенія звука, свѣта и проч. представляютъ вовсе не что-то пассивно извнѣ воспринимаемое, а «активныя» реакціи на внѣшнія раздраженія и нѣчто совершенно отличное отъ волнообразнаго движенія воздуха и т. п. явленій, служащихъ раздражителями и поводами для образованія ощущеній. То же относится къ чувствамъ какъ пріятнаго, такъ и непріятнаго. Поэтому, если подводить подъ волю все то въ психической жизни, гдѣ замѣчается активность въ указанномъ смыслѣ, то было бы послѣдовательно все въ психикѣ объявить «волею». И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые психологи доходятъ до такого «вывода». Такъ, напр., Гефдингъ съ этой точки зрѣнія находитъ, что воля лежитъ въ основѣ всего сознанія, какъ такового, и что въ частности познаніе и чувство, «разсматриваемыя съ такой стороны, представляютъ проявленія воли въ обширномъ смыслѣ слова» (цит. соч., стр. 420).

По этому поводу необходимо подчеркнуть, что для обладанія надлежащимъ, годнымъ для образованія научныхъ теорій, классомъ и классовымъ понятіемъ воли слѣдуетъ строго различать, отнюдь не смѣшивать другъ съ другомъ двухъ совершенно различныхъ вещей: съ одной стороны, процессовъ психическаго созиданія и творчества, психической дѣятельности, активности, присущей всякому элементу психической жизни,

---

ступени, отрицать принципіальныя, качественныя различія между разнородными объектами, сводить такія различія къ различіямъ лишь въ степени, къ количественнымъ различіямъ и т. д. Эта тенденція въ связи съ указанными выше особенностями обыденнаго языка въ области психическихъ явленій (стр. 134 прим.) и отсутствіемъ методологической сознательности въ области образованія классовъ и классовыхъ понятій ведетъ къ массовому производству въ психологіи такихъ понятій, которыя уже съ перваго взгляда поражаютъ своею очевидною и полною научною негодностью.

Вообще лозунгомъ всякой науки должно быть „clara et distincta perceptio“. Между тѣмъ въ современной психологіи господствуютъ тенденціи и лозунги, которые можно свести къ положенію: все обладаетъ всѣми свойствами, только въ разной степени, и все соединено со всѣмъ, только иногда немножко болѣе одного элемента, а иногда другого. Для осуществленія этихъ лозунговъ съ величайшею легкостью вездѣ констатируется наличность такихъ свойствъ и такихъ элементовъ, какихъ нѣтъ, и принимаются иныя тому подобныя произвольныя мѣры.

съ другой стороны специфическихъ, иногда (напр., когда мы рѣшили пойти на прогулку или, напротивъ, продолжать свою работу) переживаемыхъ явленій внутренней жизни, имѣющихъ своеобразный характеръ «активности» въ смыслѣ особаго качества самаго переживанія рѣшимости, воли (что нибудь сдѣлать или воздержаться отъ чего либо). Нѣкоторыя переживанія, напр., ощущенія тепла, холода, зубная, головная боль, воспріятіе пушечнаго выстрѣла, представляются нашему самонаблюденію чисто страдательнымъ переживаніемъ чего-то, какъ наличнаго (хотя, напр., воспріятіе пушечнаго выстрѣла и т. д. есть продуктъ сложныхъ, нами, впрочемъ, не сознаваемыхъ и раскрываемыхъ лишь путемъ научнаго анализа, активно-созидательныхъ процессовъ); другія переживанія представляются намъ, какъ активныя стремленія нашего я, направленныя на вызовъ, созданіе чего либо въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ будущемъ. Только эти (послѣднія) своеобразныя (могущія быть познанными и отчетливо различаемыми лишь путемъ внимательнаго самонаблюденія и внутренняго сравненія) переживанія съ чисто активнымъ характеромъ и слѣдуетъ относить къ классу «воли», исключая все прочее изъ этого класса (для того, чтобы имѣть специфическій психологическій классъ и базисъ для специфическихъ, адэкватныхъ психологическихъ теорій, ср. ниже).

Нѣкоторые психическіе акты происходятъ, аналогично спонтаннымъ и рефлекторнымъ движеніямъ, не по психическимъ импульсамъ, непроизвольно. Напр., разныя ощущенія, воспріятія, боли и т. п. появляются при извѣстныхъ условіяхъ непроизвольно. Есть и такіе психическіе акты, которые, подобно нѣкоторымъ тѣлодвиженіямъ, вызываются волею; напр., мы возымѣли волю представить себѣ болѣе или менѣе отчетливо образы какихъ либо предметовъ, думать о томъ-то, не думать о другомъ и проч., и это намъ удается. Въ отличіе отъ внѣшнихъ произвольныхъ тѣлодвиженій, внѣшнихъ дѣйствій, такіе акты психическаго свойства называются внутренними дѣйствіями. Эти внутреннія, такъ же какъ и внѣшнія, произвольныя дѣйствія слѣдуетъ тоже строго отличать отъ самой воли, которая ихъ вызываетъ, ими управляетъ; напр., если я имѣю волю мыслить объ извѣстномъ вопросѣ и моя воля осуществляется, происходитъ мышленіе въ желательномъ для меня направленіи, то само мышленіе слѣдуетъ строго отличать отъ воли, которая его вызываетъ. Въ психологической литературѣ на ряду съ другими тенденціями подводить подъ волю разныя постороннія явленія (въ томъ числѣ непроизвольныя внутреннія «движенія») замѣчается также спеціальная тенденція находить наличность воли во внутреннихъ дѣйствіяхъ какъ таковыхъ, признавать въ особенности волевыми такія, существенно отличныя отъ воли, психическія переживанія, которыя вызываются волею. На ряду съ такими волевыми дѣйствіями, которыя имѣютъ внѣшнюю, физическую природу (тѣлодвиженіями) и такими, которыя имѣютъ психическую природу, можно различать еще смѣшанныя, т. е. состоящія и изъ тѣлодвиженій, и изъ вну-

треннихъ переживаній дѣйствія. Сюда, напр., относится смотрѣніе, слушаніе, нюханіе, ощупываніе и т. п. Смотрѣніе состоитъ, во-первыхъ, изъ сокращенія множества мускуловъ, необходимыхъ для надлежащаго приноровленія, для аккомодаціи организма къ воспріятію соотвѣтственнаго зрительнаго образа (надлежащее направленіе головы, глазъ, ихъ осей, надлежащее расширеніе или суженіе зрачковъ и проч.), во-вторыхъ, изъ внутреннихъ актовъ самаго воспріятія; то же относится къ слушанію, нюханію и проч. И отъ смѣшенія съ волею такихъ смѣшанныхъ дѣйствій несвободна теперешняя психологическая литература. Громадную роль въ новѣйшей психологіи воли (и другихъ частяхъ психологіи, въ особенности въ психологіи познанія) играетъ между прочимъ понятіе вниманія или точнѣе: смѣшеніе вниманія съ волею. Вундтъ и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе психологи отождествляютъ вниманіе съ волею и на этой почвѣ строятъ разныя, отчасти весьма «глубокомысленныя» (темныя и замысловатыя), ученія. Не входя здѣсь въ подробное изложеніе и разборъ этихъ ученій, отмѣтимъ кратко: вниманіе есть не воля и не особый видъ воли, а имя для цѣлаго обширнаго класса отчасти смѣшанныхъ, отчасти чисто психическихъ актовъ, которые иногда бываютъ дѣйствіями воли (иногда же, какъ увидимъ ниже, независимы отъ воли) и состоятъ въ приспособленіяхъ разныхъ органовъ (въ частности т. н. органовъ внѣшнихъ чувствъ) къ успѣшному воспріятію, вообще познанію, чего либо, и въ самомъ, такъ приготовленномъ, воспринимании. Между прочимъ, къ общему классу вниманія относятся и названныя выше смѣшанныя дѣйствія: слушаніе (ср. выраженіе «внемли словамъ моимъ» = «выслушай мои слова»), смотрѣніе (въ нѣкоторыхъ языкахъ русскому имени «вниманіе» соотвѣтствуютъ выраженія, означающія смотрѣніе), нюханіе, смакованіе (вкусовое вниманіе) и т. д. Умышленное вниманіе по адресу нашихъ психическихъ переживаній, интроспекція, самонаблюденіе, представляетъ внутреннее, психическое волевое дѣйствіе (но тоже не волю, а именно волевое дѣйствіе), и т. д.

Далѣе, по адресу современной «психологіи воли» слѣдуетъ подчеркнуть то, методологически простое и ясное, положеніе, что подъ понятіе воли слѣдуетъ подводить волю и только, а сочетаніе воли съ чѣмъ либо другимъ, напр., съ представленіями, чувствами, такъ и слѣдуетъ опредѣлять какъ сочетаніе воли съ другимъ, но не какъ волю. Теперь психологи поступаютъ иначе, дѣйствуютъ такъ же, какъ и въ области категорій познанія и чувства, по образцу отнесенія тѣста къ классу «вода» или къ классу «мука». Привносятся этимъ путемъ въ понятіе «воли» разнообразнѣйшія постороннія примѣси, можно сказать, все то, что имѣется въ репертуарѣ современной психологической доктрины въ видѣ особыхъ общихъ классовъ-именъ; при этомъ разные психологи относятъ къ «составу» воли разныя психическія явленія, и одни и тѣ же авторы относятъ къ разнымъ видамъ «воли» разныя неволевыя переживанія; на этомъ именно, на наличности или отсутствіи разныхъ добавочныхъ элементовъ, зиждется современная классификація волевыхъ явленій, или точнѣе, разныя, другъ съ другомъ

несходныя, попытки такой классификаціи, слѣдующія обыкновенно тенденціи изобразить вмѣстѣ съ тѣмъ и «развитіе» воли, въ частности показать, что на высшихъ стадіяхъ развитія воля есть «весьма сложное» явленіе. Наиболѣе крупную роль изъ такихъ примѣсей играютъ въ современной литературѣ: 1) представленія цѣли, т. е. тѣхъ будущихъ эффектовъ, для осуществленія которыхъ имѣетъ совершиться данное дѣйствіе; 2) чувства удовольствія или неудовольствія, которыя, по господствующему ученію, всегда должны быть налицо въ качествѣ побужденій къ дѣйствію (ср. ниже въ ученіи о мотивахъ), или ощущенія или воспріятія въ связи съ возбуждаемыми ими чувствами пріятнаго или непріятнаго; 3) представленія самихъ долженствующихъ совершиться дѣйствій, тѣлодвиженій и проч.; 4) ощущенія разнаго рода, главнымъ образомъ, мускульныя ощущенія, ощущенія движенія, и т. н. «иннерваціонныя ощущенія», ощущенія возбужденія моторныхъ нервовъ, между прочимъ, ощущенія, существованіе коихъ не доказано, но придумано спеціально для конструированія разныхъ своеобразныхъ теорій воли *).

Если оставить пока (ср. ниже) въ сторонѣ разные вопросы фактическаго свойства о существованіи вообще или постоянной наличности того, что разными ученіями принимается за существующее или всегда наличное въ области волевыхъ явленій, и всмотрѣться въ отношеніе къ волѣ тѣхъ разныхъ явленій иныхъ психологическихъ классовъ, которыя выставляются разными психологами какъ элементы воли, то окажется, что эти явленія находятся къ волѣ въ одномъ изъ трехъ различныхъ отношеній: или предшествованія волѣ, или одновременности, или слѣдованія за нею.

Такъ, разныя ощущенія, воспріятія, представленія, чувства, которымъ приписывается свойство вызывать такую или иную волю, суть предшествующія явленія, а именно то, что принято называть мотивами воли; объ этихъ явленіяхъ или точнѣе о причинной связи воли съ ними должно существовать въ психологіи особое ученіе: о мотивахъ воли—особая проблема, съ которою намъ придется имѣть дѣло ниже; и такое ученіе фактически существуетъ; тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ не менѣе разныя сюда относящіяся явленія включаются въ само понятіе воли въ качествѣ ея составныхъ элементовъ.

Ощущеніе иннерваціонныхъ процессовъ (при предположеніи существованія такихъ ощущеній), ощущенія движеній и соотвѣтственныхъ усилій, какъ и самые иннерваціонные процессы и напряженія мускуловъ, должны быть отнесены къ послѣ-волевымъ процессамъ. Мы уже указывали, между прочимъ, что нельзя смѣшивать волю съ дѣйствіемъ; точно также нельзя дѣйствія считать элементомъ воли (какъ это сплошь и рядомъ дѣлается); тѣмъ болѣе неудачно причисленіе къ элементамъ воли того, что относится даже не къ дѣйствію, какъ таковому, а къ слѣдствіямъ дѣйствія: ощущенія движенія (и нѣкоторыя другія явленія, выставляемыя подчасъ въ качествѣ

*) Сверхъ того часто фигурируютъ въ качествѣ элементовъ волевыхъ явленій, напр., еще: 1) разныя сужденія, главнымъ образомъ, сужденія или совокупности сужденій (и умозаключеній) относительно средствъ, ихъ годности, вѣроятности достиженія цѣли и т. п., 2) борьба разныхъ мотивовъ, т. е. сочетаній чувствъ и представленій, 3) актъ выбора и рѣшенія; иногда, напр., въ ученіи Вундта, составнымъ элементомъ воли выставляются и аффекты, и проч. и проч.

элементовъ воли, напр., чувство удовольствія, удовлетворенія, связанное съ реализаціей воли) суть именно послѣдствія дѣйствія воли, послѣдствія движенія и т. д.

Между прочимъ, даже при весьма невнимательномъ отношеніи къ началамъ логики, методологіи и къ научной терминологіи, едва ли какой либо психологъ сталъ бы включать какое нибудь предъ- или послѣ-волевое психическое явленіе въ составъ воли, какъ ея составной элементъ, если бы онъ замѣтилъ, что это явленіе бываетъ отдѣлено извѣстнымъ промежуткомъ времени отъ переживанія самой воли; напр., то предыдущее, которое бы иногда наблюдалось на часъ или день раньше, или то послѣдующее, которое наблюдалось бы на часъ или день позже переживанія воли, всякій сумѣлъ бы и логически ясно отдѣлить отъ самой воли. Въ виду этого (и для уясненія природы воли вообще) не безынтересно подчеркнуть, что обычно предполагаемая фактическая неразрывность явленій, возводимыхъ въ элементы «сложнаго», но «единаго» явленія «воли», на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

Воля соединяется часто съ представленіемъ условія или срока, при наступленіи коихъ должно совершиться задуманное дѣйствіе, напр., воля въ случаѣ такого-то вопроса отвѣтить такъ-то, воля сдѣлать что либо въ такой-то день такого-то мѣсяца (условно и сокращенно можно назвать такія явленія условною и срочною волею); само представленіе дѣйствія имѣетъ часто характеръ пока неопредѣленный, подлежащее исполненію дѣйствіе точнѣе опредѣляется лишь будущими условіями, напр., воля сдѣлать со своей стороны «все, что окажется необходимымъ»..., «что прикажетъ начальникъ», «о чемъ попроситъ другъ» и т. п. («неопредѣленная воля»); условная, срочная и неопредѣленная воли могутъ имѣть своимъ предметомъ не однократное, а многократное совершеніе чего либо—при всякомъ наступленіи сроковъ или условій, напр., воля «каждое воскресенье дѣлать то-то», «впредь всегда исполнять велѣнія родителей» («многократная» воля). Въ приведенныхъ случаяхъ воля послѣ своего появленія исчезаетъ, какъ актуальное переживаніе, а затѣмъ при наступленіи срока или условія или при всякомъ возвращеніи сроковъ или условій вновь появляется соотвѣтственная воля, впрочемъ, обыкновенно уже въ качествѣ безусловной, безсрочной, опредѣленной, однократной; причемъ обыкновенно для этого достаточно появленія въ сознаніи чего либо, напоминающаго о наступленіи срока или условія; въ частности не требуется повторенія тѣхъ размышленій, внутренней борьбы и т. п., вообще тѣхъ мотивационныхъ процессовъ, которые вызвали состоявшееся прежде рѣшеніе; дѣло вообще обходится безъ особыхъ переживаній мотивовъ. Эти, всякому извѣстныя и легко могущія быть вновь удостовѣренными и изученными путемъ простой или экспериментальной интроспекціи, явленія весьма поучительны для психологіи воли въ различныхъ направленіяхъ, если изъ нихъ сдѣлать надлежащіе выводы (ср. ниже). Здѣсь мы ограничимся констатированіемъ наличности въ этихъ случаяхъ 1) воли безъ дѣйствія (поступка), 2) воли безъ мотивовъ. Первая воля въ такихъ случаяхъ, очевидно, не исполняется или и не можетъ исполняться, напр., вслѣдствіе неизвѣстности того, что собственно придется сдѣлать (поэтому не можетъ быть и рѣчи объ «иннерваціи» моторныхъ нервовъ, о мускульныхъ сокращеніяхъ и соотвѣтствен-

ныхъ ощущеніяхъ, объ удовольствіи отъ исполненія и т. п.); послѣдующія же, иногда многочисленныя, воли, вызывающія соотвѣтственные поступки, возбуждаются не мотивами (о природѣ этихъ процессовъ ниже), а совсѣмъ инымъ путемъ; результатомъ первой воли, точнѣе перваго актуальнаго сочетанія воли съ представленіями дѣйствій, сроковъ, условій и т. д., бываетъ соотвѣтственная познавательно-волевая диспозиція, диспозитивная ассоціація; и на почвѣ этой сложной диспозиціи впослѣдствіи (по общему установленному выше закону смежности) актуальныя воспріятія или представленія, соотвѣтствующія диспозитивнымъ представленіямъ, ассоціированнымъ съ диспозитивною волею (напр., воспріятіе наступленія вечера, если прежде рѣшено что либо сдѣлать вечеромъ), вызываютъ появленіе соотвѣтствующихъ волевыхъ переживаній *).

Въ отношеніи одновременности съ волею находится представленіе того дѣйствія или тѣхъ дѣйствій, которыя имѣется въ виду исполнить **). Воля нормально переживается нами не въ отдѣльности, а въ сочетаніи съ этого рода представленіями; мы переживаемъ не волю просто, а волю что нибудь сдѣлать (или чего либо не дѣлать), и даже воля просто, безъ дополнительнаго представленія того, на что она направлена, можетъ показаться чѣмъ то нелѣпымъ, а потому и невозможнымъ. Но въ дѣйствительности бываетъ и «нелѣпое», не имѣющее разумнаго практическаго смысла, бываетъ и воля просто, безъ представленія того, что надо сдѣлать. Всякому изъ прежняго внутренняго опыта, вѣроятно, извѣстны такіе случаи, когда мы, возымѣвъ волю что нибудь сдѣлать и даже начавъ исполненіе, вдругъ оказываемся въ «нелѣпомъ», а во всякомъ случаѣ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе того, что мы «забыли» (вслѣдствіе пробѣжавшей иной какой либо мысли и т. п.), что собственно мы имѣли въ виду совершить; воля есть, но предъ нею, такъ сказать, многоточіе или вопросительный знакъ, и появляется непріятное чувство, сопровождающее волю, стремящуюся къ разряду, но не находящую такового за неизвѣстностью пути, по которому онъ долженъ направиться. Это, пожалуй, лучшіе случаи для того, чтобы ознакомиться съ феноменомъ воли и научиться, съ одной стороны, не смѣшивать этого явленія съ другими, а съ другой стороны, представлять его себѣ ясно и раздѣльно, не припутывая посторонніхъ (познавательныхъ и чувственныхъ) примѣсей.

Какъ бы то ни было, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ волею будемъ разумѣть не смѣси разныхъ элементовъ психической жизни, а намѣ-

---

*) Вообще въ психологіи для изученія разныхъ родовъ, видовъ и т. д. психическихъ переживаній весьма важно и необходимо подбирать такой исходный эмпирическо-индуктивный матеріалъ, чтобы отдѣлялось и удалялось все несущественное.

**) Между прочимъ, тѣ психологи, которые въ своихъ ученіяхъ о волѣ выдвигаютъ этотъ элементъ, обыкновенно говорятъ не о представленіи дѣйствія просто, а о представленіи движеній или „представленіяхъ тѣхъ ощущеній, которыя субъектъ испытаетъ, когда произведетъ данное движеніе“ (Джемсъ и др.), и на предположеніи необходимости такихъ представленій строятъ свои конструкціи „воли“. Кромѣ логическихъ дефектовъ такія ученія содержатъ въ себѣ несомнѣнно и заблужденіе фактическаго свойства: какъ показываютъ приведенные выше примѣры, особенно примѣръ „неопредѣленной воли“, о представленіи всякій разъ движеній или ощущеній движенія не можетъ быть рѣчи.

ченные нами простые (не сложные) феномены сознанія чисто активнаго (стремительнаго) характера, въ качествѣ особыхъ элементовъ (простѣйшихъ, не допускающихъ анализа, разложенія на дальнѣйшіе составные элементы, составныхъ частей) психической жизни *).

На почвѣ указаннаго выше хаоса и множества смѣшеній понятій, связанныхъ съ самимъ понятіемъ воли, естественно и разныя дальнѣйшія разсужденія и утвержденія о волѣ представляютъ весьма хаотическій видъ. Въ качествѣ наиболѣе рѣзкаго проявленія господствующей въ психологіи воли научной неурядицы нелишне здѣсь отмѣтить существованіе въ современной психологіи слѣдующихъ двухъ радикально противоположныхъ другъ другу ученій: 1) ученія, именуемаго волюнтаризмомъ и состоящаго въ усматриваніи вездѣ и во всемъ въ психической жизни наличности и рѣшающаго значенія воли; 2) ученія, нигдѣ не усматривающаго наличности воли, какъ особаго элемента психической жизни, отрицающаго вообще существованіе такого особаго элемента и могущаго быть названнымъ аволюнтаризмомъ или волевымъ нигилизмомъ; разные представители этого отрицательнаго направленія достигаютъ удаленія воли, какъ особаго элемента психической жизни, разными средствами; одни, какъ напр. Вундтъ (котораго, впрочемъ, другіе и онъ самъ считаютъ волюнтаристомъ, но котораго слѣдуетъ, напротивъ, признать волевымъ нигилистомъ, ср. ниже), сводятъ волю къ комбинаціи чувственныхъ и познавательныхъ элементовъ и признаютъ только два рода элементовъ психической жизни, а именно, ощущенія и чувства; другіе сводятъ волю къ ощущеніямъ движенія или иннерваціоннымъ «ощущеніямъ», третьи—къ представленіямъ движенія, и т. п. Собственно говоря, эти ученія, при всей ихъ противоположности по содержанію, сродныя научныя (или ненаучныя) явленія. Смѣшеніе воли съ разными иными явленіями и привнесеніе въ нее разныхъ постороннихъ примѣсей ведутъ легко и къ нахожденію воли вездѣ и къ отождествленію воли съ этими примѣсями, т. е. къ отрицанію воли, какъ особаго, отличнаго отъ этихъ примѣсей, психическаго феномена. Есть и такія своеобразныя ученія въ современной психологіи, которыя считаютъ себя волюнтаристическими и, сообразно съ этимъ, стремятся вездѣ, гдѣ можно и гдѣ нельзя, усмотрѣть наличность воли, а затѣмъ въ отдѣлѣ, посвященномъ «анализу воли», сводятъ волю къ познанію и чувству, т. е. оказываются волевымъ нигилизмомъ. Сюда именно относится ученіе Вундта и разныхъ его послѣдователей.

Что касается классификаціи волевыхъ явленій, подраздѣленій воли на виды, разновидности и т. д., то, если оставить въ сторонѣ спонтанныя движенія и рефлексы, выставляемые иногда и въ области классификаціи какъ особые виды воли, обычнымъ и господствующимъ въ современной психологической доктринѣ является дѣленіе волевыхъ явленій на два вида:

---

*) И теперешніе психологи обыкновенно начинаютъ разговоръ о волѣ съ сообщенія, что къ элементамъ, т. е. простѣйшимъ, не допускающимъ разложенія, составнымъ частямъ, психической жизни наряду съ простыми ощущеніями и простыми чувствами относится воля, но затѣмъ они считаютъ долгомъ непремѣнно заняться „анализомъ“ воли, т. е. найти въ ней или придумать къ ней разные „элементы“.

1. Инстинкты (или «смутныя стремленія», Triebe), куда относятъ въ качествѣ двухъ главныхъ, основныхъ: инстинктъ самосохраненія (Selbsterhaltungstrieb) и инстинктъ сохраненія рода, родосохраненія (Arterhaltungstrieb); сверхъ того въ сферѣ самосохраненія различаютъ разные частные инстинкты: инстинктъ отысканія и добыванія пищи, вообще инстинктъ питанія (Nahrungstrieb), инстинктъ самозащиты (Schutztrieb), инстинктъ игры (Spieltrieb) и разные другіе; въ сферѣ сохраненія рода обыкновенно упоминается половой инстинктъ и материнскій инстинктъ.

2. «Сознательную волю» или «волю въ тѣсномъ смыслѣ», въ «собственномъ» смыслѣ и т. п.

Относительно инстинктовъ существуетъ громадная литература, исходящая отъ представителей разныхъ областей науки (и популяризаціи знанія): общей психологіи, психологіи животныхъ (между прочимъ, дисциплины, посвященной главнымъ образомъ именно инстинктамъ), зоологіи, біологіи, философіи *). Всѣ исходятъ изъ того, что существуютъ такія особыя явленія, которыя обозначаются именемъ инстинкта, что они, особенно т. н. «инстинктъ самосохраненія», играютъ громадную роль въ жизни, что дѣло идетъ здѣсь о чемъ-то такомъ, что передается по наслѣдству изъ поколѣній въ поколѣнія животныхъ, и что проявленія инстинктовъ (инстинктивныя дѣйствія) весьма, подчасъ удивительно и поразительно, цѣлесообразны; но что такое собственно эти «инстинкты», это до сихъ поръ спорная и научно нерѣшенная проблема. По этому вопросу высказываются весьма разнообразныя мнѣнія и предположенія **).

Можно различать три категоріи ученій: 1) теоріи механической природы инстинктовъ, т. е. ученія, по которымъ дѣло идетъ о тѣлесныхъ движеніяхъ, происходящихъ безъ всякаго участія воли и сознанія вообще (въ качествѣ рефлексовъ); 2) теоріи разумности инстинктовъ, ученія, радикально противоположныя первымъ и усматривающія въ инстинктахъ сознательно цѣлесообразную волю и проявленіе высокаго уровня интеллектуальныхъ способностей; 3) разныя среднія мнѣнія, указывающія общимъ образомъ, что инстинкты «болѣе сознательны», чѣмъ рефлексы,

*) Преобладающая масса этой литературы имѣетъ, впрочемъ, весьма ненаучный характеръ и состоитъ въ наборѣ (безъ системы и разбора) массы разныхъ, не всегда заслуживающихъ довѣрія, „фактовъ“ изъ жизни животныхъ и въ поверхностныхъ и немотодичныхъ толкованіяхъ этихъ „фактовъ“ и общихъ разсужденіяхъ.

**) Между прочимъ и разныя предположенія мистическаго и фантастическаго характера. Нѣкоторые мыслители говорятъ по этому поводу о безсознательной, превосходящей по мудрости своей сознательную, душевной дѣятельности; нѣкоторые предполагаютъ существованіе особаго родового интеллекта, разума рода (въ отличіе отъ индивидуальнаго разума), или усматриваютъ въ инстинктахъ проявленія „памяти“ органическаго вещества, или знаній, скопляемыхъ и совершенствуемыхъ рядами поколѣній и передаваемыхъ въ готовомъ видѣ дальнѣйшимъ поколѣніямъ по наслѣдству, и т. п.

и «менѣе сознательны», чѣмъ воля*), или же стремящіяся дать въ такомъ же направленіи болѣе опредѣленныя указанія **).

Съ точки зрѣнія первыхъ двухъ крайнихъ ученій, объ инстинктахъ какъ особой разновидности воли не можетъ быть рѣчи вслѣдствіе совпаденія ихъ или съ рефлексами, или съ «сознательною волею». Въ литературѣ по общей психологіи преобладаютъ среднія мнѣнія и соотвѣтствующее признаніе наличности двухъ видовъ воли.

Если оставить въ сторонѣ неопредѣленно-количественныя ученія и остановиться на тѣхъ, которыя указываютъ опредѣленныя различія между инстинктами и волею въ тѣсномъ смыслѣ, то здѣсь можно различать три главныя ученія:

1) Инстинкты представляютъ волю безъ сознанія той цѣли, для которой предпринимаются дѣйствія (впрочемъ, нерѣдко говорится: «безъ яснаго сознанія» цѣли), между тѣмъ какъ волѣ въ тѣсномъ смыслѣ свойственно сознаніе (ясное сознаніе) цѣли.

2) Инстинкты представляютъ волю, мотивами которой служатъ низшія чувства (sinnliche Gefühle), между тѣмъ какъ воля въ «собственномъ» или «высшемъ» смыслѣ есть воля, мотивированная высшими чувствами (чувствами, соединенными не съ ощущеніями, а съ представленіями).

3) Инстинкты (Triebe) представляютъ волю, опредѣляемую однимъ какимъ либо мотивомъ, «простую волю», въ отличіе отъ «сложной воли», воли, опредѣляющейся сочетаніемъ или борьбою нѣсколькихъ мотивовъ ***).

---

*) Иногда, впрочемъ, эти неопредѣленно-количественныя указанія «болѣе» и «менѣе» касаются не только степени «сознательности», ср., напр., Гефдингъ, цит. соч., стр. 418: „Поскольку можно провести границу между рефлексами и инстинктами, эта граница должна быть опредѣлена такъ, что инстинктъ болѣе сложенъ, болѣе активенъ и болѣе сознателенъ, чѣмъ рефлексъ“ (mehr zusammengesetzt, mehr aktiv und mehr bewusst).

**) Указаннымъ тремъ категоріямъ взглядовъ на природу инстинктовъ соотвѣтствуютъ вообще воззрѣнія на психику животныхъ и ея отношеніе къ психикѣ человѣка. Нѣкоторые видятъ въ животныхъ существа, лишенныя „разума“ или „души“ вообще, механизмы съ цѣлесообразно приноровленными рефлексами (такого мнѣнія держался между прочимъ Декартъ). Другіе, напротивъ, приписываютъ животнымъ всѣ тѣ высшія психическія способности, которыя свойственны человѣку (не исключая, между прочимъ, напр., и нравственности и т. п.). Третьи держатся разныхъ mediae sententiae. Со времени Дарвина вообще преобладаетъ тенденція отрицать принципіальныя, качественныя различія между психикою человѣка и прочихъ животныхъ и признавать только количественныя различія, различія въ степени развитія разныхъ способностей. Самъ Дарвинъ приписывалъ животнымъ большой умъ, нравственность и т. д.

***) Ср., напр., Wundt, Grundriss der Psychologie, 5-е изд. 1902, стр. 223 и сл. Слѣдуетъ, впрочемъ, спеціально по поводу нѣмецкой литературы отмѣтить, что здѣсь проявляется стремленіе различать не двѣ, а три разновидности волевыхъ явленій. Дѣло въ томъ, что въ нѣмецкомъ языкѣ наряду съ реципированнымъ иностраннымъ словомъ «инстинктъ» существуетъ еще чисто нѣмецкое, уже упомянутое въ текстѣ, слово «Trieb». Выраженію инстинктъ самосохраненія соотвѣтствуетъ чисто нѣмецкое выраженіе Selbsterhaltungstrieb и т. д. И вотъ многіе нѣмецкіе психологи, соотвѣтственно этой наличности двухъ различныхъ словъ, считаютъ нужнымъ различать и двѣ категоріи низшихъ волевыхъ явленій: Instinkte и Triebe, причемъ и это различіе разными психологами опредѣляется различно. Это осложне-

Для сознательно-критическаго отношенія къ этимъ ученіямъ и вообще къ современной психологіи воли и инстинктовъ слѣдуетъ различать два вопроса:

1) Вопросъ о научно-методической правильности дѣленія феноменовъ воли на два класса сообразно предлагаемымъ критеріямъ. Фактически бываютъ случаи, что при наличности воли есть и сознаніе (или «ясное сознаніе») цѣли, а бываетъ и такъ, что такого сознанія нѣтъ; равнымъ образомъ, къ процессамъ мотиваціи воли иногда относятся «низшія», иногда «высшія» чувства, иногда воля опредѣляется однимъ мотивомъ, а иногда двумя, тремя и т. д. Но это различія, касающіяся не самой воли, какъ таковой, а представленій или чувствъ, подъ вліяніемъ коихъ возникаетъ воля. Дѣленіе воли на разные виды по этимъ обстоятельствамъ основывается на неправильномъ привнесеніи въ волю разныхъ посторонніхъ элементовъ. О методически правильномъ дѣленіи воли на виды могла бы быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы психологи нашли и указали различія между разными феноменами воли, какъ таковой, и при томъ такія различія, которыя давали бы почву для построенія соотвѣтственныхъ, различныхъ адэкватныхъ теорій. Такъ какъ такихъ различій не указывается, то слѣдуетъ признать, что научнаго дѣленія воли на виды не существуетъ. Есть только одинъ классъ «воля», не поддающійся (или не поддающійся пока) дѣленію на научные подъ-классы *).

2) Вопросъ о томъ, что соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, въ частности въ реальной психикѣ животныхъ, традиціоннымъ выраженіямъ:

ніе, вводимое и въ нѣмецкой психологіи не всѣми и не существующее въ тѣхъ литературахъ, гдѣ нѣтъ выраженія „Trieb“, мы оставляемъ въ текстѣ въ сторонѣ. Реально-научной почвы для него нѣтъ (ср. ниже). Оно интересно главнымъ образомъ лишь какъ иллюстрація значенія словъ въ современной психологіи.

*) Предлагаемыя приведенными ученіями различія можно было бы, впрочемъ, утилизировать для классификаціи не воли, какъ таковой, а болѣе сложныхъ процессовъ, состоящихъ изъ мотивовъ + воли; но для этого нужно было бы доказать, что соотвѣтственная классификація имѣетъ какой либо научный смыслъ, даетъ почву для какихъ либо адэкватныхъ теорій. Въ современной психологіи, какъ, впрочемъ, и въ разныхъ другихъ наукахъ, замѣчается тенденція создавать классы безъ всякой методическо-научной цѣли; обыкновенно поводомъ (но не научнымъ оправданіемъ) для этого служитъ наличность въ языкѣ особыхъ словъ, названій, именъ; разъ есть особое имя, то предполагается существованіе особаго класса и таковой придумывается. Но иногда производство совершенно ненужныхъ, а во всякомъ случаѣ научно не оправдываемыхъ, классовъ предпринимается и безъ такихъ, лингвистическихъ поводовъ. Напр., Вундтъ предлагаетъ, сверхъ дѣленія волевыхъ явленій и „завершающихъ ихъ движеній“ на два вида („Triebhandlungen“ и „Willkürhandlungen“), смотря по тому, имѣется ли одинъ или болѣе мотивовъ, еще дѣленіе „сложныхъ волевыхъ явленій“ (т. е. исходящихъ не изъ одного мотива) на два вида, смотря по тому, „замѣчается ли ясно (deutlich wahrnehmbar) борьба противоположныхъ мотивовъ“, въ каковомъ случаѣ по его терминологіи имѣется налицо „Wahlvorgang“, „Wahlhandlung“ (выборъ, дѣйствіе по выбору), или соотвѣтственнаго „яснаго“ сознанія нѣтъ (а есть, напр., только „темное сознаніе“, „dunkel bewusst“), каковые случаи онъ называетъ „Willkürhandlungen“ (произвольными дѣйствіями) просто (Grundriss der Psychologie, 5-е изд., 1902, стр. 223 и сл.). Для чего нужно осложнять изложеніе и обременять память этими „классификаціями“ и особыми названіями, авторъ не объясняетъ.

инстинктъ самосохраненія (Selbsterhaltungstrieb), инстинктъ самозащиты и т. п. Какъ увидимъ ниже, ни одно изъ предлагаемыхъ ученій не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; инстинкты вовсе не рефлексы, но и не воля, и вообще вопросъ о природѣ инстинктовъ на почвѣ современной классификаціи элементовъ психической жизни (дѣленія ихъ на познаніе, чувство и волю) не можетъ найти удовлетворительнаго рѣшенія. Хаотическое состояніе ученія объ инстинктахъ имѣетъ причиною тотъ же (подлежащій выясненію ниже) основной порокъ современной психологической классификаціи, что и не менѣе безотрадное состояніе ученія о чувствахъ, объ аффектахъ и проч.

---

§ 11. Вопросы о свободѣ воли и мотивахъ поведенія въ современной психологіи.

Весьма важнымъ и требующимъ особаго разсмотрѣнія вопросомъ психологіи воли является проблема о мотивахъ воли, т. е. тѣхъ психическихъ факторахъ, которые побуждаютъ насъ къ такимъ или инымъ волевымъ актамъ и поступкамъ.

Здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на коренное разногласіе по вопросу о «свободѣ воли», называемому также «проблемою воли» или «проблемою свободы» просто. Вопросъ этотъ имѣетъ громадную литературу (о немъ толкуютъ кромѣ психологовъ также философы, моралисты, юристы, особенно криминалисты). Литература эта, впрочемъ, не двигаетъ вообще вопроса впередъ и состоитъ главнымъ образомъ въ безконечномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же, не убѣждающихъ противниковъ, аргументовъ за и противъ.

Существо спора о свободѣ воли сводится къ слѣдующему:

Одни утверждаютъ, что наша воля и поступки всегда опредѣляются («детерминируются») существующими побужденіями, мотивами или, въ случаѣ нѣсколькихъ побужденій съ разными направленіями, сильнѣйшими изъ наличныхъ мотивовъ. Это ученіе называется детерминизмомъ. Такъ какъ наличные мотивы и ихъ сравнительная сила, въ свою очередь, причинно опредѣляются предшествующими обстоятельствами — наслѣдственностью, воспитаніемъ, общественными вліяніями и прочими обстоятельствами жизни,—то всякій поступокъ человѣка представляетъ, по ученію детерминистовъ, необходимый и неизбѣжный результатъ предшествующихъ условій и могъ бы быть предсказанъ тѣмъ, кто зналъ бы всѣ эти условія и умѣлъ опредѣлить и высчитать ихъ дѣйствія.

Другіе отрицаютъ этотъ тезисъ и утверждаютъ, что воля не всегда или не всецѣло опредѣляется наличными побужденіями, что намъ, напротивъ, присуща свобода воли, т. е. способность выбора того или иного рѣшенія и поведенія, независимо отъ психическихъ предшествующихъ (т. е. внѣ причинной связи и необходимости). Это ученіе называется индетерминизмомъ.

Аргументы индетерминистовъ имѣютъ отчасти теоретическій, отчасти практическій характеръ.

Теоретическій характеръ имѣетъ ссылка на свидѣтельство самосознанія. Мы сознаемъ (обыкновенно неточно говорится «чувствуемъ») себя свободными поступать такъ или иначе; избравъ такое или иное поведеніе, мы потомъ нерѣдко раскаиваемся въ сдѣланномъ нами, ибо мы сознаемъ, что мы могли поступить и иначе.

Противъ этого аргумента совершенно справедливо возражаютъ детерминисты, что онъ доказываетъ лишь наличность въ насъ вѣры въ свободу воли, но отнюдь не доказываетъ того, что эта вѣра правильна, что она не представляетъ заблужденія. Вопросъ именно идетъ о правильности или ошибочности вѣры въ свободу воли *).

Практическій характеръ имѣютъ указанія индетерминистовъ на разныя, по ихъ мнѣнію, вредныя и опасныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ признаніе несвободы воли: если поступки человѣка съ необходимостью предопредѣлены наслѣдственностью, воспитаніемъ и т. д., то исчезаетъ смыслъ и основаніе отвѣтственности, вмѣненія злыхъ дѣяній въ вину и наказанія, а равно и признанія заслугъ, похвалы и наградъ; нельзя порицать и наказывать человѣка за то, что ему пришлось родиться отъ такихъ родителей, вращаться въ такой средѣ и т. д., что онъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться преступникомъ и проч.

Детерминисты оспариваютъ эту зловредность своего ученія, какъ мнимую, и утверждаютъ съ своей стороны, что именно признаніе свободы воли ведетъ къ разнымъ практически несообразнымъ послѣдствіямъ. Для порицанія и похвалы, наказанія и награды вовсе не требуется предположенія свободы воли. Мы хвалимъ красивые и полезные предметы за ихъ красоту и полезность, порицаемъ и стараемся удалять и уничтожать некрасивое и вредное, напр., грязь, сорныя травы, вредныхъ насѣкомыхъ, совершенно не спрашивая о томъ, зависѣло ли отъ свободной воли этихъ предметовъ имѣть такія или иныя свойства. Изъ того, что преступленіе естественный и необходимый продуктъ предшествующихъ условій, вовсе не вытекаетъ, что общество должно спокойно терпѣть эти вредныя явленія и тѣмъ размножать ихъ количество; напротивъ, оно должно защищаться отъ нихъ такъ же, какъ отъ эпидемическихъ и прочихъ болѣзней, и эта защита только при томъ условіи и можетъ быть успѣшна, что воля и поведеніе не зависятъ отъ случая, не находятся внѣ законовъ причинной связи, а, напротивъ, подвержены закономѣрному вліянію соотвѣтствующихъ воздѣйствій. Вообще практическимъ аргументамъ индетерминизма сторонники ученія о несвободѣ воли противополагаютъ съ

*) Иногда, впрочемъ, детерминисты отрицаютъ и то, что намъ присуще „чувство» (сознаніе) свободы: самосознаніе наше „говоритъ“ намъ лишь то, что къ факторамъ, опредѣляющимъ нашу жизнь и наше поведеніе, относится и наша воля, наши желанія и рѣшенія, что мы приходимъ въ движеніе не вслѣдствіе внѣшнихъ воздѣйствій только, какъ машины, а вслѣдствіе внутреннихъ импульсовъ.

своей стороны цѣлый рядъ такихъ же аргументовъ въ противоположномъ направленіи. Если бы воля человѣка не опредѣлялась мотивами, воспитаніемъ и т. д., то какой смыслъ былъ бы заниматься воспитаніемъ и вообще примѣнять такія или иныя средства воздѣйствія на волю другихъ? Въ концѣ концовъ, вѣдь, дѣло зависѣло бы отъ случая, не поддающагося учету и вліянію съ нашей стороны *) и т. д.

По поводу этихъ и т. п. аргументовъ, какъ индетерминистовъ, такъ и детерминистовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что они накакого научнаго значенія для рѣшенія обсуждаемаго вопроса не имѣютъ и должны быть признаны ненаучными съ методологической точки зрѣнія. Теоретическіе вопросы, вопросы о томъ, что есть или бываетъ, нельзя рѣшать соображеніями о томъ, что наличность того, о чемъ говорится, или признаніе этой наличности, ведетъ къ такимъ или инымъ практическимъ, желательнымъ или нежелательнымъ, удобнымъ, полезнымъ или неудобнымъ, вреднымъ, опаснымъ и т. п. послѣдствіямъ (методологическій промахъ смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія, ср. выше стр. 53 и сл.).

Главный и основной аргументъ детерминизма состоитъ въ ссылкѣ на законъ причинной связи. Иногда это дѣлается въ такой формѣ, что дескать все въ мірѣ подлежитъ закону причинной связи, это всеобщій законъ всего существующаго; слѣдовательно, и воля подлежитъ этому закону, между тѣмъ существо ученія индетерминистовъ сводится къ тому, что воля представляетъ какое-то чудо, находится внѣ этого общаго закона природы. Но это соображеніе представляетъ явный и наивный логическій кругъ (petitio principii). Конечно, если законъ причинной связи всеобщъ, т. е. распространяется на все, въ томъ числѣ и волю, то онъ распространяется на волю. Но вопросъ именно и состоитъ въ томъ, имѣетъ ли онъ всеобщее значеніе, распространяется ли онъ на все, въ томъ числѣ на волю **). Въ новѣйшее время ссылки детерминистовъ на причинность имѣютъ обыкновенно иную, свободную отъ указаннаго логическаго порока, форму. Вообще теперешніе передовые мыслители говорятъ обыкновенно не о «законѣ», а о «постулятѣ» причинной связи. Доказать эмпирически всеобщее значеніе причинной связи, говорятъ они, невозможно. Но безъ признанія всеобщаго значенія причинной связи невозможно научное изслѣдованіе и мышленіе. Всякое научное пониманіе и объясненіе сводится къ выясненію и установленію причинной связи. Поэтому, если мы желаемъ достигнуть научнаго пониманія явленій, мы должны исходить изъ наличности всеобщей причинной необходимости. Признаніе всеобщаго значенія причинной связи есть постулятъ (требуемое, необходимое условіе) всякаго научнаго мышленія.

---

*) Между прочимъ, индетерминисты обыкновенно вовсе не идутъ такъ далеко, чтобы вполнѣ отрицать значеніе мотивовъ и, стало быть, воспитанія и иныхъ вліяній. Они только отрицаютъ абсолютное значеніе этихъ факторовъ.

**) То же относится къ встрѣчающейся иногда ссылкѣ на т. н. законъ сохраненія энергіи.

Со времени Канта, который обосновывалъ и отстаивалъ разными иными средствами недоказуемыя положенія, какъ «постуляты практическаго разума», и т. п., особенно же въ новѣйшее время «возвращенія къ Канту» (т. н. неокантіанства) оперированіе «постулятами», т. е. возведеніе въ истины разныхъ положеній на томъ основаніи, что признаніе ихъ правильности требуется для удовлетворенія такой или иной практической потребности (напр., потребности въ «пониманіи природы», «единствѣ міросозерцанія» и т. п.) — представляетъ вообще весьма модное и считаемое передовымъ занятіе въ философіи и разныхъ другихъ наукахъ *). Особенно популяренъ постулятный методъ въ новѣйшей литературѣ логики **). Тѣмъ не менѣе этотъ «методъ» слѣдуетъ признать ненаучнымъ съ элементарно-логической точки зрѣнія. Нелогично, нелѣпо обосновывать наличность чего либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой формы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово «постулятъ» и авторитетный образецъ — философія Канта ***).

---

*) Между прочимъ и свободу воли разные мыслители отстаиваютъ путемъ объявленія ея „постулятомъ“ нравственности или „воли“ и т. п. Родоначальникомъ постулятнаго ученія о свободѣ воли является Кантъ. По его ученію, нравственность предполагаетъ необходимо свободную, автономную волю, независимую отъ фактическихъ мотивовъ, заставляющихъ человѣка стремиться къ удовольствіямъ, къ счастію, а не къ исполненію нравственнаго долга. Поэтому необходимо принять свободу воли какъ постулятъ нравственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ исходилъ изъ признанія причинной связи, какъ такой общей и необходимой категоріи нашего мышленія, безъ которой невозможно опытное познаніе. Противорѣчіе, которое отсюда получается, Кантъ пытается устранить тѣмъ, что онъ необходимость резервируетъ для опытно познаваемаго, эмпирическаго міра, а свободу помѣщаетъ въ метафизическій, „умопостигаемый“ міръ. Въ эмпирическомъ мірѣ воля человѣка подчинена закону причинной связи и опредѣляется всегда стремленіемъ къ счастію. Но человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ является въ качествѣ „умопостигаемаго характера“ членомъ сверхчувственнаго міра и здѣсь онъ свободное существо; такою умопостигаемою свободою объясняется, по мнѣнію Канта, отвѣтственность, совѣсть и т. д. Теперешніе сторонники признанія свободы воли, какъ постулята нравственности или воли вообще, обыкновенно постулируютъ эту свободу для „эмпирическаго міра“ и не прибѣгаютъ къ придумыванію для эмпирическихъ людей метафизическихъ двойниковъ и т. п.

**) Большое вліяніе въ этомъ направленіи оказалъ знаменитый трактатъ Зигварта (Sigwart, Logik). Въ основѣ его лежитъ тенденція построить логику вообще на постулятахъ, ср. ниже.

***) Что бы мы сказали о такомъ охотникѣ, который бы, заглянувъ на мѣстѣ охоты въ сумку и увидѣвъ, что тамъ нѣтъ зарядовъ, успокоилъ себя разсужденіемъ: я явился на охоту и имѣю въ виду стрѣлять дичь, но для этого необходимо постулировать наличность зарядовъ, независимо отъ того, есть ли они фактически въ сумкѣ или я ихъ забылъ дома; если я желаю охотиться, я долженъ необходимо исходить изъ наличности зарядовъ. Стрѣляніе такими, постулятными, зарядами было бы невиннымъ, въ частности совершенно безопаснымъ для дичи, занятіемъ; но если такимъ дѣломъ занимаются философы и ученые, въ томъ числѣ и авторитетнѣйшіе логики, у которыхъ другіе обучаются образцовому научному мышленію, то это не невинное явленіе. Между прочимъ, Зигвартъ кладетъ въ основаніе своей логики „постулятъ“ общей необходимости, но въ концѣ книги касается и проблемы свободы, которая „есть субъективный постулятъ воли“ (Freiheit, die das subjektive Postulat des Wollens ist“, Logik II § 105, стр. 760). Казалось бы, слѣдовало удо-

Единственно логически правильнымъ отношеніемъ къ вопросамъ о причинной связи и о свободѣ воли съ точки зрѣнія общихъ соображеній о причинной связи представляется намъ слѣдующее:

Аподиктически утверждать всеобщность закона причинной связи въ природѣ мы не можемъ; аргументы, которые приводятся въ пользу такого утвержденія, не имѣютъ характера научнаго доказательства. Но можно (вмѣсто ненаучнаго «постулята причинной связи» и т. п.) признать съ научнымъ основаніемъ правильнымъ слѣдующее положеніе: всеобщность

вольствоваться однимъ изъ этихъ прямо и явно другъ другу противорѣчащихъ постулятовъ, въ частности тѣмъ, въ которомъ больше надобности, который болѣе postulatur (требуется) или вообще больше понравится. Но оказывается, что въ такомъ самоограниченіи въ области пользованія постулятами нѣтъ необходимости. Заключительныя слова логики Зигварта гласятъ: „Все наше отношеніе къ основнымъ проблемамъ логики не исключаетъ міросозерцанія, которое въ качествѣ наиболѣе фундаментальнаго факта нашего самосознанія находитъ волю и съ этой точки зрѣнія имѣетъ задачею разрѣшить глубочайшую проблему философіи, опредѣлить отношеніе принциповъ нравственности къ принципамъ познанія. Если послѣдніе имѣютъ такую природу, какую мы имъ приписали, т. е. представляютъ постуляты, то они оставляютъ открытою возможность, которая была бы исключена, если бы мы принуждены были ихъ разсматривать какъ аксіомы".

Выражаясь проще, постуляты, кромѣ разныхъ другихъ качествъ, имѣютъ еще и то преимущество, что посредствомъ нихъ можно обосновать прямо противорѣчащія другъ другу положенія. Для однѣхъ надобностей годенъ постулятъ всеобщей необходимости, а для другихъ хорошъ постулятъ свободы воли.

Такъ какъ мы постулятный „методъ" считаемъ ненаучнымъ, нелогичнымъ въ своей основѣ, то лишенными научнаго значенія и не требующими частной и спеціальной критики признаемъ мы и всѣ соотвѣтственныя ученія и аргументаціи. Сюда относятся ученія о причинной связи, о всеобщей необходимости и т. п., какъ о постулятахъ научнаго мышленія, равнымъ образомъ и всякіе выводы изъ этихъ постулятовъ, какъ таковыхъ. Не исключается и ученіе о несвободѣ воли, какъ необходимомъ слѣдствіи постулята причинной связи, а равно и противоположный постулятъ, „постулятъ свободы" какъ въ формулировкѣ Канта, такъ и въ новѣйшихъ формахъ. Отмѣтимъ только, въ виду современнаго увлеченія постулятнымъ методомъ и большой роли его въ новѣйшей литературѣ, что соотвѣтственнымъ ученіямъ, кромѣ указаннаго основного логическаго порока, обыкновенно свойственны еще разныя другія ошибки и формы научной неосновательности. Если условно признать логически допустимымъ признаніе какого либо положенія правильнымъ на томъ основаніи, что это необходимо для достиженія чего либо другого, напр., для достиженія „единства міросозерцанія", для „цѣлей научнаго мышленія" и т. д., то для обоснованности всякаго постулятнаго ученія необходимо было бы еще требовать: 1) обоснованія того главнаго требованія, изъ за котораго выставляется данный постулятъ; 2) доказательства, что удовлетвореніе этого главнаго требованія необходимо предполагаетъ принятіе даннаго постулята, что иначе его удовлетвореніе невозможно. И вотъ внимательная критика постулятныхъ ученій съ точки зрѣнія этихъ двухъ пунктовъ показала бы, что и здѣсь господствуетъ произволъ. Совершенно произвольно, напр., утвержденіе, будто невозможно построеніе науки безъ признанія всеобщей причинной зависимости. Многія науки вообще состоятъ изъ положеній, не имѣющихъ вообще никакого отношенія къ причинной связи (ср. напр., математическія науки, разныя научныя утвержденія чисто фактическаго свойства, напр., историческія, географическія науки и т. п., науки, излагающія правила обязательнаго поведенія, нормы права, нравственности, ср. ниже...). Затѣмъ, для тѣхъ наукъ и научныхъ положеній, которыя дѣйствительно имѣютъ дѣло съ причинною связью и причиннымъ объясненіемъ, интересна соотвѣтственная спеціальная причинная зависимость, а не „всеобщая", напр., для громаднаго боль-

причинной связи вѣроятна. Основаніемъ этого положенія является состояніе достигнутаго нами знанія причинныхъ связей въ природѣ и исторія соотвѣтственныхъ познавательныхъ успѣховъ. По мѣрѣ совершенствованія техники научнаго мышленія и соотвѣтственнаго обогащенія и укрѣпленія научныхъ знаній все большее количество явленій оказывается, на основаніи научно-методическихъ изслѣдованій (подтверждаемыхъ успѣхами техники), подчиненными причинной зависимости, и все больше и больше расширяется и углубляется знаніе соотвѣтственныхъ законовъ. Сообразно

шинства научныхъ причинныхъ ученій совершенно безразлично, свободна ли воля или нѣтъ. Наконецъ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы задачамъ науки соотвѣтствовало принятіе причинной связи за обоснованную и наличную гдѣ бы то ни было тамъ, гдѣ таковая наличность не доказана; напротивъ, природѣ и задачамъ науки соотвѣтствуетъ безпристрастное, осторожное и методическое изслѣдованіе того, что есть, признаніе за обоснованное и доказанное только того, что методически обосновано, а за сомнительное или лишь вѣроятное того, что послѣ методическаго изслѣдованія оказывается лишь таковымъ, и за опровергнутое или отсутствующее того, что методически опровергнуто или оказалось отсутствующимъ; въ частности задачамъ и природѣ науки соотвѣтствовало бы признаніе невсеобщности причинной связи, свободы воли и т. п., если бы методическое изслѣдованіе фактовъ привело къ такому результату; точно также задачею науки является не объясненіе во что бы то ни стало, а только методически обоснованное объясненіе того, что поддается такому объясненію, и добросовѣстное признаніе непонятности того, что ей не удается методически обоснованно объяснить. Вообще задачею истинной науки является методическое изслѣдованіе и добросовѣстное признаніе истины. Для такой же науки, которая утверждаетъ то, что ей почему либо угодно утверждать, есть болѣе подходящее названіе, чѣмъ „наука", а именно названіе „софистика".

Если Кантъ и вслѣдъ за нимъ другіе полагаютъ, что для нравственности требуется свобода воли, то это недоразумѣніе, покоящееся на незнаніи природы мотивовъ человѣческихъ поступковъ и существа нравственности. Ниже мы надѣемся выяснить, въ чемъ состоятъ мотивы и что такое нравственность, и тогда будетъ видно, что о нравственномъ поведеніи можетъ быть вообще рѣчь лишь тогда и постольку, когда и поскольку воля и поведеніе причинно опредѣляются дѣйствіемъ особаго рода мотивовъ (отличныхъ отъ того, что Кантъ и современные психологи по недоразумѣнію принимаютъ за мотивы или „эмпирическіе мотивы" человѣческаго поведенія); изъ чего, впрочемъ, мы конечно не станемъ выводить „постулята несвободы воли".

Выясненіе природы нравственности и нѣкоторыхъ другихъ сложныхъ психическихъ сочетаній, въ частности правовыхъ, эстетическихъ переживаній, обнаружитъ также, между прочимъ, ненаучность того основного требованія, которое теперь является особенно модньшъ основаніемъ для вывода разныхъ постулятовъ, а именно, требованія „единства міросозерцанія". Разъ что либо кажется нужнымъ для удовлетворенія „потребности въ единствѣ міросозерцанія", оно возводится въ постулятъ, и на почвѣ такихъ постулятовъ строятся затѣмъ цѣлые ряды другихъ утвержденій. Но само основное требованіе единства міросозерцанія покоится на недоразумѣніи; разные элементы того, что называется міросозерцаніемъ, въ частности этическіе, эстетическіе и др., имѣютъ такую природу, что о сведеніи ихъ къ какому бы то ни было единству и вообще объ установленіи какой бы то ни было логической связи ихъ другъ съ другомъ не можетъ быть рѣчи; установленіе логическихъ связей, сведеніе къ общимъ началамъ и т. д. мыслимы только въ предѣлахъ отдѣльныхъ разрядовъ однородныхъ элементовъ.

Нѣкоторые спеціалисты въ области постулятнаго метода различаютъ, впрочемъ, два требованія „единства": „единство познанія" и „единство ставящей себѣ цѣли воли" (ср. Stammler, Wirthschaft und Recht, стр. 371 и др.). Съ этой точки зрѣнія

съ этимъ все болѣе и болѣе растетъ вѣроятность, что дѣло идетъ не о какомъ-то случайномъ и частичномъ явленіи, а объ общемъ порядкѣ природы.

Съ этой точки зрѣнія на вопросъ о свободѣ воли получается отвѣтъ: На основаніи того, что мы знаемъ о безчисленныхъ другихъ явленіяхъ, можно и слѣдуетъ считать вѣроятнымъ, что и феномены воли представляютъ причинно необходимыя явленія; вѣроятность съ точки зрѣнія общихъ соображеній о причинной связи говоритъ въ пользу детерминизма.

получается, между прочимъ, возможность различать два царства, царство природы и царство воли или цѣлей, и надѣлять первое царство всеобщимъ закономъ причинной связи, какъ постулятомъ, необходимымъ для сведенія его къ единству, а второе царство постулятомъ свободы для учрежденія тамъ единства. Своеобразныя сочетанія въ этомъ направленіи предлагаетъ, между прочимъ, Штаммлеръ въ только что цитированномъ сочиненіи. По примѣру Канта, которому онъ старается подражать въ своихъ выраженіяхъ и построеніяхъ, Штаммлеръ, съ одной стороны, исходитъ изъ того, что эмпирическое поведеніе всегда подчинено закону причинной связи, и что эмпирическіе мотивы человѣческаго поведенія сводятся къ стремленію къ удовольствіямъ и избѣганію страданій (стр. 141: „Что потребности состоятъ въ желаніяхъ, направленныхъ на созданіе удовольствія и избѣжаніе страданія, и что въ преслѣдованіи этой цѣли состоитъ вся эмпирическая жизнь человѣка, можетъ быть нами положено въ основаніе, какъ простое и несомнѣнное положеніе“); съ другой стороны, онъ выставляетъ требованіе, чтобы люди дѣйствовали „свободно“, т. е. независимо отъ эгоистическихъ мотивовъ. Согласованіе этихъ положеній Штаммлеру представляется очень простымъ. „Во всякомъ случаѣ идея свободной воли въ указанномъ смыслѣ не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія закону причинной связи, такъ какъ послѣдній не представляетъ чего-то абсолютнаго, а означаетъ только особый способъ согласовать и приводить къ единству данныя явленія. Каузальное пониманіе есть только особая форма познанія данныхъ явленій; по отношенію къ представленію имѣющаго быть совершеннымъ дѣйствія законъ необходимыхъ причинъ существующихъ измѣненій не имѣетъ еще никакихъ правъ. Когда мы представляемъ себѣ извѣстный эффектъ, какъ подлежащій созданію, мы предполагаемъ, что онъ могъ бы и не имѣть мѣста: его особенность состоитъ въ томъ, что его причинная необходимость не познана“ (стр. 369). Независимо отъ странности отнесенія дѣйствія закона причинной связи, выставляемаго какъ необходимое средство познанія, только къ тому, что уже познано, авторъ игнорируетъ здѣсь то обстоятельство, что вѣдь и причинная связь прошедшаго поведенія бываетъ непознанною, что и относительно прошедшаго поведенія мы думаемъ, что могли бы поступить иначе, и т. д. Ему нужно обезвреженіе закона причинной связи только для будущихъ дѣйствій.

Между прочимъ, въ концѣ книги авторъ, вѣроятно, въ замѣну цитированія тѣхъ другихъ сочиненій, изъ которыхъ у него есть заимствованія, намекаетъ, что по отношенію къ кое-кому проводимыя имъ идеи, пожалуй, не совсѣмъ новы, но онъ дескать впервые въ литературѣ далъ прочное научное ихъ обоснованіе—путемъ „логической дедукціи въ систематически законченномъ порядкѣ доказательства изъ прочныхъ фактовъ опыта“ (стр. 638). Это во всякомъ случаѣ недоразумѣніе (между прочимъ, уже представленіе „логической дедукціи изъ фактовъ“ представляетъ само по себѣ „логическое“ недоразумѣніе; изъ фактовъ общія положенія выводятся путемъ индукціи, а не дедукціи; авторъ дѣйствительно все ему нужное дедуцируетъ, но только, конечно, не изъ фактовъ, какъ онъ сообщаетъ, а изъ разныхъ произвольныхъ общихъ утвержденій и требованій).

Представители подвергнутаго выше критикѣ способа разсужденія называютъ себя представителями „критицизма“, „критической философіи“ и т. д. Не касаясь здѣсь вопроса, чѣмъ объясняется исторически соотвѣтственный эпитетъ, относимый къ философіи Канта, мы считаемъ долгомъ подчеркнуть, что изъ за выраженія „критицизмъ“ и т. п. отнюдь не слѣдуетъ думать, будто разсужденія и ученія неокантіанцевъ отличаются особенною научностью, осторожностью, критицизмомъ, а ученія другихъ наивны, не отличаются критицизмомъ и т. п.

Но это не конецъ изслѣдованія проблемы. Эту вѣроятность можно и слѣдуетъ или опровергнуть, разрушить, или укрѣпить путемъ надлежащаго спеціальнаго изслѣдованія относительно причинъ волевыхъ феноменовъ, какъ таковыхъ.

Надлежащимъ изслѣдованіемъ было бы индуктивное изслѣдованіе волевыхъ феноменовъ, провѣрка путемъ методовъ сопутствующихъ измѣненій, различія и т. д. (ср. выше стр. 108) того, существуетъ ли причинная зависимость волевыхъ процессовъ отъ другихъ, въ чемъ состоятъ эти другіе процессы и какъ отражаются ихъ модификаціи (появленіе, исчезновеніе, усиленіе или ослабленіе интенсивности) на волевыхъ феноменахъ, каковъ характеръ зависимости воли отъ этихъ другихъ явленій *).

Необходимость индуктивнаго изслѣдованія проблемы чужда сознанію

---

*) Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, опытъ примѣненія индуктивныхъ пріемовъ изслѣдованія въ этой области обнаруживаетъ (кромѣ разныхъ другихъ ошибокъ въ современныхъ ученіяхъ о мотивахъ воли, въ частности ошибочности существующихъ мнѣній относительно того, чѣмъ собственно опредѣляется воля, что является мотивами воли) неправильность самой постановки вопроса о свободѣ или абсолютной детерминированности въ теперешнемъ его видѣ. Теперь предполагается, что всякое дѣйствіе, всякое психически опредѣляемое движеніе (въ отличіе отъ рефлексовъ и спонтанныхъ движеній) имѣетъ въ своей основѣ волю; поэтому для современной литературы „мотивы воли“ и „мотивы поведенія“ равнозначащія выраженія. Въ случаѣ же индуктивнаго изслѣдованія дѣйствій съ точки зрѣнія причинно опредѣляющихъ ихъ психическихъ факторовъ оказывается, что тѣ (иные, чѣмъ предполагается теперь) психическіе факторы, которые способны вызывать извѣстную волю (и устранять противоположную волю), обыкновенно вызываютъ соотвѣтственныя дѣйствія непосредственно, безъ посредства воли; напр., голодъ (или аппетитъ, о его природѣ и ошибочности обычныхъ опредѣленій, ср. ниже) является импульсомъ къ дѣйствію, называемому ѣдою; чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ ceteris paribus интенсивнѣе, энергичнѣе ѣда; паденіе аппетита, утоленіе голода ведетъ къ паденію интенсивности ѣды до полнаго прекращенія и т. д. (ср. методы сопутствующихъ измѣненій и различій); и при томъ, какъ можно убѣдиться путемъ соотвѣтственныхъ индукцій, воля ѣсть не составляетъ необходимаго условія ѣды (можно, напр., при наличности сильнаго аппетита энергично ѣсть, читая газету, думая о чемъ либо другомъ, переживая волю сдѣлать что либо, не относящееся къ ѣдѣ, напр., волю взяться вечеромъ за такую-то работу и т. п.); воля вообще играетъ роль вставочнаго члена между импульсомъ (мотивомъ) и дѣйствіемъ, появляющагося лишь при извѣстныхъ условіяхъ, главнымъ образомъ въ случаѣ необходимости отложенія дѣйствія на будущее время, поставленія его въ зависимость отъ извѣстнаго условія и т. д. (воля бываетъ обыкновенно „срочная“, „условная“ или т. п., ср. выше стр. 144, и здѣсь коренится біологическое значеніе и цѣнность этого психическаго фактора). Поэтому ошибочно думать, будто вопросы о мотивахъ и общей и безусловной детерминированности поведенія и такіе же вопросы относительно „воли“ — равнозначащіе вопросы; первые вопросы гораздо шире вторыхъ, и для надлежащей постановки самыхъ вопросовъ о мотивахъ, ихъ природѣ, ихъ дѣйствіи, его всеобщности и безусловности и т. д. и успѣха соотвѣтственныхъ научно-индуктивныхъ изслѣдованій слѣдуетъ имѣть въ виду не волю, а дѣйствія, ихъ детерминированность или свободу и т. д.; что же касается воли, какъ таковой, то здѣсь существуетъ особая проблема для индуктивнаго изслѣдованія, а именно, задача опредѣленія условій, при наличности коихъ между мотивомъ и дѣйствіями появляется, какъ вставка, какъ промежуточное звено, воля, направленная на отодвигаемое такимъ образомъ дѣйствіе. Смыслъ и индуктивныя основанія этихъ положеній (сообщенныхъ здѣсь напередъ во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній) будутъ обстоятельнѣе выяснены послѣдующимъ изложеніемъ.

послѣдователей какъ детерминизма, такъ и противоположнаго ученія. Дѣло ограничивается общими утвержденіями и разсужденіями, неспособными вести къ научному прогрессу проблемы, и вопросъ издавна остается, несмотря на громадную литературу, въ прежнемъ научно-безотрадномъ положеніи.

Обыкновенно даже утвержденія о безусловной или небезусловной детерминированности воли и аргументы въ пользу этихъ тезисовъ излагаются и повторяются безъ сообщенія (не говоря уже о надлежащемъ научномъ обоснованіи) опредѣленныхъ мнѣній авторовъ о томъ, чѣмъ собственно воля безусловно или небезусловно опредѣляется. Положимъ, здѣсь традиціонно фигурируетъ слово «мотивы»; но это слово, само по себѣ, вовсе не означаетъ опредѣленныхъ психическихъ явленій; оно даже не указываетъ, къ какой изъ наиболѣе общихъ категорій психическихъ явленій, къ познанію или къ чувствамъ, или къ такимъ или инымъ сочетаніямъ этихъ общихъ элементовъ, относятся тѣ факторы, которые опредѣляютъ волю. Поэтому соотвѣтственныя разсужденія и традиціонные доводы pro и contra имѣютъ ту, съ научной точки зрѣнія ненормальную, особенность, что они представляютъ споръ о дѣйствіи и значеніи чего-то неопредѣленнаго и неизвѣстнаго; эта неопредѣленность не замѣчается вслѣдствіе существованія и примѣненія слова «мотивы» (замѣняющаго указаніе опредѣленныхъ факторовъ). Въ случаѣ примѣненія индуктивнаго метода изслѣдованія, такія обще-неопредѣленныя разсужденія смѣнились бы изученіемъ и опредѣленіемъ причиннаго дѣйствія опредѣленныхъ психическихъ факторовъ.

Иногда, впрочемъ, разсужденія о свободѣ воли бываютъ свободны отъ указаннаго недостатка, потому что изъ другихъ мѣстъ сочиненія или изъ другихъ сочиненій того же автора видно, чѣмъ, по его мнѣнію, опредѣляется воля, что онъ считаетъ мотивами воли (напр., удовольствія или неудовольствія или представленія извѣстнаго рода, или такія или иныя комбинаціи чувствъ и представленій), или даже въ самомъ разсужденіи по вопросу о свободѣ воли опредѣленно указывается то, чѣмъ, по мнѣнію автора, детерминируется воля. При этомъ въ пользу соотвѣтственнаго тезиса иногда приводятся аргументы, имѣющіе такой характеръ, какъ будто бы авторъ или кто либо другой произвелъ изслѣдованіе, необходимое для провѣрки и доказательства существованія утверждаемой причинной связи. Такъ, въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій, касающихся вопроса о свободѣ воли, мы находимъ тезисъ, по которому воля съ психологической точки зрѣнія всегда детерминируется (durchgängig determinirt) оцѣночными чувствами (положительными и отрицательными чувствами, связанными съ такими или иными представленіями) и, въ качествѣ основанія этого тезиса, ссылку на «фактъ, что психологическій анализъ обнаруживаетъ исключительно волевыя рѣшенія или акты выбора, находящіеся въ отношеніи причинной связи съ сильнѣйшими мотивами» *).

*) Kreibig, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie, стр. 83.

Но такая аргументація возбуждаетъ серіозныя сомнѣнія. Психологическій анализъ есть мысленное разложеніе сложныхъ психическихъ явленій на составные элементы, нахожденіе въ нихъ наличности такихъ или иныхъ болѣе простыхъ психическихъ процессовъ. Но наличность чего либо въ чемъ либо другомъ, вообще фактическое бываніе чего либо въ области какихъ либо явленій, отнюдь не доказываетъ, что найденное путемъ анализа или какого бы то ни было иного фактическаго констатированія есть причина чего либо другого. Для установленія причинной связи, вообще ссылки на факты, какъ таковые, недостаточно, ибо такія ссылки (въ случаѣ ихъ правильности) доказываютъ только отношенія существованія чего либо или сосуществованія или послѣдовательности въ подвергнутыхъ наблюденію случаяхъ, но отнюдь не отношеніе причинной связи; послѣднее отношеніе для своего установленія требуетъ соотвѣтственнаго индуктивнаго изслѣдованія (примѣненія методовъ сопутствующихъ измѣненій, различія и т. д.).

Если бы даже, на основаніи приведенной ссылки на «психологическій анализъ», предположить, что ссылающійся или кто либо другой подвергъ анализу множество, напр., десятки тысячъ, соотвѣтственныхъ явленій, и во всѣхъ подвергнутыхъ анализу случаяхъ дѣйствительно оказались наличными удовольствія или неудовольствія («оцѣночныя чувства», въ чемъ, какъ видно будетъ дальше, есть основанія сомнѣваться), то и въ такомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о научномъ утвержденіи на этомъ основаніи не только того, что воля всегда опредѣляется удовольствіями или неудовольствіями, но даже и того, что въ фактически проанализированныхъ случаяхъ имѣла мѣсто такая причинная зависимость *).

*) Между прочимъ, ссылки на „анализъ“ и иныя равнозначащія ссылки (на „наблюденіе“, „самонаблюденіе“, „факты“) играютъ въ современной психологической литературѣ весьма большую, рѣшающую роль въ качествѣ основаній для разныхъ общихъ, классовыхъ утвержденій (теорій). Иногда дѣло начинается съ приведенія одного какого либо конкретнаго случая, напр., житейскаго примѣра борьбы мотивовъ и волевого рѣшенія, и на основаніи „анализа“ этого случая, констатированія въ немъ такихъ или иныхъ представленій, чувствъ и т. п., провозглашаются разныя общія утвержденія относительно состава явленій извѣстнаго класса (напр., состава волевыхъ явленій и т. п.). Иногда въ доказательство классоваго утвержденія приводятся два или болѣе конкретныхъ примѣровъ. Иногда же имѣется лишь глухая ссылка на „факты“, „анализъ“, „самонаблюденіе“ и т. п. Относительно этого (эмпирическаго, но не индуктивнаго въ собств. см. слова) „метода“ слѣдуетъ сказать, что онъ въ лучшемъ случаѣ (т. е. въ случаѣ дѣйствительнаго существованія соотвѣтственныхъ фактовъ) сводится къ перенесенію безъ научнаго основанія предикатовъ съ конкретныхъ объектовъ на классы, къ логическому промаху, названному нами выше скачкомъ предикатовъ и составляющему источникъ прыгающихъ и хромающихъ теорій (ср. выше, стр. 109 и сл.).

Въ отличіе отъ многихъ другихъ наукъ, напр., наукъ о нравственности, о правѣ, эстетикѣ и проч., которыя не проявляютъ вообще интереса къ вопросамъ о томъ, какими методами слѣдуетъ пользоваться для нахожденія и доказательства соотвѣтственныхъ истинъ, психологія, повидимому, представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе сознательную, болѣе научную дисциплину: въ психологической литературѣ много говорится о „методахъ“; въ руководствахъ психологіи есть „методо-

Если бы вмѣсто выставленія тезиса всегдашней опредѣляемости воли оцѣночными чувствами и общей ссылки на яко бы доказывающіе это факты сдѣлана была попытка провѣрить этотъ тезисъ индуктивнымъ путемъ, то, какъ увидимъ ниже, сразу и легко была бы обнаружена не только научная произвольность тезиса (что и безъ того ясно по общимъ логическимъ соображеніямъ), но и полная ошибочность его по существу. О томъ, чтобы воля была детерминирована тѣмъ, что имѣетъ въ виду выставляемый тезисъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть рѣчи; поскольку воля опредѣляется извѣстными психическими факторами, эти факторы состоятъ не въ предполагаемыхъ психическихъ процессахъ, а въ другихъ. И то же mutatis mutandis относится къ другимъ подобнымъ детерминистическимъ тезисамъ (и индетерминистическимъ ученіямъ, поскольку они все-таки признаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ значеніе мотивовъ, поскольку они отчасти тоже «детерминистичны»). Положеніе знаменитой проблемы объ опредѣляемости воли мотивами въ существѣ дѣла таково, что, поскольку соотвѣтственныя ученія не ограничиваются примѣненіемъ слова «мотивы» безъ опредѣленнаго смысла, а опредѣленно указываютъ, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, детерминируется воля, эти ученія, во всякомъ случаѣ, (методологически произвольны и) по существу ошибочны *).

логическія введенія“ и т. д. Къ сожалѣнію, эта методологическая сознательность и подготовленность психологіи — только кажущаяся. То, что въ психологіи принимается за психологическую методологію, сводится къ положеніямъ и спорамъ, касающимся самонаблюденія, экспериментовъ и другихъ средствъ добыванія конкретно-фактическаго матеріала. Между тѣмъ психологія есть наука не описательная или историческая, вообще наука не о конкретныхъ явленіяхъ (хотя, по недоразумѣнію, ей традиціонно приписывается задача „описывать факты“ психической жизни), а наука о классахъ, теорія; и центръ тяжести ея методологіи долженъ былъ бы состоять въ ученіи объ образованіи психологическихъ классовъ и классовыхъ понятій и сужденій; относящихся сюда вопросовъ — методологическія введенія и споры современной психологіи, къ сожалѣнію, не касаются, и соотвѣтственные фактическіе пріемы мышленія и доказательства весьма неудовлетворительны.

Исправленіе этого недостатка психологической методологіи представляется настоятельною потребностью и необходимымъ условіемъ замѣны господствующаго теперь въ психологіи научнаго хаоса, безчисленныхъ радикально противоположныхъ другъ другу теорій и т. п., научною ясностью, обоснованностью, вообще правильнымъ и прочнымъ научнымъ прогрессомъ.

Особенно важною для этой цѣли представляется методологическая пропаганда индуктивнаго метода на мѣсто наивно-эмпирическаго (иногда, между прочимъ, смѣшиваемаго съ индукціею), т. е. скачковъ предикатовъ съ конкретныхъ фактическихъ данныхъ на классы.

*) Въ дополненіе къ изложенной характеристикѣ споровъ о свободѣ воли отмѣтимъ еще слѣдующее:

Въ новѣйшее время весьма распространеннымъ средствомъ отстаиванія детерминизма и борьбы противъ ученія о свободѣ воли является характеристика послѣдняго, какъ метафизическаго въ отличіе отъ перваго, какъ строго научнаго, научно-психологическаго воззрѣнія. Сообразно съ этимъ за свободою воли, отстаиваемою индетерминистами, укрѣпился эпитетъ „метафизической“ свободы. Это имѣетъ характеръ подкрѣпленія отрицательнаго отношенія къ индетерминизму или даже основанія для оставленія его совсѣмъ безъ обсужденія, какъ чего-то, къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ не относящагося. Ср., напр., Paulsen, System der Ethik, Bd. I, 2. Buch. IX. Kap., Jerusalem, Lehrbuch der Psychologie, 1902, § 79. Съ такимъ

Надлежащее научное, т. е. индуктивное, изслѣдованіе вопроса о причинной зависимости воли и поведенія является важною задачею будущаго не только съ точки зрѣнія спора о свободѣ воли.

Такъ какъ и индетерминисты не отрицаютъ значенія мотивовъ вообще, а только предполагаютъ на ряду съ этимъ, и по ихъ мнѣнію, важнымъ факторомъ возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ свободнаго выбора, то, независимо отъ того, которая изъ двухъ споряцихъ сторонъ права, во всякомъ случаѣ для психологіи вообще важно научно-методически обоснованное рѣшеніе вопроса о томъ, что собственно является мотивами поведенія. И не только для психологіи, какъ таковой. Созданіе научной теоріи мотиваціи поведенія есть необходимое условіе для научнаго построенія множества другихъ дисциплинъ, а именно, всѣхъ тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ человѣческимъ индивидуальнымъ и массовымъ поведеніемъ, съ соціальными явленіями, ихъ исторіей и т. д. (ср. выше стр. 116).

Всѣ эти дисциплины при теперешнемъ положеніи дѣла лишены научнаго фундамента, каковой долженъ былъ бы состоять въ научной теоріи мотиваціи человѣческаго поведенія; это слѣдовало бы утверждать даже и въ томъ случаѣ, если бы какое либо изъ существующихъ нынѣ мнѣ-

---

„аргументомъ“ нельзя согласиться. Можно и слѣдуетъ, на основаніи критики доводовъ, приводимыхъ индетерминистами въ пользу ихъ утвержденія, признать послѣднее недоказаннымъ, научно не обоснованнымъ; но точно также не выдерживаютъ критики и доводы, приводимые детерминистами въ пользу своего утвержденія. Называть же ученіе о свободѣ воли метафизическимъ, а противоположное ученіе научнымъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ никакого основанія. Нѣкоторые философы, напр., Кантъ, Шопенгауеръ, дѣйствительно конструировали особую „метафизическую“, относящуюся къ сверхопытному, сверхчувственному міру, свободу. Но какъ уже упомянуто выше, большинство индетерминистовъ къ такимъ конструкціямъ не прибѣгаютъ и говорятъ о свободѣ воли въ „эмпирическомъ“ смыслѣ; каковые разговоры слѣдуетъ признать во всякомъ случаѣ научно не воспрещенными, пока не доказана безусловная и всеобщая детерминированность поведенія. Между прочимъ, совсѣмъ не метафизическій характеръ имѣютъ современныя индетерминистическія ученія даже тѣхъ, которые объявляютъ себя приверженцами ученія Канта о свободѣ. Они отбрасываютъ метафизическій „фундаментъ“ этого ученія и проповѣдуютъ его въ не-метафизическомъ смыслѣ (ср., напр., П. Новгородцевъ, Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, 1901 г., стр. 88: „Тотъ фундаментъ, который Кантъ хотѣлъ подвести подъ это утвержденіе, можетъ быть признанъ непрочнымъ; и однако за его философіей на всегда останется та заслуга, что въ постановкѣ вопроса о свободѣ онъ научилъ насъ полагаться на голосъ нравственнаго чувства...“. Предложенное Кантомъ примиреніе свободы и необходимости „обращается къ глубочайшимъ потребностямъ человѣческаго духа, которыя утверждаютъ свое значеніе независимо отъ хода природы и вопреки превозмогающей власти событій. Это — потребности нравственныя“. Ср. также ученіе Штаммлера, выше, стр. 155 и сл. прим.).

Между прочимъ, пріемъ, состоящій въ названіи ученія противниковъ „метафизическимъ“, примѣняется и въ разныхъ другихъ областяхъ знанія; напр., онъ играетъ большую роль въ спорѣ о существованіи т. н. естественнаго права, въ спорѣ о существованіи воли, какъ особаго элемента психической жизни (ср., напр., Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie, III B., 1903, S. 203 fg., который почему то утверждаетъ, что въ основѣ ученій, несогласныхъ съ опредѣленіемъ воли, какъ комбинаціи чувствъ и ощущеній, лежитъ метафизическое, трансцендент-

ній о природѣ мотивовъ случайно (несмотря на отсутствіе научно-методическаго, индуктивнаго обоснованія) было удачно и соотвѣтствовало дѣйствительности (ср. выше, стр. 61). Но, какъ уже указано выше и будетъ доказано въ дальнѣйшемъ изложеніи, существующія мнѣнія о природѣ мотивовъ поведенія, въ томъ числѣ господствующее ученіе объ опредѣленіи воли наслажденіями и страданіями, покоятся на недоразумѣніяхъ и ошибочны по существу. Слѣдовательно, и соотвѣтственныя дисциплины страдаютъ тѣмъ кореннымъ научнымъ недостаткомъ, что онѣ

ное пониманіе воли) и т. п. Такими аргументами слѣдовало бы оставить пользоваться въ научной полемикѣ.

Отвергнувъ „метафизическую свободу“, затѣмъ новѣйшіе писатели обыкновенно оговариваются, что ихъ изъ-за этого отнюдь не слѣдуетъ относить къ противникамъ свободы воли. Напротивъ, они сторонники, вполнѣ признаютъ свободу воли.

Дѣло въ томъ, что отъ метафизической, научно непріемлемой свободной воли слѣдуетъ де отличать правильно понимаемую свободу воли, свободу воли въ научно-психологическомъ смыслѣ, психологическую свободу. Существо т. н. психологической свободы воли разными авторами опредѣляется различно. Напр., по опредѣленію Паульсена, который въ значительной степени способствовалъ популяризаціи противопоставленія метафизической свободѣ психологической, „послѣдняя означаетъ способность чрезъ посредство своей воли быть причиною рѣшеній и дѣйствій (свободу выбора); первая означаетъ, что воля или отдѣльныя рѣшенія сами не имѣютъ причины“ (назв. соч., цит. мѣсто); по опредѣленію Ерузалема, психологическая свобода означаетъ отсутствіе „чувства (слѣдовало бы сказать—сознанія) внѣшняго или внутренняго принужденія; слѣдовательно, всякое волевое дѣйствіе, которое мы при полномъ владѣніи нашими духовными силами производимъ безъ чувства (сознанія) принужденія, есть наше свободное рѣшеніе“ (цит. соч. стр. 194); наиболѣе распространеннымъ является опредѣленіе психологической свободы, какъ независимости отъ чувствъ и впечатлѣній даннаго мгновенія, какъ способность сообразоваться съ болѣе отдаленными и менѣе наглядными цѣлями, въ частности съ нравственными цѣлями (ср. напр. Giżycki, Moralphilosophie, 6-er Abschn., 2, и др.).

На ряду съ „психологическою“ многіе детерминисты выставляютъ и признаютъ еще, какъ особый видъ свободы воли, т. н. „этическую свободу“. „Этическую свободу“ опредѣляютъ обыкновенно, какъ способность поступать нравственно. Этически свободенъ тотъ, кто поступаетъ нравственно.

Въ основѣ ходячаго образованія и признанія этихъ классовъ, понятій и терминовъ не видно научныхъ основаній и цѣлей. Дѣло, повидимому, сводится, съ одной стороны, къ кажущемуся оправданію отрицательнаго отношенія къ индетерминизму и къ кажущемуся удовлетворенію „потребности“ въ признаніи свободы воли и соотвѣтственныхъ симпатій.

Въ прежнее время важнымъ аргументомъ въ пользу детерминизма считалась еще ссылка на статистическія цифры, которыя показываютъ, что разныя дѣйствія людей, напр., браки, преступленія, самоубійства, повторяются ежегодно въ приблизительно равныхъ количествахъ. Изъ этого прежде, между прочимъ, нѣкоторые выводили существованіе какихъ-то таинственныхъ силъ, или неумолимыхъ „законовъ“, требующихъ, чтобы въ каждый періодъ времени произошло не менѣе извѣстнаго числа самоубійствъ и т. п., заставляющихъ человѣчество т. ск. платить соотвѣтственную дань. Другіе, отвергая такія представленія, все-таки усматривали въ статистическихъ цифрахъ опроверженіе индетерминизма, доказательство того, что воля всегда опредѣляется извѣстными причинами; наличность однѣхъ и тѣхъ же причинъ ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ; поскольку условія, побуждающія людей къ убійствамъ и т. п. остаются одинаковыми, повторяется и количество соотвѣтственныхъ поступковъ. Но по этому поводу было совершенно правильно указано на то, что для объясненія статистическихъ однообразій вовсе не требуется предположенія абсолютной детерминированности воли. Если предположить, что люди въ случаяхъ

лишены не только научно обоснованнаго, но и удачнаго по содержанію базиса, необходимаго для успѣшнаго ихъ развитія.

Задачѣ установленія теоріи мотивацiи на индуктивной почвѣ посвящены дальнѣйшіе параграфы, ближайшія же строки представляютъ предварительный обзоръ тѣхъ мнѣній, которыя теперь высказываются по вопросу о природѣ мотивовъ воли безъ индуктивныхъ основаній.

Съ точки зрѣнія господствующей основной психологической классификаціи, т. е. дѣленія элементовъ психической жизни на три—познаніе,

---

наличности извѣстныхъ побужденій, напр., искушеній къ извѣстнымъ преступленіямъ и разныхъ иныхъ соображеній и побужденій, не лишены способности на почвѣ свободы воли выбрать то или иное рѣшеніе, независимо отъ силы искушеній и т. д., то въ большихъ массахъ случаевъ отклоненія въ ту или иную сторону отъ того пути поведенія, который бы соотвѣтствовалъ силѣ мотивовъ, компенсировали бы другъ друга и получались бы періодически одинаковые результаты. Какъ при многократномъ бросаніи монеты орелъ и рѣшка открываются приблизительно равное количество разъ, такъ и при наличности фактора свободы воли не устранялись бы однообразія въ большихъ числахъ статистики поведенія. Поэтому теперь въ статистическихъ цифрахъ уже не усматриваютъ болѣе опроверженія индетерминизма.

Въ исторіи вопроса о свободѣ воли, отчасти уже въ древности, играли еще большую роль религіозные соображенія и споры. Въ частности существуетъ громадная литература по этому вопросу въ области христіанской теологіи. Здѣсь замѣчается борьба двухъ теченій; съ одной стороны теченія, исходящаго изъ идеи Божьяго всемогущества и всевѣдѣнія и приходящаго къ отрицанію возможности свободы воли; съ другой стороны теченія, исходящаго изъ нравственныхъ соображеній и пытающагося представить противорѣчіе между Божіимъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ, съ одной стороны, и свободою воли, съ другой стороны лишь кажущимся. Въ современной свѣтско-философской литературѣ иногда вопросъ о свободѣ воли также обсуждается и рѣшается съ точки зрѣнія религіозныхъ соображеній, при чемъ вмѣсто вѣры въ собственномъ смыслѣ примѣняется подчасъ довольно произвольное оперированіе „религіозными потребностями“, постулятами (ср. напр., M. Wentscher, Ethik, B. I 1902, стр. 328—337).

Между прочимъ, одно изъ новѣйшихъ и притомъ исходящее отъ авторитетнѣйшаго представителя современной философіи и психологіи рѣшеніе вопроса о свободѣ воли гласитъ такъ:

„Во всякомъ случаѣ приходится признать, что вполнѣ рѣшающаго опытнаго доказательства не существуетъ и въ пользу детерминированности воли, но, что несвобода воли въ концѣ концовъ есть метафизическій постулятъ, которымъ рѣшается антиномія (противорѣчіе) нравственнаго чувства, требующаго свободы, и религіознаго чувства, требующаго связанности воли. А именно, для нравственнаго чувства отводится область психической причинности характера; для религіознаго чувства, напротивъ, сохраняется метафизическая зависимость воли („Das sittliche Gefühl wird nämlich auf das Gebiet der psychischen Causalität des Charakters verwiesen; für das religiöse Gefühl bleibt dagegen die metaphysische Abhängigkeit des Willens gewahrt“, Wundt, Grundzüge der physiol. Psychologie, III т. 1903, стр. 319).

Не входя въ разборъ этого мнѣнія по существу (что представляется излишнимъ въ виду изложенныхъ выше методологическихъ соображеній), отмѣтимъ лишь то характерное явленіе, что по этому ученію, въ отличіе отъ ученій, объявляющихъ индетерминизмъ метафизическимъ ученіемъ, метафизическимъ называется положеніе о детерминированности воли и оно рекомендуется къ принятію въ качествѣ метафизическаго постулята, надобнаго для удовлетворенія религіознаго „чувства“. Еще одна иллюстрація того, какъ модные пріемы мышленія подрываютъ науку и превращаютъ ее въ дѣло личныхъ вкусовъ, въ произвольныя утвержденія того, что кому нравится.

чувство и волю, на вопросъ о мотивахъ воли мыслимы троякаго рода отвѣты:

1) мотивы воли состоятъ въ познаніи, въ познавательныхъ переживаніяхъ (познавательная, интеллектуалистическая теорія мотиваціи); 2) они состоятъ въ чувствахъ (чувственная теорія); 3) они состоятъ отчасти въ познавательныхъ, отчасти въ чувственныхъ переживаніяхъ или въ такихъ или иныхъ комбинаціяхъ тѣхъ и другихъ (эклектическія, смѣшанныя теоріи).

Фактически господствуютъ въ научной литературѣ такъ называемыя гедонистическія (отъ греческаго слова hedoné = радость, наслажденіе) теоріи, т. е. теоріи, по которымъ воля опредѣляется наслажденіями и страданіями *).

Этому соотвѣтствуетъ слѣдующая схема психической жизни, опредѣляющая вмѣстѣ съ тѣмъ основныя функціи познанія, чувства и воли въ экономіи жизни.

Одаренныя психикою существа переживаютъ разныя ощущенія (и воспріятія), съ которыми связываются чувствованія удовольствія или неудовольствія, а эти чувства вызываютъ волю, отрицательную волевую реакцію (и движенія, направленныя на освобожденіе отъ страданія) въ случаѣ отрицательныхъ чувствъ, положительную въ случаѣ удовольствія **).

Впрочемъ, разные представители гедонизма представляютъ себѣ природу побужденій воли различно, такъ что существуютъ разные виды и разновидности гедонистическихъ ученій о мотиваціи.

1. Нѣкоторые подъ именемъ наслажденій и страданій, которыми опредѣляется воля, разумѣютъ представляемыя будущія, возможныя положительныя и отрицательныя чувства, точнѣе: представленія наслажденій и страданій, какъ чего-то могущаго быть достигнутымъ или предотвращеннымъ. Представленія могущихъ быть достигнутыми наслажденій побуждаютъ волю къ достиженію этихъ наслажденій, представленія противоположнаго содержанія дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи. Со-

---

*) Отъ гедонистическихъ теорій мотиваціи слѣдуетъ отличать тоже называемыя гедонистическими (или эвдемонистическими отъ греческаго слова eudaimonia = =счастіе) ученія, выставляющія наслажденія, или максимумъ наслажденій и минимумъ страданій, или максимумъ счастія для наибольшей массы людей и т. п., какъ цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться. Эти ученія, относимыя обыкновенно къ разряду этическихъ ученій, представляютъ не теоріи, а практическіе рецепты, указанія относительно желательнаго или должнаго поведенія. Нерѣдко неразличеніе этихъ двухъ существенно различныхъ категорій ученій ведетъ къ разнымъ вреднымъ недоразумѣніямъ.

**) Ср., напр., Jodl, назв. соч. I, стр. 157: „Субъекты (психической жизни) замѣчаютъ измѣненія въ состояніи своихъ ощущеній, вслѣдствіе этого чувствуютъ удовольствіе или неудовольствіе, вслѣдствіе этого производятъ измѣненія своего состоянія путемъ движеній и, такимъ образомъ, обладаютъ ощущеніями и чувствами и производятъ волевыя усилія. Эти три вида реакціи представляютъ основныя формы отвѣтовъ органическихъ существъ на воздѣйствія окружающей среды и вмѣстѣ съ тѣмъ три основныхъ рода психическихъ объектовъ, находимые нами путемъ внутренняго воспріятія“.

держаніе соотвѣтственныхъ представленій разными представителями этого ученія формулируется различно. Иногда говорится о наслажденіяхъ и страданіяхъ просто, иногда о достиженіи наибольшаго относительнаго счастія, т. е. наилучшаго гедонистическаго результата, принимая во вниманіе разныя обстоятельства и свойства разныхъ наслажденій и страданій, ихъ силу, глубину, постоянство и проч., такъ что предполагаются болѣе или менѣе сложные расчеты и взвѣшиванія, и т. п. Такъ какъ по всѣмъ ученіямъ этого рода побужденіями являются представленія особаго, гедонистическаго, содержанія, т. е. познавательные акты, а не чувства, какъ таковыя, то эти теоріи можно назвать познавательнымъ, интеллектуалистическимъ гедонизмомъ.

2. Другіе считаютъ побужденіями воли, на ряду съ представленіями, касающимися будущихъ чувствъ, также самыя въ моментъ мотиваціи переживаемыя чувства *). Страданія, какъ таковыя, возбуждаютъ волю освободиться отъ нихъ, наслажденія, какъ таковыя, дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи. Фактору послѣдняго рода и при томъ обыкновенно страданіямъ, напр., голоду и т. п., приписывается обыкновенно исключительно рѣшающее значеніе въ области теоріи примитивнаго поведенія (ср. выше, стр. 128) или вообще теоріи волевыхъ явленій низшаго типа, инстинктовъ, смутныхъ стремленій (Triebe). Основанныя на предшествующемъ опытѣ представленія достижимыхъ наслажденій и т. д. присоединяются, въ качествѣ мотивовъ, лишь впослѣдствіи и дѣйствуютъ на ряду съ первымъ факторомъ. При томъ нѣкоторые думаютъ, что въ основѣ воли въ собственномъ смыслѣ (въ отличіе отъ инстинктовъ или Trieb'овъ) всегда имѣются и наличныя страданія или наслажденія, и предвидѣнія, представленія достижимаго лучшаго чувственнаго состоянія **). Теоріи, которыя къ побужденіямъ относятъ какъ наличныя страданія и наслажденія, такъ и представленія таковыхъ или такія или иныя комбинаціи этихъ познавательныхъ и чувственныхъ процессовъ, можно назвать смѣшанными (эклектическими), чувственно-познавательными гедонистическими теоріями.

---

*) Ср., напр., Jodl, Lehrbuch der Psychologie, 2 Aufl., B. I, S. 166: „Воля можетъ быть приведена въ движеніе только непосредственно наличными или представляемыми чувствами удовольствія или страданія".

**) Ср., напр., Ebbinghaus, Grundzüge der Psychologie, I B., 1902, стр. 563: „Воля есть сдѣлавшійся предвидящимъ инстинктъ (Trieb). Она содержитъ, во-первыхъ, то, что характеризуетъ инстинктъ (Trieb), а именно—вызванное какими либо причинами удовольствіе или страданіе и сопровождающія ихъ ощущенія дѣятельности" (ср. выше, стр. 142 и сл.), „но затѣмъ, во-вторыхъ, еще третій, связывающій то и другое, факторъ: предвидѣніе конечнаго звена ощущаемыхъ дѣятельностей, которое представляется какъ связанное съ наслажденіемъ окончаніе теперешняго страданія или какъ связанное съ наслажденіемъ сохраненіе теперешняго наслажденія". По мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ, такое сочетаніе чувствъ и представленій чувствъ имѣетъ мѣсто и въ области Trieb'овъ. Ср., напр., Lehmann, Die Hauptgesetze des Gefühlslebens, 1892, стр. 138: „Достиженіе соотвѣтственнаго измѣненія, устраненіе первоначальнаго страданія или поддержаніе ослабѣвающаго удовольствія должно быть признано цѣлью Trieb'а, хотя, какъ это, вѣроятно, часто бываетъ, индивидъ и не сознаетъ ясно этой цѣли" (sich dieses Zweckes gar nicht klar bewusst ist).

3. Наконецъ, третій видъ гедонистическихъ теорій—чисто чувственныя теоріи, т. е. такія, которыя побужденіями воли считаютъ только чувства, какъ таковыя, а не представленія чувствъ. Нѣкоторые, исходя изъ того, что мысль о достиженіи въ будущемъ чего либо, доставляющаго удовольствіе, доставляетъ намъ уже теперь нѣкоторое («антиципированное», какъ иногда говорится) удовольствіе и что мысль о претерпѣваніи въ будущемъ чего либо непріятнаго уже теперь связана съ чувствомъ неудовольствія, полагаютъ, что мотивами воли являются не представленія будущихъ удовольствій или страданій, а тѣ настоящія чувства удовольствія или неудовольствія, которыя бываютъ связаны съ представленіемъ разныхъ возможныхъ въ будущемъ, достижимыхъ или предотвратимыхъ происшествій. Нѣкоторые выражаются болѣе общимъ образомъ въ томъ смыслѣ, что вообще мотивы нашего поведенія состоятъ въ чувствахъ удовольствія или неудовольствія, связанныхъ съ представленіями разныхъ объектовъ, или въ чувственныхъ, положительныхъ или отрицательныхъ, тонахъ представленій. Мы стремимся къ тому, что намъ представляется пріятнымъ, т. е. представленіе чего связано съ чувствомъ удовольствія, имѣетъ положительный чувственный тонъ, избѣгаемъ того, что намъ представляется непріятнымъ, т. е. представленіе чего связано съ неудовольствіемъ, имѣетъ отрицательный чувственный тонъ. Напр., побужденіемъ воли пойти на прогулку является чувство удовольствія, связанное съ представленіемъ прогулки, и т. п. *). Другіе на ряду съ чувственнымъ тономъ представленій побужденіями считаютъ также и другія наслажденія и страданія, напр., страданія отъ холода, или, чаще всего, говорятъ то о тѣхъ, то о другихъ чувствахъ, какъ побужденіяхъ, повидимому, не различая этихъ различныхъ вещей **). Третьи полагаютъ, что воля опредѣляется тѣми чувствами, которыя наступаютъ въ связи съ волевыми актами, или отношеніемъ предшествующаго волѣ чувственнаго состоянія къ послѣдующему, разницею между ними, состоящею въ томъ, что послѣдующее состояніе представляетъ гедонистическое улучшеніе (уменьшеніе страданія, замѣну его наслажденіемъ, и т. д., при чемъ не предполагается непремѣнно, что имѣющее наступить измѣненіе предвидится дѣйствующимъ, имъ представляется) ***).

Такъ какъ съ точки зрѣнія гедонизма рѣшающими для поведенія факторами являются всегда и вездѣ наслажденія или страданія (или представленія наслажденій или страданій) самого дѣйствующаго индивида, то

---

*) Ср., напр., Gižycki, Moralphilosophie, 2-te Aufl. 1888, стр. 92 и сл.; Sigwart, Vorfragen der Ethik, 1886, стр. 6 („мысль о достиженіи такого результата доставляетъ ему удовольствіе и поэтому онъ его желаетъ и дѣлаетъ то, что можетъ обезпечить достиженіе“), и др.

**) Ср., напр., Külpe, Grundriss der Psychologie, 1893, § 53, стр. 337, 338, 339, 541; Höffding, Psychologie, 1901, стр. 319 и сл., 431, 450, и др.

***) Своеобразною (обыкновенно, повидимому, не сознаваемою самими авторами) особенностью относящихся сюда ученій является то, что они въ существѣ дѣла возводятъ въ причину и дѣйствующій факторъ то, что по ихъ же предположенію

это воззрѣніе находится въ столкновеніи съ другимъ, распространеннымъ въ публикѣ, воззрѣніемъ, которое принципіально различаетъ два рода поведенія: эгоистическое и альтруистическое и подъ послѣднимъ разумѣетъ такое, которое сообразуется отнюдь не съ собственными наслажденіями или страданіями дѣйствующаго, а исключительно съ представленіями о

не существуетъ, а имѣетъ наступить лишь въ будущемъ, а именно, будущія по отношенію къ волѣ, слѣдующія за нею чувства, или чувственныя измѣненія.

По ученію Вундта, для волевого дѣйствія требуется наличность чувственныхъ состояній, ведущихъ къ такимъ перемѣнамъ, которыя прекращаютъ это состояніе, что главнымъ образомъ бываетъ тогда, когда перемѣна состоитъ въ появленіи прямо противоположныхъ чувствъ. „Поэтому первоначальнымъ основнымъ условіемъ волевыхъ дѣйствій является контрастъ чувствъ; и возникновеніе примитивныхъ волевыхъ явленій опредѣляется, вѣроятно всегда, чувствами страданія, возбуждающими внѣшнія двигательныя реакціи, ведущія къ контрастнымъ чувствамъ наслажденія. Схватываніе пищи для утоленія голода, борьба съ врагомъ для удовлетворенія чувства мести и другія тому подобныя явленія суть такіе примитивные волевые феномены“ (Grundriss der Psychol. 1902, S. 220). Выставляя „первоначальнымъ основнымъ условіемъ волевыхъ дѣйствій контрастъ чувствъ“, первоначальное страданіе и послѣдующее наслажденіе (а не, напр., страданіе въ связи съ представленіемъ достижимой смѣны его наслажденіемъ, какъ полагаютъ другіе психологи), авторъ, очевидно, возводитъ въ условіе нѣчто не существующее, будущее по отношенію къ дѣйствію (ср., между прочимъ, опредѣленіе аффектовъ и Trieb'овъ въ Grundzüge der physiologischen Psychologie того же автора изд. 1874 г. стр. 180: „Такимъ образомъ, аффекты можно было бы опредѣлить, какъ душевныя движенія, возбуждаемыя настоящими чувствами, а Trieb'ы, какъ душевныя движенія, возбуждаемыя будущими чувствами, но при этомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе, что Trieb'ы обыкновенно антиципируютъ до извѣстной степени чувства, къ достиженію коихъ они стремятся“). Теорія „контраста чувствъ“ представляетъ особенность ученія Вундта (и нѣкоторыхъ его послѣдователей) о волевыхъ дѣйствіяхъ. Что же касается приписыванія мотиваціоннаго значенія будущимъ по отношенію къ волѣ явленіямъ, то эта логическая аномалія довольно распространенное въ современной психологіи явленіе. Она имѣется, между прочимъ, въ скрытомъ видѣ въ ходячей психологической теоріи инстинктовъ (или Trieb'овъ), по которой, съ одной стороны, эти примитивные волевые акты опредѣляются цѣлью освобожденія отъ страданія, замѣны страданія наслажденіемъ и т. д., съ другой стороны, эта цѣль не сознается самимъ дѣйствующимъ, т. е. мотивомъ воли оказываются еще не существующія чувственныя перемѣны. Отъ этой ошибки свободны формулы тѣхъ психологовъ, которые говорятъ не объ отсутствіи сознанія, а объ отсутствіи „яснаго сознанія“ цѣли (ср., напр., формулу Лемана, выше, стр. 165 прим.), ибо въ такомъ случаѣ предполагается въ качествѣ мотива нѣчто наличное, а именно, „неясное сознаніе“ цѣли, смутное предвидѣніе перемѣны къ лучшему въ случаѣ совершенія дѣйствія, а не ничто, которое возводится въ дѣйствующій факторъ другими. Впрочемъ, и о теоріи „неяснаго сознанія“ можно утверждать, что она возводитъ въ мотивъ нѣчто не существующее, только въ другомъ смыслѣ, а именно: въ смыслѣ произвольнаго предположенія существованія того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ и не можетъ быть у всѣхъ тѣхъ существъ или во всей той области примитивнаго поведенія, гдѣ не имѣется достаточнаго познавательнаго опыта для представленія въ будущемъ, предвидѣнія (хотя бы смутнаго) имѣющихъ наступить чувственныхъ перемѣнъ, наслажденій и т. д.; напр., въ области дѣйствій новорожденныхъ, первыхъ половыхъ актовъ у животныхъ и т. п. Эта область поведенія вообще является камнемъ преткновенія для многихъ мотиваціонныхъ теорій; а именно: она представляетъ фактическое опроверженіе всѣхъ тѣхъ теорій мотивацій, которыя исходятъ изъ предположенія наличности представленій, какъ необходимаго условія дѣйствій; ибо представленія предполагаютъ соотвѣтственный опытъ. Напр., въ основѣ теоріи, по которой мотивами являются всегда чувственные тоны представленій, соединенныя съ

благѣ другихъ. По этому поводу представители гедонизма (который здѣсь можно характеризовать, какъ монистическую теорію мотивации въ отличіе отъ житейскаго воззрѣнія, какъ дуалистической теоріи, утверждающей существованіе двухъ по природѣ своей существенно различныхъ видовъ мотивации и поведенія) утверждаютъ, что представленіе чужого блага,

---

представленіями чувства удовольствія или неудовольствія, лежитъ (кромѣ другихъ ошибокъ, ср. ниже) недосмотръ, состоящій въ непринятіи во вниманіе тѣхъ областей поведенія, гдѣ не можетъ быть рѣчи о наличности соотвѣтственныхъ представленій.

Вполнѣ сознательное (а не по недосмотру) возведеніе въ мотивационный факторъ несуществующихъ еще, а лишь имѣющихъ возникнуть чувственныхъ явленій, лежитъ въ основѣ теоріи Эренфельса (Ehrenfels, System der Werttheorie, B. I. 1897, B. II. 1898). По его ученію, необходимымъ условіемъ всякаго волевого явленія, всякаго желанія, является „относительное увеличеніе счастія“ (relative Glücksförderung, уменьшеніе страданія, его устраненіе, замѣна наслажденіемъ, усиленіе наслажденія), связанное съ волевымъ актомъ. Интенсивность воли, степень силы волевого стремленія, равняется разницѣ между предыдущимъ и послѣдующимъ состояніемъ счастія, т. е. чѣмъ больше гедонистическое улучшеніе доставляется волевымъ актомъ, тѣмъ сильнѣе самое желаніе, при чемъ предвидѣнія этого улучшенія не требуется (B. I. § 11 и его заглавіе въ оглавленіи и passim). При томъ авторъ понимаетъ не только то, что, по его ученію, нѣчто не существующее, имѣющее наступить лишь въ будущемъ, опредѣляетъ предшествующее, но и то, что „трудно понять“, какъ это можетъ быть. Тѣмъ не менѣе онъ увѣренъ въ правильности своей теоріи за невозможностью иныхъ теорій мотивации. „Но относительное увеличеніе счастія есть не нѣчто психически актуальное, а разница между актуальнымъ и лишь возможнымъ чувственнымъ состояніемъ... Трудно понять, какъ можетъ разница между фактическимъ и только возможнымъ чувственнымъ состояніемъ опредѣлять возникновеніе и интенсивность актуальнаго психическаго состоянія (желанія). Это можно пытаться объяснить лишь путемъ конструкціи соотвѣтствующей системы гипотезъ. И тѣмъ не менѣе отъ такой проблемы нельзя отказаться...“ (I, стр. 246).

Это ученіе выдающагося вообще и признаннаго таковымъ въ наукѣ писателя, напоминающее, какъ и разныя другія ученія современныхъ выдающихся психологовъ, напр., теорія аффектовъ Джемса, знаменитое credo quia absurdum, является однимъ изъ симптомовъ несостоятельности современной психологіи вообще, негодности самыхъ ея основъ. Эренфельсъ правъ въ томъ отношеніи, что онъ не считаетъ возможнымъ принять ни одной изъ существующихъ теорій мотивации, но вмѣсто сочиненія взамѣнъ этихъ теорій такой, которая ему самому представляется „трудно понятной“, ему слѣдовало бы обратиться къ пересмотру тѣхъ основныхъ психологическихъ предположеній, на которыхъ покоятся существующія теоріи мотивации (не исключая и его теоріи), въ частности того базиса современной психологіи, который состоитъ въ предположеніи существованія и дѣйствія въ психической жизни только трехъ извѣстныхъ элементовъ: познанія, чувства и воли.

Въ послѣднее время большую роль въ ученіи о мотивации и въ нѣкоторыхъ другихъ психологическихъ ученіяхъ играетъ слово цѣнность, при чемъ оперированіе понятіемъ цѣнности (популяризированное главнымъ образомъ упомянутымъ только что сочиненіемъ Эренфельса, ср. также Meinong, Psychologich-ethische Untersuchungen zur Werth-Theorie, 1894) считается крупнымъ прогрессомъ по существу. Сообразно съ этимъ въ новѣйшихъ теоріяхъ мотивации мы имѣемъ на каждомъ шагу дѣло со словомъ цѣнность и соотвѣтственными производными выраженіями. Напр., Крейбигъ (въ названномъ выше, стр. 158 соч.) формулируетъ положенія своего ученія о мотивации слѣдующимъ образомъ: „Всякая воля направлена на реализацію цѣнностей“ (стр. 80); „воля мотивируется оцѣночными чувствами“ (тамъ же); „то, что называется конфликтомъ мотивовъ, есть не что иное, какъ... сравненіе цѣнностей“ (стр. 81); „въ случаѣ конфликта мотивовъ волевое рѣшеніе или выборъ опредѣляется сильнѣйшимъ оцѣночнымъ чувствомъ“ (тамъ же), и т. п. Смыслъ этихъ положеній сводится, какъ видно изъ другихъ мѣстъ книги, къ тому, что воля опредѣ-

чужихъ удовольствій и т. п. не могутъ, какъ таковыя (т. е. если находятся внѣ всякой связи съ нашими собственными наслажденіями или страданіями), приводить нашу волю въ движеніе. Если люди дѣлаютъ добро другимъ, то это объясняется тѣмъ, что это имъ самимъ пріятно, вообще тѣмъ, что присоединяются тѣ же гедонистическіе факторы, ко-

---

ляется чувствами удовольствія и неудовольствія, связанными съ такими или иными цѣлевыми представленіями (Zielvorstellungen, стр. 80). То, представленіе чего связано съ чувствомъ удовольствія, имѣетъ, по этой терминологіи, для насъ „положительную цѣнность“ (positiver Wert) и къ достиженію или реализаціи этого мы стремимся; то, представленіе чего связано съ неудовольствіемъ, имѣетъ для насъ „отрицательную цѣнность“ (negativer Wert), и мы избѣгаемъ этого (реализація отрицательныхъ цѣнностей); оцѣночныя чувства — не что иное, какъ чувства удовольствія (положительно-оцѣночныя чувства) и неудовольствія (отрицательно-оцѣночныя чувства).

Такимъ образомъ, приведенная теорія мотиваціи представляетъ по существу извѣстное уже намъ ученіе объ удовольствіяхъ и неудовольствіяхъ, связанныхъ съ представленіями, какъ мотивахъ поведенія (впрочемъ, Крейбигъ такъ же, какъ и Эренфельсъ, оперируетъ не только актуальными, но и еще несуществующими, потенціальными, диспозитивными чувствами), но осложненное тѣмъ, что оно, такъ сказать, переведено на языкъ цѣнности и требуетъ для уясненія смысла обратнаго перевода на обыкновенный и общепринятый психологическій языкъ. Другими словами, дѣло идетъ не о какой либо реформѣ по существу, а о словесной реформѣ и при томъ о такой реформѣ, которую слѣдуетъ признать не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ, осложненіемъ и затемнѣніемъ изложенія и пониманія. Научность состоитъ не въ замысловатости изложенія и непонятности его для непосвященныхъ, а въ точности, глубинѣ и методичности мышленія по существу; эти особенности научнаго мышленія создаютъ сами по себѣ извѣстныя затрудненія пониманія для тѣхъ, которые еще не привыкли къ такому мышленію (доставляя имъ вмѣстѣ съ тѣмъ великую умственную пользу, состоящую въ пріученіи ихъ къ болѣе совершенному, истинно научному мышленію); въ прочихъ же отношеніяхъ наука должна стремиться къ возможно большей простотѣ, ясности и удобопонятности, избѣгая всѣхъ ненужныхъ осложненій. Съ этой точки зрѣнія выраженія въ родѣ „реализація отрицательныхъ цѣнностей“ для обозначенія явленія избѣганія непріятнаго и т. п. не могутъ быть одобрены съ научной точки зрѣнія.

Есть и другія основанія, почему мы не можемъ вообще присоединиться къ современному движенію въ пользу перестройки разныхъ психологическихъ ученій, этики и т. д., съ помощью понятія и термина цѣнности, и считаемъ соотвѣтственное ученіе не научнымъ прогрессомъ, а ухудшеніемъ.

Прежде выраженіе „цѣнность“ было терминомъ опредѣленной спеціальной науки—экономіи. Спрашивается, зачѣмъ портить соотвѣтственную установившуюся терминологію путемъ распространенія имени „цѣнность“ на разныя иныя явленія?

Поводомъ и основаніемъ для этого послужило открытіе, что цѣнность въ смыслѣ экономистовъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ явленій цѣнности, что существуетъ множество „внѣ-экономическихъ цѣнностей“, напр., мы приписываемъ цѣнность любезности, дѣльности, благородству, вообще нравственнымъ явленіямъ и свойствамъ,—цѣнимъ одобреніе, уваженіе, благорасположеніе со стороны окружающихъ насъ людей, имѣемъ цѣнныя воспоминанія и проч. (ср. Meinong назв. соч. § 2, Ehrenfels назв. соч. I § 1). Между тѣмъ какъ прежде ошибочно полагали, что „понятіе цѣнности совпадаетъ съ понятіемъ экономической цѣнности“, оказывается, что такого совпаденія не существуетъ и поэтому не только можно, но и необходимо поставить проблему цѣнности на болѣе обширную почву (Meinong стр. 5, Ehrenfels I стр. 4). Сообразно съ этимъ и произошло огромное расширеніе понятія цѣнности (опредѣляемаго, впрочемъ, разными авторами различно) и введеніе соотвѣтственной терминологіи во всевозможныя психологическія, этическія, философскія ученія въ новѣйшей литературѣ.

Съ аналогичными явленіями въ наукѣ намъ уже пришлось выше имѣть дѣло

торые дѣйствуютъ (по мнѣнію даннаго психолога) и въ области называемаго эгоистическимъ поведенія *). Сообразно съ этимъ нѣкоторые современные психологи прямо и открыто высказываютъ то положеніе, что всякое поведеніе неизбѣжно эгоистично **). Другіе стараются избѣгнуть названія человѣческаго поведенія и человѣческой природы эгоистичными путемъ соотвѣтственнаго, болѣе узкаго, толкованія смысла выраженій эгоизмъ, эгоистичный и т. д.; напр., говорятъ, что слово эгоизмъ относится лишь къ случаямъ конфликта между соображеніями своего и чужого блага, что подъ эгоизмомъ слѣдуетъ разумѣть лишь сознательное предпочитаніе своего блага благу другихъ, или, точнѣе, своего меньшаго блага бо́льшему благу другихъ; поведеніе же опредѣляемое тѣмъ, что намъ пріятно дѣлать другимъ добро или непріятно дѣлать зло, они называютъ альтруистическимъ поведеніемъ, и т. д. ***).

(ср. стр. 47 прим. объ „эпохѣ“, которую создало въ ученіи о государствѣ открытіе, что разныя несуверенныя организаціи называются государствами; ср. также стр. 91 прим. и разныя мѣста § 9, показывающія, какъ обычное примѣненіе слова «чувство» ко всевозможнымъ психическимъ переживаніямъ портитъ психологическое болѣе узкое понятіе «чувства» и проч.). Дѣло идетъ о методологически неосновательномъ подчиненіи привычкамъ называнія, о слѣдованіи указкѣ словоупотребленія вмѣсто сознательно-методологическихъ началъ относительно образованія понятій (ср., между прочимъ, весьма ясное въ этомъ отношеніи утвержденіе Эренфельса, стр. 4: «Если это не какая-то ошибка и капризъ словоупотребленія, которое позволяетъ намъ говорить, что для насъ твердость характера нашего друга, сохраненный на память клочекъ волосъ покойной матери и золотыя монеты въ шкафу имѣютъ «цѣнность», то мы научно обязаны изслѣдовать соотвѣтственный обширный смыслъ слова»).

*) Ср., напр., Giżycki, назв. соч. стр. 93: „Страданіе и удовольствіе опредѣляютъ волю и притомъ страданіе и удовольствіе самого хотящаго существа... Человѣкъ можетъ имѣть представленіе блага и страданій другихъ; но простыя представленія не побуждаютъ къ дѣйствію... Лишь въ томъ случаѣ, если человѣку пріятно дѣлать пріятное другому, если ему непріятно отказать въ помощи другому, онъ станетъ дѣлать пріятное или помогать другому. Въ самомъ дѣлѣ, что такое любовь. Не состоитъ ли она въ чувствованіи удовольствія при мысли о другомъ и при мысли о его счастіи, въ чувствованіи неудовольствія при мысли о его несчастіи, и поэтому въ охотномъ содѣйствіи его счастію?“ и т. д.; Sigwart, назв. соч. стр. 6: „Человѣкъ не можетъ по своей природѣ въ дѣйствительности желать чего либо такого, что не доставляетъ ему личнаго чувства удовлетворенія; онъ желаетъ въ извѣстномъ смыслѣ себя самого, своего собственнаго блага, и это относится ко всякой волѣ. Того, что не представляю бы никакого блага для меня, я не могу хотѣть только потому, что оно благо для другихъ, а только въ томъ случаѣ, если оно въ связи съ этимъ имѣетъ и для меня понятную и чувствительную цѣнность. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ утверждать, что не только эвдемонизмъ, сообразованіе поведенія съ чувствами удовольствія вообще, но и эгоизмъ, сообразованіе поведенія съ собственнымъ личнымъ удовольствіемъ, необходимо содержится во всякой человѣческой волѣ“ и т. д.

**) Ср. только что приведенное положеніе Зигварта. По поводу этого положенія, между прочимъ, Ziegler, Das Gefühl, 3-е изд. 1899, стр. 171, подчеркиваетъ: Зигвартъ... достаточно свободенъ отъ предразсудковъ (unbefangen genug), чтобы признать и наличность эгоизма во всякомъ человѣческомъ поведеніи и желаніи“; въ другомъ мѣстѣ, стр. 288, тотъ же авторъ, повторяя отъ себя слова Зигварта о необходимо эгоистичной природѣ поведенія, добавляетъ „какъ это вполнѣ правильно и вполнѣ честно говоритъ Зигвартъ“.

***) Ср., напр., Giżycki, назв. соч., стр. 100 („Если различать опредѣленный смыслъ слова эгоизмъ, то оно должно означать сознательное предпочтеніе собственнаго

На ряду съ гедонистическимъ толкованіемъ человѣческаго поведенія въ прежнее время играло большую роль въ психологіи, философіи, этикѣ и т. д. другое, существенно отличное отъ него, а именно, ученіе, по которому воля опредѣляется идеями, представленіями (или: знаніемъ, разумомъ и т. п.), независимо отъ удовольствій или неудовольствій (или соотвѣтственныхъ расчетовъ). Соотвѣтственныя (въ современной литературѣ обыкновенно совсѣмъ не упоминаемыя) воззрѣнія мы назовемъ, въ отличіе отъ гедонистическихъ, идеологическими. Борьба между гедонистическимъ и идеологическимъ направленіями происходила, между прочимъ, уже въ древне-греческой философіи *), продолжалась и въ новоевропейской наукѣ и окончилась рѣшительнымъ торжествомъ гедонизма лишь во второй половинѣ XIX вѣка **).

блага благу другихъ"); Kreibig, назв. соч., стр. 122: „Объ эгоизмѣ можно... правильно говорить лишь въ томъ случаѣ, если имѣются налицо конфликты между собственнымъ и чужимъ благомъ... Эгоизмъ имѣется лишь тогда, когда субъектъ свое меньшее добро или зло ставитъ сознательно выше большаго блага или зла другихъ и сообразно съ этимъ и дѣйствуетъ". Подобное же отношеніе замѣчается и къ словамъ: гедонизмъ и эвдемонизмъ. Напр., тотъ же авторъ, Крейбигъ, не признаетъ своего ученія и гедонистическимъ, достигая этого путемъ слѣдующаго, весьма узкаго, толкованія имени гедонизмъ: „Подъ гедонизмомъ въ психологическомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть ученіе, что представляемою цѣлью всякаго человѣческаго дѣйствія является осуществленіе собственнаго актуальнаго наслажденія дѣйствующаго" (стр. 125).

*) Ср., напр., съ одной стороны, воззрѣнія Платона, стоиковъ, съ другой стороны, Эпикура и т. д.

**) Послѣднимъ періодомъ процвѣтанія идеологическаго воззрѣнія слѣдуетъ признать періодъ господства въ психологіи и этикѣ ученія Гербарта (сводившаго психическую жизнь къ представленіямъ и взаимному поддержанію сродныхъ по содержанію представленій и борьбѣ за существованіе противоположныхъ представленій и учившаго, что нравственное поведеніе опредѣляется такъ наз. „практическими идеями": идеей совершенства, идеей благожелательства, идеей права, идеей справедливости, идеей свободы). Послѣдователи этихъ ученій (главнымъ образомъ въ области этики) попадаются еще и теперь, но не играютъ серіозной роли въ наукѣ. Впрочемъ попытки приписанія „идеямъ", какъ таковымъ, мотиваціоннаго значенія возобновляются отъ времени до времени и со стороны не-гербартіанцевъ. Между прочимъ, какъ на выдающагося современнаго сторонника идеологической теоріи поведенія можно указать на Джемса. Онъ приписываетъ идеямъ способность вызывать соотвѣтствующія дѣйствія и въ этомъ смыслѣ говоритъ о „моторныхъ идеяхъ". Главную роль при этомъ онъ приписываетъ «идеямъ движенія», представленіямъ разныхъ видовъ движеній (или: „идеямъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя движеніе повлечетъ за собою"). Эти идеи онъ называетъ преимущественно моторными идеями и относительно нихъ выставляетъ слѣдующее положеніе: „Всякое представленіе движенія вызываетъ въ извѣстной степени соотвѣтствующее движеніе, которое всего рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда его не задерживаетъ никакое другое представленіе, находящееся одновременно съ первымъ въ области нашего сознанія". Но затѣмъ способность опредѣлять волю и вызывать дѣйствія приписываетъ онъ и всякимъ другимъ „идеямъ", т. е. всякимъ представленіямъ, ощущеніямъ, воспріятіямъ и мыслямъ. „Каждое воспринимаемое нами впечатлѣніе связано съ нѣкоторымъ возбужденіемъ нервной дѣятельности, за которымъ неминуемо должно послѣдовать извѣстное движеніе. Наши ощущенія и мысли представляютъ собою, если такъ можно выразиться, пункты пересѣченія нервныхъ токовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ является движеніе", и т. д. (Психологія, гл. XXVI).

Главными основаніями, или точнѣе, главными психологическими причинами, дававшими силу и перевѣсъ гедонистическимъ ученіямъ о человѣческой мотивации по отношенію къ идеологическимъ въ прежнее время и играющими большую роль въ направленіи распространенія и укрѣпленія убѣжденія въ несомнѣнной правильности гедонистической точки зрѣнія въ сферѣ разныхъ современныхъ дисциплинъ, являются соображенія практическаго характера. Такое поведеніе, которое опредѣлялось бы безразличными съ точки зрѣнія чувства представленіями, стремленіе къ тому, что не имѣетъ никакого значенія, никакой цѣнности для насъ съ точки зрѣнія нашихъ чувствъ, и т. д., представляется чѣмъ-то лишеннымъ разумнаго смысла, нелѣпымъ, а потому и невозможнымъ. «Совершенно правильно указываютъ на то, что созданіе эффекта, отъ котораго бы не было никакой пользы и который бы не вызывалъ ни у кого чувства удовольствія, не можетъ быть разумнымъ образомъ цѣлью» *), и т. п. Сообразно съ этимъ мысль о томъ, чтобы идеи, представленія, какъ таковыя, внѣ связи съ чувствами, могли быть мотивами, обыкновенно не подвергается даже особому разсмотрѣнію, а отвергается аксіоматически, какъ нѣчто невозможное, немыслимое **).

Поскольку дѣло ограничивается такими, прямо высказываемыми или подразумѣваемыми, аргументами противъ идеологической и въ пользу гедонистической точки зрѣнія, соотвѣтственныя учрежденія, какъ покоящіяся на смѣшеніи практической и теоретической точекъ зрѣнія, слѣдуетъ признать ненаучными, лишенными всякаго научнаго обоснованія ***).

Но въ новѣйшее время появились въ наукѣ болѣе серіозныя соображенія, говорящія, повидимому, противъ идеологизма и въ пользу гедонизма.

Съ того времени, когда психологія достигла несомнѣннаго и весьма важнаго прогресса въ томъ отношеніи, что она познала и признала категорію чувствъ (наслажденій и страданій) какъ своеобразную и, не долженствующую быть смѣшиваемою съ другими, основную категорію психическихъ переживаній, разсчитывать на научный успѣхъ можетъ лишь такая теорія мотивации и поведенія, которая не попадаетъ въ затрудненіе по адресу этого своеобразнаго фактора и элемента жизни, а указываетъ для него опредѣленное мѣсто и опредѣленную понятную функцію въ психической жизни и въ экономіи жизни вообще.

И вотъ съ господствующей, гедонистической точки зрѣнія соотвѣтственная проблема рѣшается въ томъ смыслѣ, что чувства играютъ роль показателей значенія для нашего благосостоянія разныхъ объектовъ по-

---

*) Зигвартъ, назв. соч. стр. 6.

**) Между прочимъ, по мнѣнію Вундта, „предположеніе воли, опредѣляемой чисто интеллектуальными соображеніями“, заключаетъ въ себѣ „психологическое противорѣчіе. Оно покоится на абстрактномъ понятіи метафизической (трансцендентной), съ реальными волевыми явленіями ничего не имѣющей общаго, воли“ (Grundriss der Psychol. S. 222). Ср. выше, стр. 161 прим.

***) Ср. выше, стр. 53 и сл.

знанія и соотвѣтственно направляютъ поведеніе, занимая такимъ образомъ центральное мѣсто между познаніемъ и волею.

Напротивъ, съ точки зрѣнія идеологической теоріи мотиваціи, т. е. въ случаѣ предположенія непосредственнаго опредѣленія воли познаніемъ, чувства оказываются какимъ-то лишнимъ придаткомъ безъ особой, опредѣленной и понятной, жизненной функціи.

Со времени появленія дарвинистической теоріи развитія и приспособленія гедонистическая теорія получила новое подкрѣпленіе, а положеніе идеологической теоріи въ наукѣ сдѣлалось еще болѣе невозможнымъ.

Такъ какъ отрицательныя чувства вообще сопровождаютъ разрушительные и опасные для жизни процессы, а положительныя чувства, удовольствія, соединяются съ благопріятными для жизни процессами (ср. выше, стр. 127), то такія существа, которыя бы не подчинялись соотвѣтственнымъ указаніямъ природы, не избѣгали бы непріятнаго, причиняющаго страданія и т. д., должны были бы неминуемо исчезнуть съ лица земли, какъ неприспособленныя къ борьбѣ за существованіе, къ избѣганію разрушительнаго, вреднаго и опаснаго для жизни и къ достиженію благопріятнаго для жизни, охраняющаго и поддерживающаго жизнь.

Избѣганіе непріятнаго и стремленіе къ непріятному суть необходимые и основные біологическіе законы. Съ этими, установленными біологами дарвинистами и никѣмъ пока не опровергнутыми, положеніями не считаются тѣ психологи, кѣторые продолжаютъ отстаивать идеологическую теорію мотиваціи противъ гедонистической *).

Вообще съ точки зрѣнія основныхъ предпосылокъ современной психологіи (ученія о тройственномъ составѣ психической жизни: познаніе,

---

*) Впрочемъ, это упущеніе, какъ и вообще отсутствіе пользованія свѣтомъ дарвинистической теоріи для пониманія психической жизни, замѣчается обыкновенно и въ тѣхъ психологическихъ руководствахъ и монографіяхъ, которыя держатся гедонистической точки зрѣнія. Этимъ, между прочимъ, въ значительной степени объясняется разнообразіе и произвольность конструкцій новыхъ гедонистическихъ ученій. Въ случаѣ принятія во вниманіе біологической точки зрѣнія разныя выставляемыя новѣйшими гедонистами положенія не увидѣли бы свѣта, какъ несогласныя съ положеніями новой біологіи. Наиболѣе согласною съ этими положеніями является та теорія, по которой мотивами являются, какъ настоящія реальныя страданія и наслажденія (напр., боли и т. п.), такъ и представленія будущихъ возможныхъ наслажденій или страданій; эти представленія являются результатами жизненнаго опыта и репрезентируютъ возможныя въ будущемъ, въ случаѣ неудачнаго поведенія, гибельныя и опасныя для жизни происшествія, которыя слѣдуетъ предотвратить путемъ соотвѣтственнаго поведенія и т. д. Съ точки зрѣнія приведенныхъ біологическихъ положеній несогласованіе поведенія съ представленіями предотвратимыхъ страданій или достижимыхъ наслажденій слѣдуетъ даже признать особенно важнымъ и невѣроятнымъ недостаткомъ приспособленія: когда уже вредное происшествіе наступило и есть реальное страданіе, напр., боль вслѣдствіе случившагося уже причиненія хотя бы и не смертельной раны, то обыкновенно бываетъ уже поздно принимать мѣры, и т. д. Между тѣмъ, въ новѣйшей психологіи существуетъ тенденція замѣнить соотвѣтственную теорію мотиваціи разными гедонистическими же, но болѣе тонкими и сложными, точнѣе, болѣе искус-

чувство, воля) въ связи съ приведенными біологическими положеніями единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на вопросъ о мотивахъ воли является гедоническій.

Опроверженіе гедонизма предполагаетъ опроверженіе этихъ основныхъ предпосылокъ.

ственными и произвольными построеніями, лишенными не только біологической сознательности, но подчасъ и согласія съ элементарными началами логики.

Что касается, съ другой стороны, идеологическаго ученія, приписывающаго импульсивное дѣйствіе всякимъ „идеямъ", всякимъ познавательнымъ актамъ, какъ таковымъ (ср. выше положенія Джемса), то оно съ біологической точки зрѣнія представляется невѣроятнымъ, независимо отъ приведенныхъ въ текстѣ положеній. Мы переживаемъ каждую минуту великія множества ощущеній, воспріятій, представленій... Если бы каждый такой познавательный актъ былъ источникомъ импульса къ движенію, т. е. велъ къ соотвѣтственной затратѣ жизненной энергіи, требующей къ тому же въ громадномъ большинствѣ случаевъ дальнѣйшей затраты энергіи для парализованія дѣйствія этой энергіи и предупрежденія соотвѣтственныхъ безчисленныхъ реальныхъ движеній (какъ это вытекаетъ изъ предположеній теоріи), то это была бы картина грандіознаго и біологически нелѣпаго расточительства въ области жизненной энергіи, невѣроятнаго нарушенія закона (тенденціи) біологической экономіи.

ГЛАВА II.

Основы эмоціональной психологіи.

§ 12. Ошибочность господствующаго ученія о тройственномъ составѣ психики.

Можно утверждать, что современная психологія вообще представляетъ собою хромую науку въ томъ смыслѣ, что ея основная предпосылка, по которой познаніе, чувство и воля исчерпываютъ всю психическую жизнь, причемъ ихъ суммы и сочетанія въ совокупности равняются классу «психическіе феномены», содержитъ въ себѣ существенную ошибку: въ дѣйствительности познаніе, чувство и воля не исчерпываютъ всей психической жизни, а составляютъ лишь часть высшаго класса: психическія явленія. Поскольку современная психологія относитъ лишь къ познанію, чувству и волѣ то, что истинно относительно всѣхъ явленій сознанія, постольку и получается хромое ученіе, ученіе относимое къ слишкомъ узкой группѣ явленій. Съ другой стороны, всѣ три спеціальныя вѣтви современной психологіи — психологія познанія, психологія чувства и психологія воли, въ лучшемъ случаѣ (т. е. поскольку онѣ свободны отъ другихъ недостатковъ) должны неминуемо представлять прыгающія теоріи; внимательный просмотръ тѣхъ психическихъ явленій, которыя современные психологи подводятъ подъ рубрики: познаніе, чувство, воля, обнаруживаетъ, что эти рубрики представляютъ по существу не надлежащіе научные классы, а эклектическія группы, содержатъ въ себѣ сверхъ того, что къ нимъ слѣдовало бы относить, еще и чуждыя, постороннія примѣси, такъ что тѣ ученія, которыя были бы правильны относительно соотвѣтственныхъ «чистыхъ» классовъ, неизбѣжно должны страдать порокомъ прыганія вслѣдствіе отнесенія ихъ къ слишкомъ обширнымъ группамъ, къ классамъ съ постороннею примѣсью.

Источникомъ и той и другой аномаліи (равно какъ безчисленнаго множества разныхъ спеціальныхъ ошибокъ и затрудненій, въ томъ числѣ тѣхъ, съ которыми мы уже имѣли случай встрѣтиться выше) является слѣдующее обстоятельство.

Существуетъ множество психическихъ явленій, сродныхъ другъ съ другомъ по качеству, по причиннымъ свойствамъ и по (весьма существеннымъ) біологическимъ функціямъ и существенно отличныхъ въ этихъ от-

ношеніяхъ отъ явленій познанія, чувства и воли, и такимъ образомъ не находящихъ надлежащаго мѣста въ традиціонной трехчленной классификаціи и требующихъ для надлежащаго изученія установленія особаго. четвертаго основного класса. Большинство явленій этого рода, особенно тѣ, для которыхъ въ обыденномъ языкѣ не существуетъ особыхъ названій, до сихъ поръ остаются вообще неизвѣстными въ психологіи и не подвергаются совсѣмъ изученію. Нѣкоторыя же изъ нихъ, особенно тѣ, для которыхъ въ обыденномъ языкѣ существуютъ особыя имена, обращаютъ на себя вниманіе психологовъ и изучаются ими; но это изученіе (вслѣдствіе методологическихъ недостатковъ) ведетъ не къ надлежащему познанію ихъ особой природы и особыхъ причинныхъ свойствъ и къ образованію соотвѣтственнаго особаго психологическаго класса, а къ такому ихъ перетолковыванію и конструированію, чтобы ихъ можно было подвести подъ одну изъ извѣстныхъ рубрикъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, такимъ образомъ, насильственно подводятся подъ рубрику познанія, другія подъ рубрику чувствъ, третьи подъ рубрику воли, или они блуждаютъ изъ рубрики въ рубрику, не находя, такъ сказать, пристанища; одни относятъ ихъ къ познанію, другіе къ чувствамъ, третьи къ волѣ, а нерѣдко одни и тѣ же авторы относятъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія къ различнымъ рубрикамъ *).

*) Примѣры ниже. Впрочемъ, блужданіе разныхъ психическихъ объектовъ изъ рубрики въ рубрику столь поразительное и бросающееся въ глаза явленіе, что оно не могло не обратить на себя вниманія психологовъ, и въ психологической литературѣ встрѣчаются сѣтованія на неустановленность и хаотическое состояніе классификаціи. Но изъ этого не дѣлается надлежащихъ выводовъ. Блужданіе нѣкоторыхъ объектовъ между разными рубриками данной классификаціи бываетъ обыкновенно естественнымъ слѣдствіемъ и симптомомъ порока классификаціи, извѣстнаго въ логикѣ подъ именемъ angustior divisio и состоящаго въ томъ, что члены дѣленія не исчерпываютъ всего дѣлимаго высшаго класса. И въ данномъ случаѣ слѣдовало предположить, что имѣется налицо angustior divisio, и произвести соотвѣтственное изслѣдованіе для провѣрки и надлежащаго расширенія классификаціи. Но этого не дѣлается, а вмѣсто этого фактически отъ времени до времени производятся попытки въ противоположномъ направленіи, въ направленіи дальнѣйшаго ухудшенія классификаціи путемъ дальнѣйшаго суженія ея (превращенія angustior divisio въ angustissima divisio). Какъ уже упомянуто выше (стр. 145), нѣкоторые психологи, Вундтъ и другіе, стремятся устранить классъ волевыхъ явленій, какъ особый классъ элементовъ психической жизни, и истолковать то, что называется волею, какъ сочетаніе элементовъ познанія и чувства и т. п., такъ что вмѣсто трехчленнаго дѣленія получается двухчленное: познаніе и чувство. Нѣкоторые же психологи идутъ въ этомъ направленіи еще дальше и пытаются всѣ психическія явленія свести къ одному классу. Мы уже выше упомянули о т. н. волюнтаризмѣ, т. е. ученіи, сводящемъ всѣ психическія явленія къ волѣ. Были также попытки сведенія всего къ чувствамъ удовольствія и неудовольствія (представителемъ этого ученія, могущаго быть названнымъ пангедонизмомъ, является, напр., въ современной литературѣ Циглеръ) или къ познанію (интеллектуализмъ). Особенно попытки послѣдняго рода, т. е. интеллектуалистическія ученія, играли большую роль въ прошломъ столѣтіи (главнымъ образомъ въ видѣ ученій Гербарта и его весьма многочисленныхъ послѣдователей, сводившихъ психическую жизнь къ представленіямъ и ихъ борьбѣ за существованіе, ср. выше) и начинаютъ въ новѣйшее время опять пріобрѣтать значеніе въ психологической литературѣ. Новѣйшій интеллектуализмъ пытается свести всю психическую жизнь къ ощущеніямъ, при чемъ для обоснованія этого ученія примѣняются и новѣйшіе, неокантіанскіе пріемы изслѣдованія и аргумен-

§ 13. Голодъ. Опытъ научнаго изслѣдованія его природы и вліянія на поведеніе.

Для доказательства указаннаго порока современной психологической классификаціи и обоснованія иного, четырехчленнаго, дѣленія элементовъ психической жизни, мы прежде всего остановимся на изученіи весьма извѣстныхъ всѣмъ по внутреннему опыту и имѣющихъ особое имя психическихъ переживаній, а именно, голода.

Голоду приписывается обыкновенно весьма важное значеніе въ жизни: въ философскихъ, соціологическихъ и экономическихъ разсужденіяхъ онъ выставляется нерѣдко, какъ главная и основная пружина, приводящая въ движеніе всѣ живыя твари на землѣ, не исключая и породы homo sapiens, человѣчества.

Не игнорируетъ голода, конечно, и современная психологія. Тѣмъ не менѣе природа его и мѣсто въ классификаціи до сихъ поръ остаются невыясненными, и онъ блуждаетъ въ современной психологической литературѣ между двумя принципіально различными рубриками: познанія и чувства, оказываясь то познавательнымъ явленіемъ, то чувственнымъ.

таціи. По ученію Мюнстерберга, представителя этого теченія, всякое содержаніе сознанія состоитъ изъ ощущеній или изъ элементовъ, могущихъ быть сведенными къ ощущеніямъ.. Основаніе этого утвержденія состоитъ въ слѣдующемъ: познавательная цѣль психологіи состоитъ прежде всего въ описаніи психическихъ объектовъ. Но, по мнѣнію Мюнстерберга, поддаются описанію только тѣ психическіе объекты, которые могутъ быть сведены къ ощущеніямъ. Поэтому, если мы желаемъ достигнуть познавательной цѣли психологіи, мы должны постулировать, что фактически всѣ психическіе объекты могутъ быть сведены къ ощущеніямъ (Münsterberg, Grundzüge der Psychologie. B. I. 1900, стр. 298 и сл.; ср., напр., стр. 417: „Такъ какъ мы должны были предполагать возможность описанія, если мы вообще желаемъ признать возможность психологіи, то мы должны были предположить, что всякое содержаніе познанія фактически состоитъ изъ ощущеній или изъ элементовъ, которые могутъ быть сведены къ ощущеніямъ“ и т. п.). Затѣмъ задачею психологіи, сверхъ описанія, является объясненіе. По мнѣнію Мюнстерберга, возможно достигнуть объясненія всего содержанія нашего сознанія лишь при томъ условіи, «что все психическое можетъ быть мыслимо состоящимъ изъ ощущеній, т. е. изъ возможныхъ элементовъ представленій» (стр. 429). Такимъ образомъ, то положеніе, что все психическое состоитъ изъ ощущеній, является необходимымъ постулятомъ съ точки зрѣнія обѣихъ познавательныхъ цѣлей психологіи. Сообразно съ этимъ психологія должна все психическое передѣлывать мысленно такъ, чтобы удовлетворять этому требованію, «мы принуждены логически дѣйствительные объекты подвергать мысленнымъ превращеніямъ (umzudenken) въ смыслѣ этого требованія» (стр. 429).

Это новѣйшее «критическое», «гносеологическое» направленіе психологіи, сводящееся къ сознательной рекомендаціи перетолковыванія фактовъ и къ утвержденію, что безъ этого средства нельзя строить психологическихъ ученій, не требуетъ, послѣ сказаннаго выше о неокантіанскомъ, постулятномъ методѣ, особаго разбора; но оно интересно, какъ характерное и симптоматическое явленіе не только для неокантіанства и его отношенія къ наукѣ, но и для современной психологіи. Съ точки зрѣнія основныхъ предпосылокъ, пріемовъ построенія теорій и вообще состоянія современной психологіи ученіе Мюнстерберга далеко не лишено фактической почвы. Обосновывая съ помощью постулятнаго метода необходимость для пси-

А именно, нѣкоторые психологи, согласно съ обыденнымъ словоупотребленіемъ, называющимъ голодъ ощущеніемъ («ощущеніе голода», «не ощущать голода» и т. д.), относятъ его къ ощущеніямъ и опредѣляютъ, какъ органическое, вызываемое внутренне-органическими раздражителями, ощущеніе. Природа раздражителей представляется спорною; одни полагаютъ, что ощущеніе голода вызывается воздѣйствіемъ образующихся послѣ окончанія пищеваренія кислотъ на слизистую оболочку желудка, другіе говорятъ о состояніи раздраженія въ мускулахъ желудка и кишокъ отъ продолжительнаго бездѣйствія, третьи усматриваютъ причину этихъ

хологіи заниматься перетолковываніемъ фактовъ, Мюнстербергъ только строитъ оправданіе для того, чѣмъ фактически занимаются психологи и безъ чего они не могутъ обойтись для построенія психологіи съ помощью тѣхъ основныхъ категорій, которыми имъ приходится оперировать. Это, какъ подробнѣе выяснится ниже, относится уже въ большей степени къ тому случаю, когда построеніе психологіи производится съ помощью трехъ категорій: познанія, чувства и воли (за отсутствіемъ необходимой четвертой категоріи). Если же въ удовлетвореніе стремленія къ единству задачею дѣлается сведеніе всего въ психической жизни къ чему либо одному, къ познанію или къ чувствамъ, или къ волѣ, то перетолковываніе фактовъ получаетъ еще большее значеніе, и «методъ» интеллектуализма, волюнтаризма и т. д. состоитъ въ радикальномъ и систематическомъ «превращеніи въ мысли» всего въ психикѣ въ ощущенія или представленія, или волю и т. д. — смотря по облюбованному направленію. Что здѣсь должны неминуемо господствовать весьма рѣшительный произволъ и существенное искаженіе природы конструируемыхъ явленій, это должно было бы быть яснымъ всякому напередъ, независимо отъ ознакомленія съ фактическими пріемами построенія волюнтаризма, интеллектуализма и т. д. Для этого достаточно принять въ соображеніе ту пропасть, которая имѣется между активною природою воли, съ одной стороны, пассивною природою ощущеній и т. д., съ другой стороны. Какъ можно безъ явнаго произвола «превратить въ мысли» первое во второе (интеллектуализмъ, пангедонизмъ) или второе въ первое (волюнтаризмъ)? Вообще психическая жизнь имѣетъ пассивно-активный характеръ (чему соотвѣтствуетъ и двойственная, центростремительно-центробѣжная структура нервной системы), и всякая попытка свести эту жизнь къ какимъ либо чисто пассивнымъ или противоположнымъ элементамъ сама, такъ сказать, говоритъ о своей несостоятельности и безнадежности по природѣ вещей, представляетъ неминуемо покушеніе съ явно негодными средствами.

Между прочимъ, одно изъ этихъ направленій (волюнтаризмъ) нашло выдающагося сторонника и проповѣдника и въ новѣйшей русской литературѣ. Мы имѣемъ въ виду недавно появившійся трудъ Лосскаго: «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма», 1903 г. Авторъ причисляетъ свой трудъ (въ отличіе отъ „эклектическихъ“) къ «работамъ, посвященнымъ вопросу, какія системы взглядовъ необходимо требуются или исключаются тѣмъ или другимъ направленіемъ“ (предисловіе). Его монографія „имѣетъ цѣлью развить рядъ ученій по основнымъ вопросамъ психологіи, необходимымъ съ точки зрѣнія одной изъ разновидностей волюнтаризма“ (тамъ же). Можно только выразить сожалѣніе, что выдающіяся научныя силы (въ каковомъ признаніи несомнѣнно нельзя отказать почтенному автору) отклоняются отъ пути безпристрастно-объективнаго изслѣдованія для того, чтобы конструировать то, что представляется „необходимымъ“ съ точки зрѣнія извѣстнаго „направленія“.

Преобладающее большинство психологовъ, впрочемъ, держится не волюнтаризма и не интеллектуализма, а „эклектическаго направленія“, т. е. остается на почвѣ признанія познанія, чувства и воли, какъ трехъ самостоятельныхъ психологическихъ классовъ, и попытки волюнтаристовъ и интеллектуалистовъ признаются господствующимъ мнѣніемъ неудавшимися. Ср. Jodl, Lehrbuch der Psychologie, I, 1903, стр. 156; Höffding, Psychologie, 1901, стр. 120: „Теперь общепринятое психо-

ощущеній въ ненормальномъ, вслѣдствіе недостаточнаго питанія, состояніи нервовъ, и т. п. *).

Другіе психологи относятъ голодъ, тоже согласно съ обыденнымъ словоупотребленіемъ, называющимъ голодъ также чувствомъ («чувство голода», «почувствовать голодъ» и т. п.), къ чувствамъ, а именно, къ отрицательнымъ чувствамъ, страданіямъ, вызываемымъ ненормальнымъ физіологическимъ состояніемъ организма, недостаточнымъ питаніемъ нервовъ, и т. д. **).

Съ точки зрѣнія ученія о голодѣ, какъ страданіи, роль голода, какъ импульса движенія, какъ мотива поведенія, объясняется очень просто и легко. Такъ какъ дѣло идетъ о страданіи, то по общему закону воли должна появляться сознательная или инстинктивная воля, направленная на освобожденіе отъ него, и т. д. Впрочемъ, то же относится и къ первому ученію, такъ какъ представители его относятъ голодъ къ непріятнымъ, т. е. связаннымъ со страданіями, ощущеніямъ ***).

логическое дѣленіе есть тройственное дѣленіе на познаніе, чувство и волю. Прежде со времени Аристотеля слѣдовали двойственному дѣленію на познаніе и волю, но нѣмецкіе психологи прошлаго столѣтія ввели, какъ третій членъ классификаціи, чувство... Примѣненіе со стороны Канта этого тройственнаго дѣленія способствовало общему признанію его. Всѣ попытки, дѣлавшіяся со времени Канта, свести всѣ явленія сознанія къ одному роду элементовъ, потерпѣли крушеніе“...

Господствующее мнѣніе, признающее дѣленіе на познаніе, чувство и волю лучшею изъ всѣхъ предлагавшихся классификацій и важнымъ прогрессомъ науки по сравненію съ прежнею двучленною классификаціею, вполнѣ правильно, но необходимъ еще дальнѣйшій прогрессъ въ томъ же направленіи, т. е. въ направленіи дальнѣйшаго расширенія все еще angustior divisio. Тогда только устранится господствующее теперь въ психологіи хаотическое и неопредѣленное положеніе (ср. Лосскій, назв. соч., начало предисловія), блужданіе массы психическихъ явленій изъ рубрики въ рубрику, перетолковываніе и произвольное конструированіе психическихъ явленій для насильственнаго подведенія ихъ подъ неподходящія рубрики, и вообще сдѣлается возможной научная въ полномъ смыслѣ слова психологія.

*) Ср., напр., Külpe, Grundriss der Psychologie, § 23; Wundt, Grundzüge der physiolog. Psychol. II, 1902, стр. 43.

**) Ср., напр., Höffding, Psychologie, 1901, стр. 73; Ierusalem, Lehrb. d. Psychol. 1902, стр. 160; ср., также Wundt, Grundriss der Psychol. 1902, 220, 221. Между тѣмъ какъ въ указанномъ въ предыдущемъ примѣчаніи сочиненіи этого автора голодъ относится къ ощущеніямъ, въ этомъ сочиненіи голодъ относится къ чувствамъ („Unlustgefühl des Hungers“) и т. д. Мы уже упомянули выше, что интересующія насъ психическія явленія иногда у однихъ и тѣхъ же психологовъ блуждаютъ между разными рубриками, попадая то въ одну, то въ другую.

***) Ср., напр., Ebbinghaus, Psychol. I, 1902, стр. 544: „Голодъ и жажда, пресыщеніе и отвращеніе... относятся къ наиболѣе непріятнымъ (соединеннымъ съ наиболѣе интенсивными страданіями) среди извѣстныхъ намъ переживаній (ощущеній)“; стр. 561: „Всякая воля основывается на опытѣ и содержитъ его результаты въ качествѣ представленій, составляющихъ цѣль или содержаніе воли. Если такія представленія отсутствуютъ, то говорится объ инстинктахъ (Triebe), стремленіяхъ. Въ чемъ состоятъ эти послѣдніе? Ребенокъ обладаетъ врожденнымъ инстинктомъ питанія; что происходитъ въ немъ въ случаѣ проявленія этого инстинкта? Если ребенокъ голоденъ, то онъ переживаетъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени все усиливающіяся, соединенныя съ сильнымъ страданіемъ, ощущенія голода. Въ то же время онъ производитъ длинный рядъ движеній... во-

Но всѣ эти ученія, въ случаѣ провѣрки ихъ съ помощью индуктивнаго метода, оказываются ошибочными.

Прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній при изслѣдованіи природы и свойствъ голода, слѣдуетъ отмѣтить, что необходимо критическое отношеніе къ соотвѣтственному обыденному словоупотребленію. Не говоря уже о томъ, что отнесеніе голода обыденнымъ словоупотребленіемъ къ «ощущеніямъ» или къ «чувствамъ» не имѣетъ никакого значенія для научнаго опредѣленія природы этого психическаго явленія, и къ самому примѣненію имени «голодъ» слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Прежде всего это слово двусмысленное. Если въ жизни или въ наукѣ говорится, что «голодъ истощаетъ организмъ», «голоданіе вредитъ здоровью» и т. п., то здѣсь «голодъ», «голоданіе» и т. п. вообще не означаютъ какого либо психическаго явленія, а имѣютъ въ виду особое ненормальное физіологическое (патологическое) состояніе, недостаточное питаніе организма, каковое явленіе мы можемъ назвать «физіологическимъ голодомъ». Въ другихъ случаяхъ слово «голодъ» означаетъ специфическія внутреннія переживанія, особые психическіе феномены, но при томъ, какъ это часто бываетъ въ области обыденнаго психологическаго словоупотребленія, это слово примѣняется не ко всѣмъ переживаніямъ того же рода, а главнымъ образомъ лишь къ болѣе сильнымъ. Въ качествѣ синонима голода въ психологическомъ смыслѣ въ обыденномъ языкѣ существуетъ еще слово «аппетитъ» («ощущеніе голода», «не ощущать никакого голода» и т. д. = «ощущеніе аппетита», «не ощущать никакого аппетита» и т. д.). Въ случаѣ меньшей интенсивности соотвѣтственныхъ специфическихъ переживаній предпочитается обыкновенно слово «аппетитъ», въ случаѣ большей силы говорится «голодъ». Мы будемъ называть голодомъ или голодомъ-аппетитомъ всѣ соотвѣтственныя явленія сознанія, какъ слабѣйшія и еле замѣтныя, такъ и сильнѣйшія.

Что касается отношенія голода-аппетита къ физіологическому голоду, то это не только двѣ совершенно различныя между собою категоріи явленій, но даже не состоящія другъ съ другомъ въ отношеніи неразрывной связи или постояннаго и абсолютнаго параллелизма, каковое (психологически естественное вслѣдствіе указанныхъ особенностей словоупотребленія, но тѣмъ не менѣе ошибочное) предположеніе лежитъ въ основѣ ходячихъ ученій о голодѣ.

рочается туда и сюда, суетъ себѣ кулакъ въ ротъ, искривляетъ лицо, кричитъ, Это продолжается до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ взрослыхъ, привлеченный безпокойствомъ и крикомъ ребенка, не устранитъ причины непріятнаго ощущенія и тѣмъ самымъ его самого (непріятнаго ощущенія)“ и т. д. Вообще инстинктивныя попытки освободиться отъ „чувства“ или непріятнаго „ощущенія“ голода фигурируютъ традиціонно въ психологіи, какъ образцы и иллюстраціи примитивнаго поведенія и его мотиваціи, ср. выше стр. 128. Такую же роль традиціоннаго примѣра играетъ голодъ въ области психологической теоріи потребностей, которыя опредѣляются, какъ страданія вслѣдствіе недостатка чего либо (ср. напр., Ierusalem, назв. соч. стр. 160 и др.).

Появленіе, усиленіе, ослабленіе и исчезновеніе голода-аппетита зависитъ (какъ легко можно убѣдиться путемъ простыхъ индукцій) отъ различныхъ факторовъ, въ томъ числѣ такихъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ физіологическимъ голоданіемъ, въ частности отъ разныхъ психическихъ факторовъ. Появленіе аппетита можно вызывать (напр., для экспериментальныхъ цѣлей) при отсутствіи физіологическаго голоданія путемъ вызова разныхъ ощущеній, воспріятій, представленій, напр., путемъ запаха или вида «лакомыхъ», любимыхъ даннымъ субъектомъ, объектовъ ѣды, путемъ пробованія вкуса такихъ предметовъ, путемъ соотвѣтственныхъ живыхъ фантастическихъ представленій *). Съ другой стороны, при наличности физіологическаго голоданія можно предотвратить появленіе психологическаго голода или, по желанію, заставить исчезнуть наличный аппетитъ тоже путемъ разныхъ психическихъ воздѣйствій. Сюда относится, напр., видъ червей, мухъ или иныхъ насѣкомыхъ въ поданномъ супѣ или мясномъ блюдѣ (еще радикальнѣе дѣйствуетъ въ смыслѣ моментальнаго устраненія и при томъ подчасъ на долгое время психологическаго голода взятіе въ ротъ такихъ предметовъ), разные запахи, между прочимъ и разные пріятные запахи; напр., жаркое съ запахомъ одеколона или иныхъ духовъ тоже можетъ умалить аппетитъ или заставить его совсѣмъ исчезнуть, и т. д. Такъ же дѣйствуютъ: страхъ, испугъ, гнѣвъ, стыдъ, любовныя волненія и т. д. Затѣмъ психологическій голодъ зависитъ отъ разныхъ физіологическихъ состояній и воздѣйствій, отличныхъ отъ физіологическаго голоданія, напр., отъ состоянія здоровья. Большую роль играетъ также привычка; мы обыкновенно переживаемъ голодъ-аппетитъ въ тѣ часы дня, когда мы привыкли принимать пищу; путемъ измѣненія порядка жизни можно въ широкихъ размѣрахъ достигать соотвѣтственныхъ перемѣщеній временъ появленія психологическаго голода **). Въ случаѣ непріема пищи въ привычное время (напр., вслѣд-

*) Между прочимъ, разныя психическія воздѣйствія очень осложняютъ процессъ измѣненій интенсивности голода-аппетита во время болѣе или менѣе обильныхъ и изысканныхъ пиршествъ. Соотвѣтственное кулинарное искусство въ значительной степени сводится къ тому, чтобы заставить съ надлежащимъ аппетитомъ ѣсть дальнѣйшія блюда людей, физіологически уже не голодныхъ или даже слишкомъ много поѣвшихъ.

Весьма годнымъ средствомъ для экспериментальнаго доведенія голода-аппетита до весьма большой интенсивности (что полезно для изученія его природы, его физіологическаго дѣйствія, напр., у животныхъ, ср. ниже) является „дразненіе“ путемъ соотвѣтственныхъ психическихъ воздѣйствій; напр., если дать собакѣ понюхать или полизать кусокъ жаркого, а затѣмъ взять его назадъ и такую манипуляцію повторить нѣсколько разъ, то можно очень хорошо наблюдать разныя внѣшнія проявленія все возрастающаго, весьма интенсивнаго аппетита.

**) Между прочимъ, по самонаблюденіямъ, произведеннымъ авторомъ для изученія психологическаго голода, оказалось, что голодъ-аппетитъ появляется обыкновенно (въ слабой формѣ) раньше обычнаго времени ѣды, напр., приблизительно за часъ до времени обѣда; затѣмъ очень скоро послѣ появленія онъ исчезаетъ, а потомъ къ обычному времени ѣды появляется вновь. Если это не „случайное“ и индивидуальное явленіе, то можно выставить гипотезу, что это продуктъ атави-

ствіе опозданія обѣда) голодъ-аппетитъ отнюдь не продолжаетъ правильно усиливаться, а напротивъ, исчезаетъ на нѣкоторое время или во всякомъ случаѣ ослабѣваетъ (какъ это извѣстно всякой опытной хозяйкѣ), потомъ возвращается опять, опять исчезаетъ (хотя, конечно, не прекращается физіологическое голоданіе) и т. д.

Если вмѣсто конструированія теорій голода съ точки зрѣнія недостатка питанія и соотвѣтственныхъ физіологическихъ предположеній относительно состоянія разныхъ органовъ принять во вниманіе указанные факты и подвергнуть соотвѣтственному изученію голодъ-аппетитъ въ разныхъ случаяхъ его появленія, формахъ и стадіяхъ развитія, то получаются слѣдующіе выводы.

Объ опредѣленіи и объясненіи голода, какъ ощущеній, вызываемыхъ дѣйствіемъ развивающихся послѣ окончанія пищеваренія кислотъ или особымъ физіологическимъ состояніемъ мускуловъ желудка и кишокъ и т. п. раздражителями—не можетъ быть рѣчи. Явленія несоотвѣтствія физіологическаго голоданія и психологическаго голода и зависимость появленія, измѣненія и исчезновенія голода-аппетита отъ разныхъ другихъ, въ особенности чисто психическихъ факторовъ, содержатъ въ себѣ матеріалъ для полной и рѣшительной отрицательной индукціи противъ всѣхъ теорій этого рода *). Ослабленіе или исчезновеніе голода-аппетита въ случаяхъ опозданія обычной ѣды (т. е. въ случаѣ усиленія или появленія впервые физіологическаго голоданія), появленіе, усиленіе, ослабленіе, исчезновеніе психологическаго голода подъ вліяніемъ чисто психическихъ воздѣйствій, которыя, конечно, не вводятъ въ желудокъ отсутствующихъ и не удаляютъ изъ него существующихъ кислыхъ веществъ и тому подобныхъ раздражителей, и другіе упомянутые выше факты показываютъ вообще недопустимость и безнадежность какихъ бы то ни было попытокъ построенія теоріи голода путемъ нахожденія или придумыванія физіологическихъ раздражителей на почвѣ недостаточнаго питанія и соотвѣтственныхъ ощущеній **).

стическаго приспособленія путемъ естественнаго подбора, имѣющій біологическое значеніе заблаговременнаго „напоминанія“, что слѣдуетъ подумать о поискахъ за предметами питанія, идти изъ пещеры въ лѣсъ или т. п. (ср. ниже о вліяніи аппетита на появленіе и теченіе представленій, мыслей и т. д.). Какъ и въ другихъ случаяхъ, продуктъ приспособленія соотвѣтствуетъ не столько новѣйшимъ условіямъ жизни, сколько условіямъ въ теченіе продолжительныхъ прежнихъ эпохъ существованія породы.

*) Для надлежащаго пониманія и примѣненія индуктивнаго метода слѣдуетъ различать два вида индукціи: положительную и отрицательную.

Существо положительной индукціи состоитъ въ выводѣ наличности необходимой связи чего либо съ чѣмъ либо другимъ, на основаніи констатированія того, что измѣненія, касающіяся одного (его появленіе, наличность, исчезновеніе, отсутствіе, усиленіе, ослабленіе и т. д.) отражаются на судьбѣ другого въ видѣ соотвѣтственныхъ измѣненій.

Существо отрицательной индукціи состоитъ въ выводѣ отсутствія связи на основаніи констатированія отсутствія отношенія соотвѣтствія измѣненій.

**) Фактически переживанія голода нерѣдко осложняются (и затемняются для интроспективнаго познанія) разными ощущеніями, напр., ощущеніями пустоты

Сказанное о теоріяхъ голода, какъ органическихъ ощущеній, mutatis mutandis относится и къ чувственнымъ теоріямъ голода, поскольку онѣ говорятъ о страданіи, вызываемомъ физіологически ненормальнымъ состояніемъ организма или отдѣльныхъ его органовъ. Въ случаѣ индуктивной провѣрки соотвѣтственныхъ утвержденій или гипотезъ, онѣ оказываются совершенно несостоятельными по такимъ же соображеніямъ, какъ и предыдущія теоріи. Впрочемъ, отрицательныя чувства, страданія могутъ вызываться и разными психическими переживаніями, какъ таковыми. Поэтому предположеніе, что голодъ есть отрицательное чувство, само по себѣ (т. е. поскольку оно не осложняется физіологическими предположеніями съ точки зрѣнія патологическаго голода) остается мыслимымъ. Но и оно несомнѣнно основано на недоразумѣніи. Голодъ-аппетитъ не только не есть страданіе, но даже и не сопровождается нормально никакими страданіями. Напротивъ, при нормальныхъ и обыкновенныхъ условіяхъ онъ сопровождается даже положительными чувствами, чувствомъ удовольствія, благосостоянія (ср. распространенный у разныхъ народовъ обычай вѣжливости—пожеланія хорошаго аппетита). Мы не отрицаемъ, конечно, что при наличности голода-аппетита подчасъ бываютъ налицо и отрицательныя чувства, иногда даже очень сильныя страданія, общее недомоганіе, головныя боли и проч. Но индуктивное сопоставленіе различныхъ формъ и стадій голода-аппетита показываетъ, что это — явленія, находящіяся внѣ связи съ психологическимъ голодомъ, какъ таковымъ, а имѣющія свои особыя причины патологическаго свойства, существующія лишь въ случаяхъ ненормальнаго состоянія организма въ связи съ отсутствіемъ нормальнаго питанія *).

желудка, давленія, стягиванія, слабости, между прочимъ и звуковыми ощущеніями („ворчаніе“) и т. д. Но эти и т. п. ощущенія, какъ это ясно отчасти a priori (дедуктивно), отчасти индуктивно, находятся внѣ связи съ психологическимъ голодомъ, какъ таковымъ, а имѣютъ свои особыя причины физіологическаго свойства и отсутствуютъ при наличности голода-аппетита въ случаяхъ отсутствія этихъ особыхъ причинъ.

Для надлежащаго психологическаго изученія явленій голода-аппетита слѣдуетъ тщательно элиминировать, устранить разныя сопровождающія ощущенія, такъ сказать, очистить для внутренняго взора голодъ-аппетитъ отъ этихъ посторонннихъ примѣсей, путемъ сравнительнаго изученія разныхъ фазисовъ развитія и формъ переживанія психологическаго голода. Въ качествѣ превосходнаго экспериментальнаго средства для изслѣдованія голода-аппетита вообще и въ частности для наблюденія его въ сильной и ясно выраженной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ свободномъ отъ ощущеній, связанныхъ съ физіологическимъ голоданіемъ, видѣ, можно рекомендовать упомянутое уже выше „дразненіе аппетита“ съ помощью годныхъ объектовъ при отсутствіи физіологическаго голоданія.

*) При упорядоченномъ и гигіеническомъ образѣ жизни и наличности хорошаго здоровья психологическій голодъ-аппетитъ переживается нѣсколько разъ каждый день, страданій же никакихъ не бываетъ; напротивъ: чѣмъ лучше здоровье, тѣмъ интенсивнѣе аппетитъ и—вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее самочувствіе, удовольствіе. Въ случаѣ нарушенія нормальнаго порядка, ненормальнаго опозданія ѣды случаются отрицательныя чувства и—вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе аппетита; точно также при разныхъ болѣзняхъ бываетъ сочетаніе страданій, связанныхъ съ физіологическимъ голоданіемъ, съ отсутствіемъ нормальнаго питанія организма, и—отсутствіе или ненормальная слабость аппетита, психологическаго голода; при выздоровленіи

Голодъ-аппетитъ есть не ощущеніе и не чувство, а явленіе особаго рода, не подходящее вообще ни подъ одну изъ существующихъ психологическихъ рубрикъ и представляющее, съ одной стороны, своеобразное, отличное какъ отъ ощущеній, такъ и отъ чувствъ, претерпѣваніе (пассивное, страдательное въ общемъ смыслѣ переживаніе, pati), съ другой стороны, своеобразное внутреннее понуканіе, позывъ, appetitus (= стремленіе къ...), и могущее быть охарактеризованнымъ какъ страдательно-моторное, пассивно-активное переживаніе или какъ моторное раздраженіе, импульсивное возбужденіе. При томъ особо слѣдуетъ подчеркнуть, что пассивная сторона голода-аппетита, соотвѣтственное специфическое претерпѣваніе, и активная, аппетитивная его сторона, соотвѣтственный специфическій позывъ, отнюдь не представляютъ двухъ самостоятельныхъ и могущихъ быть переживаемыми отдѣльно другъ отъ друга психическихъ явленій, а именно двѣ стороны одного неразрывнаго цѣлаго, единое психическое недѣлимое съ двойственнымъ, пассивно-активнымъ характеромъ. Чѣмъ сильнѣе и явственнѣе переживаніе голода-аппетита, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе специфическое претерпѣваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ специфическій позывъ; если нѣтъ никакого «аппетита», т. е. позыва, то eo ipso нѣтъ и голода въ психологическомъ смыслѣ, и т. д.

Этотъ двойственный, пассивно-активный, характеръ голода-аппетита отражается, между прочимъ, въ языкѣ, въ соотвѣтственныхъ словоупотребленіяхъ разныхъ народовъ. Съ одной стороны, говорится о «чувствѣ» или «ощущеніи» голода (ср. нѣмецкія выраженія «Gefühl» или «Empfindung» des Hungers и т. п.), что въ обыденномъ языкѣ означаетъ наличность извѣстнаго претерпѣванія, пассивнаго переживанія. Съ другой стороны, выраженія аппетитъ, алкать чего либо, «алчный», «алчно» и т. п. (ср. нѣмецкое «hungern nach etwas» и т. п.) подчеркиваютъ активный, моторный характеръ того же психическаго явленія.

Для убѣжденія въ наличности явленій указаннаго типа и правильности нашей характеристики и вообще для надлежащаго ознакомленія съ голодомъ-аппетитомъ слѣдуетъ произвести соотвѣтственныя интроспективныя наблюденія по схемѣ: pati-movere, претерпѣваніе-позывъ, пассивная-активная стороны *).

Ходячія теоріи природы голода содержатъ въ себѣ такимъ образомъ

бываетъ обратное сочетаніе—появленіе аппетита и соотвѣтственнаго хорошаго самочувствія, положительнаго чувства, и проч. и проч. Вопреки господствующему воззрѣнію, отождествляющему голодъ со страданіемъ или во всякомъ случаѣ относящаго его къ переживаніямъ, связаннымъ со страданіемъ, правильнѣе было бы относить голодъ-аппетитъ къ пріятнымъ переживаніямъ, къ психическимъ явленіямъ, нормально сопровождаемымъ положительными чувствами (которыя смѣняются страданіями лишь въ случаяхъ ненормальнаго состоянія организма).

Но для надлежащаго познанія голода-аппетита, какъ такового, слѣдуетъ элиминировать какъ тѣ, такъ и другія чувства, какъ постороннія примѣси, и примѣнять вообще тѣ же методическія средства, которыя были указаны выше по поводу ощущеній.

*) При чемъ, сообразно указанному уже выше, предполагается надлежащее элиминированіе постороннихъ, осложняющихъ и затемняющихъ примѣсей, въ част-

двоякое существенное искаженіе этой природы: во-первыхъ, онѣ изображаютъ голодъ-аппетитъ, какъ нѣчто чисто-пассивное, конструируютъ, такъ сказать, голодъ безъ аппетита, обращаютъ вниманіе лишь на одну сторону этого двусторонняго, пассивно-активнаго явленія; во-вторыхъ, онѣ искажаютъ и эту пассивную сторону голода, смѣшивая ее то съ актами познанія (теорія ощущеній), то съ чувственными актами (теорія страданія); въ обоихъ случаяхъ съ побочными, иногда сопровождающими голодъ, а иногда отсутствующими, психическими явленіями, не только не относящимися къ психологическому голоду, какъ таковому, но даже и не находящимися съ нимъ въ непосредственной связи.

ности ощущеній и чувствъ патологическаго происхожденія (что особенно важно для „частаго“ и яснаго познанія пассивной стороны голода-аппетита, для отличенія соотвѣтственнаго специфическаго претерпѣванія, несмѣшенія его съ ощущеніями или чувствами). Упомянутый выше экспериментальный пріемъ достиженія большой интенсивности голода-аппетита безъ физіологическаго (патологическаго) голоданія: дразненіе аппетита годными объектами—является, между прочимъ, превосходнымъ средствомъ и для изученія аппетитивной, моторной стороны голода.

Ниже приводятся разныя другія переживанія: жажда, половое возбужденіе и проч., представляющія такъ же, какъ и голодъ-аппетитъ, съ одной стороны, специфическія претерпѣванія, съ другой стороны—специфическіе позывы. Для завершенія интроспективнаго познанія голода-аппетита въ направленіи отчетливаго ознакомленія со специфическою окраскою соотвѣтственныхъ переживаній по сравненію съ другими переживаніями того же общаго рода, слѣдуетъ дополнить указанные выше пріемы изученія сопоставленіемъ и сравненіемъ переживаній голода-аппетита съ другими моторными раздраженіями по двойственной схемѣ pati-movere, претерпѣваніе-позывъ.

Вирочемъ, по поводу психологической природы голода возникаетъ еще слѣдующая проблема.

Хотя обыденная рѣчь примѣняетъ слова „голодъ“ и „аппетитъ“ (въ смыслѣ равнозначащаго голоду) всегда въ единственномъ числѣ, не допуская, напр., такихъ выраженій, какъ „голоды“, „множество голодовъ“ и т. п., тѣмъ не менѣе дѣло идетъ, несомнѣнно, не о названіи какого-то единаго явленія, а о классовомъ имени, обнимающемъ собою неограниченное множество феноменовъ (отдѣльныхъ голодовъ-аппетитовъ) такъ же, какъ слова: человѣкъ, животное означаютъ неограниченныя множества соотвѣтственныхъ объектовъ. И вотъ возникаетъ вопросъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ такой низшій классъ, въ предѣлахъ котораго можно лишь различать отдѣльные случаи явленія, отличающіеся другъ отъ друга лишь количественно, по степени интенсивности, а не качественно, или же мы имѣемъ дѣло съ такимъ классомъ, который включаетъ въ себѣ разные подъ-классы съ различными качественными особенностями и оттѣнками, такъ что можно различать разные виды, подъ-виды, разновидности голодовъ-аппетитовъ. Несомнѣнно правильно второе. При внимательной и умѣлой интроспекціи можно, наблюдая и сравнивая аппетиты въ разныхъ случаяхъ ихъ появленія и дѣйствія (и элиминируя разныя посторонія осложненія), констатировать, что есть разные типы и оттѣнки этихъ переживаній, напр., что аппетиты по адресу мясныхъ блюдъ имѣютъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ аппетиты по адресу пирожныхъ, конфектъ и иныхъ сластей, и проч. Но, далѣе, у насъ, съ одной стороны, есть основанія полагать, что сродныя съ нашими и долженствующія быть отнесенными къ одному и тому же классу голода-аппетита переживанія бываютъ не только у другихъ людей разныхъ возрастовъ, разнаго образа жизни, разныхъ расъ и т. д., но и у животныхъ различнѣйшихъ классовъ, напр., и у рыбъ, птицъ, насѣкомыхъ (эти основанія состоятъ въ наличности однородныхъ и специфическихъ системъ физіологическихъ явленій при однородныхъ условіяхъ, ср. ниже объ „акціи“ аппетита и выше стр. 35); съ другой стороны, а priori слѣдуетъ полагать, что при нѣкоторой общности природы все-таки, напр., аппетиты рыбъ отличны отъ аппетитовъ млекопитающихся, и т. д.

Точно также существенное недоразумѣніе и искаженіе дѣйствительности представляетъ традиціонная гедонистическая теорія поведенія голодныхъ существъ: людей и животныхъ, а именно, сведеніе этого поведенія къ стремленію освободиться отъ страданія. Положимъ, голодъ при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствительно сопровождается отрицательными чувствами и поэтому то положеніе, что мотивомъ обычнаго поведенія голодныхъ существъ является страданіе, остается само по себѣ, несмотря на вышеизложенное, мыслимымъ. Но путемъ примѣненія, необходимаго въ данномъ случаѣ для научнаго рѣшенія вопроса, индуктивнаго метода легко убѣдиться, что это предположеніе ошибочно и соотвѣтственная мотивація имѣетъ совсѣмъ иную природу.

Для индуктивной провѣрки традиціоннаго воззрѣнія и выясненія дѣйствительной причинной связи остановимся пока на дѣйствіяхъ, состоящихъ въ схватываніи наличной пищи, жеваніи ея и глотаніи и называемыхъ ѣдою. Какіе импульсы, какіе психическіе факторы лежатъ въ основѣ этого типичнаго и играющаго существенную роль въ животномъ мірѣ явленія природы?

Въ качествѣ цѣннаго базиса для примѣненія индуктивнаго метода слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что ѣда, т. е. соотвѣтственная сложная система типичныхъ движеній, обнаруживаетъ у однихъ и тѣхъ же существъ въ различныхъ случаяхъ или въ теченіе одного и того же непрерывнаго процесса пріема пищи весьма различныя степени энергіи, интенсивности. Ѣда бываетъ иногда вялая и неэнергичная, иногда, напротивъ, весьма живая и энергичная; въ началѣ пріема извѣстной пищи она обыкновенно много энергичнѣе, чѣмъ въ концѣ, и проч. Это даетъ прекрасный матеріалъ для примѣненія началъ соотвѣтствія и несоотвѣтствія измѣненій (положительной и отрицательной индукціи *).

И вотъ примѣненіе этихъ началъ даетъ тотъ несомнѣнный индуктивный выводъ, что изслѣдуемое нами типичное явленіе природы — ѣда — находится въ причинной связи вовсе не со страданіями, переживаемыми голодными существами (на почвѣ патологическаго голоданія), а съ тѣми своеобразными пассивно-активными переживаніями, которыя мы условились называть психологическимъ голодомъ, голодомъ-аппетитомъ.

Чѣмъ интенсивнѣе аппетитъ, тѣмъ интенсивнѣе вообще ѣда, независимо отъ того, имѣются ли налицо страданія, связанныя съ физіологическимъ голоданіемъ или ихъ вовсе нѣтъ, или даже, напротивъ, какъ это обыкновенно бываетъ при нормальныхъ гигіеническихъ условіяхъ, имѣется пріятный «аппетитъ», т. е. здоровый и сильный аппетитъ, связанный съ удовольствіемъ, съ хорошимъ самочувствіемъ. По мѣрѣ пріема пищи интенсивность аппетита постепенно падаетъ; этому соотвѣтствуетъ ходъ естественнаго процесса ѣды, представляющій нисходящую прогрессію

*) Выше стр. 182 прим., ср., также стр. 108 спеціальное правило „метода сопутствующихъ измѣненій“ Милля.

интенсивности соотвѣтственныхъ движеній *). Въ случаѣ непріема пищи въ надлежащее время появляются и усиливаются непріятныя чувства, связанныя съ физіологическимъ голоданіемъ, подчасъ довольно сильныя страданія; и если бы традиціонная теорія мотивации ѣды была правильна, то слѣдовало бы ожидать, что запоздалые обѣды должны представлять картины весьма живой и энергичной ѣды, въ отличіе отъ обѣдовъ въ надлежащее время, когда еще нѣтъ никакихъ патологическихъ-явленій и

*) Лучшими объектами для подлежащихъ простыхъ или экспериментальныхъ наблюденій являются нѣкоторыя животныя, напр., собаки, а среди людей дѣти, дикари, rustici, простые люди безъ искусственно привитыхъ манеръ, и вообще люди, дающіе волю сильному и здоровому аппетиту (напр., послѣ охоты и т. п.) безъ какихъ бы то ни было стѣсненій. „Цивилизованная“ и „элегантная“ ѣда мало годный объектъ для изученія соотвѣтственнаго явленія природы и его законовъ вслѣдствіе искаженія и осложненія отъ дѣйствія особыхъ импульсовъ (эстетическаго свойства). Предметомъ ѣды должно быть при этомъ одно какое либо пищевое вещество, потому что въ противномъ случаѣ бываютъ осложняющіе скачки интенсивности аппетита (ср. выше, стр. 181).

Давъ собакѣ (напр., послѣ охоты и т. п.) жидкую пищу, можно, даже не видя процесса ѣды, очень отчетливо наблюдать нисходящую прогрессію интенсивности процесса ѣды—по звукамъ.—При болѣе подробномъ и такъ сказать микроскопическомъ изученіи процессовъ измѣненій аппетита и измѣненій ѣды можно впрочемъ констатировать въ предѣлахъ общей тенденціи постепеннаго паденія интенсивности того и другого разныя осложненія. Въ частности, достигнувъ путемъ указанныхъ выше пріемовъ (самонаблюденій по схемѣ pati-movere и т. д.) столь хорошаго ознакомленія со специфическими переживаніями голода-аппетита, что пріобрѣтено умѣніе замѣчать и распознавать и сравнительно весьма слабые и кратко продолжающіеся „приступы“ аппетита, можно путемъ внимательнаго самонаблюденія констатировать тотъ фактъ, что послѣ постепеннаго ослабленія и, наконецъ, исчезновенія аппетита вслѣдствіе пріема пищи, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ бываютъ еще одинъ или нѣсколько перемежающихся слабыхъ и еле замѣтныхъ дополнительныхъ приступовъ аппетита; и въ главномъ процессѣ можно подмѣтить наличность перемежающихся подъемовъ (такъ сказать болѣе высокихъ волнъ и болѣе сильныхъ толчковъ) и паденій аппетита; послѣдніи вообще представляетъ неравномѣрно усиливающійся до пріема пищи и равномѣрно ослабляющійся по мѣрѣ ѣды процессъ, а имѣетъ характеръ рядовъ усиливающихся или дѣлающихся все менѣе интенсивными перемежающихся приступовъ или волнъ; такъ что соотвѣтственная точная графическая схема должна представлять отнюдь не правильную дугу, а дугообразную ломаную линію съ соотвѣтственными добавками, изображающими отдѣльные слабые приступы въ началѣ (до развитія главнаго процесса) и въ концѣ. По вполнѣ понятнымъ (уже вслѣдствіе сложности организма) основаніямъ трудно ожидать, чтобы такія частныя и мелкія осложненія съ абсолютною точностью отражались на естественномъ процессѣ ѣды, даже у животныхъ, не говоря уже о людяхъ. Напротивъ, слѣдуетъ ожидать по крайней мѣрѣ частичной нейтрализаціи особенно болѣе незначительныхъ колебаній аппетита (ср. отношеніе порывовъ вѣтра и движеній вѣтряной мельницы) и большей равномѣрности процесса ѣды, нежели процесса движенія аппетита. Въ пользу этого говорятъ и соображенія естественнаго подбора и приспособленія. Тѣмъ интереснѣе и замѣчательнѣе, напр., то впечатлѣніе, которое получается при зрительномъ или (еще лучше) слуховомъ наблюденіи пожиранія жидкой пищи голодною собакою. Получается картина волнообразнаго движенія интенсивности процесса ѣды; а затѣмъ, послѣ окончанія главнаго процесса, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ бываютъ дополнительныя слабыя возобновленія ѣды. Подобныя же явленія можно наблюдать и у людей при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. если есть вполнѣ свободное слѣдованіе естественнымъ побужденіямъ, напр., у дѣтей, rustici и т. п. (ср. выше).

никакихъ страданій (такъ что собственно ѣды, «дѣйствія, направленнаго на освобожденіе отъ страданія-голода» вообще не должно было бы быть). Въ дѣйствительности же бываетъ совсѣмъ не такъ. Обѣдъ, происходящій въ надлежащее время, во время отсутствія страданій и наличности здороваго и пріятнаго аппетита, представляетъ живую и энергичную ѣду; а опоздавшій и приходящійся на время паденія аппетита и замѣны его страданіями обѣдъ представляетъ картину вялой и неэнергичной ѣды, особенно въ началѣ, пока еще не оживился вновь аппетитъ *).

Предыдущія замѣчанія имѣли въ виду типичныя въ области естественнаго процесса питанія и легко поддающіяся наблюденію внѣшнія движенія: схватываніе пищи, жеваніе, глотаніе (а) и рѣчь шла о научно-методическомъ опредѣленіи неизвѣстной психической причины этого явленія (х), импульса, вызывающаго эти движенія, опредѣляющаго его интенсивность и т. д. Весьма важнымъ и цѣннымъ дополненіемъ къ такому изслѣдованію было бы научно-методическое изученіе соотвѣтственныхъ законовъ причинной связи въ порядкѣ обратной индукціи, т. е. индуктивное изслѣдованіе, исходящее изъ голода-аппетита, какъ даннаго явленія природы (а), и направленное на опредѣленіе вызываемыхъ имъ причинныхъ слѣдствій, какъ искомаго (х).

Но, какъ видно будетъ изъ краткихъ намековъ въ этомъ направленіи ниже, дѣло идетъ о безчисленныхъ физіологическихъ измѣненіяхъ въ организмѣ и глубокомъ вліяніи на психику и разныя ея отправленія, и

*) Уже отчасти видъ и запахъ кушаній, въ еще большей степени вкусовыя ощущенія, вообще ѣда, вызываютъ возвращеніе потеряннаго вслѣдствіе опозданія ѣды аппетита и постепенное возрастаніе его интенсивности; сообразно съ этимъ, вялая въ началѣ, опоздавшая трапеза постепенно дѣлается все болѣе интенсивною (хотя бывшія въ началѣ страданія теряютъ интенсивность и исчезаютъ); потомъ опять начинается паденіе интенсивности аппетита и ѣды; такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ получаются двѣ прогрессіи интенсивности аппетита и ѣды, сначала восходящая, а потомъ нисходящая, и при томъ восходящая прогрессія интенсивности ѣды мирно сочетается съ нисходящею прогрессіею страданія и замѣною его хорошимъ самочувствіемъ, удовольствіемъ—интересное сочетаніе краспвыхъ положительныхъ индукцій въ пользу нашей теоріи и поразительной отрицательной индукціи по адресу традиціоннаго взгляда.

Количество индуктивнаго матеріала въ тѣхъ же направленіяхъ можно было бы ad libitum умножить экспериментальнымъ путемъ на почвѣ предварительнаго индуктивнаго познанія законовъ измѣненій (включая сюда появленіе и исчезновеніе) голода-аппетита подъ вліяніемъ разныхъ психическихъ и иныхъ воздѣйствій извнѣ и пользованія соотвѣтственными пріемами искусственнаго воздѣйствія въ связи съ наблюденіями, какъ они отражаются на процессѣ ѣды (его появленіи, прекращеніи, интенсивности). Напр., путемъ „дразненія аппетита“ можно достигать усиленія интенсивности соотвѣтственныхъ движеній (напр., собаки), несмотря на устраненіе физіологическаго голода или даже относительно большое насыщеніе; путемъ перемѣны объектовъ можно достигать скачковъ интенсивности аппетита и соотвѣтственныхъ измѣненій въ процессѣ ѣды; путемъ воздѣйствій, вызывающихъ моментальное исчезновеніе голода-аппетита, можно достигать моментальнаго прекращенія ѣды; психическія воздѣйствія, устраняющія надолго психологическій голодъ, напр., сильный испугъ (годный объектъ для экспериментовъ дикія, а не ручныя животныя), надолго устраняютъ ѣду и проч. и проч.

о сколько нибудь полномъ индуктивномъ опредѣленіи дѣйствій голода-аппетита здѣсь тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи, что для производства соотвѣтственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій требуется множество разныхъ лабораторно-техническихъ приспособленій и инструментовъ и много лѣтъ кропотливаго труда.

Нижеслѣдующія замѣчанія ограничиваются сравнительно весьма скромною задачею уяснить — на почвѣ общеизвѣстныхъ или поддающихся наблюденію каждаго безъ особыхъ приспособленій и инструментовъ фактовъ — общій характеръ и направленіе причинныхъ свойствъ (тенденцій) голода-аппетита, поскольку это необходимо для уясненія и обоснованія нѣкоторыхъ, еще болѣе общихъ, идей.

Ближайшимъ слѣдствіемъ появленія голода-аппетита (или достиженія съ его стороны извѣстной степени интенсивности, поскольку соотвѣтственная тенденція аппетита встрѣчаетъ требующее преодолѣнія препятствіе со стороны другихъ моторныхъ раздраженій, дѣйствующихъ въ иномъ направленіи, ср. ниже) бываетъ прекращеніе прежняго ассоціативнаго теченія идей (или цѣпи мысли) и появленіе въ сознаніи такихъ представленій или мыслей и ихъ рядовъ и цѣпей, которыя не связаны ассоціативно или логически съ предыдущими идеями, а касаются питанія, ѣды и того, что съ этимъ ассоціативно или логически связано (напр., времени, остающагося до обѣда, поэтому внѣшнимъ симптомомъ появленія аппетита бываетъ посматриваніе на часы, средствъ поскорѣе окончить еще остающуюся работу и т. п.). При перемежающихся появленіяхъ и исчезновеніяхъ голода-аппетита безъ удовлетворенія можно наблюдать соотвѣтственныя перемежающіяся измѣненія содержанія и направленія ассоціативнаго и мыслительнаго теченія идей; живость, интенсивность и быстрота движенія этихъ интеллектуальныхъ процессовъ ceteris paribus тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе приступы аппетита; въ частности съ постепеннымъ возрастаніемъ интенсивности приступовъ голода-аппетита соотвѣтственныя представленія достигаютъ такой интенсивности, такой живости и отчетливости, что они дѣлаются въ этомъ отношеніи похожими на воспріятія и, наконецъ, пріобрѣтаютъ вполнѣ галлюцинаторный характеръ — начинается ненормальное дѣйствіе интеллекта, извѣстное подъ именемъ голоднаго delirium (постоянное галлюцинированіе и бредъ на соотвѣтственныя темы). Сновидѣнія голоднаго тоже имѣютъ своимъ предметомъ разныя яства и т. п. *).

Въ области воспріятій уже сравнительно не особенно сильный голодъ-аппетитъ имѣетъ тенденцію (какъ это можно констатировать путемъ

*) Болѣе спеціальное изслѣдованіе дѣйствія голода-аппетита въ области представленій (и мышленія) повело бы къ установленію па ряду съ общимъ закономъ, указаннымъ въ текстѣ, болѣе спеціальныхъ закономѣрностей (и къ открытію болѣе спеціальныхъ біологическихъ цѣлесообразностей); напр., голодъ-аппетитъ, повидимому, имѣетъ тенденцію не только напоминать о томъ, что нужно вообще поѣсть, но и указывать, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, какой родъ пищевыхъ ве-

внимательныхъ самонаблюденій и опытовъ съ другими) создавать такое направленіе дополнительно-фантастическаго процесса (ср. выше, стр. 120), какое соотвѣтствуетъ функціи питанія; поэтому весьма легко возникаютъ соотвѣтственныя иллюзіи *).

На основаніи приведеннаго (и легко могущаго быть умноженнымъ) матеріала получается индуктивный выводъ, что голоду-аппетиту свойственна тенденція вызывать и, по мѣрѣ своего усиленія, усиливать такую интеллектуальную, репродуктивную и продуктивную (воспоминательную, фантастическую, мыслительную) дѣятельность, которая соотвѣтствуетъ біологической функціи питанія, и вытѣснять и прекращать иную интеллектуальную дѣятельность. Голодъ превращаетъ интеллектъ въ орудіе функціи питанія.

То же относится къ рецептивно-познавательной дѣятельности, къ возникновенію новыхъ впечатлѣній, ощущеній и воспріятій, въ ихъ нефантастическомъ элементѣ (базисѣ, ср. выше). Конечно, этотъ элементъ не можетъ въ такомъ смыслѣ и въ такой степени зависѣть отъ аппетита, какъ воспоминанія, фантазмы, ассоціативное и мыслительное теченіе идей. Ощущенія зависятъ отъ наличности и дѣйствія реальныхъ раздражителей. Тѣмъ не менѣе и здѣсь голодъ-аппетитъ оказываетъ свое вліяніе и притомъ въ двоякомъ направленіи:

1. Голодъ имѣетъ тенденцію вызывать соотвѣтственное направленіе вниманія, т. е. психо-физическую аккомодацію къ уловленію, воспріятію имѣющихъ отношеніе къ функціи питанія впечатлѣній (ср. выше, стр. 141). Чѣмъ сильнѣе аппетитъ, тѣмъ внимательнѣе отношеніе къ такимъ звукамъ (напр., тарелокъ), видамъ (напр., яствъ), запахамъ (напр., жаркого) и т. д., которые имѣютъ отношеніе къ ѣдѣ, и eo ipso тѣмъ больше тенденція разсѣяннаго и невнимательнаго отношенія къ прочимъ впечатлѣніямъ у людей и животныхъ **).

2. Голодъ-аппетитъ имѣетъ, сверхъ того, тенденцію существенно по-

---

ществъ при данномъ физіологическомъ состояніи особенно требуется для организма, т. е. возбуждать соотвѣтственныя спеціальныя представленія; иногда аппетитъ настойчиво добивается чего либо кислаго, иногда соленаго, иногда сладкаго, иногда фруктовъ (ср. напр., направленіе дѣтскаго аппетита) и т. п. Особенно при разныхъ болѣзненныхъ и нѣкоторыхъ другихъ особыхъ физіологическихъ состояніяхъ (напр., у женщинъ) аппетитомъ часто предъявляются строго опредѣленныя требованія, напр., непремѣнно селедки или чего либо въ этомъ родѣ; и соотвѣтственныя представленія дѣлаются подчасъ неотвязчивыми, неуклонно преслѣдующими идеями..

*) Напр., разные, не относящіеся къ обѣду, звуки превращаются въ звуки тарелокъ, другіе—въ звуки шаговъ несущаго пищу; поджидающій съ голоднымъ нетерпѣніемъ кого либо другого для совмѣстнаго обѣда можетъ, смотря черезъ окно на улицу, не разъ увидѣть ошибочно того, кого онъ поджидаетъ и т. п. Доведя собаку путемъ дразненія аппетита до соотвѣтственнаго сильнаго возбужденія, можно затѣмъ съ нею производить дальнѣйшіе эксперименты, изъ которыхъ будетъ видно, что она очень легко поддается (если не обонятельнымъ, то во всякомъ случаѣ зрительнымъ) иллюзіямъ...

**) Интересныя индуктивно подтверждающія наблюденія можно собирать въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ путемъ сравненія направленія вниманія въ

вышать воспріимчивость органовъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ дѣлу питанія, главнымъ образомъ, органовъ вкуса и обонянія. Сравнивая внимательно вкусовыя ощущенія, доставляемыя однимъ и тѣмъ же пищевымъ веществомъ при отсутствіи и при наличности аппетита разныхъ степеней интенсивности, не трудно убѣдиться въ наличности довольно яснаго и поразительнаго соотвѣтствія измѣненій того и другого. При отсутствіи аппетита вкусовыя ощущенія слабы, много вкусовыхъ элементовъ и оттѣнковъ совсѣмъ не замѣчается и не различается. Совсѣмъ иной вкусовой эффектъ получается при наличности сильнаго аппетита; по мѣрѣ ѣды одного и того же пищевого вещества и соотвѣтственнаго паденія аппетита можно наблюдать постепенное ослабленіе и исчезновеніе болѣе слабыхъ вкусовыхъ ощущеній, и т. д. То же относится и къ обонятельнымъ ощущеніямъ *).

Указанныя психическія послѣдствія аппетита даютъ основаніе для гипотезы, что аппетиту свойственна тенденція вызывать соотвѣтственныя физіологическія измѣненія въ области нервной системы; что онъ вызываетъ усиленное питаніе и повышенную дѣятельность вкусовыхъ и обонятельныхъ нервовъ, а равно, что онъ дѣйствуетъ и на мозгъ, вызывая повышенную дѣятельность нѣкоторыхъ его частей; причемъ въ случаѣ чрезвычайной интенсивности голода-аппетита получается ненормально повышенное, патологическое раздраженіе и дѣйствіе этихъ элементовъ центральной нервной системы (ср. выше о галлюцинаціяхъ).

Изъ другихъ данныхъ можно заключить, что на ряду съ нервными, периферическими и центральными, органами подвергаются важнымъ физіологическимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ аппетита и другіе органы: железы и мускулы. Нѣкоторые изъ этихъ измѣненій поддаются констатированію безъ особыхъ технически-лабораторныхъ приспособленій и, отчасти, общеизвѣстны въ обыденной жизни. Такъ, напр., выраженіе

обычное время и тогда, когда приближается кормленіе звѣрей и идутъ приготовленія къ этому дѣлу со стороны прислуги. Для лучшаго индуктивнаго подкрѣпленія этого „закона природы“ можно обратиться къ экспериментальному методу, напр., къ показыванію дѣтямъ извѣстныхъ совокупностей предметовъ, имѣющихъ и не имѣющихъ отношенія къ питанію въ состояніи сытости и въ состояніи аппетита и къ сравненію направленія вниманія въ этихъ разныхъ состояніяхъ, къ такимъ же и т. п. опытамъ съ собакою и проч. Доведя путемъ дразненія до большого возбужденія аппетитъ собаки, мы получимъ картину соотвѣтственнаго напряженнѣйшаго вниманія.

*) Между прочимъ, въ качествѣ хорошаго экспериментальнаго средства для провѣрки и объективнаго фиксированія въ соотвѣтственныхъ таблицахъ причинной зависимости силы и отчетливости вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній отъ аппетита, можно рекомендовать слѣд.: помощникамъ (объектамъ) экспериментальнаго изслѣдованія даются для внимательной пробы гастрономически и обонятельно сложныя вещества съ относительно многочисленными и не особенно легко различимыми ингредіентами (напр., съ весьма малою дозою ванили, орѣховой массы и т. п.), и ставится задача различить и назвать составные элементы; опыты производятся при разномъ состояніи аппетита (напр., сначала скоро послѣ сытнаго обѣда, а потомъ нѣсколько часовъ спустя) и отмѣчается разница въ степени удачности отвѣтовъ.

«слюнки текутъ» (въ переносномъ смыслѣ) и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ (напр., «der Mund wässert ihm darnach») представляютъ сообщеніе народнаго опыта о томъ, что съ аппетитомъ связано повышеніе дѣятельности слюнныхъ железъ; какъ увидимъ ниже, возбужденное состояніе слюнныхъ железъ и обильное производство и выдѣленіе слюны вызывается не только аппетитомъ, но и нѣкоторыми другими моторными раздраженіями, имѣющими отношеніе къ функціи питанія, но дѣйствующими вообще въ противоположномъ аппетиту направленіи, въ направленіи недопущенія ѣды извѣстныхъ объектовъ, очищенія рта или желудка отъ нѣкоторыхъ веществъ, и т. д. Въ виду этого небезынтересны свидѣтельства разныхъ языковъ, что въ случаѣ аппетита бываетъ «глотаніе слюнокъ», а не «плеваніе», какъ при противоположныхъ аппетиту психическихъ возбужденіяхъ, т. е. что мускулы глотки и другіе мускулы, отъ которыхъ зависитъ глотаніе, дѣйствуютъ при наличности аппетита уже до пріема пищи въ томъ направленіи, какое соотвѣтствуетъ положительной функціи питанія (въ отличіе отъ отрицательной функціи удаленія вредныхъ веществъ). Выраженіе «облизываться» (въ переносномъ смыслѣ) и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ констатируютъ, далѣе, что подъ вліяніемъ аппетита получаются возбужденное состояніе и судорожныя движенія языка, органа, играющаго весьма важную роль въ области питанія. Картины, изображающія обжоръ предъ возбуждающими аппетитъ яствами, традиціонно констатируютъ особое положеніе губъ и вообще мускуловъ лица, а именно, протяженіе ихъ впередъ по направленію къ яствамъ (прямо противоположное направленіе имѣютъ сокращенія мускуловъ при наличности противоположныхъ аппетиту психическихъ возбужденій). Путемъ соотвѣтственныхъ простыхъ и экспериментальныхъ наблюденій надъ людьми и животными можно каждому легко убѣдиться, что приведенныя свидѣтельства массоваго опыта вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, и констатировать еще разныя иныя интересныя явленія въ томъ же направленіи. Напр., при сильномъ экспериментальномъ дразненіи аппетита или наблюденіи соотвѣтственныхъ неэкспериментальныхъ явленій, напр., кормленія звѣрей въ звѣринцѣ, можно наблюдать внѣшнія проявленія сильной иннерваціи и другихъ, кромѣ упомянутыхъ выше, частей мускульной системы, въ частности ногъ и особенно переднихъ лапъ у хищныхъ звѣрей (играющихъ особо важную роль въ области питанія); при чемъ, при отсутствіи фактическихъ условій для нормальнаго примѣненія соотвѣтственной мускульной энергіи, получается картина «безцѣльныхъ» разрядовъ ея, бѣганіе взадъ и впередъ по клѣткѣ, грызеніе разныхъ предметовъ и т. п. Подобныя же явленія можно наблюдать при благопріятныхъ условіяхъ и у людей; въ случаѣ же стремленія удержаться отъ такихъ «безцѣльныхъ» разрядовъ мускульной энергіи и сохранить неподвижность замѣчается дрожаніе въ нѣкоторыхъ областяхъ мускульной системы, мускуловъ щекъ, головы, рукъ. Это слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснять, какъ иную форму проявленія той

же ищущей разряда энергіи, аналогично замѣнѣ молярнаго, массоваго, движенія молекулярнымъ въ области механическихъ явленій.

На основаніи указанныхъ и другихъ, сообщаемыхъ ниже, данныхъ можно установить слѣдующую гипотезу:

Моторное раздраженіе — психологическій голодъ имѣетъ тенденцію превращать организмъ (психофизическій аппаратъ, вообще годный для производства многихъ и весьма различныхъ дѣйствій) на время въ аппаратъ, спеціально приноровленный къ дѣлу успѣшнаго питанія и дѣйствующій въ этомъ направленіи, т. е. вызывать такія безчисленныя измѣненія въ организмѣ и его функціяхъ (въ частности въ функціи кровообращенія, распредѣленія крови между разными органами), которыя въ совокупности представляютъ «безсознательно-геніальное» приспособленіе къ успѣшному осуществленію функціи питанія.

Это положеніе вполнѣ естественно и понятно съ точки зрѣнія теоріи естественнаго подбора, т. е. совершенствованія въ теченіе множества тысячелѣтій организмовъ путемъ скорѣйшаго вымиранія менѣе приспособленныхъ и наслѣдственнаго перехода измѣненій къ лучшему въ направленіи приспособленія къ условіямъ жизни. Изъ общихъ посылокъ и данныхъ этой (дарвинистической) теоріи вытекаетъ при этомъ, что, говоря о «геніальности» приспособленія физіологическихъ и психическихъ дѣйствій аппетита, слѣдуетъ внести въ качествѣ ограничительной гипотезы ту оговорку, что дѣло идетъ о «геніальномъ» приспособленіи не in concreto, а in abstracto, т. е. не къ индивидуальнымъ особенностямъ конкретныхъ случаевъ питанія, а къ общимъ, обычнымъ, преобладающимъ въ массѣ случаевъ условіямъ жизни и при томъ жизни не настоящаго поколѣнія, какъ такового, а большихъ рядовъ предыдущихъ поколѣній. Эта оговорка имѣетъ особое значеніе по отношенію къ человѣческому роду, особенно относительно тѣхъ расъ и народовъ, которые, вслѣдствіе быстраго измѣненія условій жизни на почвѣ психической культуры, должны быть во многихъ отношеніяхъ еще не приспособленными къ этимъ недавно измѣнившимся условіямъ. (Такъ что при спеціальномъ изученіи и объясненіи соотвѣтственныхъ явленій слѣдуетъ имѣть въ виду отдаленныя времена, условія жизни отдаленныхъ предковъ).

Исходя изъ этихъ общихъ гипотетическихъ предположеній, можно сдѣлать безчисленное количество дедуктивныхъ выводовъ относительно физіологическихъ и психическихъ дѣйствій психологическаго голода у людей и животныхъ (отчасти общихъ, отчасти спеціальныхъ для разныхъ родовъ, видовъ и подвидовъ животныхъ вслѣдствіе различій въ условіяхъ питанія, въ участіи и способахъ дѣйствія разныхъ органовъ), такихъ выводовъ, которые объясняютъ уже извѣстные факты, и такихъ, которые являются предвидѣніемъ будущихъ открытій новыхъ фактовъ и указываютъ темы и пути для соотвѣтствующихъ изслѣдованій. Напр., можно предвидѣть, что аппетитъ оказываетъ вліяніе на другіе органы внѣшнихъ чувствъ, кромѣ указанныхъ выше, а равно на дѣятельность сердца и

другихъ органовъ кровообращенія, легкихъ и другихъ органовъ дыханія, и указать, въ чемъ это вліяніе состоитъ; то же относится къ безчисленнымъ другимъ, кромѣ указанныхъ выше, частямъ мускульной системы, напр., и къ мускуламъ шеи, ногъ и т. п., и даже къ такимъ органамъ, какъ мускулы и железы половой системы.

Въ качествѣ общей руководящей схемы для соотвѣтственныхъ объясненій и открытій, въ частности для подлежащихъ лабораторныхъ физіологическихъ изслѣдованій, можно предложить слѣдующую:

Органы человѣческаго и животныхъ организмовъ можно по ихъ отношенію къ голоду-аппетиту или къ соотвѣтственной біологической функціи (и то же относится mutatis mutandis къ другимъ моторнымъ возбужденіямъ и ихъ функціямъ) раздѣлить на три категоріи:

1. Спеціальные органы, или органы аппетита, т. е. органы, спеціально служащіе аппетиту, или функціи питанія, поскольку эта функція осуществляется при наличности и дѣйствіи аппетита: соотвѣтствующіе мускулы (рукъ, губъ, языка, щекъ, глотки и т. д.), железы (слюнныя железы, железы, производящія и выдѣляющія желудочный сокъ и т. д.), нервы и нервные центры (обонятельные, вкусовые и другіе, важные для надлежащаго подбора пищи, избѣжанія отравленія, удавленія и проч.).

2. Посторонніе органы, т. е. такіе органы, которые, какъ, напр., половые, не содѣйствуютъ функціи питанія, такъ что ихъ физіологическая оживленность, сильное питаніе, притокъ крови и т. д., составляли бы лишнее осложненіе, вредную конкуренцію или даже прямую помѣху для успѣшнаго исполненія предстоящей біологической функціи.

3. Общіе органы, т. е. такіе органы, которые, какъ, напр., сердце и другіе органы общаго кровообращенія (аорта и т. д.), легкія и другіе органы дыханія, нѣкоторые нервы и нервные центры, имѣютъ общее значеніе для различнѣйшихъ функцій и дѣйствій организма, въ томъ числѣ и функціи питанія.

Относительно органовъ первой категоріи можно дедуктивно предвидѣть, что они подъ вліяніемъ аппетита должны попадать въ состояніе усиленнаго питанія и физіологическаго возбужденія, въ состояніе активности или повышенной активности; поэтому въ сферѣ этихъ органовъ должны, между прочимъ, происходить: усиленный притокъ крови, увеличеніе volumen (объема), краснѣніе, напряженное состояніе и сокращенія мускуловъ; при извѣстныхъ условіяхъ дрожаніе и т. д. *). Чѣмъ интен-

*) Уже послѣ установленія и обоснованія съ помощью данныхъ, касающихся множества другихъ моторныхъ возбужденій, своей теоріи физіологическихъ дѣйствій моторныхъ раздраженій, автору пришлось найти въ физіологической литературѣ весьма интересное подтвержденіе одного изъ спеціальныхъ дедуктивныхъ предсказаній относительно аппетита, а именно, того положенія, что аппетитъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ не только на слюнныя, но и на другія спеціально-служебныя железы. Ср. Handbuch der Physiologie, изд. Германомъ, 6-й томъ, 1-я часть (Physiol. des allg. Stoffwechsels und der Ernährung von C. v. Voit), 1881, стр. 422: „Вкусныя приправы вліяютъ на процессы пищеваренія и питанія чрезъ посредство

сивнѣе аппетитъ, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сильнѣе возбужденіе этихъ органовъ вплоть до ненормальнаго, патологическаго «перераздраженія» *).

Относительно органовъ второй категоріи можно предвидѣть прямо противоположныя физіологическія явленія: прекращеніе или пониженіе эвентуальной прежней физіологической активности, вообще состояніе вялости, бездѣятельности, относительное малокровіе (вслѣдствіе измѣненія кровообращенія и направленія большихъ запасовъ крови къ спеціальнымъ органамъ аппетита), блѣднѣніе, уменьшеніе volumen и т. д. **).

Что касается общихъ органовъ, въ частности сердца и легкихъ, то для дедуктивнаго опредѣленія вліянія на нихъ аппетита слѣдуетъ исходить: а) изъ того, что они въ отличіе отъ органовъ первой категоріи служатъ отнюдь не аппетиту спеціально, а безчисленнымъ отправленіямъ и дѣятельностямъ организма, должны постоянно проявлять извѣстную минимальную дѣятельность и повышать ее тогда, когда требуется прояв-

---

своего дѣйствія на нервную систему. Прежде всего вкусныя и имѣющія пріятный запахъ составныя части пищи, возбуждая дѣйствіемъ на органы вкуса и обоняніе пріятныя ощущенія, вліяютъ еще и на многія другія части органовъ пищеваренія, въ частности кишечнаго канала, и способствуютъ какимъ-то образомъ ихъ пищеварительному дѣйствію. Подъ ихъ вліяніемъ происходитъ болѣе обильное выдѣленіе слюны, что вызывается уже представленіемъ или видомъ нравящагося намъ блюда, такъ что „слюнки текутъ“. То же можно доказать относительно железъ, выдѣляющихъ желудочный сокъ; путемъ опытовъ съ собаками съ искусственно устроенными фистулами въ желудкѣ можно демонстрировать, какъ начинаетъ быстро вытекать желудочный сокъ, если показать голодному животному кусокъ мяса, не давая его ему въ ротъ. Вѣроятно, это дѣйствіе распространяется съ желудка на железы и сосуды кишекъ“. Впрочемъ, авторъ, повидимому, приписываетъ это дѣйствіе чувству удовольствія или „пріятнымъ ощущеніямъ“. Что не въ чувствѣ удовольствія и не въ ощущеніяхъ дѣло (а въ специфическомъ моторномъ раздраженіи, возбуждаемомъ ощущеніями, воспріятіями или представленіями годныхъ объектовъ), авторъ могъ бы легко убѣдиться съ помощью соотвѣтственныхъ простыхъ индукцій, напр., заставляя голодную собаку испытывать „танталовы муки“ при видѣ недосягаемой пищи и т. д.

*) Ср. явленія иллюзій, галлюцинацій и бреда, дискоординированныя, порывистыя и неудачныя движенія въ случаѣ чрезмѣрнаго дразненія аппетита, слишкомъ поспѣшное, судорожное и неудачное глотаніе съ опасностью удавленія и т. п.

По поводу этихъ и имѣющихъ быть упомянутыми ниже ненормальныхъ и „нецѣлесообразныхъ“ явленій, какъ и по поводу разныхъ преждевременныхъ или совсѣмъ безцѣльныхъ разрядовъ энергіи при наличности особыхъ препятствій для надлежащаго ея примѣненія (бѣганіе по клѣткѣ и т. п.) слѣдуетъ имѣть въ виду сказанное выше о приспособленіи лишь къ обычнымъ, нормальнымъ условіямъ.

**) Впрочемъ нѣкоторые изъ постороннихъ по отношенію къ функціи питанія органовъ должны сохранять всегда, въ томъ числѣ и во время кормленія, физіологическую активность или во всякомъ случаѣ дѣеспособность по особымъ біологическимъ основаніямъ. Такъ, напр., органы слуха, поскольку они у животныхъ даннаго вида не оказываютъ никакой помощи дѣлу питанія, все-таки должны всегда бодрствовать въ качествѣ стражей безопасности. Относительно такихъ органовъ дедуктивно вѣроятный прогнозъ состоитъ въ томъ, что ихъ состояніе относительно независимо отъ состоянія аппетита; лишь въ случаѣ особенно интенсивнаго психологическаго голода и большого абсорбированія крови и жизненной энергіи вообще органами аппетита вѣроятно нѣкоторое паденіе питанія и физіологической дѣеспособности этихъ органовъ.

леніе повышенной органической дѣятельности вообще, въ какомъ бы направленіи эта дѣятельность ни совершалась и каковъ бы ни былъ импульсъ (т. е. моторное раздраженіе, напр., жажда, отвращеніе, половое возбужденіе, охотничье и проч., ср. ниже) къ повышенной дѣятельности; b) изъ того, что они, въ отличіе отъ органовъ второй категоріи, не посторонніе зрители по отношенію къ питанію и управляющему имъ аппетиту, а должны сообразовать свою дѣятельность съ указаніями разныхъ моторныхъ возбужденій, между прочимъ, и аппетита. Отсюда видно, что прогнозъ относительно дѣятельности сердца, легкихъ и т. д. при наличности и дѣйствіи аппетита долженъ быть болѣе сложный, чѣмъ относительно органовъ первыхъ двухъ категорій, и слѣдуетъ различать разныя эвентуальности. Если аппетитъ смѣняетъ и вытѣсняетъ какое либо другое сильное и требовавшее большой активности организма моторное раздраженіе, а онъ самъ не отличается особой интенсивностью, то слѣдуетъ ожидать ослабленія пульса, меньшей глубины дыханія и т. д. Если аппетитъ смѣняетъ какое либо равно въ указанномъ смыслѣ дѣйствующее моторное раздраженіе, то для ожиданія измѣненій дѣятельности легкихъ, сердца и т. д. нѣтъ основаній (что, впрочемъ, слѣдуетъ разумѣть лишь въ относительномъ смыслѣ; уже колебанія интенсивности самаго аппетита должны отражаться на дѣятельности сердца и легкихъ въ видѣ соотвѣтственныхъ колебаній). Если аппетитъ появляется на мѣсто болѣе апатичнаго состоянія (т. е. состоянія отсутствія или слабости иныхъ моторныхъ раздраженій), то слѣдуетъ ожидать оживленія пульса и дыханія, тѣмъ большаго усиленія дѣятельности сердца и легкихъ, чѣмъ больше соотвѣтственное аппетитивное возбужденіе (напр., вслѣдствіе дразненія аппетита), вплоть до ненормально повышеннаго и судорожно-неправильнаго сокращенія соотвѣтственныхъ мускуловъ («сердцебіеніе», «вздохи», «задыханіе» и т. п.) *).

Нѣкоторыя изъ указанныхъ дѣйствій аппетита зависятъ, впрочемъ, не исключительно отъ наличности и силы аппетита, какъ такового, а отъ

*) Что, въ случаѣ наличности извѣстныхъ слабостей и дефектовъ общихъ органовъ, сердца, аорты и т. д., можетъ вести къ серіознымъ внутреннимъ поврежденіямъ (напр., разрыву сосудовъ), обморочному состоянію или даже моментальной смерти. Это, какъ и другія положенія текста, подтверждается данными, касающимися другихъ однородныхъ моторныхъ раздраженій (ср. ниже). Интереснымъ средствомъ провѣрки правильности нашей общей теоріи физіологическихъ дѣйствій моторныхъ раздраженій, воплощенной пока въ теоріи дѣйствія аппетита, какъ спеціальномъ примѣрѣ и образцѣ, было бы сравнительное изслѣдованіе дѣйствія аппетита съ дѣйствіемъ другого пассивно-активнаго переживанія, другого моторнаго раздраженія, а именно, полового возбужденія, въ виду того, что послѣднее, вообще говоря, направляетъ запасы крови и вообще жизненную энергію въ противоположную сторону организма. Совсѣмъ „посторонніе“ въ области дѣйствія голода-аппетита органы здѣсь пріобрѣтаютъ роль главныхъ и спеціальныхъ органовъ моторнаго возбужденія, являются мѣстомъ усиленнаго притока крови и т. д. Напротивъ, напр., слюнныя железы, крайне важные органы въ области питанія вслѣдствіе ихъ существенной пищеварительной функціи, здѣсь получаютъ характеръ совершенно постороннихъ органовъ и получаютъ, такъ сказать, временную отставку, тѣмъ болѣе

сочетанія этого фактора съ извѣстными познавательными процессами. Такую сложную причинную зависимость можно, напр., легко констатировать путемъ простыхъ индукцій относительно слюнныхъ железъ. Слюнотеченіе при наличности аппетита усиливается, если присоединяются ощущенія извѣстныхъ запаховъ или зрительныя воспріятія годныхъ объектовъ. Такой же эффектъ легко вызвать путемъ живого представленія яствъ, и т. д. Въ случаѣ устраненія этихъ познавательныхъ факторовъ слюнотеченіе ослабляется. То же относится къ иннерваціи мускуловъ языка, глотки и т. д. Собаку можно заставить облизываться, возбуждая въ ней соотвѣтственныя обонятельныя или зрительныя воспріятія. Эти явленія тоже вполнѣ понятны и могли бы быть дедуктивно предсказаны съ точки зрѣнія нашей общей формулы о приноровленіи психофизическаго аппарата къ успѣшному осуществленію предстоящей функціи. Біологическій смыслъ ихъ заключается въ приведеніи въ соотвѣтствіе со-

---

рѣшительную, чѣмъ сильнѣе порывъ полового возбужденія (что проявляется, между прочимъ, въ „пересыханіи“ горла, губъ и т. д., въ хриплости голоса вслѣдствіе ненормальной сухости голосовыхъ связокъ и т. д.). Напротивъ, общіе органы, сердце и легкія, какъ это и соотвѣтствуетъ смыслу нашей схемы, при наличности сильнаго порыва моторнаго возбужденія, проявляютъ и здѣсь усиленную дѣятельность — вплоть до сильнаго сердцебіенія, порывистаго дыханія, вздоховъ и задыханія и т. д. Совпаденіе физіологическаго дѣйствія должно касаться, впрочемъ, не только общихъ органовъ, а и нѣкоторыхъ спеціальныхъ. Принимая во вниманіе условія жизни нашихъ отдаленныхъ дикихъ предковъ, слѣдуетъ, напр., относительно biceps'a и другихъ мускуловъ рукъ предвидѣть увеличеніе объема и вообще тенденцію къ усиленной активности и при аппетитѣ, и при половомъ возбужденіи (послѣднее относится главнымъ образомъ къ субъектамъ мужскаго пола). Внимательное сравнительное изслѣдованіе физіологическаго дѣйствія аппетита и полового возбужденія на отдѣльные мускулы рукъ открыло бы, впрочемъ, разныя специфическія различія: половое возбужденіе ведетъ къ физіологическому возбужденію такихъ мускуловъ рукъ и плечъ, которые соотвѣтствуютъ движеніямъ обниманія и т. д.

Если наша теорія правильна, то она содержитъ посылки и директивы не только для множества дедуктивныхъ предсказаній, изслѣдованій и фактическихъ открытій въ намѣченныхъ выше направленіяхъ, но и для добыванія цѣннаго и интереснаго научнаго свѣта въ другихъ направленіяхъ.

Если, напр., относительно даннаго органа человѣческаго организма или организма какого либо класса животныхъ, напр., какой либо железы, неизвѣстно, какова его біологическая функція, служитъ ли онъ функціи питанія или иной функціи и т. д., а фактическое лабораторное изслѣдованіе показало, что подъ вліяніемъ аппетита (или иного какого моторнаго раздраженія) volumen этого органа увеличивается и т. д., то это даетъ основаніе для умозаключенія, что этотъ органъ принимаетъ участіе въ соотвѣтственной біологической функціи. Въ случаѣ блѣднѣнія органа, уменьшенія объема и т. д. при данномъ моторномъ раздраженіи получается выводъ, что онъ относится къ классу „постороннихъ“ по отношенію къ данной біологической функціи органовъ, т. д. Если данный органъ или совокупность извѣстныхъ органовъ (напр., мускуловъ) подъ вліяніемъ аппетита, полового или иного моторнаго раздраженія увеличиваются въ объемѣ и т. д., и въ то же время ясно, что они въ теперешней жизни не играютъ активной роли въ области данной біологической функціи, то есть основаніе для историческихъ выводовъ и гипотезъ относительно роли органа въ жизни болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. На основаніи тщательнаго изученія теперешняго вліянія даннаго моторнаго возбужденія на разныя части мускульной системы и прочіе элементы организма можно, какъ на основаніи историческихъ документовъ, реконструировать отдаленное прошлое (иллюстраціи ниже).

стоянія и дѣйствія разныхъ органовъ съ внѣшними обстоятельствами. Соотвѣтственные познавательные процессы играютъ служебную роль сигналовъ, направляющихъ и модифицирующихъ дѣйствія аппетита такъ, какъ это соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ *).

Аналогичныя изложеннымъ положеніямъ о физіологическомъ дѣйствіи аппетита начала можно установить для предвидѣнія и индуктивнаго изслѣдованія вліянія аппетита на психическіе процессы (спеціально-служебные, посторонніе и т. д., ср. ниже § 14).

Всѣ тѣ, уже извѣстныя и опредѣленныя и пока еще неизвѣстныя и подлежащія открытію и опредѣленію психическія и физическія явленія, которыя психологическій голодъ имѣетъ тенденцію вызывать, мы назовемъ акціею голода-аппетита.

Въ психической и физіологической акціи психологическаго голода можно различать двоякаго рода элементы:

1. Такіе, которые не поддаются воздѣйствію воли, въ частности не могутъ быть остановлены или подавлены путемъ соотвѣтственныхъ волевыхъ усилій; сюда, напр., относятся соотвѣтственные процессы въ слюн-

---

*) Съ точки зрѣнія вліянія познавательныхъ процессовъ можно въ дополненіе къ предложенной выше общей схемѣ физіологическихъ дѣйствій (тенденцій) аппетита установить слѣдующую (отчасти апріорную, дедуктивную, отчасти на фактахъ основанную) общую схему трехъ формъ или стадій этихъ дѣйствій.

1) Первая форма и обыкновенно первая стадія—съ момента появленія аппетита до момента появленія ощущеній или воспріятій годныхъ объектовъ питанія. Біологическая задача состоитъ здѣсь въ пріисканіи объектовъ. Дѣйствіе аппетита состоитъ вообще въ соотвѣтственной аккомодаціи органовъ (нервныхъ центровъ, ср. выше, органовъ обонянія, ногъ и т. д.) и движеній. Впрочемъ, для научнаго выясненія того, что относится къ этой стадіи, необходимы нѣкоторыя дополнительныя изслѣдованія, сообщаемыя ниже.

2) Вторая форма и обыкновенно вторая стадія—съ момента познавательнаго сигнала о наличности годнаго объекта до введенія пищевого вещества въ полость рта. Біологическая задача—провѣрка годности объекта (соотвѣтственное направленіе обонятельнаго и иного вниманія, у людей расширеніе ноздрей, соотвѣтственное усиленное втягиваніе воздуха черезъ носъ, у нѣкоторыхъ животныхъ, напр., собаки быстрое движеніе носовыхъ мускуловъ и т. д.), приготовленіе надлежащихъ органовъ къ схватыванію и физической и химической переработкѣ пищи (въ томъ числѣ усиленіе питанія и возбужденіе слюнныхъ железъ, железъ выдѣляющихъ желудочный сокъ и т. д.) и схватываніе пищи.

3) Третья форма и стадія отъ момента введенія пищи въ ротъ до отправленія ея въ желудокъ. Біологическая задача — дальнѣйшая критика годности объекта чрезъ посредство органовъ вкуса (соотвѣтственныя мускульныя сокращенія, усиленіе дѣйствія нервныхъ органовъ вкуса), обонянія, осязанія, физическая передѣлка и первая стадія химической передѣлки пищи, а равно усиленіе аккомодаціи органовъ слѣдующей стадіи пищеваренія (въ частности дальнѣйшее усиленіе слюнопроизводства и, слѣдуетъ полагать, производство желудочнаго сока, возбужденіе мускуловъ пищевода и желудка и т. д.), глотаніе и дальнѣйшее движеніе пищи до желудка.

Конечно, эта схема не претендуетъ на точность и полноту перечисленія и имѣетъ лишь характеръ иллюстраціи общей мысли, высказанной въ текстѣ, и общаго директива для будущихъ спеціальныхъ лабораторныхъ и иныхъ изслѣдованій соотвѣтственныхъ психо-физіологическихъ законовъ.

ныхъ и другихъ железахъ, соотвѣтственныя измѣненія кровообращенія, пульса и проч.

2. Такіе, которые поддаются воздѣйствію воли, при наличности соотвѣтственной воли могутъ быть остановлены, подавлены, напр., системы движеній (сокращеній мускуловъ), составляющихъ схватываніе пищи и жеваніе.

Элементы перваго рода мы назовемъ принудительными или несвободными, или принудительною (несвободною) акціею голода-аппетита, элементы второго рода—свободными или свободною акціею.

Впрочемъ, граница между свободными и несвободными элементами не имѣетъ абсолютнаго и неподвижнаго характера. Такія сокращенія мускуловъ, которыя у животныхъ или младенцевъ относятся къ принудительной акціи, взрослымъ человѣкомъ могутъ быть при желаніи подавлены *).

Вообще въ акціи аппетита рѣшительно преобладаютъ несвободные элементы; лишь совершенно незначительная часть ея имѣетъ свободный характеръ **).

Отсюда, между прочимъ, слѣдуетъ, что воля ѣсть и вообще воля воспроизвести акцію аппетита совершенно неспособна достигнуть такого эффекта, какой вызывается аппетитомъ; она лишь можетъ достигнуть (болѣе или менѣе удачнаго) подражанія нѣкоторымъ, немногимъ элементамъ акціи аппетита. Между тѣмъ какъ аппетитъ управляетъ большою массою органовъ, въ томъ числѣ имѣющимися въ организмѣ химическими лабораторіями (слюнными железами и т. п.), заставляя ихъ дѣйствовать на пользу питанія, «власть» воли гораздо ограниченнѣе, простирается лишь на немногіе органы ***).

Во избѣжаніе недоразумѣній по поводу дѣленія акціи аппетита на свободные и несвободные элементы слѣдуетъ особо подчеркнуть, что и тѣ и другіе одинаково составляютъ акцію аппетита, т. е. находятся въ одинаковой причинной зависимости отъ этого психическаго фактора; аппетиту свойственна причинная тенденція вызывать одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе элементы акціи; при усиленіи аппетита усиливается его акція вообще, въ томъ числѣ и тѣ элементы, которые мы назвали свободными, и т. д. (ср. вышеприведенныя индукціи). Особенность свободныхъ элементовъ акціи аппетита состоитъ лишь въ томъ, что по отно-

---

*) Вообще умѣніе управлять по произволу разными частями мускульной системы, а также разными психическими „движеніями“ достигается лишь постепенно и у разныхъ индивидовъ имѣетъ весьма различныя границы. Путемъ соотвѣтственныхъ упражненій можно достигнуть господства надъ такими мускулами, которые обыкновенно не повинуются распоряженіямъ воли. Бывали даже примѣры умѣнія заставить свое сердце на время перестать биться.

**) Чѣмъ большихъ успѣховъ достигнетъ будущее изслѣдованіе акціи психологическаго голода, тѣмъ больше уяснится и подтвердится это положеніе (см. ниже).

***) Сообразно съ этимъ народно-эмпирическая мудрость весьма рѣшительно высказывается противъ ѣды безъ аппетита. Это весьма дефектное питаніе, лишь весьма жалкая и неудачная частичная копія весьма сложной и „геніальной“ акціи аппетита.

шенію къ нимъ дѣйствіе соотвѣтственной тенденціи аппетита можетъ быть парализовано другими, противодѣйствующими силами; разница между свободными и несвободными элементами имѣется не въ области причинныхъ свойствъ, причинныхъ тенденцій аппетита, а въ области причинныхъ свойствъ другихъ силъ.

§ 14. Другія моторныя раздраженія, относящіяся къ питанію.

Рядомъ съ голодомъ въ учебникахъ психологіи традиціонно фигурируетъ жажда. Тѣ психологи, которые полагаютъ, что голодъ есть чувство, считаютъ и жажду чувствомъ, страданіемъ; другіе относятъ жажду, какъ и голодъ, къ категоріи познанія, а именно, къ ощущеніямъ. Какъ и по поводу голода, выставляются разныя теоріи относительно раздражителей. Господствующее мнѣніе усматриваетъ источникъ «ощущеній» жажды въ высыханіи полости рта и сводитъ жажду къ ощущеніямъ сухости, давленія и температурнымъ ощущеніямъ (ощущеніямъ жара) во рту *). Нѣкоторые усматриваютъ источникъ «чувства жажды» (страданія) или (непріятныхъ) ощущеній жажды также въ недостаткѣ влаги въ организмѣ вообще и соотвѣтственномъ ненормальномъ состояніи нервной системы и т. д.

Примѣнивъ аналогично (mutatis mutandis) къ жаждѣ соображенія и методы изслѣдованія, указанные нами выше по поводу голода, не трудно убѣдиться, что всѣ эти теоріи несостоятельны, и что жажда представляетъ отнюдь не чувство и не ощущеніе, а своеобразное пассивно-активное переживаніе, моторное раздраженіе, такъ же, какъ и голодъ, только съ особымъ характеромъ активной стороны, позыва, appetitus (ср. «жаждать чего либо») и пассивной стороны, претерпѣванія, pati **).

*) Ср., напр., Külpe, Grundriss der Psychologie, § 23.

**) Какъ и въ области голода, существующія теоріи основываются на незнаніи соотвѣтственныхъ специфическихъ переживаній и имѣютъ дѣло вмѣсто этого съ патологическими послѣдствіями ненормальнаго недостатка влаги въ организмѣ и соотвѣтственными конструкціями и предположеніями. Путемъ надлежащихъ индукцій можно констатировать зависимость специфическихъ переживаній жажды, аппетита къ питью, отъ психическихъ факторовъ; въ частности, напр., отъ вида грязи, насѣкомыхъ въ напиткѣ и т. п. соотвѣтственный appetitus также пропадаетъ, какъ и психологическій голодъ; напротивъ, видъ годныхъ объектовъ, въ особенности въ случаѣ дразненія, возбуждаетъ и потенцируетъ соотвѣтственныя специфическія переживанія; отсюда видно, что лежащее въ основѣ существующихъ теорій жажды предположеніе необходимой связи и параллелизма жажды въ психологическомъ смыслѣ и патологической жажды, ненормальнаго недостатка влаги и соотвѣтственныхъ болѣзненныхъ явленій, основывается на недоразумѣніи. Между тѣмъ какъ по ходячимъ теоріямъ жажды, какъ и голода, дѣло идетъ о проявленіяхъ патологическаго состоянія, въ дѣйствительности питьевой аппетитъ, жажда, такъ же какъ и пищевой аппетитъ, голодъ, суть факторы здоровья, средства, „примѣняемыя природою“ для охраны здоровья, для заблаговременнаго предупрежденія возможности вредныхъ послѣдствій недостатка соотвѣтственныхъ веществъ. Для надлежащаго ознакомленія съ природою жажды слѣдуетъ произвести интроспективныя наблюденія соотвѣтственныхъ переживаній въ разныхъ случаяхъ и стадіяхъ ихъ развитія

Изслѣдовавъ затѣмъ типичное явленіе природы, называемое питьемъ (соотвѣтственную систему движеній) съ помощью индуктивнаго метода, въ частности съ помощью изслѣдованія, съ чѣмъ связаны измѣненія энергіи, интенсивности соотвѣтственныхъ типичныхъ движеній, можно легко убѣдиться, что эти явленія природы находятся въ причинной зависимости не отъ страданій и желанія освободиться отъ нихъ, а отъ жажды въ смыслѣ своеобразнаго моторнаго раздраженія, что соотвѣтственныя типичныя системы мускульныхъ сокращеній относятся къ акціи жажды. Дальнѣйшее примѣненіе обратной индукціи, т. е. индуктивнаго изслѣдованія, исходящаго отъ жажды, какъ даннаго и извѣстнаго, и направленнаго на изслѣдованіе ея акціи (x), показало бы, что акція жажды далеко не исчерпывается тѣми бросающимися въ глаза и всякому извѣстными движеніями, которыя въ совокупности называются питьемъ, а состоитъ въ гораздо болѣе обширной системѣ психологическихъ и физіологическихъ измѣненій, представляющихъ аккомодацію психо-физическаго аппарата къ успѣшному осуществленію біологической функціи самоснабженія надлежащимъ количествомъ здороваго напитка и т. д. (ср. выше, стр. 193) *).

Питаніе, снабженіе организма достаточнымъ количествомъ здоровой пищи и воды, регулируются не голодомъ и жаждою только, а цѣлою системою моторныхъ раздраженій съ соотвѣтственными, «геніально» приноровленными, акціями.

Путемъ простого, хотя и нездороваго, эксперимента, состоящаго въ продолженіи ѣды чего либо и послѣ полнаго удовлетворенія и исчезновенія аппетита, можно ознакомиться съ особаго рода моторнымъ раздраженіемъ, быстро возрастающимъ въ силѣ по мѣрѣ продолженія этого занятія.

по схемѣ: pati-movere, претерпѣваніе-позывъ—съ тщательнымъ элиминированіемъ всего того, что теперь смѣшивается съ жаждой, въ частности отрицательныхъ чувствъ, страданій, и осязательныхъ, температурныхъ и другихъ ощущеній, имѣющихъ мѣсто въ случаяхъ отсутствія своевременнаго удовлетворенія жажды и соотвѣтственныхъ патологическихъ процессовъ; при этомъ и здѣсь слѣдуетъ рекомендовать примѣненіе экспериментальнаго пріема, названнаго нами дразненіемъ годными объектами.

*) Въ частности, напр., жажда имѣетъ тенденцію прерывать прежнее ассоціативное теченіе идей и вообще вытѣснять постороннія, не служащія и мѣшающія осуществленію предстоящей біологической функціи, представленія, мысли и т. д., и давать начало инымъ цѣпямъ представленій и мыслей, служащихъ дѣлу питья; при чемъ живость, интенсивность этихъ интеллектуальныхъ процессовъ тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе жажда, доходя, въ случаѣ чрезвычайнаго ея напряженія, до болѣзненной гипертрофіи, до соотвѣтственнаго delirium, бреда и галлюцинированія. Въ области воспріятій жажда имѣетъ тенденцію путемъ соотвѣтственнаго направленія вниманія, путемъ повышенія нервной чувствительности къ влажности, сырости и сухости, путемъ соотвѣтственнаго направленія дополненій къ базисамъ ощущеній и созданія иллюзій вида, плеска воды и т. п.—создавать соотвѣтственную одностороннюю картину внѣшняго міра, заставлять его воспринимать, такъ сказать, чрезъ призму проблемы питья; физіологическая акція жажды, могущая быть хорошо изучаемою съ помощью соотвѣтственнаго дразненія, представляется аналогичною съ физіологическою акціею голода; естественно, впрочемъ, a priori, что слюнныя и другія служащія пищеваренію железы должны быть въ иномъ состояніи при жаждѣ, чѣмъ при аппетитѣ...

Въ отличіе отъ голода и жажды, имѣющихъ подталкивающій, поощрительный характеръ и могущихъ быть въ этомъ смыслѣ названными аппульсивными, тѣ моторныя раздраженія, которыя возникаютъ въ случаѣ излишества въ области ѣды, имѣютъ противоположный характеръ удержанія, недопущенія, отталкиванія и могутъ быть названы репульсивными моторными раздраженіями.

Въ случаѣ попытки чрезмѣрно наполнить желудокъ водою тоже появляются своеобразныя репульсивныя раздраженія, отчасти похожія на только что упомянутыя, отчасти отличныя отъ нихъ *).

Аналогичныя репульсивныя раздраженія охраняютъ организмъ противъ принятія пищи и при отсутствіи пресыщенія или даже при наличности физіологическаго голоданія въ тѣхъ случаяхъ, когда не могло бы быть успѣшнаго пищеваренія вслѣдствіе болѣзни или вслѣдствіе наличности такихъ моторныхъ возбужденій, которыя отвлекаютъ кровь и вообще жизненную энергію отъ желудка въ другія области (ср. ниже).

Затѣмъ существуетъ множество репульсивныхъ раздраженій разной степени интенсивности, направленныхъ спеціально противъ питья или ѣды разныхъ вредныхъ или опасныхъ для здоровья веществъ. Вообще можно сказать, что всѣ возможные объекты, кромѣ тѣхъ, сравнительно немногихъ, которые одобрены цензурою природы для питья и ѣды и, какъ таковые, возбуждаютъ аппетитивныя раздраженія, имѣютъ тенденцію возбуждать въ случаѣ попытки ихъ потребленія репульсивныя раздраженія **). Нѣкоторыя изъ этихъ моторныхъ раздраженій весьма интенсивны и пріобрѣтаютъ иногда характеръ непреодолимой силы, такъ что побороть ихъ и дѣйствовать имъ вопреки, напр., брать въ ротъ, жевать и глотать соотвѣтственные объекты, представляется весьма трудно исполнимой или совсѣмъ невозможной задачей. Такіе строгіе и рѣшительные запреты природы существуютъ, напр., по адресу продуктовъ трупнаго или иного гнилостнаго разложенія (содержащихъ въ себѣ часто весьма сильно дѣйствующіе яды), по адресу того, что отвергнуто и выдѣлено своимъ собственнымъ или чужимъ организмомъ (особенно путемъ плеванія или рвоты), по адресу насѣкомыхъ, напр., мухъ, червей и т. п. ***).

---

*) Вообще разныя аппетитивныя моторныя раздраженія смѣняются въ случаѣ излишества соотвѣтственными противоположными, репульсивными раздраженіями. У курильщиковъ, въ случаѣ некуренія въ теченіе извѣстнаго времени, появляется соотвѣтственное аппетитивное возбужденіе, въ случаѣ же продолженія куренія свыше извѣстной мѣры появляется и быстро усиливается специфическое репульсивное раздраженіе. То же бываетъ въ половой и другихъ областяхъ.

**) Здѣсь, между прочимъ, имѣется необъятное поприще для экспериментальнаго возбужденія и изученія соотвѣтственныхъ репульсій, для открытія безчисленныхъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ, прежде намъ неизвѣстныхъ (хотя и дремавшихъ въ нашей организаціи) запретовъ природы, для интересныхъ біологическихъ и историческихъ толкованій этихъ запретовъ съ точки зрѣнія условій жизни нашихъ предковъ и т. д.

***) Чѣмъ объясняется этотъ послѣдній запретъ, столь рѣшительный, что, напр., съѣсть ложку червей или мухъ было бы для средняго человѣка недостижимымъ

Путемъ сравненія моторныхъ раздраженій, возбуждаемыхъ разными обычно не употребляемыми въ пищу веществами и разными необычайными свойствами пищевыхъ продуктовъ (или напитковъ) не трудно убѣдиться, что съ области пищевыхъ отталкивающихъ раздраженій имѣется множество не только ступеней интенсивности, но и качественныхъ различій, такъ что дѣло идетъ о классѣ, включающемъ въ себѣ немало разновидностей. Напр., жаркое, издающее какой нибудь необычный, хотя бы и пріятный запахъ (напр., одеколона или иныхъ духовъ, ср. выше, стр. 181), возбуждаетъ удерживающее отъ ѣды, репульсивное моторное раздраженіе, но совсѣмъ иное, чѣмъ напр., издающее гнилой запахъ жаркое; въ первомъ случаѣ отталкивающее раздраженіе имѣетъ характеръ недовѣрія, подозрительности, во второмъ—гадливости; опять иной характеръ имѣетъ, напр., репульсивное возбужденіе, заявляющее оппозицію противъ ѣды чего либо слишкомъ кислаго, напр., лимона, слишкомъ сладкаго, горькаго и проч. и проч.

Акціи дѣйствующихъ въ области питанія репульсивныхъ раздраженій имѣютъ вообще направленіе, противоположное тому, которое свойственно акціямъ голода и жажды, и состоятъ въ такой спеціальной аккомодаціи психо-физическаго аппарата и такомъ дѣйствіи разныхъ его частей и элементовъ, которыя соотвѣтствуютъ біологической задачѣ охраны организма отъ воспріятія вредныхъ или опасныхъ (или бывшихъ когда-то таковыми) объектовъ и веществъ, въ частности задачѣ недопущенія

геройствомъ, столь же неисполнимымъ дѣломъ, какъ напр. жеваніе гнилого трупа мыши и т. п.? Вѣроятно, наши отдаленные предки, жившіе въ мѣстностяхъ, населенныхъ ядовитыми насѣкомыми и питавшіеся сырыми продуктами, нерѣдко платились смертью за соприкосновеніе съ этими существами. Въ пользу этой гипотезы, имѣющей въ виду не пищевареніе, какъ таковое, а главнымъ образомъ ядовитые уколы, говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что соприкосновенія насѣкомыхъ съ нашимъ тѣломъ (кромѣ нѣкоторыхъ, особенно привычныхъ) вообще имѣютъ тенденцію возбуждать весьма сильныя репульсивныя возбужденія. Напр., паденіе съ дерева червяка за воротникъ возбуждаетъ сильнѣйшую репульсію и соотвѣтственную акцію; хватить рукою и раздавить червяка, а тѣмъ болѣе паука довольно трудно и не для всѣхъ психически возможно. Выработаннымъ путемъ многотысячелѣтняго естественнаго подбора репульсивнымъ отношеніемъ нашей моторной психики къ насѣкомымъ объясняется, въ свою очередь, тотъ интересный психическій фактъ (законъ), что такія ощущенія, которыя похожи на ощущенія, исходящія отъ насѣкомыхъ, какъ раздражителей, напр., тихіе „насѣкомовидные“ шелесты, скрипѣнія, жужжанія, щекотанія и проч., имѣютъ тенденцію возбуждать репульсивныя моторныя раздраженія и акціи.

Точно также не легко взять въ ротъ лягушку, ящерицу и т. п. Для объясненія этихъ репульсій надо исходить изъ того, что нашимъ предкамъ приходилось въ теченіе многихъ тысячелѣтій имѣть дѣло со множествомъ ядовитыхъ рептилій. Сообразно съ этимъ и теперь еще такія ощущенія, которыя похожи на ощущенія, возбуждаемыя рептиліями, напр., ощущенія, возбуждаемыя прикосновеніемъ къ чему либо холодному и вмѣстѣ съ тѣмъ гладкому, мягкому и скользкому, ощущенія отъ чего либо быстро извивающагося или скользящаго по голой кожѣ, подобно рептиліи, и т. п.—тоже возбуждаютъ репульсивныя раздраженія и акціи. Невинныя амфибіи, напр., наши зеленыя лягушки, возбуждаютъ въ насъ репульсіи не изъ-за собственной ихъ природы, а изъ-за сходства въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ рептиліями, съ опасными „гадами“ (ср. выраженія „гадкій“, „гадость“).

ихъ введенія въ полость рта, а тѣмъ болѣе желудка, и очищенія этихъ полостей отъ нихъ, если они уже туда попали.

Такъ какъ эта біологическая задача по существу своему требуетъ большой быстроты и рѣшительности дѣйствія (иногда подъ страхомъ смерти), то и акціи пищевыхъ репульсивныхъ возбужденій проявляются вообще быстро и въ рѣзко выраженной формѣ *),

Въ качествѣ наиболѣе интересныхъ съ точки зрѣнія общей теоріи моторныхъ раздраженій и не требующихъ для распознанія особыхъ лабораторныхъ приспособленій элементовъ акціи пищевыхъ репульсій, можно указать слѣдующіе:

Возникновеніе пищевой репульсіи (напр. если во время ѣды въ тарелкѣ, въ ложкѣ или во рту оказалось какое либо крупное насѣкомое или иной отвратительный объектъ) влечетъ за собою прежде всего психическую революцію, состоящую въ перерывѣ и вытѣсненіи прежнихъ психическихъ процессовъ и замѣнѣ ихъ такими, которые способны содѣйствовать осуществленію біологической задачи репульсіи. Прежняя цѣпь ассоціативнаго или мыслительнаго теченія идей моментально прерывается и смѣняется новою, служебною по отношенію къ репульсіи; прежнее направленіе вниманія внезапно прекращается и смѣняется новымъ, такъ что мы, напр., перестаемъ понимать и даже слышать то, что продолжаетъ намъ говорить нашъ собесѣдникъ; въ случаѣ подозрительнаго или противнаго запаха появляется сильное возбужденіе органовъ

---

*) Это обстоятельство весьма облегчаетъ примѣненіе въ данной области индуктивнаго метода изслѣдованія. А именно, мы имѣемъ здѣсь (какъ и въ области большинства другихъ охранительныхъ и спасательныхъ моторныхъ раздраженій, напр., репульсій, возбуждаемыхъ прикосновеніемъ пауковъ или рептилій) благопріятнѣйшую почву для примѣненія индукціи въ той простѣйшей и наглядиѣйшей ея формѣ, которую А. Милль называетъ методомъ различія (ср. выше, стр. 108): весьма легко добывать матеріалъ, представляющій достаточное основаніе для индуктивныхъ умозаключеній на основаніи единственнаго (существеннаго) причиннаго различія, состоящаго въ прежнемъ отсутствіи и послѣдующемъ введеніи подлежащаго изслѣдованію фактора. То же относится и къ индуктивному изслѣдованію законовъ появленія этихъ моторныхъ раздраженій.

Не исключено также примѣненіе и „метода сходства“ (вообще, впрочемъ, весьма ненадежнаго метода), а равно и того, столь же убѣдительнаго и доказательнаго, какъ и „методъ различія“, пріема изслѣдованія, который Милль называетъ методомъ сопутствующихъ измѣненій (выше, стр. 108, ср. нашу общую формулу индукціи, стр. 182 прим.): путемъ соотвѣтственныхъ экспериментальныхъ средствъ можно по желанію достигать постепеннаго или внезапнаго повышенія и пониженія интенсивности репульсіи (напр., при приближеніи ко рту отвратительнаго объекта возбужденіе постепенно возрастаетъ, при удаленіи—ослабѣваетъ; введеніе объекта въ ротъ, а затѣмъ жеваніе его и глотаніе вызываютъ сразу большіе скачки интенсивности возбужденія вверхъ и т. д.); а наблюденіе „сопутствующихъ“ психическихъ и физическихъ измѣненій даетъ хорошій матеріалъ для индуктивныхъ выводовъ.

Такъ какъ высказываемыя дальше въ текстѣ положенія могутъ быть каждымъ по желанію весьма легко самостоятельно провѣрены индуктивно по изложеннымъ общимъ методологическимъ указаніямъ, то мы считаемъ возможнымъ ограничиться почти исключительно формулировкою соотвѣтственныхъ законовъ безъ подробнаго индуктивнаго обоснованія.

обоняніе и энергичное дѣйствіе ихъ въ направленіи возможно болѣе отчетливаго воспріятія и распознанія этого запаха; аналогично отношеніе органовъ вкуса къ подозрительнымъ вкусамъ; такимъ образомъ, мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ усердное (хотя и кратковременное) нюханіе и смакованіе, несмотря на непріятность этихъ занятій. Соотвѣтственныя воспріятія отличаются большой живостью и интенсивностью и оставляютъ «глубокіе слѣды», при особенно сильныхъ репульсіяхъ столь глубокіе и живучіе, что бываютъ послѣдующія иллюзіи и галлюцинаціи: соотвѣтствующіе вкусы, запахи, ощущеніе насѣкомаго во рту и т. п. преслѣдуютъ насъ и потомъ въ теченіе нѣкотораго времени, хотя прежнихъ реальныхъ раздражителей уже нѣтъ.

Что касается вытѣсненія такихъ психическихъ процессовъ, которые не играютъ вспомогательной, служебной роли по отношенію къ данному моторному возбужденію и соотвѣтственной біологической задачѣ и поэтому представляютъ лишнее осложненіе и помѣху, отвлекая жизненную энергію отъ главнаго въ данное время дѣла, то изъ общей формулы о спеціальномъ приспособленіи и дѣйствіи психо-физическаго аппарата въ направленіи данной біологической функціи вытекаетъ дедуктивно и можетъ быть подтверждено и индуктивно, что соотвѣтственныя тенденціи пищевыхъ репульсивныхъ возбужденій распространяются не только на представленія и вообще посторонніе познавательно-интеллектуальные процессы, но и на процессы другихъ категорій, поскольку они съ біологической точки зрѣнія представляли бы лишнее и вредное осложненіе. Это относится прежде всего къ постороннимъ волевымъ процессамъ, напр., къ волѣ разсказать или доказать что либо своимъ собесѣдникамъ, отправиться послѣ обѣда на прогулку и т. п. Воспріятіе мухи во рту и т. п. (появленіе соотвѣтственной репульсіи) моментально очищаетъ психику отъ такихъ волненій, заставляетъ насъ быстро «забыть» всякія подобныя намѣренія. Такая же тенденція (вытѣсненія) свойственна пищевымъ репульсіямъ, по отношенію къ постороннимъ моторнымъ возбужденіямъ (напр., половому и др., ср. ниже) и постороннимъ чувствамъ, особенно положительнымъ (напр., удовольствіямъ, доставляемымъ подходящею температурою, свѣтомъ, музыкою и т. п.), но также и отрицательнымъ (напр., неудовольствіямъ, причиняемымъ слишкомъ низкою температурою, неудобною обувью и т. п.). При особенно интенсивномъ репульсивномъ возбужденіи исчезаютъ или во всякомъ случаѣ сильно ослабѣваютъ даже такія интенсивныя страданія, какъ, напр., тѣ, которыя причиняются острыми зубными, головными болѣзнями, ожогами и т. п. *).

*) Такъ что, напр., мухи могли бы служить своего рода лѣкарствомъ (впрочемъ, еще болѣе палліативнымъ, чѣмъ разные элексиры) противъ зубной боли, мигрени и т. п. Зная и принимая во вниманіе біологическія функціи разныхъ посторонніхъ моторныхъ возбужденій и чувствъ, можно было бы a priori предвидѣть разныя модификаціи указанной суммарно въ текстѣ общей тенденціи въ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ областяхъ. Подлежащія спеціальныя изслѣдованія потребовали бы много мѣста, предварительныхъ объясненій и проч. и для нашей цѣли не необходимы.

Отъ «постороннихъ» психическихъ процессовъ, могущихъ быть также названными «конкуррентными», слѣдуетъ отличать такіе, которые направлены на прямо противоположное тому, чего добивается данное моторное возбужденіе, на дѣйствіе вопреки соотвѣтственному «голосу природы», и могутъ быть названы «противоположными» или «враждебными». Относительно такихъ психическихъ процессовъ a priori слѣдуетъ ожидать, что моторнымъ раздраженіямъ должна быть свойственна тенденція вступать съ ними въ прямую борьбу и уничтожать ихъ. Въ такомъ, конфликтномъ отношеніи другъ къ другу состоятъ прежде всего моторныя раздраженія съ противоположными біологическими функціями и акціями, напр., аппетитивныя возбужденія: жажда и аппетитъ, съ одной стороны, соотвѣтственныя репульсивныя раздраженія, съ другой стороны. Конфликты этихъ противоположныхъ моторныхъ возбужденій и соотвѣтственныхъ акцій, состоянія нерѣшительности, колебанія между тѣми и другими акціями и т. д. играютъ большую роль и могутъ быть въ изобиліи наблюдаемы и изучаемы, между прочимъ, въ осажденныхъ крѣпостяхъ въ случаѣ истощенія запаса нормальной пищи и въ тому подобныхъ случаяхъ чрезвычайнаго недостатка въ нормальныхъ объектахъ ѣды и питья. Такой же фактическій матеріалъ для индуктивныхъ выводовъ можно добывать экспериментальнымъ путемъ *).

*) Путемъ болѣе спеціализированной дедукціи изъ началъ теоріи естественнаго подбора можно, впрочемъ, предвидѣть, что взаимоотношеніе этихъ противоположныхъ возбужденій должно быть регулировано природою, такъ сказать, болѣе геніально, чѣмъ путемъ простого установленія отношенія конфликта и побѣды сильнѣйшаго моторнаго возбужденія. Конфликты, борьба, тенденція взаимоуничтоженія вообще плохое съ біологической точки зрѣнія дѣло, ведущее неизбѣжно къ растратѣ жизненной энергіи, ослабленію организма, къ порчѣ соотвѣтственныхъ акцій въ случаѣ колебаній, борьбы и попытокъ проявлять свои акціи со стороны обоихъ моторныхъ раздраженій и т. д. Посему представляется съ біологической точки зрѣнія желательнымъ по возможности предупредить такіе конфликты, т. е. одновременное существованіе и дѣйствіе противоположныхъ моторныхъ раздраженій. Этого можно достигнуть путемъ такого устроенія дѣла, чтобы съ такими факторами (напр., чисто физіологическими состояніями организма или ощущеніями, воспріятіями и т. д.), съ которыми связано появленіе однихъ моторныхъ раздраженій, въ то же время было связано противодѣйствіе появленію или исчезновеніе другихъ, противоположныхъ первымъ, моторныхъ раздраженій. Но такой способъ предупрежденія междуусобной войны въ организмѣ предполагаетъ выборъ, предпочтеніе одной враждебной стороны насчетъ другой. Что заслуживаетъ предпочтенія съ біологической точки зрѣнія: аппетитивныя или репульсивныя моторныя раздраженія въ области питанія? Если бы на этотъ вопросъ можно было отвѣтить просто въ пользу одного изъ членовъ дилеммы, то премудрая природа (процессъ органическаго приспособленія) устроила бы дѣло такъ, что заведенные ею сигналы для появленія и дѣйствія заслуживающихъ предпочтенія моторныхъ возбужденій были бы въ то же время сигналами, предупреждающими появленіе на сцену или изгоняющими противоположныя возбужденія, и между ними никогда бы не было отношенія конфликта. Но предположенный отвѣтъ не выдерживаетъ біологической критики, и соотвѣтственное устроеніе дѣла не было бы мудрымъ, ибо оно вело бы къ гибели организмовъ отъ отсутствія легкомысленно устраняемыхъ стражей жизни и здоровья. Болѣе осторожнымъ отвѣтомъ на предположенный выше вопросъ былъ бы такой, что вообще дѣло репульсій, анти-аппетитовъ не терпитъ отлагательства,

Въ отношеніи противоположности и враждебности другъ другу находятся далѣе моторныя возбужденія, съ одной стороны, волевыя рѣшенія и воли, направленныя на дѣйствія, противоположныя тому, чего требуетъ природа чрезъ посредство даннаго моторнаго возбужденія, съ другой стороны. Напр., волю взять въ ротъ гнилое мясо, волю проглотить муху и т. п. можно назвать противоположными по отношенію къ соотвѣтственнымъ репульсивнымъ раздраженіямъ волями; воля не трогать возбуждающаго аппетитъ предмета, воздержаться отъ питья, несмотря на жажду, противоположны по отношенію къ соотвѣтственнымъ аппетитивнымъ раздраженіямъ *). И по адресу такихъ психическихъ процессовъ моторнымъ раздраженіямъ свойственна тенденція борьбы и уничтоженія. Это поло-

---

должно быть при наличности соотвѣтственныхъ условій (возможности отравленія и т. д.) моментально исполнено, между тѣмъ какъ дѣло положительныхъ аппетитовъ, голода и жажды, будучи вообще абсолютно необходимымъ для жизни, тѣмъ не менѣе при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ жизни, можетъ быть отлагаемо не только на нѣсколько минутъ (что недопустимо въ области репульсій), но даже на нѣсколько часовъ и даже дней. Но это только общее правило. А бываютъ и такіе случаи, когда по исключенію и дѣло голода или жажды не можетъ быть отлагаемо подъ страхомъ смерти. Это тѣ случаи, когда „отлагательство“ уже раньше имѣло мѣсто и организмъ уже приближается къ опасности смерти отъ недостатка пищи или воды; вообще случаи крайней нужды организма въ пищѣ или водѣ. Сообразно съ этимъ раціональнымъ представляется такое устроеніе отношеній между аппетитивными и репульсивными возбужденіями, чтобы при обычныхъ условіяхъ преимуществомъ пользовались репульсіи, т. е. чтобы факторы, возбуждающіе репульсіи, были вмѣстѣ съ тѣмъ сигналами для удаленія аппетитовъ и этимъ бы предупреждалась междуусобная война; въ случаяхъ же крайней нужды въ пищѣ или питьѣ голодъ и жажда не уступали бы безъ боя и побѣждали менѣе сильныя репульсіи (особенно строгихъ и абсолютныхъ запретовъ природы не слѣдуетъ нарушать и въ этихъ случаяхъ, такъ что нужно, чтобы произошла борьба, какъ проба силы двухъ противоположныхъ голосовъ природы).

Индуктивная провѣрка въ общемъ подтверждаетъ эти дедукціи. Одновременное существованіе и дѣйствіе и аппетитивныхъ и репульсивныхъ возбужденій по адресу однихъ и тѣхъ же объектовъ и соотвѣтственная борьба обусловлены вообще ненормальнымъ состояніемъ организма, патологическимъ недостаткомъ питанія. Поэтому въ жизни эта борьба можетъ быть наблюдаема главнымъ образомъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, во время осады крѣпости, блужданія послѣ кораблекрушенія по морю и т. п. Обыкновенно же то, что возбуждаетъ репульсію удаляетъ въ то же время аппетитивное возбужденіе, такъ что дѣло обходится безъ борьбы, напр., открытіе таракана въ супѣ или соусѣ при обычномъ обѣдѣ ведетъ не къ борьбѣ соотвѣтственныхъ моторныхъ возбужденій, а къ моментальной смѣнѣ аппетита репульсіей и т. п. Впрочемъ, еще болѣе детальное изученіе отношеній аппетитивныхъ и репульсивныхъ раздраженій въ области питанія обнаружило бы существованіе разныхъ дальнѣйшихъ интересныхъ осложненій и цѣлесообразностей. Напр., сосуществованіе аппетитивныхъ и репульсивныхъ раздраженій возможно и при отсутствіи сильнаго голода — по адресу различныхъ объектовъ или частей одного и того же объекта. Интересна въ этой области тенденція репульсій распространяться отъ центра возбужденія на сосѣднія области; между прочимъ, тенденція, особенно сильно дѣйствующая въ области жидкостей, слабая въ области только влажныхъ тѣлъ, еще слабѣе въ области сухихъ тѣлъ,—вполнѣ раціональное съ біологической точки зрѣнія явленіе.

*) Между прочимъ, составленіе „противоположныхъ“ волевыхъ рѣшеній и соотвѣтственныя волевыя усилія—важное средство для научнаго изученія моторныхъ раздраженій; въ частности оно необходимо для пользованія въ этой области методомъ экспериментальнаго самонаблюденія.

женіе, правильное и по отношенію къ голоду, жаждѣ и вообще всѣмъ моторнымъ возбужденіямъ, особенно легко можетъ быть индуктивно провѣрено въ области репульсивныхъ раздраженій, въ томъ числѣ пищевыхъ *).

Что касается физіологической акціи репульсивныхъ раздраженій въ области питанія, то въ ней можно различать три стадіи: 1) недопущеніе объекта репульсіи въ ротъ; 2) очищеніе полости рта отъ попавшаго туда объекта репульсіи и недопущеніе глотанія; 3) очищеніе глотки и желудка отъ попавшаго туда объекта репульсіи. Для первой стадіи характерно судорожное, герметическое сжиманіе полости рта съ удаленіемъ губъ отъ объекта репульсіи (ср. соотвѣтственное «выраженіе лица»), иннервація мускуловъ рукъ въ направленіи отталкивательныхъ движеній (ладонями впередъ) и т. д. Для второй стадіи характерно сильное возбужденіе слюнныхъ железъ (и, повидимому, еще болѣе обильное слюнотеченіе, чѣмъ при аппетитѣ) и дѣйствіе разныхъ системъ мускуловъ въ направленіи возможно тщательнаго очищенія рта отъ объекта репульсіи и его частей: такое открытіе рта и положеніе языка и всего тѣла, которое приноровлено къ вытеканію содержимаго изъ полости рта, чему содѣйствуютъ, между прочимъ, и шейные мускулы, судорожно потрясающіе голову направо и налѣво (для развитія центробѣжной силы и болѣе быстраго очищенія полости рта **); затѣмъ судорожная работа языка и другихъ мускуловъ рта для захвата остатковъ и судорожное выплевываніе. Для третьей стадіи характерны харканіе, кашель и рвота ***).

Нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ въ области питанія репульсивныхъ возбужденій имѣютъ особое имя въ обыденномъ языкѣ и поэтому из-

*) Ср. выше, стр. 202. Эти моторныя раздраженія могли бы, между прочимъ, служить превосходнымъ средствомъ „измѣренія“ силы воли; напр., относительно такого человѣка, который бы для научно-экспериментальной или иной цѣли возымѣлъ серіозную волю: 1) взять въ ротъ, 2) жевать и 3) глотать смѣсь мухъ и червей или полуразложившійся трупъ мыши и исполнилъ, если не всѣ три, то по крайней мѣрѣ первыя двѣ стадіи ѣды (безъ предварительнаго примѣненія средствъ ослабленія соотвѣтственныхъ природныхъ психическихъ склонностей), можно было бы сказать, что онъ обладаетъ исключительно и удивительно сильною волею. Средній человѣкъ не смогъ бы не только исполнить даже первой стадіи такого предпріятія, но даже составить соотвѣтственнаго серіознаго волевого рѣшенія. Моторныя раздраженія имѣютъ тенденцію не только уничтожать противоположныя воли, но и не допускать ихъ появленія.

**) Быстрое и судорожное трясеніе той части тѣла, которая потерпѣла прикосновеніе объекта, возбуждающаго репульсію, напр., паука, вообще весьма распространенное явленіе въ области репульсивныхъ моторныхъ раздраженій.

***) Впрочемъ, для вызова явленій второй и третьей стадіи нѣтъ необходимости, чтобы объектъ попалъ въ полость рта или желудка. Если данный объектъ уже своимъ видомъ или запахомъ возбуждаетъ сильное репульсивное возбужденіе, то этого вида или запаха уже достаточно, чтобы вызвать явленія второй стадіи, въ частности сильнѣйшее слюнотеченіе и плеваніе, и даже третьей стадіи, въ томъ числѣ рвоту. Мало того, всѣ три стадіи могутъ быть, разъ есть налицо репульсивное возбужденіе, совсѣмъ безпредметными и съ точки зрѣнія конкретной цѣлесообразности лишенными смысла; можно, напр., при полномъ отсутствіи всякаго способнаго возбуждать репульсію предмета, путемъ живого представленія ѣды чего либо весьма отвратительнаго возбудить въ себѣ соотвѣтственную репульсію, а послѣд-

вѣстны и современной психологіи. Мы имѣемъ въ виду имя «отвращеніе» (обнимающее, впрочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ, не всѣхъ, пищевыхъ репульсій, много другихъ репульсивныхъ возбужденій) и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ. Подобно голоду и жаждѣ, и «отвращеніе» блуждаетъ въ современной психологіи между рубриками познанія и чувства; одни квалифицируютъ его какъ отрицательное чувство, страданіе, другіе какъ ощущеніе *).

Въ качествѣ «ощущенія» оно, въ свою очередь, блуждаетъ между разными классами, попадая то въ область вкусовыхъ ощущеній, то въ область органическихъ ощущеній, мускульныхъ и т. п., или же признается сочетаніемъ разныхъ видовъ ощущеній **).

Изслѣдованными выше аппетитивными и репульсивными раздраженіями не исчерпывается совокупность тѣхъ моторныхъ раздраженій, которыя руководятъ дѣломъ питанія организма.

Выше, говоря о голодѣ-аппетитѣ и его акціи, мы не касались вопроса о томъ, какими психическими пружинами вызываются тѣ, подчасъ весьма сложныя, системы движеній живыхъ существъ, которыя направлены на отысканіе и ловлю живой добычи или добываніе иныхъ средствъ пропитанія. По господствующей, гедонистической теоріи, всѣ относящіяся сюда явленія природы объясняются дѣйствіемъ голода, т. е. соотвѣтственными страданіями, вызывающими сознательную или инстинктивную волю освободиться отъ нихъ. Поиски за добычею, выслѣживаніе ея, ловля и проч. — не что иное, какъ средства избавиться отъ страданій голода. Тѣ

ныя вызоветъ соотвѣтственную акцію, какъ если бы объектъ былъ налицо, попалъ въ ротъ и т. д.

Сообразно съ біологическою функціею репульсивныхъ моторныхъ раздраженій въ области питанія, какъ психическая, такъ и физическая акція этихъ моторныхъ раздраженій имѣетъ менѣе свободный, болѣе принудительный характеръ, нежели акціи аппетита и жажды.

Изложенное выше о пищевыхъ и питьевыхъ репульсивныхъ возбужденіяхъ имѣетъ, по необходимости, весьма суммарный характеръ. Детальное, монографическое, изученіе показало бы, что разнымъ видамъ этихъ репульсій соотвѣтствуютъ и разныя медификаціи акцій. Такъ, напр., есть такія разновидности пищевыхъ репульсій, которымъ свойственна тенденція вызывать чрезвычайно сильное слюнотеченіе, но за то чужда тенденція вызывать рвоту. Сюда относятся репульсіи противъ веществъ, вызывающихъ особенно рѣзкія и сильныя вкусовыя ощущенія, напр., ощущенія сильнаго и жгучаго горькаго, соленаго вкуса. Это имѣетъ свой біологическій смыслъ: здѣсь требуется много слюны для растворенія, разбавленія и устраненія остроты дѣйствія, но нѣтъ вообще такой надобности въ рвотѣ уже потому, что острыя вкусовыя ощущенія достаточные вообще стражи для охраны желудка. Рвота надобна главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вкусовыя (и обонятельныя) ощущенія имѣютъ „блѣдный“, невнятный характеръ (fade), такъ что соотвѣтственные объекты могутъ, особенно вмѣстѣ съ другими, проскользнуть, сначала незамѣтно, въ желудокъ.

*) Или одни и тѣ же авторы въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій опредѣляютъ его различно. Ср., напр., Höffding, назв. соч. стр. 309 („das Gefühl des Ekels“), стр. 137 („eine Empfindung wie z. B. der Ekel“).

**) Ср., напр., Höffding, тамъ же, стр. 137: „Такія ощущенія, какъ, напр., отвращеніе, представляются уже непосредственному наблюденію чѣмъ-то сложнымъ: это видно изъ того, что нѣкоторые относятъ его къ вкусовымъ ощущеніямъ, другіе къ мускульнымъ, третьи ни къ тѣмъ, ни къ другимъ.

ученые и не ученые «философы», соціологи, психологи, экономисты и т. д., которые голодъ объявляютъ основною пружиною, приводящею въ движеніе всѣ живыя твари на землѣ, имѣютъ въ виду не ѣду готовой и наличной пищи, а именно добываніе средствъ пропитанія, каковое занятіе составляетъ главное содержаніе жизни въ мірѣ животныхъ.

Изъ изложеннаго выше видно, что голодъ представляетъ нѣчто совершенно иное, нежели то, за что его принимали до сихъ поръ въ психологіи, и что и его дѣйствіе (акція) имѣетъ совсѣмъ иную природу, нежели какъ его традиціонно представляютъ себѣ психологи, и что, сообразно съ этимъ, и традиціонная психологическая теорія явленій добыванія средствъ пропитанія въ животномъ мірѣ, и въ томъ случаѣ, если въ основѣ ихъ лежитъ голодъ, заключала бы въ себѣ существенныя недоразумѣнія и нуждалась бы въ соотвѣтственныхъ исправленіяхъ. Но предположеніе, что охотою со стороны хищныхъ животныхъ и соотвѣтственными системами движеній нехищныхъ животныхъ управляетъ въ качествѣ импульса голодъ, было бы и въ надлежаще исправленномъ, и съ этой точки зрѣнія болѣе пріемлемомъ, видѣ все-таки—недоразумѣніемъ.

Что въ основѣ интересующихъ насъ явленій природы лежитъ не голодъ, это можно съ вѣроятностью предвидѣть уже a priori: хотя охота и соотвѣтственныя занятія не-хищныхъ животныхъ, напр., отыскиваніе ягодъ, орѣховъ, выкапываніе питательныхъ корней растеній и т. п.—въ концѣ концовъ служатъ задачѣ питанія, также какъ и та система явленій (возбужденіе и усиленное дѣйствіе слюнныхъ и иныхъ железъ, мускуловъ языка, рта и т. д.), относительно которой мы убѣдились выше, что она вызывается и регулируется голодомъ-аппетитомъ, тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о столь существенно различныхъ и требующихъ столь существенно различнаго приспособленія организма процессахъ (напр., для охоты возбужденіе и дѣйствіе слюнныхъ железъ, языка и т. д. совершенно лишни и составляли бы вредную конкуренцію мускуламъ ногъ, отъ которыхъ требуется большая быстрота дѣйствія для ловли добычи и т. д.),—что слѣдуетъ предположить и существованіе и дѣйствіе различныхъ возбуждающихъ и регулирующихъ эти различныя явленія психическихъ факторовъ.

Индуктивная провѣрка этой гипотезы вполнѣ подтверждаетъ ея правильность. Въ этомъ можно, между прочимъ, убѣдиться съ помощью весьма простыхъ экспериментальныхъ средствъ, напр., такого опыта: накормивъ кошку такъ, чтобы устранить почву для предположенія наличности голода-аппетита, слѣдуетъ пустить предъ нею мышь и наблюдать, что произойдетъ; каждый изъ фазисовъ дальнѣйшей охотничьей драмы представляетъ сильнѣйшій индуктивный ударъ по адресу ходячаго воззрѣнія; первый фазисъ состоитъ въ интенсивнѣйшихъ движеніяхъ ловли; второй фазисъ имѣетъ обыкновенно характеръ довольно жестокой забавы, состоящей въ пусканіи добычи и повтореніи охотничьихъ манипуляцій; третій фазисъ (въ случаѣ надлежащаго исключенія появленія аппетита)

наступаетъ съ момента смерти и полной неподвижности жертвы и состоитъ въ оставленіи послѣдней безъ вниманія и обращеніи къ другимъ дѣламъ. Въ случаѣ наличности у кошки дѣтенышей дѣло приметъ нѣсколько иной оборотъ, представляющій дальнѣйшій матеріалъ для индуктивнаго опроверженія ходячаго воззрѣнія. Вообще значительная часть добываемыхъ животными объектовъ питанія ими вовсе не съѣдается, а предоставляется другимъ: дѣтенышамъ, самкамъ, сидящимъ на гнѣздѣ, сопровождающимъ товарищамъ или товаркамъ *), или той постоянной «соціальной группѣ», членами которой они являются (напр., пчелы, муравьи). Явленіе собиранія и заготовленія пищевыхъ запасовъ на будущее время, напр., на зиму (бѣлки, суслики и т. п.) — тоже свидѣтельство противъ традиціоннаго воззрѣнія...

Психическая пружина, приводящая животный міръ въ движеніе добыванія средствъ пропитанія, состоитъ не въ голодѣ, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ именно? Для научно-обоснованнаго (а не гадательнаго) отвѣта на этотъ вопросъ, мы должны обратиться къ соединенному методу внутренняго и внѣшняго наблюденія (выше, стр. 31 и сл.). По основаніямъ, которыя будутъ видны изъ дальнѣйшаго изложенія, для успѣшнаго примѣненія этого метода въ данномъ случаѣ (и для рѣшенія другихъ аналогичныхъ проблемъ) слѣдуетъ обратиться къ области человѣческихъ забавъ, развлеченій, спортовъ, къ воскреснымъ, такъ сказать, а не будничнымъ, трудовымъ занятіямъ, отыскать среди этихъ забавъ такія, которыя соотвѣтствуютъ подлежащимъ психологическому объясненію дѣйствіямъ животныхъ и изучить «психологію» этихъ дѣйствій (опредѣлить индуктивно и изслѣдовать интроспективно вызывающіе ихъ психическіе процессы) **).

Что касается хищной половины животнаго міра, то ключъ для опредѣленія природы стимуловъ соотвѣтственныхъ, направленныхъ на добываніе средствъ пропитанія, системъ движеній найти весьма не трудно —

---

*) Ср., напр., созываніе куръ со стороны пѣтуха въ случаѣ нахожденія пищи.

**) При этомъ весьма цѣнный вспомогательный матеріалъ для важныхъ и интересныхъ выводовъ въ различныхъ направленіяхъ можетъ доставить изученіе соотвѣтственнаго дѣтскаго поведенія. Дѣти во многихъ отношеніяхъ вообще являются, т. ск., среднимъ звеномъ между современными взрослыми людьми и животными, представляя въ разныхъ отношеніяхъ отраженіе того, какими были, что переживали и дѣлали наши отдаленные предки. Біологи установили весьма цѣнное положеніе, по которому онтогенезисъ (развитіе индивида) воспроизводитъ филогенезисъ (исторію рода). Цѣннѣйшее и великолѣпнѣйшее приложеніе находитъ эта формула въ области развитія эмбріологіи, въ области развитія зародыша (напр., на извѣстной стадіи развитія человѣческій зародышъ имѣетъ структуру, соотвѣтствующую структурѣ примитивнѣйшихъ животныхъ; одна изъ послѣдующихъ стадій показываетъ приспособленіе къ жизни въ водѣ,—не легкія, а жабры, какъ у рыбъ; коротенькому рудиментарному и скрытому подъ кожей хвосту у родившихся уже людей соотвѣтствуетъ весьма длинный хвостъ у зародыша на извѣстной ступени развитія и проч. и проч.). Но до извѣстной степени та же формула приложима и къ дѣтямъ, въ томъ числѣ и къ дѣтскому поведенію, и даже (въ еще болѣе слабой степени) и къ юношескому возрасту. Напр., пристрастіе дѣтей къ игрѣ въ солдатики и къ дракамъ, къ верховой ѣздѣ (на палочкѣ

въ области охотничьяго и рыболовнаго спортовъ. Каждому охотнику, особенно «страстному», извѣстны особыя возбужденныя состоянія, переживаемыя, напр., при видѣ крупной и интересной дичи и сопровождаемыя, между прочимъ, пересыханіемъ полости рта и глотки (т. е. прямо противоположнымъ голоду-аппетиту вліяніемъ на слюнныя железы), сердцебіеніемъ, дрожью рукъ и ногъ и нѣкоторыми другими, указываемыми и объясняемыми ниже явленіями. Примѣнивъ интроспективный методъ по двойственной схемѣ pati-movere (выше, стр. 184), не трудно убѣдиться, что дѣло идетъ о своеобразныхъ моторныхъ раздраженіяхъ, о такихъ же двойственныхъ, пассивно-активныхъ, переживаніяхъ, какъ голодъ-аппетитъ, жажда, пищевыя репульсіи, но отличныхъ отъ нихъ по качеству, имѣющихъ специфическій характеръ *).

Что касается психической акціи охотничьяго возбужденія, то къ ней mutatis mutandis относится то, что было уже изложено по поводу аппетитивныхъ и репульсивныхъ пищевыхъ раздраженій **).

Въ виду теоріи, полагающей, что въ основѣ охотничьихъ занятій хищныхъ животныхъ лежитъ «непріятное чувство голода», особо слѣдуетъ подчеркнуть, что охотничьи моторныя возбужденія проявляютъ весьма рѣшительную тенденцію устранять и непріятныя чувства, въ томъ числѣ страданія, связанныя съ физіологическимъ голодомъ, и подлинный психологическій голодъ (аппетитъ), какъ посторонніе, не относящіеся къ дѣлу, психическіе процессы. Анальгезія (нечувствительность къ болямъ и страданіямъ) доходитъ при сильномъ охотничьемъ возбужденіи до поразительной степени, напр., до полнаго незнанія до конца охоты о та-

---

и т. п.), къ лазанію по деревьямъ и поискамъ за птичьими гнѣздами, къ ѣдѣ ягодъ и т. п.—явленія, не лишенныя поучительности въ смыслѣ формулы о повтореніи филогенетическаго развитія (ср. ниже).

Впрочемъ, и взрослые люди представляютъ тоже интересные историческіе документы для умѣющихъ ихъ читать; интересные памятники для изученія занятій нашихъ предковъ, въ томъ числѣ способовъ добыванія средствъ пропитанія, можно найти именно въ области спорта, праздничнаго времяпрепровожденія и т. п.

*) Способность къ этимъ моторнымъ раздраженіямъ свойственна, впрочемъ, не только „охотникамъ“. По природѣ всѣ люди охотники, причастны (по наслѣдству отъ предковъ) къ психикѣ хищныхъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ это относится къ дѣтямъ (не исключая и дѣвочекъ), лучше отражающимъ психологію древнихъ предковъ. Въ этомъ можно убѣдиться путемъ соотвѣтственныхъ экспериментовъ, напр., путемъ пусканія мыши или птички въ комнатѣ, гдѣ находятся дѣти, въ классной комнатѣ и т. п. Съ теченіемъ времени, въ случаѣ неупражненія, соотвѣтственная возбудимость слабѣетъ, особенно у женщинъ. Тѣмъ не менѣе и взрослые, не причастные къ охотничьему спорту, въ томъ числѣ женщины, при видѣ охоты, даже, напр., на мышь со стороны кошки или дѣтей, все-таки приходятъ въ нѣкоторое возбужденіе, не остаются совсѣмъ безучастными. Точно также видъ появившагося вблизи и убѣгающаго зайца электризуетъ не только дѣтей и любителей охотничьяго спорта.

**) Между прочимъ, что касается вліянія охотничьяго возбужденія на вниманіе, въ частности и въ особенности на зрительное вниманіе (и зрѣніе вообще, ср. ниже), то лучшимъ и отчасти необходимымъ условіемъ изученія является наличность соотвѣтственной обстановки: лѣса, поля, дичи и т. д.; для изученія же нѣко-

кихъ ранахъ, которыя обыкновенно причиняютъ мучительнѣйшія боли *). Что голодъ-аппетитъ не совмѣстимъ съ болѣе или менѣе интенсивнымъ охотничьимъ возбужденіемъ и у животныхъ, можно убѣдиться путемъ соотвѣтственныхъ экспериментовъ, напр., съ охотничьей собакой во время охоты. Въ случаѣ наличности физіологическаго голоданія психологическій голодъ появляется или возвращается вновь лишь послѣ окончанія охоты, по мѣрѣ успокоенія и исчезновенія охотничьяго моторнаго возбужденія. Этимъ объясняются обычные въ мірѣ хищныхъ животныхъ болѣе или менѣе продолжительные антракты между пойманіемъ добычи, съ одной стороны, съѣданіемъ ея, съ другой стороны, заполняемые нѣкоторыми хищными млекопитающими и птицами разными забавами и упражненіями съ объектомъ охоты (это время постепеннаго исчезновенія охотничьяго и появленія и роста аппетитивнаго возбужденія и смѣны соотвѣтствующихъ акцій).

Относительно физической акціи охотничьяго моторнаго раздраженія интересно прежде всего отмѣтить, что здѣсь дедуктивно можно предсказать наличность большого несоотвѣтствія между выработанными и пріуроченными естественнымъ подборомъ къ этому моторному раздраженію въ древнія эпохи физіологическими процессами, съ одной стороны, теперешними условіями и техникою охоты (ружье, собаки и т. д.), съ другой стороны. Предки теперешней породы homo sapiens нуждались для успѣха охоты вообще въ сильнѣйшемъ развитіи и разрядѣ энергіи, въ частности въ чрезвычайно большой силѣ и быстротѣ движеній переднихъ оконечностей («рукъ», поскольку таковыя уже дифференцировались, и ногъ), въ соотвѣтственномъ сильно повышенномъ дѣйствіи легкихъ, сердца, артерій и т. д. Теперь этого вообще не требуется: вмѣсто сильнѣйшаго

торыхъ другихъ элементовъ интеллектуальной акціи охотничьяго возбужденія этого не требуется, а достаточно, напр., быть въ компаніи страстныхъ охотниковъ и вызвать въ нихъ охотничье возбужденіе путемъ упоминанія объ охотѣ, интересной дичи и т. п. Затронувъ соотвѣтственную струну, мы получимъ психологически интересную картину соотвѣтственной, обыкновенно весьма оживленной и интенсивной, интеллектуальной акціи, въ частности въ воспоминательномъ и фантастическомъ направленіи; о живости подлежащихъ воспоминательныхъ и фантастическихъ представленій свидѣтельствуетъ, между прочимъ, не только характеръ содержанія разсказовъ и описаній, но и живѣйшія интонація, звукоподражаніе, мимика и жестикуляція, дополняющія картину и производящія на неохотниковъ подчасъ комическое впечатлѣніе. По мѣрѣ усиленія интенсивности возбужденія собесѣдниковъ такъ усиливается дѣйствіе фантазіи, что теряется способность различенія фантазмъ и реальнаго и разсказываются optima fide все болѣе невѣроятныя небылицы съ нагляднѣйшимъ описаніемъ соотвѣтственныхъ, якобы реальныхъ, происшествій и подвиговъ; это, какъ извѣстно, отмѣчается даже соотвѣтственными народными поговорками: вретъ, какъ охотникъ и т. п.

*) Авторъ припоминаетъ изъ своего гимназическаго времени такой случай, когда вслѣдствіе порчи ружья во время удачной бекасиной охоты каждый выстрѣлъ сильно ранилъ и обжигалъ руку (чрезъ дырявый капнокъ шомпольнаго ружья); но руки и послѣ каждаго выстрѣла все болѣе обильно текущей крови не было жалко, боли не чувствовалось, объ опасности не думалось, и охота продолжалась, пока не вышли всѣ заряды.

движенія корпуса и оконечностей, кульминаціоннымъ пунктомъ теперешней ружейной охоты является выстрѣлъ, а существеннымъ условіемъ успѣха его возможно большая неподвижность корпуса и ногъ и спокойствіе и точность движеній прицѣла. Вслѣдствіе этого можно a priori ожидать, что теперь подъ вліяніемъ охотничьяго возбужденія должны происходить разные лишніе и даже прямо мѣшающіе успѣху охоты разряды физической энергіи. И дѣйствительно это такъ. Уже сильное сердцебіеніе и судорожное движеніе мускуловъ легкихъ съ соотвѣтственнымъ «задыханіемъ», стучаніе крови въ вискахъ — явленія, сопровождающія сильное охотничье возбужденіе, по меньшей мѣрѣ лишни для спокойнаго и удачнаго прицѣла; а сильнѣйшая иннервація мускуловъ ногъ и рукъ прямо мѣшаетъ успѣху охоты; ибо не находящая молярнаго разряда мускульная энергія вызываетъ «молекулярное» движеніе—дрожь рукъ и ногъ, и тѣмъ болѣе мѣшаетъ успѣху охоты, чѣмъ желательнѣе ея успѣхъ, чѣмъ «интереснѣе» ея объектъ *).

Охотничьи моторныя возбужденія имѣютъ въ разныхъ случаяхъ раз-

*) Поэтому, напр., чѣмъ крупнѣе дичь, тѣмъ легче (не — попасть, какъ можно было бы ожидать, а, напротивъ) промахнуться. Начинающимъ и вообще сильно возбуждающимся охотникамъ охота, между прочимъ, не удается иногда вслѣдствіе преждевременныхъ и вредныхъ разрядовъ энергіи въ формѣ выстрѣловъ до прицѣла. Что къ акціи охотничьяго моторнаго раздраженія относится также и сильное физіологическое возбужденіе мускуловъ ногъ (и, слѣдовательно, усиленный притокъ крови къ нимъ, увеличеніе ихъ объема, volumen и т. д.), въ пользу этого, кромѣ дрожи ихъ, говорятъ, между прочимъ, слѣдующіе факты: въ случаѣ ѣзды къ мѣсту охоты ощущается, особенно при приближеніи къ мѣсту, возбуждающему уже своимъ многообѣщающимъ видомъ охотничье волненіе, въ ногахъ особое „безпокойство“, „нетерпѣніе“, иногда столь сильное, что „невозможно усидѣть“ и приходится выскочить изъ коляски и конецъ пути отбыть пѣшкомъ: въ случаѣ ходьбы къ мѣсту охоты ноги дѣйствуютъ весьма энергично и склонны къ лишнимъ разрядамъ энергіи въ видѣ подпрыгиванія, прыжковъ черезъ такія препятствія, которыя достаточно перешагнуть, опереживанія другихъ, менѣе страстныхъ охотниковъ, несмотря на желаніе идти вмѣстѣ и т. п.; отсутствіе усталости ногъ, несмотря на такую ихъ работу, которая для даннаго субъекта была бы, при другихъ условіяхъ, весьма утомительною или совсѣмъ непосильною—тоже извѣстное страстнымъ охотникамъ явленіе, свидѣтельствующее о томъ же.

Кромѣ мускуловъ рукъ, ногъ и т. д. въ состояніе усиленнаго притока крови и сильнаго физіологическаго возбужденія должны подъ вліяніемъ охотничьяго возбужденія попадать — можно предсказать дедуктивно — и тѣ органы „внѣшнихъ чувствъ“, усиленное дѣйствіе которыхъ важно для успѣшной охоты, въ частности и въ особенности органы зрѣнія (у нѣкоторыхъ животныхъ органы обоняніе). Подтвержденіемъ этого, въ частности усиленнаго притока крови къ органамъ зрѣнія, является, между прочимъ, то обстоятельство, что у нѣкоторыхъ животныхъ при охотничьемъ возбужденіи „глаза наливаются кровью“. Вѣроятно, чрезмѣрнымъ притокомъ крови (или чрезмѣрнымъ возбужденіемъ зрительныхъ нервовъ?) объясняется тотъ фактъ, что у страстныхъ охотниковъ въ моментъ выстрѣла, т. е. сильнѣйшаго подъема охотничьяго возбужденія, иногда „темнѣетъ въ глазахъ“.

Слюнныя железы, играющія важную служебную роль въ области аппетита и пищевыхъ репульсій, представляютъ въ области охоты „посторонній“ органъ; поэтому съ точки зрѣнія нашей теоріи не трудно предвидѣть, что онѣ при охотничьемъ возбужденіи должны находиться въ состояніи относительной анеміи (ослабленнаго притока крови) и бездѣйствія. Этимъ объясняется пересыханіе полости рта и глотки и хриплость голоса при сильномъ охотничьемъ возбужденіи.

ные качественные оттѣнки: можно различать разные подвиды, разновидности охотничьихъ моторныхъ раздраженій. Одну изъ такихъ разновидностей представляютъ тѣ моторныя возбужденія, которыя лежатъ въ основѣ рыболовнаго спорта и переживаются въ особенно интенсивной формѣ (сопровождаясь сильнымъ сердцебіеніемъ, повышеннымъ дѣйствіемъ легкихъ и т. д.) «страстными» рыболовами (куда относятся главнымъ образомъ дѣти).

Обстоятельное изученіе физіологической акціи охотничьихъ моторныхъ возбужденій въ области породы homo sapiens (для чего требуются разные инструменты и иныя техническія приспособленія) въ связи съ нахожденіемъ и изученіемъ однородныхъ системъ физическихъ процессовъ въ области разныхъ классовъ другихъ животныхъ дастъ современемъ крѣпкій научный базисъ для констатированія наличности однородныхъ моторныхъ возбужденій у животныхъ разныхъ классовъ и опредѣленія сферы дѣйствія ихъ въ животномъ мірѣ вообще. Но уже и теперь, на основаніи того, что было изложено выше, и обычнаго знакомства съ системами движеній хищныхъ животныхъ въ области ихъ хищническаго «промысла», позволительно выставить гипотезу, что хищная половина животнаго царства вообще (включая сюда не только хищныхъ млекопитающихъ, но, напр., и рыбъ, насѣкомыхъ, ср., напр., охотничьи занятія пауковъ и другихъ насѣкомоядныхъ насѣкомыхъ) приводится въ движеніе въ области главнаго ихъ занятія—добыванія объектовъ питанія—не голодомъ, а особыми, «охотничьими», моторными раздраженіями *).

Какіе импульсы лежатъ въ основѣ занятій, направленныхъ на добываніе пищи въ нехищной половинѣ животнаго міра? Если бы наши предки были чисто-хищными животными, то у насъ не было бы никакихъ серіозныхъ научныхъ данныхъ для составленія даже приблизительнаго и гипотетическаго представленія о соотвѣтственной психикѣ. Къ счастью для возбужденной проблемы, наши предки принадлежали по способу питанія не къ чисто-хищному, а къ двойственному, смѣшанному типу, къ обѣимъ «половинамъ» животнаго міра; такъ что въ нашей психикѣ долженъ имѣться ключъ и для разгадки психологіи неохотничьяго добыванія пищи, напр., поисковъ за ягодами и иными плодами, зернами, корнями растеній и пр.

---

*) Причемъ, впрочемъ, имя „охотничьи моторныя раздраженія“ слѣдуетъ разумѣть какъ терминъ, соотвѣтствующій гораздо болѣе обширному классу психическихъ явленій, нежели классъ „человѣческія охотничьи моторныя раздраженія“, точно такъ же какъ имя „хищныя животныя“ гораздо болѣе обширный классъ, нежели классъ „homo sapiens“, „человѣкъ“. На основаніи наблюденія соотвѣтственныхъ акцій (подлежащихъ, какъ уже сказано, тщательному, въ томъ числѣ лабораторному, изученію въ будущемъ) и общихъ данныхъ относительно исторіи и генеалогіи животнаго міра можно предполагать, что между охотничьими моторными раздраженіями человѣка и другихъ млекопитающихъ, и иныхъ хищныхъ животныхъ есть, съ одной стороны, кое-что общее, такъ что позволительно установить общій классъ; съ другой стороны, есть и различія, вѣроятно, тѣмъ большія, чѣмъ меньше общее родство и больше различія въ тѣхъ условіяхъ „охоты“, къ которымъ когда-то происходило приспособленіе...

Путемъ эксперимента, состоящаго, напр., въ доставленіи дѣтской или, еще лучше, смѣшанной компаніи случая заняться (послѣ сытнаго обѣда для исключенія аппетита) отыскиваніемъ и собираніемъ орѣховъ (или ягодъ, грибовъ и т. п.) въ лѣсу, и участія въ этой забавѣ съ своей стороны, можно было бы съ большою индуктивною очевидностью убѣдиться, что въ основѣ соотвѣтственныхъ занятій-забавъ лежитъ особое моторное возбужденіе, существенно отличное отъ голода-аппетита, скорѣе похожее на охотничье, но отличное и отъ этого психическаго феномена.

Между прочимъ, кромѣ качественныхъ (не поддающихся, конечно, описанію и доступныхъ познанію единственно путемъ интроспективнаго метода) различій между возбужденіями, лежащими въ основѣ охотничьяго и интересующаго насъ теперь спорта, существуютъ и — вполнѣ естественныя и могущія быть предсказанными дедуктивно—различія въ формѣ и силѣ появленія и теченія: охотничьи моторныя раздраженія появляются и возрастаютъ вообще съ большею быстротою, имѣютъ болѣе бурный характеръ и подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ интенсивности въ различные моменты охоты. Болѣе спокойный и равномѣрный характеръ имѣетъ появленіе и теченіе интересующихъ насъ теперь психическихъ процессовъ. Сообразно съ этимъ и психическая, и физическая акція этихъ послѣднихъ имѣетъ болѣе равномѣрный характеръ. Все-таки и эти моторныя раздраженія достигаютъ подчасъ (особенно легко у дѣтей и притомъ, повидимому, у всѣхъ дѣтей, ср. выше стр. 211) весьма высокой интенсивности. Это отражается и въ соотвѣтственныхъ, поддающихся внѣшнему наблюденію, элементахъ акціи: по мѣрѣ роста возбужденія лица сильно краснѣютъ (притокъ крови къ головѣ, направляемой, вѣроятно, главнымъ образомъ къ мозгу и органамъ зрѣнія), глаза начинаютъ блестѣть, движенія дѣлаются все болѣе живыми и энергичными, отвѣты на вопросы получаются разсѣянные или совсѣмъ не получаются, предложенія бросить занятія и дѣлать что либо другое вызываютъ сильную и рѣшительную оппозицію и т. д.

Что касается вопроса о распространеніи въ мірѣ животныхъ моторныхъ раздраженій этого рода, то сюда относится сказанное выше по такому же вопросу относительно охотничьихъ возбужденій, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ данной области для обоснованныхъ выводовъ еще болѣе необходимо тщательное и подробное изученіе акцій, чтобы избѣжать смѣшенія этихъ акцій съ акціями голода-аппетита и соотвѣтственныхъ психологическихъ ошибокъ *).

*) Вообще теоріи и гипотезы текста не означаютъ полнаго и абсолютнаго отрицанія роли голода-аппетита въ области добыванія средствъ питанія и ограниченія акціи его только ѣдою и физическою и химическою передѣлкою пищи. Мы выше указали, что голодъ возбуждаетъ прежде всего представленія и мысли, касающіяся предметовъ питанія и необходимости ихъ добыть. Повидимому, предустановленный природою обычный порядокъ взаимодѣйствія аппетита и охотничьихъ и т. п. моторныхъ возбужденій состоитъ въ томъ, что аппетитъ даетъ знакъ и сигналъ для вставанія и выхода на охоту и т. п.; затѣмъ, сдѣлавъ это дѣло, онъ

Добываніе средствъ пропитанія не только у людей, но и у низшихъ животныхъ слагается подчасъ изъ ряда совершенно отличныхъ другъ отъ друга и не связанныхъ другъ съ другомъ по времени совершенія процессовъ. Напр., пауки и многія другія насѣкомыя занимаются въ одно время производствомъ разныхъ приспособленій для ловли добычи: паутины, ямъ и т. п., а въ другое время подкарауливаніемъ и ловлею добычи при помощи этихъ приспособленій. Другія животныя предварительно устраиваютъ хранилища для имѣющихъ быть заготовленными съѣстныхъ припасовъ, затѣмъ занимаются заготовкою этихъ припасовъ и т. п. Примѣняя экономическую терминологію, здѣсь имѣется двустепенная система производства, состоящая изъ производства сначала не предметовъ потребленія, а капитала (орудій производства), и затѣмъ лишь предметовъ потребленія. У нѣкоторыхъ животныхъ производство предметовъ потребленія имѣетъ еще болѣе сложный характеръ и предполагаетъ заготовленіе капитала второй степени (т. е. производство орудій производства, служащихъ для производства дальнѣйшихъ орудій производства) или даже третьей степени и т. д. Напр., пчелы собираютъ матеріалъ, служащій для производства воска, изъ него выдѣлываютъ воскъ, а изъ воска строятъ соты, т. е. все еще капиталъ—сосуды для заготовленія съѣстныхъ припасовъ на зиму.

Эти и т. п. интересныя явленія природы, представляя, между прочимъ, дальнѣйшее опроверженіе теоріи голода, какъ фактора, управляющаго добываніемъ средствъ пропитанія въ мірѣ животныхъ, даютъ основаніе для гипотезы, что, кромѣ найденныхъ и констатированныхъ нами выше моторныхъ раздраженій съ акціями, направленными на ловлю добычи и на отысканіе растительныхъ объектовъ ѣды, имѣются въ области добыванія средствъ пропитанія въ мірѣ животныхъ еще разныя другія, пока намъ неизвѣстныя, импульсивныя раздраженія съ иного рода акціями.

Тѣ же основанія, по которымъ, даже не зная охотничьяго моторнаго возбужденія, можно дедуктивно предвидѣть, что типическія охотничьи занятія хищныхъ животныхъ управляются не голодомъ, а иными импульсами, говорятъ въ пользу того, что въ основѣ производства охотничьихъ орудій и т. п., напр., сѣтей со стороны паука, должно лежать не аппетитивное и не охотничье, а иного, третьяго рода моторное раздраженіе (различіе необходимой органической аккомодаціи и т. д.). Развитіе общей

исчезаетъ, уступая мѣсто другимъ моторнымъ раздраженіямъ въ виду необходимости другихъ акцій, чтобы потомъ, когда объекты для ѣды уже добыты, опять появиться и проявить свою акцію (ср. выше, стр. 181 прим.). Можетъ быть, у нѣкоторыхъ животныхъ, а именно, у тѣхъ, у которыхъ добываніе пищи совсѣмъ незамысловато и не требуетъ никакихъ особыхъ акцій, отличныхъ отъ акціи аппетита, и вмѣстѣ съ тѣмъ не бываетъ добыванія пищи для немедленной собственной ѣды, а для производства запаса или для доставленія дѣтенышамъ или другимъ особямъ, вообще всѣмъ дѣломъ питанія завѣдуетъ аппетитъ (въ связи съ репульсіями). Какъ бы то ни было, традиціонное и ходячее воззрѣніе на роль голода въ области добыванія средствъ пропитанія въ животномъ мірѣ представляется, послѣ изложеннаго выше, явною и несомнѣнною ошибкою.

теоріи моторныхъ возбужденій и ихъ акцій въ связи со спеціальнымъ изученіемъ процессовъ, закономѣрно повторяющихся при производствѣ паутины и т. п., доставитъ, можно надѣяться, дальнѣйшее дедуктивное подкрѣпленіе защищаемаго тезиса. Въ видѣ умозаключенія на основаніи общей теоріи моторныхъ раздраженій и ихъ акцій, какъ большей посылки, и знанія данной спеціальной совокупности физіологическихъ и иныхъ процессовъ, какъ меньшей посылки, будетъ установлено, что въ данномъ случаѣ имѣется на лицо не что иное, какъ акціи особаго моторнаго возбужденія, и притомъ моторнаго возбужденія, можетъ быть не только намъ незнакомаго, но и недоступнаго психологическому, интроспективному познанію для человѣка вообще, но во всякомъ случаѣ иного, нежели голодъ-аппетитъ, охотничье возбужденіе, и т. д.

Съ научной точки зрѣнія было бы желательно, чтобы оказалась возможность пріобрѣсти болѣе ясную и наглядную оріентировку относительно соотвѣтственныхъ переживаній животныхъ—путемъ отысканія и изученія въ нашей собственной психикѣ родственныхъ, аналогичныхъ моторныхъ раздраженій, какъ это, напр., намъ удалось сдѣлать въ области охоты и т. д. Къ сожалѣнію, столь благопріятной почвы для этого рода изслѣдованій и открытій въ интересующей насъ теперь области, повидимому, не имѣется. Если бы наши отдаленные предки были не только хищными и въ то же время питающимися древесными плодами и т. д. животными (что дало намъ возможность проникнуть въ тайны соотвѣтственной психики животныхъ), но также и животными, производящими съ помощью особыхъ железъ паутину или выдѣлывающими воскъ и строящими соты и т. п. (и притомъ унаслѣдовали эти способности отъ общихъ съ пауками и пчелами родоначальниковъ въ эволюціонномъ процессѣ глубокой древности), то и здѣсь наши поиски въ собственной психикѣ могли бы доставить искомый свѣтъ. Но положеніе въ данномъ случаѣ иное.

Впрочемъ, и человѣческой психикѣ не чужды разныя моторныя возбужденія, направленныя на иныя формы и стадіи производства продуктовъ питанія и вообще иныя производительныя манипуляціи, нежели охота, рыболовство, собираніе орѣховъ, ягодъ и проч.

Прежде всего, склонности къ разнымъ моторнымъ возбужденіямъ, въ томъ числѣ «рабочимъ», т. е. направленнымъ на разныя производительныя дѣятельности, при извѣстныхъ условіяхъ появляются и развиваются въ психикѣ индивида независимо отъ наслѣдственности; почти каждый видъ труда можетъ при наличности этихъ условій превратиться въ «любимое» или даже «страстно любимое», подобно охотѣ со стороны страстныхъ охотниковъ, занятіе, т. е. въ такое занятіе, по адресу котораго переживаются болѣе или менѣе сильное влеченіе, позывы, аппульсивныя возбужденія. Но затѣмъ, путемъ надлежащаго изслѣдованія, въ частности изученія дѣтскаго поведенія и психологіи спортовъ и развлеченій взрослыхъ людей, можно было бы открыть въ психикѣ человѣческой не мало

наслѣдственныхъ склонностей къ разнымъ рабочимъ моторнымъ возбужденіямъ, въ томъ числѣ такимъ, которыя имѣютъ или имѣли въ жизни нашихъ предковъ ближайшее отношеніе къ производству объектовъ пропитанія. Однимъ изъ имѣющихъ наиболѣе громадный сбытъ видовъ дѣтскихъ игрушекъ представляютъ лопатки для копанія земли; дѣти извѣстнаго возраста питаютъ пристрастіе къ копанію грядокъ, поливанію растеній и иному уходу за ними; и взрослые люди, не добывающіе средствъ пропитанія путемъ земледѣлія и садоводства, напр., фабриканты, ученые, политики и т. п. проявляютъ подчасъ весьма сильную склонность въ случаѣ возможности (напр., въ случаѣ обладанія хоть небольшимъ садикомъ) предаваться такимъ же развлеченіямъ (ср. исторію Цинцината. восторженныя описанія прелестей земледѣлія въ древне-римской литературѣ и т. п.). Это—симптомы наличности наслѣдственныхъ моторныхъ склонностей, соотвѣтствующихъ земледѣльческому періоду. И отъ эпохи кочевой пастушеской жизни, когда, между прочимъ, верховая ѣзда играла огромную роль въ жизни человѣка, сохранились до сихъ поръ разные слѣды и остатки въ нашей моторной психикѣ. Кнутики и погоняніе играютъ въ дѣтской жизни столь же большую роль, какъ лопатки и копаніе. Деревенскіе мальчишки—пастухи по природѣ и исполняютъ надлежащимъ образомъ и съ азартомъ эти функціи уже въ такомъ возрастѣ, который представляетъ время игры, а не труда въ собственномъ смыслѣ слова. Ухаживаніе за животными, напр., кормленіе игрушечныхъ животныхъ, воспитаніе добытыхъ охотою птенцовъ тоже любимое дѣтское занятіе. Но особенно рано, сильно и неуклонно проявляется у дѣтей, главнымъ образомъ мальчиковъ, пристрастіе къ лошадкамъ и верховой ѣздѣ; при этомъ, въ случаѣ неимѣнія игрушечной лошадки, годнымъ средствомъ удовлетворенія потребности въ верховой ѣздѣ являются и палочки, колѣни взрослыхъ и т. п. Эти наклонности проявляются и у взрослыхъ и лежатъ въ основаніи разныхъ видовъ спорта, причемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и спортсменовъ онѣ пріобрѣтаютъ подчасъ характеръ вредной и разорительной страсти.

При внимательномъ и умѣломъ самонаблюденіи тѣ, которые не относятся равнодушно къ лошадямъ, могли бы открыть въ своей психикѣ особыя состоянія возбужденія при видѣ (особенно послѣ долгой разлуки) любимыхъ животныхъ (и ржаніе ихъ электризуетъ), особые позывы, влекущіе въ конюшню, заставляющіе осматривать, ласкать лошадей и жеребятъ (не только своихъ, но и, напр., показываемыхъ сосѣдями) и т. д. Точно также любители и психологіи, и земледѣлія могутъ открыть въ своей душѣ особыя состоянія оживленія и возбужденія при видѣ (напр., послѣ пріѣзда изъ города) всходовъ или зрѣющихъ полей..., и даже, можетъ быть, уже при живомъ представленіи соотвѣтственныхъ образовъ... У иныхъ такого рода представленія при пребываніи въ городѣ порождаютъ сильное и нетерпѣливое влеченіе въ деревню и тоску и уныніе въ случаѣ невозможности удовлетворенія. Кто не переживалъ такихъ состояній,

тотъ, конечно, ихъ не пойметъ. Но едва ли среди народовъ съ земледѣльческимъ прошлымъ найдется много такихъ людей, которые были бы совсѣмъ чужды этимъ моторнымъ наклонностямъ (даже въ дремлющемъ, требующемъ особыхъ условій для пробужденія видѣ) *).

Моторныя возбужденія, относящіяся къ земледѣлію и скотоводству, отличаются, между прочимъ, отъ тѣхъ, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло выше, въ частности отъ охотничьихъ возбужденій, менѣе рѣзкимъ, менѣе яснымъ и отчетливымъ, менѣе дифференцированнымъ характеромъ; и то же вообще относится и къ ихъ акціямъ. Это связано, вѣроятно, съ различными обстоятельствами развитія тѣхъ и другихъ. Охотничьи возбужденія (а тѣмъ болѣе голодъ, жажда и т. п.) и ихъ акціи—продукты множества тысячелѣтій естественнаго подбора, приспособленія и дифференціаціи. Пастушескія и земледѣльческія моторныя возбужденія представляютъ собою продукты сравнительно весьма кратковременныхъ процессовъ культурнаго приспособленія **).

---

*) Зато, напр., тѣ, предки коихъ давно разстались съ земледѣліемъ и предавались въ теченіе тысячелѣтій торговлѣ, могли бы, можетъ быть, открыть въ себѣ склонности къ инымъ рабочимъ моторнымъ возбужденіямъ, могущимъ быть названными торговыми и проявляющимся отчасти тоже уже въ дѣтскомъ возрастѣ. У нѣкоторыхъ дѣтей и взрослыхъ людей проявляются сильныя ремесленныя склонности, стремленіе выдѣлывать разныя вещи, мастерить. Нѣкоторыя относящіяся сюда явленія, напр., выдѣлываніе кнутиковъ, луковъ и иныхъ предметовъ изъ дерева ножикомъ въ области дѣтскихъ занятій, имѣютъ, впрочемъ, болѣе древніе корни и должны быть отнесены къ охотничьему, пастушескому и земледѣльческому періодамъ и даже отчасти къ еще болѣе древнимъ эпохамъ.

**) Въ чемъ состоитъ этотъ процессъ культурнаго приспособленія моторной психики и чѣмъ онъ отличается отъ естественнаго подбора, можетъ быть, впрочемъ, выяснено лишь въ другой связи. Слабая дифференцированность моторныхъ возбужденій, дѣйствующихъ въ области скотоводства и земледѣлія (и т. п. рабочихъ моторныхъ возбужденій), и ихъ акцій составляетъ большое затрудненіе для психологическаго и физіологическаго изученія соотвѣтственныхъ явленій.

Что касается психическихъ акцій этихъ моторныхъ возбужденій, то особенно легко констатировать и изучать вліяніе этихъ переживаній на направленіе и степень силы и оживленности вниманія, ассоціативнаго теченія идей и мышленія (ср. характеръ и содержаніе разговоровъ любителей лошадей, сосѣдей-помѣщиковъ съ соотвѣтственными болѣе или менѣе сильно развитыми природными склонностями и т. д., ср. выше, стр. 214 прим.). Физическія акціи въ подлинномъ, наслѣдственно-выработанномъ видѣ проявляются лучше всего и могутъ быть съ наибольшимъ успѣхомъ изучаемы въ области дѣтскихъ забавъ; съ большею осторожностью слѣдуетъ относиться къ соотвѣтственнымъ развлеченіямъ и спортамъ взрослыхъ, а тѣмъ болѣе къ соотвѣтственнымъ серіознымъ работамъ, цѣлесообразно приноровленнымъ къ современнымъ техническимъ условіямъ и покоящимся къ тому же подчасъ вовсе не на специфическихъ скотоводственныхъ и земледѣльческихъ, а на иныхъ моторныхъ возбужденіяхъ.

Дѣтскія игры и развлеченія взрослыхъ, покоящіяся на земледѣльческихъ моторныхъ возбужденіяхъ, показываютъ, между прочимъ, что соотвѣтственныя акціи приноровлены къ обработкѣ поля не съ помощью животныхъ и соотвѣтственныхъ орудій, а съ помощью лопаты и т. п. простѣйшихъ ручныхъ орудій. Наиболѣе укорененною и упорно проявляющеюся уже въ весьма раннемъ возрастѣ акціею изъ области отношеній къ животнымъ и скотоводства является, какъ уже указано выше, верховая ѣзда. Болѣе раннее проявленіе по сравненію, напр., съ земледѣль-

§ 15. Классификація элементовъ психической жизни.

Всѣ тѣ внутреннія переживанія, которыя, подобно голоду-аппетиту, жаждѣ, пищевымъ репульсіямъ и т. д., имѣютъ двойственную, пассивно-активную природу, слѣдуетъ, для цѣлей построенія научной психологіи, объединить въ одинъ основной классъ психическихъ феноменовъ, именно, по признаку указанной двухсторонней природы, противопоставляя ихъ доселѣ извѣстнымъ и признаннымъ въ психологіи элементамъ психиче-

---

ческими моторными возбужденіями и акціями соотвѣтствуетъ большей древности происхожденія (а также, вѣроятно, и совершенію соотвѣтственныхъ серіозныхъ работъ въ древнее время въ болѣе юномъ возрастѣ), и съ этой точки зрѣнія оно вполнѣ естественно и понятно. Но характерно, что пристрастіе къ верховой ѣздѣ и вообще аппульсивныя моторныя возбужденія по адресу лошадей (или игрушечныхъ лошадокъ) и у дѣтей гораздо болѣе развиты, чѣмъ другіе пережитки номаднаго, пастушескаго періода, и у взрослыхъ мужчинъ сохраняются особенно часто и съ особенною силою (ср. также выдающуюся роль верховой ѣзды и лошадей въ области эстетическихъ моторныхъ возбужденій: всадникъ и лошадь склонны представляться человѣку чѣмъ-то краспвымъ, т. е. возбуждать аппульсивныя эстетическія возбужденія). Вѣроятно, не малую роль въ этомъ отношеніи сыгралъ военный бытъ нашихъ предковъ. Что впрочемъ военный бытъ лишь, можетъ быть, способствовалъ укрѣпленію и удержанію въ зрѣломъ возрастѣ соотвѣтственныхъ моторныхъ возбужденій и акцій, а не былъ первоначальною и основною почвою ихъ развитія, въ пользу этого, кромѣ историческихъ соображеній, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

Военному дѣлу и воинственному прошлому нашихъ предковъ соотвѣтствуютъ въ нашей психикѣ особыя, специфическія моторныя возбужденія, достигающія подчасъ (напр., во время сраженій у солдатъ) весьма большой силы и страстности, не меньшей страстности, повидимому, чѣмъ охотничьи возбужденія у страстныхъ охотниковъ. Склонности къ этимъ моторнымъ возбужденіямъ проявляются и дѣйствуютъ у мальчиковъ тоже съ весьма ранняго возраста (что, въ виду участія въ походахъ, битвахъ и т. д. лишь взрослыхъ людей, указываетъ на глубокую древность происхожденія и развитія этихъ моторныхъ возбужденій); первоначально они проявляются въ видѣ разныхъ формъ невооруженной борьбы, а затѣмъ въ видѣ пристрастія къ разнымъ видамъ оружія и инымъ принадлежностямъ болѣе усовершенствованнаго военнаго быта (любимыя игрушки на этой стадіи развитія: сабли, каски, барабаны, солдатики и проч.). Но, съ одной стороны, въ проявленіяхъ военныхъ моторныхъ возбужденій и соотвѣтственныхъ играхъ дѣтей не замѣчается участія верховой ѣзды и лошадокъ или замѣняющихъ ихъ палочекъ и т. п.; съ другой стороны, игры, въ которыхъ играютъ роль лошадки или ихъ суррогаты, не имѣютъ совсѣмъ воинственнаго характера (акцессоріи: кнутики, возжи и т. п., но не сабли, каски и пр.).

Нѣчто въ родѣ скотоводства и земледѣлія встрѣчается и въ мірѣ животныхъ. Есть муравьи, которые ловятъ особаго рода насѣкомыхъ, ухаживаютъ за ними и пользуются ихъ выдѣленіями, какъ люди молокомъ коровъ. Другая порода муравьевъ занимается расчисткою земли предъ муравейниками, засѣваніемъ, сборами, просушкою отсырѣвшихъ „сноповъ“ и т. д. Можетъ быть, относительно такихъ явленій (поскольку соотвѣтственныя сообщенія и описанія соотвѣтствуютъ истинѣ) можно установить такія же психологическія теоріи, какія мы установили выше относительно охотничьихъ занятій со стороны хищныхъ животныхъ и т. д., т. е. объяснить и опредѣлить ихъ какъ акціи моторныхъ раздраженій, сродныхъ съ тѣми, которыя переживаются нами въ области соотвѣтственныхъ дѣятельностей и могутъ быть изучаемы интроспективнымъ методомъ? Такія теоретическія построенія въ области земледѣлія и скотоводства непримѣнимы. Несмотря на внѣшнее сходство человѣческаго и муравьинаго земледѣлія и т. п. (или точнѣе, на сходство по нашимъ

ской жизни, какъ односторонним, имѣющимъ односторонне-пассивную (познаніе и чувства) или односторонне-активную природу (воля).

Для удобства изложенія желательно имѣть для этого класса особое условное краткое имя. Въ качествѣ такового можно предложить, напр., слово «эмоціи» или «импульсіи» *).

Такимъ образомъ вмѣсто традиціонной классификаціи элементовъ

концепціямъ цѣлесообразности), дѣло идетъ о двухъ различныхъ категоріяхъ явленій, исторически другъ съ другомъ не связанныхъ, выработанныхъ различными, совершенно независимыми другъ отъ друга процессами. На основаніи общей теоріи моторныхъ раздраженій и ихъ акцій можно сдѣлать выводъ, что въ основѣ муравьинаго „земледѣлія“, точнѣе, разныхъ относящихся сюда системъ движеній и иныхъ физіологическихъ процессовъ — лежатъ особыя моторныя раздраженія (вѣроятно, послѣдовательные ряды разныхъ моторныхъ раздраженій съ разными акціями), такъ же, какъ и въ основѣ ѣды (голодъ), охоты хищныхъ животныхъ (охотничьи моторныя раздраженія) и т. д.; но предполагать, что эти моторныя возбужденія сродны и сходны именно съ тѣми, которыя дѣйствуютъ въ области человѣческаго земледѣлія, что между человѣческимъ и муравьинымъ „земледѣліями“ имѣется такое же психологическое сродство, какъ между „охотничьими промыслами“ людей и хищныхъ животныхъ, было бы ненаучно.

Можно даже выставить въ качествѣ вѣроятной гипотезы далѣе идущее положеніе, нежели простое отрицаніе сродства и сходства. Дѣло въ томъ, что между тѣми моторными возбужденіями, которыя выработаны естественнымъ подборомъ, съ одной стороны, и тѣми, которыя выработаны человѣческою культурою, съ другой стороны, можно подмѣтить вообще цѣлый рядъ различій. Первыя, такъ сказать, болѣе глубоко „вошли въ плоть и кровь“ породы, имѣютъ болѣе глубокіе органическіе корни, болѣе упорно и неуклонно возвращаются и дѣйствуютъ при наличности соотвѣтственныхъ условій, труднѣе искореняются, имѣютъ вообще болѣе страстный и бурный характеръ, снабжены болѣе опредѣленно развитыми и точно фиксированными акціями и т. д. И вотъ съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ полагать, что муравьиныя „земледѣльческія“ возбужденія психологически болѣе похожи, напр., на наши охотничьи, рыболовныя и т. п. возбужденія, чѣмъ на наши земледѣльческія возбужденія.

Примѣняя, mutatis mutandis, намѣченные выше методы изслѣдованія и общія соображенія, можно въ человѣческой психикѣ открыть и доказать существованіе наряду съ указанными выше еще многихъ другихъ наслѣдственныхъ „рабочихъ“ моторныхъ возбужденій культурнаго происхожденія. Напр., склонности мальчиковъ извѣстнаго возраста къ архитектурнымъ, строительнымъ манипуляціямъ, къ устройству плотинъ, запрудъ и нѣкоторыхъ иныхъ водяныхъ работъ, къ выдѣлыванію и пусканію на воду лодочекъ, корабликовъ (ср. яхтъ-клубы и т. п.), склонности дѣвочекъ къ шитью, къ игрѣ въ кухню съ соотвѣтственными игрушками и т. п. — симптомы въ этомъ направленіи. Съ другой стороны, и у животныхъ, въ томъ числѣ муравьевъ, встрѣчаются тоже разныя архитектурныя занятія: бобры устраиваютъ плотины, запруды и домики изъ дерева (и въ томъ случаѣ, если, напр., въ зоологическомъ саду, имѣютъ уже готовое и вполнѣ удобное жилище) и проч., и проч. Ко всѣмъ этимъ и другимъ „трудамъ“ животныхъ, ихъ психикѣ и отношенію ея къ человѣческимъ моторнымъ возбужденіямъ, лежащимъ въ основаніи сходныхъ манипуляцій культурнаго происхожденія, относится тоже mutatis mutandis изложенное выше по поводу человѣческаго и муравьинаго скотоводства и земледѣлія.

*) Слово „эмоціи“ является весьма подходящимъ по своему происхожденію и этимологіи, указывая на возбужденное состояніе съ моторнымъ характеромъ (movere, motus), и примѣняется въ обыденномъ языкѣ, беллетристикѣ и т. д. многихъ новыхъ народовъ преимущественно къ такимъ переживаніямъ, которыя относятся къ интересующему насъ классу (впрочемъ, обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такія переживанія достигаютъ большой степени интенсивности, имѣютъ болѣе или менѣе бурный характеръ; поэтому оно не примѣняется къ такимъ моторнымъ

психической жизни: 1) познаніе, 2) чувство, 3) воля получается слѣдующая классификаціонная схема:

Элементы психической жизни дѣлятся на: 1) двусторонніе, пассивно-активные—эмоціи (импульсіи); 2) односторонніе, распадающіеся въ свою очередь на: a) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя, переживанія и b) односторонне-активныя, волевыя переживанія.

Эмоціи представляютъ по своей двойственной, раздражительно-моторной природѣ коррелятъ двойственной, центростремительно-центробѣжной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной, физіологической функціи этой системы и прототипъ психической жизни вообще съ ея двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ (ср. выше, стр. 178 прим.) *).

Съ біологической точки зрѣнія двойственная, раздражительно-моторная природа эмоцій соотвѣтствуетъ существу той функціи, которую ис-

---

раздраженіямъ, которыя обыкновенно переживаются и проявляются не въ особенно бурной формѣ, напр., къ голоду, жаждѣ, пищевымъ репульсіямъ и т. п.). Недостаткомъ слова „эмоціи“ въ примѣненіи къ образованному нами психологическому классу является то обстоятельство, что это слово уже примѣняется въ психологической литературѣ нѣкоторыхъ новыхъ народовъ въ качествѣ имени разныхъ иныхъ, отличныхъ отъ нашихъ, классовыхъ понятій. Такъ, въ нѣкоторыхъ литературахъ, напр., въ нѣмецкой, выраженія „эмоціи“, „эмоціональный“ примѣняются для обозначенія чувствъ въ техническомъ смыслѣ (т. е. наслажденій и страданій, ср., напр., Lehmann, Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens. S. 17: „Unter emotionellen Elementen oder Gefühlstönen verstehen wir... Lust und Unlust“). Въ нѣкоторыхъ другихъ психологическихъ литературахъ слово эмоціи обозначаетъ спеціально аффекты или вообще все то, что въ обиходномъ языкѣ называется чувствомъ, т. е. является не научнымъ терминомъ, а словомъ, лишеннымъ опредѣленнаго научнаго смысла. Но такъ какъ наслажденія и страданія имѣютъ уже установившееся общее научное имя (терминъ: чувство) и не нуждаются въ другомъ, а понятіе и рубрика аффектовъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, подлежитъ упраздненію, то терминологическая перемѣна, состоящая въ возведеніи слова эмоціи въ терминъ, обозначающій предлагаемое новое понятіе, не причинила бы никакого вреда научной терминологіи соотвѣтственныхъ литературъ. Можетъ только существовать та опасность, что не умѣющіе отрѣшиться отъ подчиненія словамъ и соотвѣтственнымъ ассоціаціямъ и отличать условныя имена отъ существа дѣла и понятій, могутъ смѣшивать то, что мы предлагаемъ назвать эмоціями, съ тѣмъ, къ чему они прежде привыкли примѣнять это имя. Для избѣжанія такихъ ошибочныхъ представленій и напоминанія, что дѣло идетъ о новомъ классѣ и классовомъ понятіи, мы будемъ наряду со старымъ словомъ „эмоціи“ примѣнять и новое „импульсіи“.

*) Съ историческо-эволюціонной точки зрѣнія представляется весьма вѣроятнымъ, что первоначальною основою развитія психики были именно эмоціи, и что односторонне-пассивные и односторонне-активные элементы представляютъ позднѣйшіе продукты эволюціи и дифференціаціи эмоцій; ощущенія и чувства произошли путемъ дифференціаціи эмоціопальныхъ раздраженій, состоявшей съ одной стороны въ постепенномъ ослабленіи и устраненіи моторнаго элемента, съ другой стороны, въ выдѣленіи изъ первоначальныхъ смутно-неопредѣленныхъ раздраженій болѣе дифференцированныхъ претерпѣваній: ощущеній и чувствъ (причемъ отрицательныя чувства, страданія, произошли, вѣроятно, отъ репульсивныхъ, положительныя чувства — отъ аппульсивныхъ эмоцій); точно также волевыя переживанія произошли отъ первоначальныхъ эмоцій путемъ дифференціаціи эмоціопальныхъ позывовъ, выдѣленія чисто активнаго элемента. И теперешнія наши эмоціи съ ихъ разнообразными специфическими качествами и дифференцированными акціями

полнятъ психика вообще въ экономіи жизни. Біологическая функція психики вообще, которой одарены животные организмы въ отличіе отъ растительныхъ, состоитъ въ такомъ управленіи движеніями, т. е. сокращеніями мускуловъ, и отчасти нѣкоторыми другими физіологическими процессами (напр., касающимися железъ, ср. выше), которое соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, или, выражаясь иначе, въ такомъ моторномъ дѣйствіи, которое соотвѣтствуетъ раздраженію. Такіе психическіе процессы, которые, какъ напр. ощущенія или чувствованія, наслажденія и страданія, имѣютъ односторонне-пассивный характеръ, представляютъ раздраженія безъ моторной реакціи, не могли бы сами по себѣ исполнять такой функціи. Такія существа, которыя были бы способны только къ пассивнымъ раздраженіямъ безъ моторныхъ реакцій (ср. ученія интеллектуализма и пангедонизма), представляли бы съ біологической точки зрѣнія нѣчто странное и уродливое: они были бы въ положеніи паралитика, который видитъ, что домъ, въ которомъ онъ находится, объятъ пожаромъ, или переноситъ все большія страданія отъ жары и дыма, но не можетъ бѣжать. То же относится къ односторонне-активнымъ переживаніямъ, каковы волевые процессы. Сами по себѣ они не въ состояніи были бы исполнять функціи приспособленія, предполагающей соотвѣтствіе акціи раздраженію, и существа, которыя бы были одарены только волею (ср. ученіе волюнтаризма), представляли бы съ біологической точки зрѣнія нѣчто странное и уродливое; ибо они были бы снабжены какимъ-то слѣпымъ стремленіемъ, не полезнымъ, а только вреднымъ и опаснымъ для жизни, ведущимъ къ какому-то безсмысленному расточенію жизненной энергіи.

Теперешняя психологія конструируетъ психическую жизнь, въ частности психическія силы, вызывающія тѣлодвиженія, дѣйствія, съ помощью извѣстныхъ ей элементовъ, имѣющихъ односторонній характеръ, не зная о существованіи и дѣйствіи эмоцій, какъ особыхъ двустороннихъ претерпѣвательно-моторныхъ психическихъ элементовъ; но, какъ уже отчасти показано выше съ помощью спеціальныхъ примѣрныхъ изслѣдованій и будетъ выяснено потомъ въ болѣе общей формѣ, дѣло идетъ о произвольныхъ и не соотвѣтствующихъ дѣйствительности конструкціяхъ,

---

представляютъ тоже продукты дифференціаціи примитивныхъ смутно-неопредѣленныхъ моторныхъ раздраженій, аппульсій и репульсій, съ простыми и недифференцированными акціями, представленіе о которыхъ можно добыть путемъ наблюденія движеній примитивныхъ живыхъ существъ (protozoa и т. п.). Примитивныя животныя не имѣютъ органовъ зрѣнія, слуха, обонянія и т. д., и вообще ходячее предположеніе существованія у нихъ познанія, ощущеній и т. д. — совершенно произвольное предположеніе; то же относится къ надѣленію ихъ чувствами и волею (послѣднее предположеніе, какъ увидимъ ниже, наиболѣе ненаучно). Единственно возможный выводъ изъ наблюденія ихъ движеній относительно ихъ психики состоитъ въ томъ, что они не лишены способности къ моторнымъ раздраженіямъ аппульсивнаго и репульсивнаго характера съ соотвѣтственными простыми акціями. Впослѣдствіи мы надѣемся представить еще другія данныя, говорящія въ пользу нашей гипотезы.

имѣющихъ характеръ составленія «счета безъ хозяина»; надлежащее съ научно-методологической точки зрѣнія, индуктивное, изслѣдованіе подлежащихъ явленій показываетъ, что «хозяиномъ», факторами, рѣшающими и управляющими въ области тѣлодвиженій и вообще осуществленія указанной выше біологической функціи психики, являются не тѣ элементы, о которыхъ думаетъ традиціонное психологическое ученіе, а эмоціи; что же касается элементовъ познанія, чувства и воли, то они играютъ лишь роль добавочныхъ, подчиненныхъ и вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, служащихъ эмоціямъ въ качествѣ средства болѣе совершеннаго эмоціональнаго приспособленія; такъ что открытіе и опредѣленіе причинныхъ связей и законовъ психической жизни, а равно выясненіе біологической функціи разныхъ ея элементовъ и ихъ комбинацій невозможно безъ надлежащаго изученія эмоцій ихъ акцій. Въ отсутствіи соотвѣтственнаго знанія лежитъ главная причина безсилія и хаотическаго состоянія теперешней психологіи и многихъ другихъ наукъ, нуждающихся для своего развитія въ свѣтѣ и помощи со стороны психологіи, въ томъ числѣ наукъ о нравственныхъ, правовыхъ, эстетическихъ явленіяхъ и т. д.

Какъ бы то ни было, возможно полное и обстоятельное ознакомленіе съ эмоціональною психикою представляетъ весьма важную и серіозную задачу науки.

---

§ 16. Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій.

Предыдущія изслѣдованія о голодѣ-аппетитѣ и другихъ эмоціяхъ, дѣйствующихъ въ области питанія, представляютъ попытки спеціальнаго ознакомленія съ нѣсколькими видами эмоцій въ качествѣ примѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указанія пріемовъ изученія этихъ психическихъ явленій. Руководствуясь этими примѣрными данными, въ частности примѣняя къ разнымъ внутреннимъ переживаніямъ самонаблюденіе по двойственной схемѣ pati-movere (выше стр. 184), каждый, даже не особенно опытный въ дѣлѣ интроспекціи, можетъ открыть въ своей психикѣ много другихъ, кромѣ указанныхъ выше, эмоцій, т. е. психическихъ явленій, имѣющихъ такую же двустороннюю пассивно-активную природу, какъ голодъ-аппетитъ и т. д., но особый, специфическій, характеръ отличающій ихъ отъ голода-аппетита и т. д., и особую психическую и физическую акцію. Но и внимательные и умѣлые интроспективные поиски за эмоціями со схемою pati-movere, какъ орудіемъ открытій, какъ бы ни казались обильными ихъ результаты, дали бы въ лучшемъ случаѣ лишь знакомство со сравнительно незначительною частицею эмоціональной психики, лишь съ нѣкоторыми ея верхушками.

Дѣло въ томъ, что громадное большинство эмоцій, можно сказать, всѣ кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, которыя достигаютъ сравнительно весьма большой интенсивности и обладаютъ болѣе или менѣе

рѣзко выраженнымъ специфическимъ и обращающимъ на себя вниманіе характеромъ, протекаютъ незамѣтно для переживающихъ ихъ и недоступны открытію для невооруженнаго взора.

Мы переживаемъ ежедневно многія тысячи эмоцій, управляющихъ нашимъ тѣломъ и нашею психикою, вызывающихъ тѣ тѣлодвиженія, которыя мы совершаемъ, тѣ представленія и мысли, которыя появляются въ нашемъ сознаніи, и вообще заставляющихъ психо-физическій аппаратъ измѣняться и дѣйствовать такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ихъ командѣ, но сами эти хозяева и управители остаются нормально незамѣченными; каждый день нашей сознательной жизни представляетъ съ момента пробужденія до момента засыпанія цѣпь безчисленныхъ, смѣняющихъ другъ друга, нормально скрытыхъ и невидимыхъ эмоцій и ихъ (отчасти тоже незримыхъ, отчасти замѣтныхъ) акцій.

Замѣчаются лишь отступленія отъ нормальнаго хода эмоціональной жизни, съ одной стороны чрезвычайные подъемы волнъ эмоціональной психики, съ другой стороны чрезвычайныя пониженія ихъ; въ послѣднемъ случаѣ бываетъ тягостное состояніе скуки, апатіи.

По своей нормальной нераспознаваемости эмоціи, между прочимъ, рѣзко отличаются отъ тѣхъ внутреннихъ переживаній, которыя называются ощущеніями, воспріятіями, представленіями, вообще отъ познавательныхъ въ техническомъ смыслѣ процессовъ.

Это, вѣроятно, находится въ связи съ различіемъ біологическихъ функцій эмоціональныхъ и познавательныхъ процессовъ. Біологическая функція ощущеній, воспріятій и т. д. состоитъ въ двоякаго рода содѣйствіи эмоціональному приспособленію, съ одной стороны въ доставленіи сигналовъ для появленія и усиленія эмоцій сообразно обстоятельствамъ, съ другой стороны въ такомъ освѣщеніи окружающихъ предметовъ и вообще наличныхъ условій, чтобы была надлежащая оріентировка для эмоціональной акціи, въ частности для тѣлодвиженій. Очевидно, существеннымъ условіемъ успѣшнаго исполненія обѣихъ функцій ощущеній, воспріятій и т. д. является возможно лучшая ихъ распознаваемость и различаемость. Чѣмъ легче замѣчаются и различаются сигналы для эмоціональныхъ возбужденій и чѣмъ яснѣе и рѣзче очерчены образы тѣхъ объектовъ, на которые должны направляться акціи возникшихъ эмоцій, и другихъ окружающихъ условій и обстоятельствъ, тѣмъ лучше, а всякая туманность, неясность здѣсь существенно вредны и опасны для жизни. Напротивъ, что касается самихъ эмоцій, то важно, чтобы онѣ дѣйствовали съ надлежащею энергіею, посылали кровь туда, куда нужно, оживляли тѣ органы, железы, мускулы и т. д., которые нужны для успѣха акціи и т. д., но, чтобы они сами были видны, ясно различались и т. д., это обыкновенно не важно, а подчасъ даже представляло бы лишнее осложненіе, отвлекающее вниманіе.

Какъ бы то ни было, фактически природа эмоцій такова, что надлежащее психологическое изученіе и познаніе ихъ— основа и существен-

нѣйшее условіе построенія научной психологіи—встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія и препятствія.

Вслѣдствіе этого возникаетъ и имѣетъ весьма важное научное значеніе вопросъ: нельзя ли найти такіе техническіе (экспериментальные) средства и пріемы, съ помощью которыхъ можно было бы открывать, различать и болѣе или менѣе ясно наблюдать обыкновенно незамѣтныя и нераспознаваемыя эмоціи?

Эмоціямъ свойственна, между прочимъ, весьма большая чувствительность и эластичность, т. е. способность въ зависимости отъ обстоятельствъ подвергаться большимъ колебаніямъ интенсивности. При наличности извѣстныхъ особыхъ условій такія эмоціи, которыя обыкновенно бываютъ относительно слабы и незамѣтны, нераспознаваемы, достигаютъ чрезвычайно сильнаго подъема интенсивности и дѣлаются тогда замѣтными и доступными наблюденію. И вотъ путемъ изученія законовъ колебаній интенсивности эмоцій, въ частности познанія условій доведенія ихъ до высшихъ степеней интенсивности, можно достигнуть распоряженія такими техническими средствами, которыя, подобно увеличительнымъ стекламъ, микроскопамъ и т. п. въ другихъ областяхъ науки, давали бы намъ возможность открывать и наблюдать соотвѣтственныя, при обыкновенныхъ условіяхъ недоступныя нашему познанію, явленія.

Нѣкоторые сюда относящіеся законы (тенденціи) можно предугадать дедуктивно съ точки зрѣнія теоріи приспособленія къ условіямъ жизни и безсознательной «геніальности» природы.

Интенсивныя эмоціи съ соотвѣтственно интенсивными акціями, т. е. цѣлыми системами интенсивныхъ физіологическихъ и психическихъ процессовъ, связаны съ соотвѣтственно большою издержкою жизненной энергіи (подчасъ доводящею организмъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ до сильнаго истощенія). Поэтому съ біологической точки зрѣнія въ высокой степени важно, во избѣжаніе ненужной и вредной для жизни растраты энергіи, чтобы сила эмоцій (и ихъ акцій) не превышала той, какая при наличныхъ условіяхъ требуется для надлежащаго исполненія данной біологической функціи, для достиженія требуемаго результата. и вообще соизмѣрялась съ обстоятельствами и біологическою необходимостью съ соблюденіемъ возможно строгой экономіи.

Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ, что эмоціи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должны быть тѣмъ слабѣе, чѣмъ легче и скорѣе достиженіе результата, и возрастать въ силѣ въ случаѣ наличности помѣхъ и препятствій, требующихъ одолѣнія; вообще сила ихъ и ихъ дѣйствія должна быть пропорціональна (съ нѣкоторымъ превышеніемъ) силѣ наличнаго и требующаго одолѣнія противодѣйствія.

Причемъ это правило біологически раціонально лишь въ тѣхъ предѣлахъ, поскольку вообще затрата энергіи (и времени), біологическая жертва, происходитъ не напрасно и оплачивается положительнымъ полезнымъ результатомъ, біологическимъ выигрышемъ. И здѣсь требуется

соблюденіе предѣловъ пропорціональности съ превышеніемъ на сторонѣ біологическаго выигрыша. Поэтому въ виду непреодолимыхъ препятствій эмоціи должны съ раціонально-біологической точки зрѣнія не возрастать въ силѣ, не наступать со все большею силою, а, напротивъ, отступать, исчезать. И то же относится къ одолимымъ, но требующимъ непропорціонально большой затраты энергіи, затрудненіямъ.

Само собою разумѣется, что эти начала не могутъ быть законами дѣйствительной эмоціональной жизни въ томъ смыслѣ, чтобы указанныя двѣ пропорціи соблюдались въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Возможно лишь такое приближеніе къ ихъ осуществленію, какое соотвѣтствуетъ процессу естественнаго біологическаго приспособленія видовъ животныхъ къ условіямъ жизни. Т. е. дедуктивно можно ожидать лишь абстрактной, а не конкретной, приспособленности, соотвѣтствія лишь общимъ, типическимъ условіямъ жизни, а не конкретнымъ обстоятельствамъ даннаго случая; и притомъ абстрактной приспособленности къ условіямъ прошедшаго времени, къ условіямъ жизни болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ.

Комбинируя установленные основные принципы и эти оговорки относительно ихъ осуществленія, можно было бы установить цѣлые ряды и системы дедуктивно вѣроятныхъ положеній относительно колебаній интенсивности эмоцій вообще и разныхъ ихъ видовъ (напр., аппетитивныхъ, репульсивныхъ и т. п.) въ частности, а затѣмъ, пользуясь соотвѣтственными указаніями для индуктивныхъ изслѣдованій, можно было бы установить подлежащіе законы дѣйствительной эмоціональной жизни. Для практической цѣли настоящихъ замѣчаній можно, не предпринимая указанныхъ изслѣдованій, ограничиться слѣдующими указаніями:

Въ качествѣ важнаго и цѣннаго средства діагностики (открытія и распознанія) эмоцій можно, на основаніи изложенныхъ общихъ соображеній, рекомендовать, прежде всего, экспериментальный пріемъ, могущій быть названнымъ «методомъ противодѣйствія» и состоящій въ достиженіи повышенной интенсивности эмоцій путемъ препятствованія ихъ удовлетворенію, несоблюденія ихъ требованій и велѣній и дѣйствій вопреки ихъ запрещеніямъ.

Мы каждый день начинаемъ тѣмъ, что пробуждаемся, открываемъ глаза, поднимаемъ голову, встаемъ. Какова психологія этого поведенія, въ чемъ состоятъ побужденія къ этимъ дѣйствіямъ? На такой вопросъ громадное большинство людей отвѣтило бы, вѣроятно, незнаніемъ и недоумѣніемъ, а теоретики-психологи конструированіемъ и придумываніемъ разныхъ несуществующихъ вещей, напр., отрицательныхъ чувствъ или непріятныхъ ощущеній, сознательной или инстинктивной воли освободиться отъ нихъ и для этого открыть глаза, поднять голову и т. д. Если же обратиться къ фактическому, экспериментальному діагнозу съ помощью метода противодѣйствія, то нетрудно открыть здѣсь наличность особой, специфической, эмоціи, которую можно назвать будительно-вставательной

и акція которой состоитъ во множествѣ измѣненій въ организмѣ, составляющихъ въ совокупности аккомодацію къ бодрствующей, въ отличіе отъ сонной, жизни; въ томъ числѣ въ иннерваціи и сокращеніи мускуловъ, открывающихъ глаза, поднимающихъ голову, поворачивающихъ голову и глаза направо и налѣво (для ориентировки и предохраненія отъ возможныхъ, точнѣе, когда-то въ жизни предковъ бывшихъ возможными опасностей), затѣмъ въ иннерваціи системы мускуловъ, дѣйствующихъ при вставаніи. Въ случаѣ попытки не повиноваться этой эмоціи, напр., продолжать лежать въ кровати, она дѣлается все болѣе замѣтною и явственною; ея волнообразно возвращающіеся приступы постепенно усиливаются и подчасъ (особенно при наличности яркаго солнечнаго свѣта въ комнатѣ) достигаютъ такой интенсивности, что для продолженія эксперимента и недопущенія вставанія требуется сильное и постоянное напряженіе соотвѣтственной воли *).

Кончается нашъ день тѣмъ, что мы ложимся спать, закрываемъ глаза и засыпаемъ. И это—акція (точнѣе, видимая частица акціи) особаго моторнаго раздраженія, которое можно назвать сонною эмоціею. Впрочемъ, съ этимъ специфическимъ переживаніемъ и, подчасъ непреодолимою, силою соотвѣтственныхъ позывовъ (напр., при попыткахъ не допустить настойчиво требуемаго и вынуждаемаго сонною эмоціею закрытія глазъ) знакомы всѣ безъ особыхъ психологическихъ изслѣдованій, потому что обстоятельства жизни нерѣдко заставляютъ примѣнять «методъ противодѣйствія», независимо отъ цѣлей психологическаго познанія **).

---

*) Въ качествѣ условія успѣха эксперимента предполагается хорошее здоровье. Въ случаѣ болѣзни, физіологически требующей леганія, обыкновенно этой эмоціи не бываетъ или даже появляется и дѣйствуетъ противоположная эмоція, не допускающая вставанія. И эту эмоцію можно обнаружить съ помощью метода противодѣйствія, т. е. въ данномъ случаѣ съ помощью опытовъ вставанія и борьбы противъ влеченія опять лечь. Своеобразная эмоція, тоже дѣйствующая противъ вставанія (и открытія тѣла), подчасъ появляется и вступаетъ въ борьбу со вставательной эмоціей въ случаѣ ненормально низкой температуры въ комнатѣ. Соотвѣтствующій экспериментъ (двойной методъ противодѣйствія, обнаруживающій сразу двѣ различныхъ эмоціи) можетъ доставить весьма интересныя наблюденія изъ области эмоціональной психики. Не менѣе интересное продолженіе этого опыта можно устроить (въ случаѣ надлежащей силы воли), отбросивъ одѣяло и наблюдая дальнѣйшія психическія и физическія явленія. Въ случаѣ „надлежащаго“ холода появляется весьма сильная эмоція съ неліпенною комическаго характера акціею, состоящею сначала въ сильной иннервации и сокращеніи мускуловъ, умаляющихъ объемъ тѣла, корчащихъ и сжимающихъ его, а затѣмъ (такъ сказать, послѣ обнаруженія безуспѣшности этого способа охраны тѣла отъ потери теплоты) въ тоже весьма сильной иннервации мускуловъ, выпрямляющихъ тѣло и заставляющихъ совершить сильный прыжокъ и дѣлать другія быстрыя спасательныя движенія. Если не допустить этихъ „молярныхъ“ разрядовъ сильной мускульной энергіи, то получится „молекулярный“ разрядъ ея—„дрожаніе“. Я считаю вообще дрожаніе отъ холода акціею тепло-охранительной эмоціи и въ этомъ смыслѣ явленіемъ однороднымъ съ дрожаніемъ вслѣдствіе другихъ сильныхъ эмоцій (ср. выше, стр. 192).

**) Страннымъ образомъ „сонная эмоція“ извѣстна, повидимому, только „публикѣ“, но не „психологіи“. Интересно, подъ какую изъ наличныхъ теперь рубрикъ подвела бы современная психологія это переживаніе, если бы она его знала и изу-

Между указанными первою и послѣднею дневными эмоціями и акціями ежедневно переживаются и могутъ быть открыты съ помощью того же простого пріема — противодѣйствія — тысячи другихъ эмоцій разнообразнѣйшихъ типовъ съ различнѣйшими акціями. Попробовавъ послѣдовательно не дѣлать того, что мы обыкновенно дѣлаемъ, напр., задерживая на нѣкоторое время послѣ вставанія умываніе, послѣ умыванія — вытираніе и т. д., лишая себя на нѣкоторое время свѣта, воздуха, движенія и удовлетворенія иныхъ физіологическихъ потребностей, «естественныхъ», въ томъ числѣ касающихся разныхъ выдѣленій, или «искусственныхъ» (напр., въ разныхъ возбуждающихъ веществахъ: кофе, чай, табакъ, ср. страсти алкоголиковъ, морфинистовъ и т. п.), заставляя себя воздержаться отъ разныхъ любимыхъ и привычныхъ занятій, отъ свиданія и общенія съ людьми или отъ разныхъ отдѣльныхъ элементовъ общенія, напр., отъ отвѣтовъ на обращенные къ намъ вопросы, отъ исполненія обращенныхъ къ намъ просьбъ, велѣній и проч., — можно открыть въ основѣ соотвѣтственныхъ дѣйствій наличность особыхъ эмоцій, разложить поведеніе на акціи особыхъ эмоцій и собрать весьма богатую коллекцію различнѣйшихъ по своему характеру и акціямъ эмоцій: «физіологическихъ», «трудовыхъ», «общительныхъ» и т. д.

Впрочемъ, примѣненіе метода противодѣйствія въ (отрицательной) формѣ недѣланія того, что дѣлалось бы при отсутствіи экспериментально-познавательныхъ цѣлей, дало бы лишь одностороннее и весьма неполное представленіе о составѣ нашей эмоціональной психики. Необходимое дополненіе — изслѣдованіе по методу противодѣйствія въ положительной формѣ, въ формѣ опытовъ дѣланія того, чего бы не дѣлалось при отсутствіи экспериментальныхъ цѣлей. Изъ изложеннаго выше примѣрнаго изслѣдованія эмоціональной психологіи питанія — ѣды и питья — видно, что въ этой области дѣйствуетъ, наряду съ положительными аппетитивными эмоціями, голодомъ и жаждою, еще множество разныхъ репульсій, запретительныхъ эмоцій, и что годнымъ и необходимымъ экспериментальнымъ средствомъ ихъ изученія являются попытки ѣсть или пить или, по крайней мѣрѣ, брать въ ротъ, приближать ко рту и т. д. такіе объекты, которые не служатъ нормальными предметами питанія, или попытки ѣсть или пить при такихъ условіяхъ, при какихъ мы, слѣдуя «голосу

чала: подъ рубрику познанія (конечно, органическихъ ощущеній), или чувства (конечно, непріятныхъ, отрицательныхъ чувствъ), или воли (ср. ниже). Что касается, между прочимъ, воли, то она вообще довольно безсильна по сравненію съ сонной эмоціей и легко ей уступаетъ (ср. выше, стр. 208 сл.). если нѣтъ поддержки со стороны какихъ либо другихъ эмоцій (напр., страха при мысли о послѣдствіяхъ долженствующаго быть предупрежденнымъ сна или т. п.). По общему закону конкуренціи разныхъ эмоцій другія эмоціи (не исключая аппетита, жажды, пищевыхъ репульсій, охотничьихъ эмоцій и проч. и проч.) имѣютъ тенденцію ослаблять и вытѣснять сонную эмоцію (или не допускать самаго ея появленія); и наиболѣе дѣйствительное психическое средство противъ сна не воля не заснуть, не закрывать глазъ и т. д., а возбужденіе какой либо другой эмоціи, чтобы не допустить появленія или вытѣснить сонную эмоцію.

природы», не стали бы ѣсть или пить и т. д. То же относится mutatis mutandis къ безчисленнымъ другимъ областямъ нашей жизни и нашего поведенія. Наряду съ соотвѣтственными эмоціональными «велѣніями» существуетъ множество эмоціональныхъ «запретовъ», и экспериментальнымъ средствомъ для ихъ открытія и изученія является методъ противодѣйствія въ положительной формѣ, въ формѣ дѣйствій вопреки. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, возможны только и достаточны для цѣлей психологическихъ экспериментовъ лишь соотвѣтственныя приготовленія или лишь экспериментальныя угрозы нарушенія запрета. Напр., путемъ экспериментальныхъ покушеній и готовностей прыгнуть съ большой высоты, въ холодную воду, въ огонь, чрезъ слишкомъ высокое или широкое препятствіе, ступить въ яму, на покатую ледяную поверхность, на тонкій и хрупкій ледъ на водѣ, наступить босою ногою на какой либо острый предметъ, на какое либо небольшое животное или большое насѣкомое, на человѣческія выдѣленія, отрубить себѣ палецъ, нанести себѣ уколъ, порѣзъ, ожогъ, прикоснуться къ открытому глазу и проч. и проч.—можно ознакомиться съ цѣлою системою разныхъ задерживающихъ и отталкивающихъ эмоцій, охраняющихъ нашъ организмъ и отдѣльные органы (особенно глаза и нѣкоторыя другія части тѣла, напр., горло) отъ разныхъ вредныхъ и опасныхъ механическихъ, температурныхъ воздѣйствій, нечистоты и проч.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ возможно и для психологическихъ цѣлей достаточно совершенія дѣйствій вопреки запретительнымъ эмоціямъ въ воображеніи, особенно если экспериментаторъ способенъ живо и реально представить себя въ положеніи совершающаго такія дѣйствія, напр., выкалывающаго глаза какому либо животному, убивающаго человѣка, дѣлающаго въ присутствіи другихъ, напр., въ дамскомъ обществѣ, что либо такое, чего не полагается дѣлать въ обществѣ, произносящаго извѣстныя слова и т. п. (внутреннie эксперименты по методу противодѣйствія ср. выше, стр. 32).

Такъ какъ многія эмоціи, согласно общему закону экономіи, въ частности тенденціи соблюденія соотвѣтствія развиваемой максимальной силы и затрачиваемой жизненной энергіи достигаемому (или достигавшемуся въ среднемъ случаѣ въ жизни предковъ) положительному результату, — способны достигать весьма различныхъ степеней максимальной интенсивности по адресу различныхъ объектовъ (вещественныхъ предметовъ, явленій и т. д.), въ частности лишь невысокихъ степеней напряженія по адресу ничтожныхъ и маловажныхъ объектовъ, то, само собою разумѣется, успѣшное примѣненіе метода противодѣйствія и вообще успѣшное изученіе эмоцій предполагаетъ въ соотвѣтственныхъ областяхъ эмоціональной психики надлежащій подборъ объектовъ.

То же относится къ противодѣйствіямъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ эмоціональной психики устраиваемыя для экспериментальныхъ цѣлей по собственному адресу противодѣйствія не достигаютъ цѣли, вслѣдствіе

знанія неподлинности, несеріозности препятствій, угрозъ и т. д. Здѣсь требуется помощь житейскихъ обстоятельствъ или участіе въ экспериментѣ другихъ лицъ, напр., экспериментальные обманы по уговору для созданія иллюзіи подлинности противодѣйствій, возбуждающихъ и повышающихъ интенсивность изучаемыхъ эмоцій.

Помѣхи и препятствія, которыя нужно преодолѣть для удовлетворенія эмоціональныхъ требованій, не должны быть, какъ видно уже изъ вышеизложеннаго, съ одной стороны слишкомъ легко устранимыми, потому что въ такомъ случаѣ эмоціи не доходили бы вообще до высокой степени интенсивности; а съ другой онѣ не могутъ быть абсолютно непреодолимыми или преодолимыми лишь съ несоотвѣтственно большой затратой энергіи; ибо тогда эмоціямъ, въ особенности имѣющимъ менѣе существенное значеніе для жизни, свойственна тенденція слабѣть и исчезать, или не появляться вовсе.

Особенно годными для доведенія эмоціи до высшей степени напряженія являются такія препятствія, которыя представляются одолимыми, но при попыткахъ одолѣнія фактически не одолѣваются вполнѣ или окончательно, не переставая представляться одолимыми. Съ эволюціонно-біологической точки зрѣнія приспособленія къ типическимъ обстоятельствамъ можно дедуктивно предвидѣть для такихъ случаевъ дѣйствіе слѣдующаго закона (тенденціи).

Послѣ первой не вполнѣ или не окончательно удавшейся попытки долженъ появиться новый приступъ эмоціи, болѣе сильный, чѣмъ прежній (ибо положеніе дѣла таково, что in abstracto, въ среднемъ случаѣ, біологически раціонально повышеніе силы эмоціи и акціи для окончательнаго одолѣнія). То же должно происходить послѣ второй попытки, а равно послѣ третьей и т. д., т. е. должна получиться восходящая прогрессія интенсивности эмоціи и акціи съ такимъ кульминаціоннымъ пунктомъ подъема, какой вообще возможенъ и достижимъ *).

Умышленное примѣненіе соотвѣтствующихъ указанному психологическому закону средствъ для познавательныхъ цѣлей мы назовемъ методомъ дразненія**).

Съ дразненіемъ, какъ научно-экспериментальнымъ пріемомъ, намъ уже приходилось имѣть дѣло выше по поводу аппетита и жажды. Под-

*) Послѣ дальнѣйшихъ неудачъ слѣдуетъ вообще дедуктивно ожидать быстраго паденія и исчезновенія эмоціи. Ибо дальнѣйшія неудачи и вообще продолжительность безуспѣшной борьбы—симптомъ (опять in abstracto, въ среднемъ случаѣ) неодолимости и біологической нераціональности дальнѣйшей (и прежней) растраты энергіи, показатель происшедшаго біологическаго „обмана“. При извѣстныхъ условіяхъ, впрочемъ, должно произойти лишь временное успокоеніе, необходимое для возстановленія силъ истощеннаго организма, а затѣмъ новое возрастаніе эмоціи и новыя попытки. Болѣе спеціализированныя дедуктивныя и индуктивныя изслѣдованія для нашей цѣли не необходимы.

**) Между прочимъ, именно „дразненіе“ примѣняется самою „мудрою природою“ тамъ, гдѣ для „цѣлей“ жизни требуется доведеніе эмоціи до высшей степени интенсивности (для достиженія энергичнѣйшаго физіологическаго дѣйствія подлежа-

лежащія указанія на важность и цѣнность этого метода для изученія какъ самихъ эмоцій, такъ и ихъ акцій, примѣнимы mutatis mutandis и къ безчисленнымъ другимъ моторнымъ раздраженіямъ. Въ нѣкоторыхъ же областяхъ эмоціональной психики (въ томъ числѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, правовой) методъ дразненія получаетъ особое и чрезвычайное познавательное значеніе вслѣдствіе того, что соотвѣтственныя эмоціи отличаются такою скрытностью и недоступностью отчетливому познанію, что безъ дразненія съ ними вообще трудно сколько-нибудь отчетливо познакомиться. Въ качествѣ примѣра можно здѣсь привести психическія явленія, которыя по обыденному словоупотребленію въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ называются «любопытствомъ», въ другихъ случаяхъ относятся къ «любознательности» или не имѣютъ особаго наименованія, и для которыхъ можно въ качествѣ общаго психологическаго термина, обнимающаго всѣ подлежащія, психологически однородныя явленія, избрать имя «любопытство» *).

Переживанія любопытства относятся къ наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе часто нами переживаемымъ (можетъ быть, въ среднемъ не менѣе сотни разъ въ день) психическимъ явленіямъ. Когда мы, напр.,

---

щихъ железъ и иныхъ физіологическихъ аппаратовъ). Актъ оплодотворенія и зачатія подготовляется болѣе или менѣе продолжительнымъ дразненіемъ соотвѣтственныхъ эмоцій, достигаемымъ прпродою главнымъ образомъ тѣмъ, что самки снабжены способностью и склонностью переживать въ соотвѣтственное время наряду съ аппульсивными эмоціями переживающіеся приступы задерживающихъ и репульсивныхъ половыхъ эмоцій. Соотвѣтственное поведеніе (ср. выраженіе „флиртъ"), представляющее сочетаніе акцій этихъ эмоцій, создаетъ для другой стороны, а равно и для самой самки дразненіе аппульсивныхъ эмоцій и прогрессивное возрастаніе ихъ силы.

Въ человѣческой жизни нерѣдко случаются разные серіозные грѣхи, паденія, преступленія и вообще неисполненіе лучшихъ намѣреній и психическая невозможность ихъ исполненія—вслѣдствіе незнанія указаннаго закона, допущенія дразненія соотвѣтственныхъ эмоцій и доведенія ихъ этимъ до такой силы, что онѣ оказываются уже непреодолимыми и уничтожаютъ противоположную волю.

Характерныя, болѣе комическія, чѣмъ трагическія, иллюстраціи послѣдствій неосторожнаго дразненія эмоціи можно наблюдать, между прочимъ, въ области купанія. Первое лѣтнее купаніе нѣкоторымъ не удается потому, что они, вмѣсто одолѣнія сразу непускающей въ холодную воду эмоціи, дразнятъ ее и доводятъ до степени непреодолимости путемъ частичныхъ возвратныхъ попытокъ одолѣнія.

Крайне трагическія и ужасныя послѣдствія вызываются иногда неосторожнымъ дразненіемъ разныхъ массовыхъ и политическихъ эмоцій.

*) Мы уже неоднократно имѣли случай указывать, что психологическія названія обыденнаго языка весьма мало достойны научнаго довѣрія. Какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, имя обыденнаго языка „любопытство" относится только къ наиболѣе сильнымъ переживаніямъ соотвѣтственнаго класса. Кромѣ того, и къ этимъ переживаніямъ оно примѣняется лишь тогда, когда они говорящему не представляются заслуживающими одобренія и уваженія. Напр., если рѣчь идетъ о животныхъ, осматривающихъ или обнюхивающихъ новые для нихъ предметы, напр., о стадѣ барановъ, стоящихъ какъ вкопанные съ выпученными глазами предъ чѣмъ либо новымъ для нихъ и невиданнымъ, о толпѣ, „глазѣющей" на улицѣ, о кумушкахъ, интересующихся скандалами и собирающихъ сплетни, то это „любопытство". Если же ученикъ въ классѣ или студентъ въ аудиторіи слѣдитъ на почвѣ однородныхъ психологическихъ переживаній за интересными опытами или устными со-

читаемъ газету и на одно обращаемъ большее или меньшее вниманіе, пропуская въ то же время другое; когда мы во время прогулки (особенно въ новыхъ мѣстностяхъ, чужихъ странахъ и т. п.) поворачиваемъ глаза то въ ту, то въ другую сторону и на что либо посматриваемъ внимательнѣе, иногда приближаясь къ предмету или явленію, заинтересовавшему насъ, чтобы разсмотрѣть его лучше; когда мы во время разговоровъ съ другими выслушиваемъ съ интересомъ нѣкоторыя сообщенія, спрашиваемъ о подробностяхъ и т. п., — то въ основѣ такихъ и т. п. безчисленныхъ дѣйствій обыденной жизни обыкновенно лежатъ переживанія любопытства. А многія важныя области жизни, напр., школьное дѣло, наука, выставки, музеи, въ значительной степени также разныя отрасли искусства (разсказы, повѣсти, романы, драматическое искусство), покоятся, какъ на главномъ психологическомъ фундаментѣ, безъ котораго онѣ не могли бы развиваться и процвѣтать, на способности и склонности людей къ переживаніямъ любопытства и соотвѣтственному поведенію.

Но самыя эти переживанія, кромѣ сравнительно весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ, не замѣчаются и остаются совсѣмъ неизвѣстными; и представленія о природѣ и характерѣ переживаній любопытства, поскольку они вообще существуютъ, едва ли имѣютъ сколько нибудь ясный и отчетливый характеръ.

Попытку изслѣдовать и опредѣлить психологическую природу любопытства и объяснить соотвѣтственное поведеніе находимъ, между прочимъ, въ монографіи Циглера о чувствахъ *). По мнѣнію этого психолога, «любопытство, какъ желаніе» (для пониманія этой психологической мысли и увѣренности автора надо принять во вниманіе, что любопытство по нѣмецки называется Neugierde, т. е. со словесно этимологической точки зрѣнія=желанію новаго, новостей), «относится къ психологіи воли, есть воля знать (ein Wissen wollen), но тѣмъ не менѣе, или точнѣе именно потому оно находится въ ближайшемъ отношеніи къ чувству. Мы чувствуемъ по отношенію къ міру, въ которомъ мы живемъ, состояніе чуж-

---

общеніями, то соотвѣтственныя переживанія относятся къ „любознательности“; слово „любознательность“ означаетъ, впрочемъ, не соотвѣтственныя актуальныя психическія переживанія, а склонность къ нимъ, поскольку она проявляется въ надлежащемъ направленіи въ области ученія. Если ученый слѣдитъ за какими либо интереснымп измѣненіями чрезъ микроскопъ или телескопъ, или философъ, или религіозный мыслитель интересуется проблемой о природѣ матеріи, духа, Божества и т. п., или полководецъ съ интересомъ выслушиваетъ рапортъ о подробностяхъ сраженія, о расположеніи войскъ непріятеля и т. п., то для соотвѣтственныхъ, однородныхъ съ ранѣе упомянутыми, переживаній нѣтъ вообще никакого имени, въ частности въ этихъ и множествѣ другихъ случаяхъ не примѣняется ни слово „любопытство“, ни слово „любознательность“. Для научно-психологическихъ цѣлей всѣ эти различія, по степени интенсивности, похвальности, по области примѣненія, не имѣютъ значенія, и слово „любопытство“ слѣдуетъ возвести въ терминъ, обнимающій всѣ соотвѣтственныя, какъ увидимъ ниже въ текстѣ, своеобразныя и однородныя моторныя раздраженія съ однородными акціями.

*) Ziegler, Das Gefühl, 3-е изд. стр. 162 и сл.

дости, неуютности, непріятной боязливости, а отсюда желаніе и стремленіе избавиться отъ этого непріятнаго чувства, превратить невѣдомое въ извѣстное и знакомое» и т. д. Эта квалификація и объясненіе любопытства, какъ воли знать, возникающей вслѣдствіе страданія, связаннаго съ незнаніемъ, возбуждаетъ серіозныя сомнѣнія. Что любопытство не есть воля знать, воля познать неизвѣстное, это (независимо отъ другихъ данныхъ) видно уже изъ того, что любопытство переживается нерѣдко одновременно съ волею не знать, не узнавать (напр. не открывать ввѣреннаго и возбуждающаго любопытство конверта, ящика и т. п.) ради исполненія даннаго обѣщанія, ради сохраненія вѣры во что либо, напр., въ области дружбы, любви, религіи и т. п. Что, далѣе, любопытство не предполагаетъ вовсе наличности страданій, отъ которыхъ оно яко бы должно освобождать, это видно, между прочимъ (независимо отъ другихъ данныхъ), уже изъ того, что, напр., слушаніе или чтеніе любопытныхъ, т. е. возбуждающихъ любопытство, разсказовъ, повѣстей, анекдотовъ и т. п. примѣняется отнюдь не въ качествѣ средства причиненія страданій, а напротивъ, въ качествѣ средства доставленія удовольствія, въ качествѣ забавы и развлеченія.

Надлежащее и превосходное средство для фактическаго, наблюдательнаго (а не гадательно-конструктивнаго) познанія и изученія любопытства—методъ дразненія. Путемъ дразненія, напр., сообщенія съ «таинственнымъ видомъ» о знаніи какого-то важнаго секрета и затѣмъ перемежающагося выраженія то готовности уступить просьбамъ и сообщить, то нежеланія сообщить, можно довести любопытство до весьма высокой степени интенсивности, до степени «бурности» и «страстности» и вмѣстѣ съ тѣмъ большой явственности съ точки зрѣнія психологическаго познанія. Для соотвѣтственныхъ опытовъ по адресу собственной психики можно прибѣгнуть къ уговору и услугамъ другихъ или, также, къ чтенію романовъ, спеціально и удачно разсчитанныхъ на возбужденіе и дразненіе любопытства читателя *).

Достигая съ помощью дразненія такого роста интенсивности любо-

*) Вообще чтеніе романовъ и другихъ произведеній изящной литературы, а также присутствованіе въ театрѣ на драматическихъ и трагическихъ представленіяхъ—хорошее средство для ознакомленія съ нѣкоторыми видами эмоцій. Всѣ искусства вообще разсчитаны на возбужденіе разныхъ эмоцій. Теперешняя психологія относитъ искусства, ихъ дѣйствіе и значеніе, къ области чувствъ, а именно положительныхъ чувствъ, наслажденій, называя соотвѣтственныя чувства эстетическими чувствами или эстетическими наслажденіями. Это—сочетаніе двухъ весьма существенныхъ недоразумѣній. Во первыхъ, эстетическія переживанія суть не чувственныя, а эмоціональныя въ нашемъ смыслѣ, т. е. моторныя (аппульсивныя и репульсивныя) раздраженія съ особыми акціями. Во вторыхъ, въ области изящныхъ искусствъ дѣло идетъ о возбужденіи не эстетическихъ только, а весьма различныхъ эмоцій; и во многихъ областяхъ центръ тяжести лежитъ въ возбужденіи разныхъ другихъ эмоцій, эстетическія же играютъ лишь акцессорную, такъ сказать, декоративную роль. Напр., искусство воинственнаго періода народной жизни бываетъ приспособлено главнымъ образомъ къ возбужденію героически-воинственныхъ эмоціональныхъ волненій и настроеній. И теперь, напр., военная музыка су-

пытства, чтобы оно получало характеръ явственно, отчетливо и рѣзко выраженнаго переживанія, и примѣняя интроспекцію по двойственной схемѣ pati-movere (съ элиминированіемъ посторонних примѣсей, въ томъ числѣ чувствъ удовольствій и неудовольствій, ср. выше), можно съ достовѣрностью убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ «волею знать», а со своеобразными пассивно-активными переживаніями, т. е. эмоціями въ условленномъ выше смыслѣ, далѣе, можно ознакомиться со своеобразнымъ, специфическимъ характеромъ этихъ моторныхъ раздраженій и научиться ихъ отличать какъ отъ иныхъ явленій того же общаго рода (моторныхъ раздраженій), такъ тѣмъ болѣе отъ явленій иныхъ основныхъ психологическихъ классовъ, ощущеній, чувствъ и воли. Между прочимъ, въ случаѣ доведенія любопытства до высшей степени бурности и страстности путемъ дразненія, уже эта бурность, страстность и горячность поможетъ отличить его отъ «воли знать», исключить всякую возможность смѣшенія этихъ двухъ совершенно различныхъ переживаній: воля знать, воля пріобрѣсти извѣстное знаніе, какъ вообще всякая воля, имѣетъ характеръ «холодныхъ» и спокойно-равномѣрныхъ переживаній.

Вообще методы противодѣйствія и дразненія, представляя своего рода увеличительныя стекла, микроскопы, въ области эмоціональной психики, являются средствами не только открытія прежде неизвѣстныхъ и лучшаго познанія извѣстныхъ уже эмоцій, самихъ по себѣ, но, само собой разумѣется, и средствами отчетливаго различенія ихъ отъ другихъ психическихъ феноменовъ и предупрежденія соотвѣтственныхъ смѣшеній и недоразумѣній.

ществуетъ вовсе не для того, чтобы доставлять солдатамъ на войнѣ эстетическія удовольствія, а для того, чтобы возбуждать и потенцировать воинственныя эмоціи. Смыслъ средневѣкового искусства (не исключая скульптуры и архитектуры) заключался главнымъ образомъ въ возбужденіи возвышенно-религіозныхъ эмоцій. Лирика приспособлена къ однѣмъ, сатира къ другимъ, драма и трагедія опять къ инымъ сторонамъ нашей эмоціональной психики и проч. и проч. Было бы въ высшей степени интересно и поучительно для сознательно-научнаго познанія искусства, а отчасти и для общей психологіи эмоцій, изслѣдовать соотвѣтственныя эмоціальныя явленія, въ частности средства и способы, которыми пользуется искусство для возбужденія и усиленія эмоцій. Однимъ изъ основныхъ средствъ возбужденія эмоцій въ искусствѣ является изображеніе соотвѣтственной акціи и зараженіе этимъ путемъ зрителей или слушателей подлежащей эмоціей. Этимъ способомъ дѣйствуетъ между прочимъ, и музыка, только въ ней изображеніе акцій (а отчасти и самихъ эмоцій, ихъ возрастанія, бурности и т. п.) имѣетъ характеръ сравнительно отдаленнаго и неопредѣленнаго подобія и соотвѣтствія, поэтому и эмоціи, возбуждаемыя ею, имѣютъ по большей части смутно-неопредѣленный характеръ. На ряду съ зараженіемъ примѣняются и разные другіе способы, могущіе быть названными самостоятельными или первоначальными, въ отличіе отъ зараженія, какъ производнаго, подражательнаго способа. Любопытство, играющее весьма существенную роль въ сказкахъ, повѣстяхъ, романахъ, драмахъ и т. п., возбуждается не путемъ зараженія, а самостоятельно. То же относится къ разнымъ другимъ эмоціямъ. Въ качествѣ средствъ потенцированія возбужденныхъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ способомъ эмоцій, играютъ большую роль „методъ противодѣйствія“, изображеніе разныхъ препятствій, дѣйствій вопреки и т. д., и „методъ дразненія“.

На ряду съ открытіемъ и изученіемъ эмоцій, какъ особыхъ психическихъ феноменовъ, существенною задачею эмоціональной психологіи является изслѣдованіе эмоціональныхъ акцій, открытіе разныхъ элементовъ этихъ акцій и болѣе точное изученіе и формулированіе соотвѣтственныхъ законовъ (тенденцій).

Важную и цѣнную помощь и руководство въ этомъ дѣлѣ, какъ уже отчасти видно изъ предыдущаго изложенія, можетъ и долженъ доставлять дедуктивный методъ, выводы разныхъ отдѣльныхъ элементовъ акціи по предложеннымъ нами выше общей формулѣ о приспособленіи психо-физическаго аппарата къ исполненію данной біологической функціи и болѣе спеціальнымъ положеніямъ относительно физическихъ и психическихъ акцій моторныхъ раздраженій (стр. 193 и сл.).

Какъ такія, дедуктивно предсказанныя, такъ и другія дѣйствія эмоцій должны быть окончательно установляемы и изучаемы съ помощью индуктивнаго метода (умозаключеній изъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія измѣненій). Для этой цѣли весьма цѣнно экспериментальное распоряженіе эмоціями въ смыслѣ достиженія разныхъ степеней интенсивности изслѣдуемыхъ эмоцій (чтобы констатировать соотвѣтствующія другія измѣненія и быть въ состояніи на этомъ основаніи дѣлать индуктивные выводы). И здѣсь экспериментальные методы противодѣйствія и раздраженія — цѣнныя средства познанія.

Между прочимъ, они сверхъ общаго, вытекающаго изъ природы индукціи, значенія, обладаютъ еще тою цѣнностью, что съ ихъ помощью можно открывать и изучать такія дѣйствія изслѣдуемыхъ эмоцій, которыя въ противномъ случаѣ не были бы замѣчены или не поддавались бы индуктивному изслѣдованію, вслѣдствіе трудности распознанія: методы противодѣйствія и раздраженія—«увеличительныя стекла» для открытія и наблюденія не только самихъ эмоцій, но и безчисленныхъ элементовъ ихъ акцій. Напр., въ случаѣ доведенія любопытства до высокой степени интенсивности путемъ раздраженія, легко подмѣтить разныя явленія, при обыкновенномъ уровнѣ любопытства незамѣтныя: краснѣніе лица, расширеніе зрачковъ, пересыханіе губъ, горла, глотки, хриплость голоса, сильное сердцебіеніе, неправильное дыханіе, остановки его и глубокія вдыханія, рѣшительное устраненіе аппетита, сонной эмоціи и т. п., несмотря на физіологическую потребность въ ѣдѣ, во снѣ и т. п. *).

*) Спеціальная біологическая функція любопытства состоитъ въ (дополнительномъ по отношенію къ прочимъ эмоціямъ) обогащеніи интеллекта опытомъ и познаніями вообще. Сообразно съ этимъ, акція этихъ моторныхъ возбужденій состоитъ въ аккомодаціи и дѣйствіи психофизическаго аппарата въ направленіи добыванія, усовершенствованія и укрѣпленія познаній, въ частности въ усиленномъ питаніи (притокъ крови) и возбужденіи соотвѣтственныхъ частей центральной и периферической нервной системы (мозга, зрительныхъ нервовъ и т. д.) и мускуловъ, напр., разныхъ мускуловъ глазъ, для надлежащей аккомодаціи осей глазъ, для неподвижнаго фиксированія, для возможно широкаго выдвиженія впередъ и раскрытія глазъ и т. д. При сильномъ напряженіи эмоціи этотъ притокъ крови къ го-

Установленіе акцій разныхъ спеціальныхъ видовъ эмоціональныхъ переживаній (т. е. соотвѣтственныхъ спеціальныхъ законовъ—тенденцій—дѣйствія эмоцій) должно доставить матеріалъ для построенія болѣе общихъ законовъ дѣйствія эмоцій, касающихся болѣе или менѣе обширныхъ классовъ эмоцій или всѣхъ эмоцій вообще, высшаго класса эмоціональной психологіи. И здѣсь научно годными методами являются, съ одной стороны, дедукція, выводы изъ общебіологическихъ посылокъ, съ другой стороны, индукція. Индуктивное изслѣдованіе должно быть направлено на установленіе (путемъ провѣрки соотвѣтствія измѣненій) того, что связано со специфическою природою такого или иного спеціальнаго вида эмоціональныхъ переживаній, и того, что находится внѣ такой зависимости, что связано съ родовыми свойствами, съ природою болѣе общаго класса эмоцій, эвентуально съ природою эмоцій вообще.

Такая индукція, могущая быть названною междувидовою, представляетъ разныя затрудненія, вслѣдствіе которыхъ абсолютной доказанности соотвѣтственныхъ общихъ законовъ достигнуть трудно. Это, впрочемъ, относится въ извѣстномъ смыслѣ ко всему человѣческому знанію, какъ таковому. Дѣло идетъ только о разныхъ степеняхъ разумной увѣренности или, хотя бы, вѣроятности, и о томъ, чтобы примѣнять въ каждой области науки тѣ пріемы, которые способны доставить соотвѣтствующую природѣ изслѣдуемой области степень разумной увѣренности или вѣроятности.

Если правильно высказанное выше, въ видѣ предварительнаго сообщенія, положеніе, что эмоціи причинно опредѣляютъ, вызываютъ, усиливаютъ, заставляютъ исчезать, измѣняться etc. разные другіе психическіе (и многіе физіологическіе) процессы, то спеціальное, видовое, и общее, родовое познаніе ихъ акцій представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ познаніе соотвѣтствующихъ законовъ, касающихся этихъ другихъ психическихъ феноменовъ, познавательныхъ, чувственныхъ и волевыхъ (и соотвѣтствен-

---

ловѣ столь силенъ, что получается замѣтное краснѣніе; для вызова и поддержанія соотвѣтственной сильной мозговой, нервной и т. д. акціи требуется повышеніе дѣятельности сердца; этимъ объясняется сердцебіеніе при сильномъ возбужденіи любопытства; и дѣятельность легкихъ должна повышаться, дыханіе углубляться и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ для лучшаго, неподвижнаго зрѣнія и для лучшаго слышанія дѣятельность легкихъ должна временами прерываться; этимъ объясняется усиленное и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильное, прерывающееся дыханіе. Ненужные для даннаго біологическаго дѣла органы должны попадать въ состояніе относительной анеміи (вслѣдствіе абсорбированія запаса крови другими органами), бездѣятельности и разслабленности; этимъ объясняется пересыханіе губъ, рта, глотки, хрипость голоса (упадокъ дѣятельности ненужныхъ въ области любопытства слюнныхъ железъ), обвисаніе рукъ и нижней щеки—широкое раскрытіе рта. Не относящіяся къ данной біологической задачѣ, конкурирующія и мѣшающія, психическія дѣятельности, въ томъ числѣ аппетитивныя, сонныя и иныя эмоціи, вытѣсняются или не допускаются etc. etc.

„Воля знать“, съ которою смѣшиваютъ любопытство, такой акціи, какъ любопытство, конечно далеко не въ состояніи вызвать; поэтому о столь успѣшномъ ученіи и вообще пріобрѣтеніи знаній на почвѣ соотвѣтственныхъ волевыхъ усилій, какъ на эмоціональной почвѣ любопытства, не можетъ быть рѣчи.

ныхъ физіологическихъ законовъ). О надлежащемъ познаніи законовъ появленія представленій, ихъ ассоціативнаго теченія и т. д., или законовъ появленія воли, исчезновенія и уничтоженія наличной воли и т. д., при теперешнемъ состояніи психологіи, т. е. при отсутствіи подлежащихъ знаній относительно природы эмоцій и ихъ акцій, не можетъ быть рѣчи.

По мѣрѣ достиженія, съ помощью указанныхъ методическихъ средствъ, открытія и возможно болѣе обстоятельнаго познанія эмоцій и ихъ акцій (соотвѣтственныхъ спеціальныхъ и общихъ законовъ), наука будетъ пріобрѣтать цѣнныя орудія для дальнѣйшихъ изслѣдованій и открытій, состоящихъ въ нахожденіи и научномъ доказательствѣ существованія и дѣйствія опредѣленныхъ эмоцій тамъ, гдѣ непримѣнимъ интроспективный методъ. Такъ, зная акцію опредѣленной эмоціи и констатировавъ въ изслѣдуемой области наличность сочетанія такихъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ акцію этой эмоціи, мы, и не будучи въ состояніи наблюдать самой эмоціи, т. ск., не видя ея, имѣемъ почву для умозаключенія, что она имѣется налицо. Такія умозаключенія тѣмъ вѣроятнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ основательнѣе и обстоятельнѣе извѣстна акція данной эмоціи in abstracto и чѣмъ болѣе соотвѣтственныхъ явленій и симптомовъ констатировано in concreto. Этимъ путемъ, напр., притомъ единственно этимъ путемъ, мы можемъ достигнуть эмоціонально-психологическаго діагноза и объясненія нашихъ же собственныхъ отдѣльныхъ движеній и ихъ системъ, поскольку лежащія въ ихъ основѣ эмоціи не столь сильны, чтобы поддаваться интроспективному наблюденію и различенію. Такъ какъ приводящія насъ въ движеніе эмоціи, какъ уже указано выше, лишь рѣдко, лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, доступны внутреннему наблюденію, то получается тотъ выводъ, что научный психологическій діагнозъ и причинное объясненіе нашихъ же собственныхъ движеній и дѣйствій, напр., нашего обыденнаго дневного поведенія, должны покоиться главнымъ образомъ, почти исключительно, на предварительномъ ознакомленіи (съ помощью метода противодѣйствія и дразненія или т. п.) съ разными видами эмоцій, къ переживанію коихъ мы вообще способны, затѣмъ на дедуктивно-индуктивномъ изученіи акцій этихъ эмоцій и, наконецъ, на констатированіи признаковъ соотвѣтственныхъ акцій и умозаключеніяхъ о скрытомъ дѣйствіи подлежащихъ эмоцій. Тѣмъ болѣе цѣненъ и необходимъ пріемъ нахожденія эмоцій съ помощью ихъ акцій для всей той необъятной области научнаго изслѣдованія, познанія и объясненія, которая обнимаетъ все живое, переживающее эмоціи и дѣйствующее, кромѣ одного индивида — нашего собственнаго я. Сюда относятся прежде всего другіе люди, въ томъ числѣ дѣти, дикари, психически ненормальные субъекты, затѣмъ всѣ другія породы животныхъ, кромѣ породы homo sapiens.

Вспомогательнымъ средствомъ при открытіи въ своей или чужой психикѣ незримыхъ эмоцій съ помощью зримыхъ акцій является знаніе тѣхъ факторовъ, которые способны вызывать данную эмоцію, и которые мы

можемъ назвать моторами *). Особенно для подлежащихъ экспериментальныхъ (въ отличіе отъ просто наблюдательныхъ) изслѣдованій цѣнно знаніе моторовъ. Создавая умышленно моторы извѣстной эмоціи, напр., показывая ребенку, животному или иному объекту эксперимента, то, видъ чего, по нашимъ предварительно добытымъ (съ помощью соотвѣтственныхъ индукцій) свѣдѣніямъ, способенъ возбуждать интересующую насъ эмоцію, и констатируя затѣмъ наличность того, что намъ извѣстно, какъ акція интересующихъ насъ эмоціональныхъ процессовъ, мы заключаемъ, что и въ изслѣдуемомъ случаѣ, т. ск., посрединѣ между зримымъ моторомъ и зримою акціею, была и дѣйствовала искомая незримая эмоція.

Открытіе и опредѣленіе недоступныхъ наблюденію дѣйствующихъ эмоцій на основаніи доступныхъ наблюденію элементовъ акцій (или на основаніи акцій и моторовъ) можно назвать объективнымъ діагнозомъ, а соотвѣтствующее (подлежащее въ будущемъ болѣе обстоятельной разработкѣ) руководящее методологическое ученіе — объективною діагностикою эмоцій; въ отличіе отъ субъективнаго діагноза и субъективной діагностики, гдѣ дѣло идетъ о субъективномъ, интроспективномъ открытіи и познаніи эмоцій и соотвѣтственныхъ методическихъ пріемахъ.

Методы противодѣйствія и дразненія, поскольку дѣло идетъ объ усиленіи собственныхъ эмоцій изслѣдователя для достиженія ихъ субъективной, интроспективной познаваемости, относятся къ субъективной діагностикѣ. Такъ какъ усиленіе эмоцій ведетъ къ усиленію и большей замѣтности акціи и разныхъ ея элементовъ, то противодѣйствіе и дразненіе являются полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ и въ области объективной діагностики.

Объективный діагнозъ можетъ быть спеціальный, указывающій на опредѣленную, извѣстную намъ, эмоцію, или общій, состоящій въ открытіи и доказательствѣ, что въ изслѣдуемой области мы имѣемъ дѣло съ эмоціей вообще, т. е. съ феноменомъ, который слѣдуетъ отнести къ классу эмоцій, хотя и неизвѣстно, какова эта эмоція (ср. выше о производствѣ паутины пауками и т. п.). Спеціальный діагнозъ опирается на спеціальныя свѣдѣнія относительно эмоцій опредѣленнаго вида, общій на общія свѣдѣнія относительно эмоцій и акцій вообще. Общій діагнозъ будетъ служить нерѣдко лишь переходною стадіею къ спеціальному, болѣе желательному и цѣнному съ научной точки зрѣнія, чѣмъ общій; но въ нѣкоторыхъ областяхъ придется отказаться отъ спеціальнаго и удовольствоваться общимъ; причемъ уже достиженіе общаго эмоціональнаго діагноза во многихъ случаяхъ будетъ цѣннымъ открытіемъ и существеннымъ научнымъ прогрессомъ. Это въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду въ области психологіи животныхъ. Объективному эмоціональному

*) Къ изученію моторовъ примѣнимы mutatis mutandis сдѣланныя выше указанія относительно дедукціи изъ біологическихъ посылокъ и индукціи, какъ выводовъ изъ соотвѣтствій и несоотвѣтствій измѣненій.

діагнозу, опирающемуся на изученіе нашихъ собственныхъ (человѣческихъ) эмоцій и ихъ акцій, суждено превратить теперешнія гаданія относительно психическихъ феноменовъ, лежащихъ въ основѣ поведенія животныхъ, гаданія, колеблющіяся между приписываніемъ животнымъ удивительнаго ума (Дарвинъ и др., ср. выше, стр. 147) и сведеніемъ ихъ поведенія къ рефлексамъ, къ явленіямъ, совсѣмъ чуждымъ психическихъ импульсовъ, чисто механическимъ, — въ подлинно-научное изученіе и познаніе. Большія области поведенія животныхъ будутъ сведены путемъ спеціальнаго объективнаго діагноза къ акціямъ извѣстныхъ намъ по субъективному діагнозу родовъ эмоцій. Другіе элементы поведенія животныхъ не допускаютъ столь «близкаго» знакомства, но допускаютъ общій эмоціональный діагнозъ, тоже устраняющій указанныя гаданія и обнаруживающій ихъ ошибочность, и замѣняющій ихъ познаніемъ дѣйствительнаго положенія вещей, хотя сравнительно лишь въ общихъ чертахъ.

Объективный эмоціональный діагнозъ можетъ быть, далѣе, простымъ или сложнымъ. Подъ простымъ мы разумѣемъ такой, который въ основѣ изслѣдуемой совокупности движеній или иныхъ физіологическихъ процессовъ находитъ одну какую либо эмоцію; подъ сложнымъ—такой, который открываетъ и доказываетъ наличность и совмѣстное дѣйствіе двухъ или болѣе эмоцій. Совмѣстное дѣйствіе двухъ или болѣе конкурентныхъ эмоцій (а равно борьба противоположныхъ эмоцій) вызываетъ въ качествѣ равнодѣйствующей такую сложную или модифицированную акцію, которая въ разныхъ отношеніяхъ отличается отъ акцій дѣйствующихъ отдѣльно эмоцій. Эти осложненія и модификаціи могутъ имѣть различный характеръ. Они могутъ состоять во взаимной частичной или полной нейтрализаціи противоположныхъ тенденцій и, стало быть, въ ослабленіи (иногда до степени незамѣтности) или полномъ отсутствіи соотвѣтственныхъ симптомовъ обѣихъ дѣйствующихъ эмоцій. Напр., если одна изъ конкурирующихъ эмоцій имѣетъ тенденцію возбуждать слюнныя железы и вызывать обильное слюнотеченіе, а другая обладаетъ противоположной тенденціей, или если одна эмоція имѣетъ тенденцію гнать кровь въ мускулы ногъ (напр., для подготовки быстраго бѣга за добычею, отъ врага и т. п.) и тѣмъ самымъ вызывать относительное малокровіе и блѣдность лица, а другой, напротивъ, свойственна тенденція посылать кровь къ головѣ, мускуламъ щекъ и т. п. и тѣмъ вызывать краснѣніе лица, то въ результатѣ можетъ получиться значительное ослабленіе однихъ или полное отсутствіе и тѣхъ и другихъ симптомовъ (впрочемъ, вслѣдствіе волнообразнаго характера и большой чувствительности и сильныхъ колебаній интенсивности эмоцій въ такихъ случаяхъ нерѣдко должно имѣть мѣсто попеременное появленіе то тѣхъ, то другихъ симптомовъ, напр., то блѣдненіе, то краснѣніе лица). Иногда осложненія должны состоять, напротивъ, во взаимной поддержкѣ и усиленіи согласныхъ тенденцій и, стало быть, въ чрезвычайно (по сравненію съ нормальными отдѣльными

акціями) сильномъ и рѣзкомъ проявленіи соотвѣтственныхъ процессовъ. Напр., если обѣ конкурирующія эмоціи имѣютъ тенденцію сосредоточивать кровь и вообще жизненную энергію въ нижнихъ частяхъ тѣла (хотя бы различныхъ, напр., одна въ мускулахъ ногъ, другая въ половой сферѣ) и тѣмъ лишать крови и разслаблять мускулы лица, то можетъ получиться чрезвычайная блѣдность и вообще трупный видъ лица; а если обѣ эмоціи гонятъ кровь къ головѣ и лицу, то можетъ получиться чрезвычайно сильная краснота лица, сильное стучаніе крови въ вискахъ, эвентуальное лопаніе кровяныхъ сосудовъ въ мозгу, параличъ, смерть. Иногда осложненіе можетъ состоять въ простомъ присоединеніи безъ измѣненія къ элементамъ акціи одной эмоціи чуждыхъ ей нормально явленій—элементовъ акціи другой эмоціи. Иногда элементы акціи одной эмоціи подъ вліяніемъ другой пріобрѣтаютъ особую, обыкновенно имъ несвойственную, форму или особое, отклоняющееся отъ нормальнаго, направленіе и т. п. Напр., если какой либо новый предметъ или невиданное доселѣ явленіе возбуждаетъ любопытство животныхъ, напр., стада овецъ или коровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справа отъ этого предмета находится что либо, возбуждающее репульсивную эмоцію, то животныя будутъ медленно, съ соблюденіемъ полной тишины, съ вытянутыми шеями и сильно раскрытыми глазами приближаться къ предмету, возбуждающему любопытство, но съ отклоненіемъ налѣво (и притомъ безъ неподвижно-фиксирующаго находящійся впереди предметъ положенія глазъ, что было бы въ случаѣ наличности только любопытства, а съ поглядываніемъ направо).

Въ будущемъ слѣдуетъ ожидать развитія не только обильнаго и цѣннаго общаго и спеціальнаго ученія объ акціяхъ моторныхъ раздраженій вообще и разныхъ спеціальныхъ видовъ эмоцій въ частности, но также и общаго и спеціальнаго ученій о законахъ сочетанія акцій конкурирующихъ и противоположныхъ эмоцій вообще и разныхъ спеціальныхъ эмоцій въ частности; и тогда будетъ создана почва для производства интересныхъ и элегантныхъ сложныхъ діагнозовъ уже съ помощью дедуктивныхъ выводовъ изъ соотвѣтственныхъ общихъ положеній (какъ большихъ посылокъ) въ связи съ конкретными, подлежащими психологическому діагнозу данными (какъ меньшими посылками). Иногда для этого достаточно будетъ лишь нѣкоторыхъ, такъ сказать, отрывковъ и частицъ акцій или ихъ слѣдовъ (напр., слѣдовъ совершеннаго преступленія, историческаго поступка отдѣльнаго лица или настоящаго или бывшаго въ исторіи массоваго, соціальнаго явленія, или, при лабораторныхъ изслѣдованіяхъ по эмоціональной психофизіологіи, лишь немногихъ данныхъ относительно состоянія нѣкоторыхъ органовъ, железъ, мускуловъ и т. д.). Иногда же для постановки правильнаго и научно-достовѣрнаго сложнаго діагноза, въ частности для опредѣленія причинъ замѣчаемыхъ въ акціи извѣстной уже эмоціи пертурбацій, необходимо болѣе или менѣе сложное и трудное индуктивное изслѣдованіе, причемъ большую помощь могутъ оказывать методы противодѣйствія и дразненія для усиливанія то

той, то другой эмоціи или одной изъ нихъ и достиженія этимъ путемъ болѣе отчетливаго познанія разныхъ составныхъ частей сложной акціи.

Констатированіе и изученіе непонятныхъ съ точки зрѣнія предполагаемой эмоціи осложненій въ акціи можетъ вести къ цѣннымъ открытіямъ въ области эмоціональной психики. Въ исторіи астрономіи извѣстно весьма элегантное и интересное открытіе, по пертурбаціямъ въ движеніи Урана, планеты, названной впослѣдствіи Нептуномъ. Произошло это въ общихъ чертахъ такъ, что были констатированы такія осложненія въ движеніи Урана, которыя были необъяснимы съ точки зрѣнія дѣйствія извѣстнаго раньше астрономическаго положенія вещей; на основаніи этихъ осложненій было опредѣлено положеніе тѣла, долженствующаго своимъ притяженіемъ вызывать наблюдаемыя пертурбаціи; а затѣмъ тщательные поиски съ помощью телескопа въ соотвѣтственномъ направленіи обнаружили дѣйствительное существованіе искомаго тѣла. Область дѣйствія и сочетанія эмоцій и сложная объективная эмоціональная діагностика представляютъ обильную почву для аналогичныхъ, не менѣе интересныхъ и элегантныхъ, открытій.

Впрочемъ, комбинація симптомовъ извѣстной эмоціи съ непонятными съ точки зрѣнія этой эмоціи осложненіями (отсутствіемъ нѣкоторыхъ симптомовъ, наличностью постороннихъ явленій и т. д.) или вообще такое сочетаніе эмоціонально-акціонныхъ явленій, которое необъяснимо съ съ точки зрѣнія біологической функціи одной опредѣленной эмоціи, не всегда является показателемъ возможности и умѣстности сложнаго діагноза. Въ основѣ многихъ такихъ комбинацій лежатъ единыя эмоціи, исторически происшедшія отъ другихъ эмоцій, причемъ ихъ акція состоитъ изъ двоякаго рода элементовъ, во-первыхъ, изъ новыхъ, приноровленныхъ къ настоящей біологической функціи этихъ эмоцій, во-вторыхъ, изъ старыхъ, сохранившихся по наслѣдству, хотя и не имѣющихъ біологическаго смысла въ новомъ сочетаніи, элементовъ, т. е. элементовъ акціи эмоціи-родоначальницы *). Въ такихъ случаяхъ требуется не сложный, а «историческій» діагнозъ. Т. е. объясненіе страннаго и непонятнаго съ перваго взгляда сочетанія должно состоять въ констатированіи наличности одной эмоціи съ разложеніемъ ея акціи на «раціональные» элементы и ирраціональные историческіе пережитки и въ указаніи той эмоціи, отъ акціи которой сохранились эти пережитки. Такъ, напр., разныя аппетитивныя эмоціи, не касающіяся вовсе ѣды, имѣютъ такія акціи, нѣкоторые элементы коихъ говорятъ въ пользу ихъ происхожденія отъ голода-аппетита: мускулы лица дѣйствуютъ такъ, какъ если бы дѣло шло о приготовленіи къ ѣдѣ чего либо вкуснаго, иногда бываетъ чмоканіе; повидимому, даже выраженіе «слюнки текутъ» въ его примѣненіи къ такимъ случаямъ, гдѣ дѣло идетъ вовсе не о пищѣ, а напр., о кра-

*) Ср. выше, стр. 223 прим. нашу гипотезу относительно происхожденія разныхъ элементовъ нашей сложной и дифференцированной психики, въ частности эмоціональной психики.

сивой шляпѣ, золотѣ и т. п., не лишено физіологической почвы, т. е. нѣкоторое увеличеніе слюнотеченія бываетъ и по адресу такихъ предметовъ, которые возбуждаютъ не голодъ-аппетитъ, а иныя аппетитивныя эмоціи. Точно также многія репульсивныя эмоціи, не имѣющія никакого отношенія къ ѣдѣ, напр., нѣкоторыя эмоціи, возбуждаемыя «гадкими» поступками другихъ, имѣютъ тенденцію вызывать такія явленія, которыя указываютъ на ихъ родство съ пищевыми репульсіями: мускулы лица дѣйствуютъ такъ, какъ если бы дѣло шло о недопущеніи въ ротъ какого либо негоднаго объекта и объ очищеніи рта отъ попавшаго вреднаго вещества; получается обильное слюнотеченіе и склонность къ плеванію, къ судорожному потрясанію головы направо и налѣво; показываніе языка для выраженія презрѣнія напоминаетъ высовываніе языка для вытеканія попавшей въ ротъ отвратительной жидкости и т. д. Соотвѣтственныя сравнительно-историческія изслѣдованія, можетъ быть, современемъ дадутъ наукѣ возможность реконструировать, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, исторію эмоціональной психики, начиная отъ психики низшихъ примитивныхъ животныхъ (protozoa) и кончая сложнѣйшею и богатѣйшею эмоціональною психикою современнаго человѣчества; а во всякомъ случаѣ историческое изученіе эмоцій по акціямъ откроетъ новые интересные пути и горизонты для научной мысли и добыванія цѣннаго научнаго свѣта *).

*) Послѣ изложенія въ §§ 13 и 14 примѣрныхъ спеціальныхъ изслѣдованій о голодѣ-аппетитѣ и другихъ эмоціяхъ, регулирующихъ питаніе, и въ настоящемъ параграфѣ общихъ методологическихъ указаній относительно діагностики эмоцій и изученія ихъ акцій, авторъ считаетъ научно допустимымъ примѣнять дальше сокращенный способъ изложенія, состоящій въ сообщеніи тезисовъ безъ детальныхъ указаній въ каждомъ случаѣ способовъ ихъ полученія и обоснованія, подразумѣвая при этомъ ссылку на соотвѣтственныя мѣста этихъ параграфовъ.

ГЛАВА III.

Эмоціи въ современной психологіи.

I. § 17. Эмоціи въ современной психологіи познанія. Въ особенности о природѣ мышленія (сужденій и умозаключеній).

Мы уже указали выше, что современная психологія страдаетъ, между прочимъ, тѣмъ существеннымъ порокомъ, что всѣ три ея основные классы и рубрики: познаніе, чувство и воля, при теперешнемъ положеніи дѣла, т. е. при отсутствіи надлежащей основной рубрики для помѣщенія и изученія эмоцій въ нашемъ смыслѣ пассивно-активныхъ переживаній, представляютъ въ существѣ дѣла не надлежащіе научные классы, а эклектическія группы, смѣси разныхъ вещей, такъ что и правильныхъ (адэкватныхъ) теорій по отношенію къ этимъ классамъ нѣтъ и быть не можетъ; и что это происходитъ отъ того, что въ эти классы и рубрики попадаютъ, кромѣ того, что туда слѣдовало бы относить, также и тѣ эмоціи, которыя по какимъ либо причинамъ, вслѣдствіе существованія особаго названія въ обыденномъ языкѣ, или т. п., не остаются неизвѣстными, обращаютъ на себя вниманіе психологовъ и подвергаются съ ихъ стороны по необходимости такимъ прокрустовымъ операціямъ, чтобы ихъ можно было уложить въ одну изъ извѣстныхъ психологическихъ рубрикъ, односторонне пассивныхъ или односторонне активныхъ явленій.

Съ помощью указанныхъ выше средствъ діагностики эмоцій можно произвести соотвѣтственную научно необходимую чистку загрязненныхъ и испорченныхъ примѣсью разныхъ эмоцій рубрикъ познанія, чувства и воли и этимъ сдѣлать возможнымъ установленіе и развитіе адэкватныхъ теорій относительно такихъ, очищенныхъ, классовъ.

Что касается, прежде всего, класса «познаніе», то эмоціональная примѣсь, присущая этой психологической рубрикѣ, въ теперешнемъ ея видѣ, распредѣлена между различными подклассами, подрубриками въ различной формѣ.

Рубрика ощущеній (слѣдовательно и воспріятій) загрязняется тѣмъ, что, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться выше по поводу теорій голода, жажды, отвращенія, какъ ощущеній, нѣкоторыя эмоціи принимаются просто за ощущенія и соотвѣтственно классифицируются. Главнымъ гнѣз-

домъ этихъ паразитовъ рубрики познанія является рубрика органическихъ ощущеній; но и нѣкоторые другіе классы ощущеній, въ частности классы: осязательныя, вкусовыя ощущенія не вполнѣ свободны отъ примѣси эмоцій (ср. выше стр. 200 и 202). Дальнѣйшая, т. ск., порча класса «ощущенія» въ томъ же направленіи производится тѣми психологами, которые относятъ къ ощущеніямъ такъ называемые аффекты; ибо, какъ будетъ указано ниже, большинство тѣхъ психическихъ феноменовъ, которые принято относить къ аффектамъ, представляютъ не что иное, какъ особенно сильныя моторныя возбужденія, т. е. эмоціи въ нашемъ смыслѣ.

Рубрика представленій загрязнена эмоціональною примѣсью въ той формѣ, что многія эмоціи традиціонно толкуются какъ сочетанія представленій съ чувствами. Такъ какъ это перетолковываніе традиціонно производится въ той части системы науки, которая посвящена чувствамъ, то и мы откладываемъ наши замѣчанія по этому поводу до соотвѣтственной части изложенія.

Выше, при сообщеніи главныхъ положеній психологіи познанія, намъ пришлось указать, что теперешніе психологи къ классу познаніе традиціонно относятъ, сверхъ ощущеній и представленій (и ихъ комбинацій— воспріятій), еще и мышленіе; далѣе, что къ классу мышленія слѣдуетъ относить сужденія и умозаключенія, и, наконецъ, что психологическая природа соотвѣтственныхъ явленій до сихъ поръ въ психологіи спорна и неизвѣстна и не можетъ быть научно опредѣлена съ помощью тѣхъ понятій, которыя теперь имѣются въ распоряженіи психологовъ.

Понятіе эмоцій и средства эмоціональной діагностики даютъ возможность рѣшить научно, на основаніи фактическихъ, въ частности экспериментальныхъ, данныхъ, эту важную не только для психологіи, но и для многихъ другихъ наукъ (логики, теоріи нравственности, нравственныхъ сужденій и умозаключеній, теоріи права, правовыхъ сужденій и умозаключеній эстетики, теоріи эстетическихъ сужденій и умозаключеній и т. д.) проблему. Существеннымъ элементомъ сужденій являются моторныя раздраженія, эмоціи. Положительныя, утвердительныя сужденія, утвержденія чего либо о чемъ либо, S (субъектъ, подлежащее) есть P (предикатъ, сказуемое), напр., «земля есть шаръ», «земля вращается вокругъ солнца» суть аппульсивно-эмоціональные акты; отрицательные, отвергающія сужденія: S не есть P, напр., земля не есть шаръ, суть репульсивно-эмоціональные акты. Психологическая схема первыхъ $S \leftarrow\!\!\!\!\!\!\equiv P$, причемъ S означаетъ субъектное, P предикатное представленіе, а стрѣлка между ними аттрактивную, акцептативную эмоцію, приводящую второе представленіе въ связь съ первымъ, «утверждающую» второе по адресу перваго. Психологическая схема отрицательныхъ, отвергающихъ сужденій $S \dashv P$, причемъ значекъ между S и P означаетъ отталкивающую, отвергающую эмоцію.

Какъ и въ прочихъ областяхъ эмоціональныхъ переживаній, эти аппульсивныя и репульсивныя эмоціи нормально переживаются въ скры-

томъ, для невооруженнаго психологическаго «глаза» незримомъ, видѣ, такъ что незнаніе о ихъ существованіи и дѣйствіи въ области сужденій психологически вполнѣ естественно и нормально. Но съ помощью методовъ противодѣйствія и дразненія ихъ можно открыть, сдѣлать доступными психологическому наблюденію и познакомиться съ ихъ природою. Между прочимъ, противодѣйствіе и дразненіе соотвѣтственныхъ эмоцій и доведеніе ихъ этимъ до высокой интенсивности, бурности и страстности бываетъ иногда въ обыденной жизни — въ случаяхъ споровъ и настаиванія противниковъ на своихъ противоположныхъ утвержденіяхъ, особенно если споръ имѣетъ характеръ не противопоставленій болѣе или менѣе сложныхъ аргументацій, а упорнаго повторенія голыхъ противоположныхъ утвержденій, напр., «Земля шаръ!» «Нѣтъ, земля не шаръ!» «Шаръ!» «Не шаръ!» «А я Вамъ говорю, что шаръ!» и т. п. Впрочемъ, уже выраженіе сомнѣнія въ правильности высказываемаго другимъ сужденія является «противодѣйствіемъ» и имѣетъ тенденцію повышать интенсивность соотвѣтственныхъ эмоцій, а если собесѣдникъ непремѣнно то, повидимому, начинаетъ вѣрить и соглашаться, то, напротивъ, выражать сомнѣніе и недовѣріе, то получается дразненіе эмоцій и доведеніе ихъ до степени бурности и страстности.

Съ помощью соотвѣтственныхъ экспериментальныхъ и интроспективныхъ средствъ (субъективнаго діагноза) можно, далѣе, кромѣ наличности эмоцій въ сужденіяхъ вообще, открыть въ различныхъ категоріяхъ сужденій наличность весьма различныхъ по своему характеру эмоцій. Эмоція сужденія «голодъ есть эмоція» (теоретическое сужденіе, теоретическая эмоція) имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, нежели эмоція сужденія «мы должны прощать обиды ближнимъ нашимъ» (нравственное сужденіе, нравственная эмоція); опять иной характеръ имѣетъ эмоція сужденія «я имѣю право это дѣлать!» (правовое сужденіе, правовая эмоція) и т. д. Намъ впослѣдствіи (въ изложеніи теоріи права и нравственности) придется спеціально имѣть дѣло съ нравственными и правовыми эмоціями, и тогда смыслъ, значеніе и правильность нашихъ положеній, въ томъ числѣ общаго положенія о природѣ сужденій, какъ эмоціональныхъ актовъ, выяснится подробнѣе и основательнѣе.

И среди теоретическихъ эмоцій, т. е. одного изъ видовъ эмоцій сужденій, можно найти различія и оттѣнки независимо отъ основного дѣленія этихъ эмоцій на утвердительныя, акцептативныя, и отрицательныя, отвергающія. Такъ эмоціи сужденій типа S есть P имѣютъ иной характеръ, нежели сужденія S неизбѣжно, необходимо должно быть P (такъ называются аподиктическія сужденія). Наряду съ разными степенями силы, интенсивности эмоцій сужденія и соотвѣтственныхъ сужденій можно различать разныя степени увѣренности и неувѣренности, колебаній. Какъ и въ другихъ областяхъ эмоціональной жизни, эмоціи сужденій имѣютъ иногда характеръ чего-то колеблющагося, напоминающаго мерцаніе въ отличіе отъ ровнаго и сильнаго пламени, или прерывающійся и слабѣю-

щій въ отличіе отъ ровнаго и сильнаго электрическаго тока. Вообще въ основу научной психологіи сужденій, ихъ классификаціи и т. д. должно быть положено изученіе соотвѣтственныхъ эмоціональныхъ процессовъ.

Что сужденія суть эмоціональные акты, это подтверждается, между прочимъ, и объективнымъ діагнозомъ. Особенно интересны и характерны въ этомъ направленіи разные элементы акцій отрицающихъ, отвергающихъ эмоцій. Они обнаруживаютъ несомнѣнное сродство эмоцій отрицанія съ репульсивными эмоціями, дѣйствующими въ области питанія. Достигнувъ у объекта эксперимента путемъ дразненія болѣе или менѣе высокой интенсивности эмоцій отрицанія, можно явственно наблюдать явленія, сходныя съ тѣми, которыя вызываются, напримѣръ, предложеніемъ и навязываніемъ гнилой пищи, касторовaго масла или т. п. Получается такое же выраженіе лица, въ частности удаленіе губъ, такія же морщины, руки поворачиваются ладонями впередъ и производятъ отталкивающія движенія, голова судорожно потрясается направо и налѣво (ср. обычный знакъ отрицанія), верхняя часть туловища отгибается назадъ... Точно также эмоціи утвердительныхъ сужденій имѣютъ тенденцію вызывать явленія, представляющія элементы акціи голода-аппетита: туловище наклоняется впередъ и внизъ (какъ для схватыванія пищи), то же движеніе производитъ голова (ср. поклонъ или кивокъ головы сверху внизъ, какъ знакъ утвердительнаго отвѣта), руки поворачиваются пальцами внизъ, какъ для схватыванія предмета аппетита, и производятъ соотвѣтственныя движенія, губы протягиваются впередъ и т. д. *).

Переживаемыя нами сужденія (какъ самостоятельно «составляемыя», такъ и внушаемыя намъ другими, напр., писателями, произведенія коихъ мы читаемъ) имѣютъ тенденцію оставлять соотвѣтственные «слѣды», диспозиціи, т. е. способности при наличности соотвѣтственныхъ поводовъ вновь переживать такія же сужденія, такія же сочетанія представленій и утвердительныхъ, акцептативныхъ, или отрицательныхъ, отвергающихъ эмоцій (ср. выше, стр. 124, объ общемъ законѣ смежности, ассоціаціи). Соотвѣтственныя познавательно-эмоціональныя диспозитивныя сочетанія, диспозитивныя сужденія мы будемъ дальше называть «убѣжденіями»

*) Между прочимъ, мысль о сродствѣ обычныхъ знаковъ отрицанія (трясенія головы) и утвержденія (кивка головы) со знаками „отказа отъ предлагаемой пищи“ и принятія ея высказывается не впервые въ этомъ сочиненіи. Ее высказываетъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи о выраженіи ощущеній, сообщая въ свою очередь, что это интересное открытіе было сдѣлано уже до него Хармою. „У малыхъ дѣтей первый актъ отрицанія состоитъ въ отказѣ отъ пищи; я не разъ замѣчалъ у моихъ собственныхъ дѣтей, что это они выражали тѣмъ, что отклоняли голову въ сторону отъ материнской груди или отъ чего либо, даваемаго имъ въ ложкѣ. Если же они согласны принять пищу и берутъ ее въ ротъ, то они наклоняютъ голову впередъ. Уже послѣ констатированія мною этого мнѣ было сообщено, что Харма пришелъ къ той же мысли. Достойно вниманія, что при принятіи пищи производится только одно движеніе впередъ, и что знакомъ утвержденія является одинъ кивокъ головы. Съ другой стороны, отказываясь отъ пищи, дѣти, особенно если она имъ подносится очень близко, двигаютъ головою то въ ту, то въ другую сторону, какъ мы это дѣлаемъ, если мы трясемъ головкою въ смыслѣ отрицанія. Кромѣ

(условный терминъ). На обыденномъ языкѣ слово «убѣжденія» означаетъ тоже диспозитивныя сужденія, но не всѣ, а главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя отличаются особою крѣпостью и силою. Дѣло въ томъ, что убѣжденія въ нашемъ смыслѣ могутъ обладать: 1) весьма различными степенями крѣпости, прочности соотвѣтственныхъ познавательно-эмоціональныхъ ассоціацій: нѣкоторыя изъ этихъ диспозитивныхъ интеллектуально-эмоціональныхъ сочетаній весьма скоро слабѣютъ и исчезаютъ или легко поддаются иному разрушенію, напр., легко смѣняются противоположными убѣжденіями; другія же представляютъ «твердыя» и «непоколебимыя» убѣжденія; 2) весьма различными степенями интенсивности соотвѣтственныхъ эмоціональныхъ переживаній: нѣкоторыя диспозитивныя сужденія способны, въ случаѣ «оживанія слѣдовъ», давать актуальныя сужденія, отличающіяся большою живостью и силою эмоціи, страстностью, энтузіазмомъ, фанатизмомъ; въ исторіи извѣстны примѣры столь сильныхъ, страстныхъ, воодушевленныхъ убѣжденій (въ томъ числѣ теоретическихъ, напр., относительно движенія земного шара), что представители ихъ предпочитали сожженіе на кострѣ отреченію отъ нихъ; другія же убѣжденія (напр., такія, которыя никогда не встрѣчали противодѣйствія и дразненія, напр., убѣжденіе, что $2 \times 2 = 4$; теперешнее наше, никѣмъ не оспариваемое, убѣжденіе, что земля вертится вокругъ себя и вокругъ солнца) заключаютъ въ себѣ лишь весьма слабыя эмоціональныя диспозиціи, переживаются актуально спокойно, безъ волненія, и даже относительно апатически, съ весьма слабымъ эмоціональнымъ токомъ. И вотъ въ публикѣ принято называть убѣжденіями только нѣкоторыя, наиболѣе прочныя и наиболѣе живыя въ эмоціональномъ отношеніи диспозитивныя сужденія. Прочія же называются «мнѣніями», «взглядами», «знаніями» и т. п. Мы, по объясненному выше методологическому правилу объ избѣганіи неопредѣленно-количественныхъ признаковъ при образованіи научныхъ понятій, предпочли одно общее понятіе и одинъ общій терминъ «убѣжденія» для всѣхъ тѣхъ диспозитивныхъ познавательно-эмоціональныхъ сочетаній, которымъ, въ качествѣ актуальныхъ переживаній, соотвѣтствуютъ сужденія.

того, при отказѣ отъ пищи дѣти нерѣдко отклоняютъ голову назадъ или закрываютъ ротъ, такъ что и эти движенія могли бы означать знакъ отрицанія. По этому поводу господинъ Wedgwood замѣчаетъ, что при пользованіи голосомъ со стиснутыми зубами или губами, получается звукъ буквы N или M. Этимъ мы можемъ себѣ объяснить, почему для выраженія отрицанія примѣняется словечко ne; вѣроятно, то же относится къ греческому μη (me)".

Знаніе этого сродства могло бы для Дарвина или его предшественника или послѣдующихъ ученыхъ послужить поводомъ и руководящимъ свѣтомъ для дальнѣйшаго, болѣе важнаго научнаго открытія, а именно для выясненія психологической природы мышленія. Если этого до сихъ поръ не случилось, то это объясняется отсутствіемъ надлежащихъ психологическихъ знаній о природѣ психическихъ явленій, лежащихъ въ основѣ ѣды и отстраненія даваемой пищи, и вообще надлежащихъ знаній объ эмоціяхъ (въ нашемъ смыслѣ особаго класса пассивно-активныхъ феноменовъ) и ихъ акціяхъ.

Зная природу сужденій и убѣжденій, мы можемъ уяснить себѣ и природу тѣхъ психическихъ процессовъ, которые называются умозаключеніями и опредѣляются логиками, какъ образованіе (или выводъ) изъ нѣсколькихъ наличныхъ сужденій (посылокъ) новаго сужденія (заключенія). Напр.: 1) всѣ люди смертны; 2) Сократъ человѣкъ, слѣдовательно: 3) Сократъ смертенъ; 1) всякій, кто умышленно причинилъ другому убытки, обязанъ возмѣстить; 2) Иванъ причинилъ Петру убытки, слѣдовательно: 3) Иванъ обязанъ возмѣстить Петру убытки.

Уже изъ предыдущаго видно, что умозаключеніе состоитъ, съ психологической точки зрѣнія, въ появленіи новаго эмоціонально-познавательнаго сочетанія, новаго сочетанія эмоцій и представленій. Путемъ производства (субъективнаго и объективнаго) діагноза соотвѣтствующихъ эмоцій (посылокъ и вывода) можно, далѣе, убѣдиться, что въ образуемомъ новомъ эмоціонально-познавательномъ сочетаніи имѣется налицо такая же эмоція, какая имѣлась въ одномъ изъ сужденій-посылокъ. Между прочимъ, впослѣдствіи мы увидимъ, что въ основѣ приведеннаго выше предложенія (словеснаго знака сужденія) объ обязанности возмѣщать убытки могутъ лежать два психологически существенно различныя сужденія: иногда такія и т. п. предложенія имѣютъ въ своей основѣ нравственныя эмоціи и служатъ словесными знаками нравственныхъ сужденій; иногда же они имѣютъ въ своей основѣ отличныя отъ только что названныхъ правовыя эмоціи (о природѣ тѣхъ и другихъ въ теоріи права) и выражаютъ правовыя сужденія. Въ первыхъ случаяхъ и эмоціею заключенія, эмоціею третьяго сужденія, вывода, будетъ нравственная эмоція и получится нравственное умозаключеніе; во вторыхъ случаяхъ и выводъ будетъ содержать въ себѣ правовую эмоцію, будетъ налицо правовое умозаключеніе. Чѣмъ интенсивнѣе, воодушевленнѣе была нравственная, правовая или иная (напр., теоретическая) эмоція рѣшающей эмоціонально посылки, тѣмъ живѣе и сильнѣе ceteris paribus эмоція вывода. Въ случаѣ колебанія эмоціи главной, рѣшающей эмоціонально посылки (неувѣренности, сомнѣнія) и эмоція вывода обнаруживаетъ тенденцію къ колебанію, и т. д. Вообще эмоція одной изъ посылокъ переходитъ въ выводъ, воспроизводится въ новомъ познавательномъ сочетаніи, въ новомъ сочетаніи представленій.

Для того, чтобы получился основательный, правильный съ логической точки зрѣнія выводъ, требуется, чтобы переводъ эмоціи въ новое сочетаніе представленій оправдывался опредѣленнымъ отношеніемъ новыхъ представленій (представленій заключенія) къ представленіямъ главной посылки. Такъ, если новизна вывода состоитъ въ утвержденіи относительно вида или индивида того, что въ главной посылкѣ утверждается относительно рода, то выводъ логически вполнѣ правиленъ. То, что истинно относительно рода, напр., людей, истинно и относительно вида, напр., негровъ, или индивида, напр., Сократа. Логическій смыслъ второй, добавочной посылки именно состоитъ въ указаніи такого отношенія представленій

(или понятій), что переходъ представляется правильнымъ. Съ психологической точки зрѣнія добавочныя посылки представляютъ посредствующія звенья, облегчающія переходъ эмоціи, т. ск. мостики для перехода (ср. примѣры выше). Но и для логической правильности вывода и для фактическаго перехода эмоціи вовсе не требуется необходимо, чтобы такія добавочныя указанія, посредствующія переживанія, въ дѣйствительности имѣли мѣсто; напр., для логически правильнаго вывода изъ смертности всѣхъ людей смертности Сократа нѣтъ надобности въ особомъ указаніи, что «Сократъ человѣкъ» (что было бы смѣшнымъ педантизмомъ *).

Но затѣмъ, съ научно-психологической точки зрѣнія къ классу «умозаключенія» слѣдуетъ относить всѣ психологически однородные процессы, совершенно независимо отъ того, достойны ли они признанія и одобренія съ точки зрѣнія логики. Поэтому не только наличность особыхъ добавочныхъ сужденій, указывающихъ на отношеніе представленій, оправдывающее переходъ эмоціи, но и самое существованіе такого отношенія представленій для понятія «умозаключеніе» представляется совсѣмъ не существеннымъ. Если ребенокъ изъ положенія, что «дядя Иванъ носитъ очки», дѣлаетъ выводъ, что «дядя Петръ (котораго онъ еще не видѣлъ) носитъ очки» или что «всѣ дяди носятъ очки», то оба вывода: отъ индивида къ другому индивиду, отъ частнаго къ другому частному, и отъ индивида къ роду, отъ частнаго къ общему, логически не выдерживаютъ критики, но психологически точно также умозаключенія, какъ и выводы отъ общаго къ частному.

Одной изъ важныхъ задачъ научной психологіи умозаключеній является изслѣдованіе законовъ (тенденцій) фактическаго перехода эмоцій сужденій въ сочетанія съ новыми представленіями и образованія этимъ путемъ новыхъ сужденій (совершенно независимо отъ логической правильности этихъ переходовъ).

Изучая соотвѣтственныя явленія, можно, напр., убѣдиться, что человѣческой психикѣ свойственна тенденція (проявляющаяся съ особою силою въ дѣтскомъ возрастѣ, но дѣйствующая и у взрослыхъ и даже въ наукѣ) къ (логически неправильнымъ) выводамъ общихъ, классовыхъ положеній изъ индивидуальныхъ и вообще частныхъ сужденій (ср. выше о «скачкѣ предикатовъ» **).

---

*) Въ логикахъ дедуктивныя умозаключенія традиціонно представляются состоящими изъ трехъ сужденій, двухъ посылокъ и вывода. Фактически добавочныхъ посылокъ можетъ вовсе не быть (не переживаться) или же ихъ число можетъ быть 2, 3 и болѣе. Напр., для того, чтобы изъ положенія: „Части одежды больныхъ заразительными болѣзнями людей могутъ сообщать тѣ же болѣзни другимъ людямъ“ сдѣлать выводъ: „Рубашка больного тифомъ Ивана можетъ заразить тифомъ Петра“, можно обойтись безъ всякихъ добавочныхъ сужденій, или же привести ихъ цѣлый рядъ: „Рубашка есть часть одежды“; „тифъ есть заразительная болѣзнь“, „Иванъ есть человѣкъ“ и т. д.

**) Съ біологическо-дедуктивной точки зрѣнія можно было бы показать, что эта тенденція (хотя она порождаетъ безчисленное множество ошибочныхъ выводовъ)

Источниками умозаключенія, выводовъ, т. е. заимствованія эмоціи и образованія новыхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній, бываютъ не только актуальныя сужденія, заключающія въ себѣ подлежащую эмоцію, но и соотвѣтственныя убѣжденія въ указанномъ выше смыслѣ. Если, напр., у кого либо имѣется общее убѣжденіе, соотвѣтствующее сужденію: «лгать постыдно» (нравственная репульсивная эмоція), то это скрытый источникъ для появленія множества частныхъ сужденій того же эмоціональнаго (нравственно-репульсивнаго) типа, напр., «увѣрять кого либо въ любви, ненавидя его, постыдно», «поступокъ Ивана, сказавшаго явную ложь Петру, постыденъ», и т. п. Убѣжденія въ правѣ требовать обѣщаннаго по договору достаточно для появленія тысячей частныхъ сужденій-выводовъ о правѣ требовать условленнаго вознагражденія за трудъ, платы за проданный товаръ и проч.

Такимъ образомъ процессы умозаключенія, т. е. образованія новыхъ сужденій путемъ заимствованія соотвѣтственныхъ эмоцій, въ существѣ дѣла вообще не предполагаютъ предварительнаго переживанія не только нѣсколькихъ сужденій-посылокъ, но даже и одного актуальнаго сужденія-посылки, если есть источникъ для заимствованія актуальной эмоціи сужденія въ видѣ соотвѣтственной диспозиціи, диспозитивнаго «сужденія».

Сужденія и умозаключенія представляютъ внутреннія дѣйствія, импульсами для которыхъ могутъ служить различныя эмоціи. Голодъ, какъ указано выше, понуждаетъ насъ мыслить о томъ, что́ относится къ ѣдѣ; жажда заставляетъ думать о пріисканіи воды, охотничья эмоція о дичи и ея ловлѣ, и проч. и проч. Такимъ образомъ въ области мышленія эмоціи дѣйствуютъ въ двоякой формѣ: съ одной стороны, онѣ—элементы всякаго сужденія, съ другой стороны, онѣ возбуждаютъ мышленіе и даютъ ему то направленіе, которое имъ соотвѣтствуетъ.

Путемъ внимательнаго эмоціональнаго діагноза процессовъ умозаключеній въ нихъ можно открыть наличность и дѣйствіе еще третьяго рода эмоцій, которыя можно спеціально назвать эмоціями умозаключеній или

весьма полезна для сохраненія и поддержанія жизни. Если принять во вниманіе, что индукція, которую съ логической точки зрѣнія слѣдовало бы примѣнить для установленія общихъ положеній на эмпирической почвѣ, представляетъ вообще тонкую и подчасъ весьма трудную и не только для дѣтей недоступную технику, то можно сказать, что рекомендовать людямъ вообще дѣлать только логически корректные общіе выводы и пользоваться только надлежаще обоснованными общими положеніями—равнялось бы почти полному лишенію ихъ цѣннаго блага общихъ положеній. Этимъ намекомъ мы принуждены ограничиться, потому что болѣе подробная біологическая оцѣнка указанной, т. ск. антилогической тенденціи, въ частности выясненія пользы для жизни и множества необоснованныхъ обобщеній, потребовало бы слишкомъ много мѣста и для нашей цѣли не требуется. Сознаніе житейской полезности тенденціи къ „скачку предикатовъ“ за отсутствіемъ фактической способности и возможности примѣненія лучшей техники мышленія (индукціи), съ одной стороны, пропаганда, направленная противъ подчиненія этой психологически естественной тенденціи и въ пользу замѣны ея надлежащимъ, индуктивнымъ методомъ въ психологіи или иныхъ наукахъ, съ другой стороны, разумѣется, вовсе не противорѣчатъ другъ другу.

эмоціями послѣдовательности. Онѣ появляются при наличности посылокъ для извѣстнаго вывода и побуждаютъ насъ къ совершенію соотвѣтственнаго, а не иного какого либо вывода. Напр., при наличности сужденій: «всѣ физическія тѣла подвержены земному притяженію»; «газы суть физическія тѣла» возникаетъ (особенно если почему либо возникаетъ вопросъ о притяженіи газовъ со стороны земли) особаго рода эмоція, побуждающая къ сужденію, что «газы подвержены земному притяженію». Прибѣгнувъ къ методу противодѣйствія, напр., къ пробамъ переживанія послѣ сужденій-посылокъ ненадлежащихъ выводовъ, а прямо противоположныхъ имъ сужденій, или къ эмоціональному діагнозу по методу дразненія, можно довести соотвѣтственныя, нормально незримыя, эмоціи до такой степени интенсивности, что онѣ дѣлаются замѣтными. Онѣ обладаютъ довольно «деспотическимъ», принудительнымъ характеромъ, такъ что дѣйствовать имъ вопреки, выводить изъ посылокъ прямо противоположное тому, что изъ нихъ «вытекаетъ», по меньшей мѣрѣ, довольно трудно, если не невозможно. Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ оговориться, что произносить соотвѣтственныя слова, фразы, предложенія, конечно, не трудно. На словахъ совсѣмъ не трудно изъ того, что всѣ люди смертны и что Сократъ человѣкъ, вывести, что Сократъ безсмертенъ. Софисты, лжецы производятъ часто подобныя словесныя манипуляціи съ «посылками» и «выводами» (т. е. соотвѣтственными словесными предложеніями). Но можно думать, что они это дѣлаютъ на словахъ, а дѣйствительно думать такъ, какъ они говорятъ, они сами не въ состояніи. Ихъ слова расходятся съ ихъ мыслями, предложенія не отражаютъ правильно сужденій. Указанные выше экспериментальные пріемы изученія психологіи умозаключеній (и мышленія вообще, т. е. и сужденій, какъ таковыхъ) предполагаютъ ясное различеніе сужденій и предложеній и оперированіе съ подлинными сужденіями, дѣйствительными мыслями.

Изъ предыдущаго видно, сколь ошибочно традиціонное причисленіе мышленія къ классу «познаніе» въ технически-психологическомъ смыслѣ (ср. выше, стр. 126). Правильная классификаціонная рубрика для мышленія—сложныя, эмоціонально-познавательныя сочетанія.

II. § 18. Эмоціи въ теперешней психологіи чувства.

Современная психологія чувства еще въ большей степени искажена и загрязнена постороннею примѣсью изъ области моторныхъ раздраженій, чѣмъ психологія познанія. Кромѣ основной причины, состоящей въ отсутствіи надлежащей классификаціонной рубрики для эмоцій въ нашемъ смыслѣ и необходимости размѣщать извѣстныя и имѣющія особыя имена эмоціи по существующимъ рубрикамъ, наполненію рубрики «чув-

ства» эмоціональною примѣсью способствуютъ еще два особыя обстоятельства:

Во-первыхъ, то, что установившееся въ психологіи для наслажденій и страданій имя «чувства» въ обыденной рѣчи весьма часто примѣняется для обозначенія, кромѣ наслажденій и страданій, также разныхъ эмоцій въ нашемъ смыслѣ (и какъ увидимъ ниже, эмоціональныхъ диспозицій) *).

Во-вторыхъ, смѣшенію эмоцій съ чувствами содѣйствуетъ то обстоятельство, что между эмоціями и чувствами существуетъ тѣснѣйшая причинная связь и зависимость и частое фактическое взаимное сопутствованіе, слѣдованіе или предшествованіе. Такъ, неудовлетвореніе эмоціи имѣетъ само по себѣ тенденцію порождать отрицательныя чувства, а часто оно влечетъ за собою разныя нарушенія физіологическихъ функцій, порождаетъ патологическія явленія, порождающія, въ свою очередь, разныя, подчасъ очень сильныя, страданія (ср. выше о голодѣ, жаждѣ и т. п.). Удовлетвореніе эмоцій само по себѣ имѣетъ тенденцію порождать удовольствія, а иногда, сверхъ того, оно сопровождается такими физіологическими процессами, которые сами по себѣ доставляютъ наслажденія и т. д. Съ другой стороны, положительнымъ и отрицательнымъ чувствамъ, связаннымъ съ разными познавательными процессами (ощущеніями, воспріятіями, представленіями), свойственна тенденція вызывать разныя эмоціи. Такая окруженность эмоцій (остающихся обыкновенно незримыми) разными чувствами представляетъ весьма благопріятную почву для смѣшенія эмоцій съ чувствами, и такія смѣшенія въ современной психологіи на каждомъ шагу происходятъ, причемъ въ разныхъ случаяхъ эмоціи смѣшиваются съ разными чувствами, иногда съ тѣми, которыя причинно предшествуютъ, иногда съ тѣми, которыя причинно слѣдуютъ за эмоціями, иногда съ тѣми, которыя связаны не съ эмоціями, какъ таковыми, а съ разными физіологическими процессами, вызываемыми удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ органическихъ потребностей, и т. д.

Какъ бы то ни было, теперешняя классификаціонная рубрика «чувства» заключаетъ въ себѣ смѣсь, весьма значительный процентъ которой слѣдовало бы относить отнюдь не къ классу «чувства», а къ классу моторныхъ возбужденій, импульсій, эмоцій въ нашемъ смыслѣ; и ученіе о такой смѣси — теперешняя «психологія чувства» — представляетъ, естественно и неизбѣжно, нѣчто чрезвычайно хаотическое.

---

*) Поскольку въ нѣкоторыхъ психологическихъ литературахъ наряду съ терминами „чувства“, „чувственный“ и т. д. примѣняется въ смыслѣ равнозначащихъ терминовъ слова „эмоція“, „эмоціональный“ и т. д., или даже въ качествѣ главнаго термина для подлежащей рубрики примѣняется имя „эмоція“ (означающее такимъ образомъ совсѣмъ иное понятіе, нежели напъ терминъ „эмоція“), то и такое словоупотребленіе тоже содѣйствуетъ смѣшенію совершенно различныхъ вещей: наслажденій и страданій, чисто пассивныхъ переживаній, съ одной стороны, моторныхъ раздраженій, эмоцій или импульсій въ нашемъ смыслѣ, съ другой стороны. Ибо имя „эмоціи“ въ соотвѣтственныхъ языкахъ примѣняется въ обыденной жизни также ко многимъ моторнымъ раздраженіямъ, къ эмоціямъ въ нашемъ смыслѣ. Ср. выше стр. 222 прим.

Что касается прежде всего такъ называемыхъ «низшихъ чувствъ» (или «первичныхъ», «физическихъ» чувствъ, «sinnliche Gefühle»), то эта классификаціонная рубрика теперешней психологіи чувства выгодно отличается отъ дальнѣйшихъ тѣмъ, что въ ней содержится наиболѣе подлинныхъ чувствъ (наслажденій и страданій). Но и она далеко не свободна отъ примѣси постороннихъ элементовъ—разныхъ эмоцій. Главнымъ источникомъ загрязненія этой рубрики эмоціями являются разныя физіологическія потребности организма съ соотвѣтственными аппетитивными и иными моторными возбужденіями. Неудовлетвореніе этихъ потребностей ведетъ къ разнымъ патологическимъ процессамъ, связаннымъ съ болѣе или менѣе сильными страданіями. И вотъ для теперешней психологіи типична ошибка, состоящая въ смѣшеніи соотвѣтственныхъ эмоцій съ тѣми страданіями, которыя получаются на почвѣ лишенія организма того, въ чемъ онъ для здоровья нуждается. Голодъ-аппетитъ оказывается на почвѣ такого недоразумѣнія страданіемъ, вызываемымъ лишеніемъ организма пищи. Жажда смѣшивается со страданіями, возникающими на почвѣ лишенія организма необходимой влаги, и т. п. Этому соотвѣтствуетъ традиціонная общая теорія потребностей въ психологическомъ смыслѣ, которыя опредѣляются какъ страданія вслѣдствіе недостатка чего либо. Въ дѣйствительности потребности въ психологическомъ смыслѣ суть аппульсивныя моторныя возбужденія, и не только существенно отличны отъ страданій, но нормально таковыми вовсе не сопровождаются; или даже, напротивъ, онѣ сочетаются съ положительными чувствами, съ хорошимъ самочувствіемъ (ср. выше о здоровомъ аппетитѣ); ихъ біологическое назначеніе состоитъ въ предупрежденіи, недопущеніи появленія патологическихъ явленій и связанныхъ съ ними страданій. Что же касается тѣхъ страданій, съ которыми ихъ смѣшиваютъ теперешніе психологи, то это—явленія, бывающія въ случаѣ ненормальнаго неудовлетворенія соотвѣтственныхъ потребностей въ физіологическомъ смыслѣ и показывающія, что соотвѣтственныя эмоціи, психологическія потребности не исполнили своего гигіеническаго и предупредительнаго назначенія, потерпѣли неудачу. Съ точки зрѣнія традиціоннаго ученія относящаяся сюда область физіологической и психической жизни превращается въ какую-то сплошную патологію и сплошное страданіе; на мѣсто этого, противоестественнаго, патологическаго и пессимистическаго (видящаго вездѣ страданія), воззрѣнія слѣдуетъ поставить гигіеническо-эмоціональное ученіе.

Дальнѣйшую постороннюю примѣсь въ рубрикѣ низшихъ чувствъ представляютъ разныя репульсивныя эмоціи, тоже смѣшиваемыя со страданіями. Жизнь и здоровье охраняются, какъ видно изъ вышеизложеннаго, множествомъ разныхъ удерживающихъ и отталкивающихъ эмоцій, исполняющихъ функціи предупрежденія и недопущенія разныхъ вредныхъ или опасныхъ (или бывшихъ таковыми въ жизни предковъ) дѣйствій, прикосновеній, приближеній и т. д. Обыкновенно мы повинуемся имъ

«безпрекословно», и никакихъ страданій при этомъ не бываетъ; но въ исключительныхъ случаяхъ нарушенія соотвѣтственныхъ запретовъ природы появляются, какъ бы въ видѣ наказаній, отрицательныя чувства, связанныя съ самыми дѣйствіями вопреки этимъ эмоціямъ, а нерѣдко, въ случаяхъ дѣйствительной вредности дѣйствія in concreto, сверхъ того, страданія на почвѣ соотвѣтственныхъ болѣзненныхъ, патологическихъ процессовъ. И вотъ, и въ этой области для теперешней психологіи типична ошибка, состоящая въ смѣшеніи подлежащихъ репульсій со страданіями, съ патологическими страданіями отъ причиненія вреда организму, или, за отсутствіемъ таковыхъ, съ отрицательными чувствами, связанными съ самимъ нарушеніемъ запрета, какъ таковымъ, напр., со взятіемъ чего либо въ ротъ вопреки пищевой репульсіи, съ прикосновеніемъ къ чему либо, напр., къ лягушкѣ, вопреки эмоціи, противодѣйствующей этому, и т. п. Теорія отвращенія, какъ отрицательнаго чувства, страданія, съ которой намъ пришлось имѣть дѣло выше, представляетъ примѣръ смѣшенія репульсій разнаго характера въ области питанія (ѣды и питья) и съ тѣми, и съ другими отрицательными чувствами (при рвотѣ обыкновенно имѣются уже налицо и страданія патологическаго происхожденія).

Между прочимъ, уже давно замѣчено, что чувства оказываютъ вліяніе на состояніе организма, причемъ страданія вызываютъ одни явленія, наслажденія, удовольствія — другія. И вотъ психологи и физіологи занимаются соотвѣтственными изслѣдованіями, въ частности пытаются опредѣлить вліяніе наслажденій, съ одной стороны, страданій, съ другой стороны, на пульсъ, дыханіе, на расширеніе и суженіе кровеносныхъ сосудовъ и степень кровенаполненія тканей. Для этого существуютъ особые инструменты: сфигмографъ для изслѣдованія и графическаго изображенія движенія пульса, пневмографъ для изслѣдованія дыханія, плетисмографъ для измѣренія степени кровенаполненія тканей и соотвѣтственнаго увеличенія или уменьшенія объема (volumen) органа (обычнымъ предметомъ изслѣдованія служитъ рука). Способъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что на подвергаемаго опытамъ, послѣ надлежащаго приложенія инструмента, показывающаго измѣненія пульса или дыханія и т. д., воздѣйствуютъ такъ, чтобы онъ переживалъ наслажденія или страданія, напр., даютъ въ ротъ что либо, имѣющее пріятный или противный, отвратительный вкусъ, заставляютъ погрузить свободную отъ инструмента руку въ очень холодную или очень горячую воду и т. п.

Можно a priori предвидѣть, что результаты этихъ изслѣдованій должны имѣть довольно печальный съ научной точки зрѣнія видъ, что въ разныхъ случаяхъ и у разныхъ изслѣдователей должны получаться разные конкретные результаты и разные общіе выводы, и т. д.

Дѣло въ томъ, что экспериментаторы, сами этого не подозрѣвая, возбуждаютъ у подвергаемаго опытамъ различныя моторныя возбужденія, а думаютъ, что дѣло идетъ только о положительныхъ и отрицательныхъ чувствахъ; пробованіе вкусныхъ и любимыхъ яствъ возбуждаетъ аппе-

титъ (разной степени силы, смотря по времени дня и т. д.); отвращеніе, которое принимается за страданіе и возбуждается отвратительными запахами и вкусами, представляетъ репульсивныя эмоціи; погруженіе руки въ холодную или горячую воду вызываетъ репульсіи и т. д., и т. д. Получается такимъ образомъ смѣсь положительныхъ и отрицательныхъ чувствъ съ разнообразными, экспериментаторамъ научно невѣдомыми, импульсіями и соотвѣтственная смѣсь физіологическихъ дѣйствій (съ преобладаніемъ, полагаемъ, вліянія не чувствъ удовольствій и страданій, а моторныхъ возбужденій, эмоцій); научный результатъ—ряды недоразумѣній и недоумѣній по поводу непонятныхъ различій и осложненій. Для серіозной научной постановки указанныхъ изслѣдованій необходимо прежде всего обстоятельное знаніе эмоціональной психики, умѣніе ясно различать, не смѣшивать другъ съ другомъ эмоціи и чувства, и такое производство опытовъ относительно дѣйствія чувствъ, чтобы дѣйствующими факторами были дѣйствительно чувства и, по возможности, только они.

Между тѣмъ какъ въ рубрикѣ «низшія чувства» все-таки преобладаютъ подлинныя чувства въ техническомъ смыслѣ наслажденій и страданій, прочія классификаціонныя рубрики современной психологіи чувства, а именно, такъ наз. «высшія чувства», «аффекты» (или «эмоціи» по нѣкоторымъ терминологіямъ), «страсти» и «настроенія» наполнены сплошною, постороннею по отношенію къ чувствамъ, примѣсью; подъ всѣми этими мнимыми видами чувствъ скрываются разныя моторныя возбужденія или склонности къ этимъ пассивно-активнымъ переживаніямъ:

1. Такъ называемыя (подъ вліяніемъ житейскаго словоупотребленія, примѣняющаго слово «чувство» къ разнороднѣйшимъ вещамъ, въ томъ числѣ не только къ разнымъ реальнымъ психическимъ переживаніямъ, но и къ склонностямъ и диспозиціямъ къ таковымъ) «высшія чувства», напр., любовь, ненависть и т. п. представляютъ отнюдь не переживанія чувствъ, наслажденій или страданій, въ связи съ представленіями, какъ думаетъ современная психологія (выше стр. 129 и сл.); и вообще они не представляютъ психическихъ процессовъ, переживаній; это названія для склонностей, диспозицій къ извѣстнымъ переживаніямъ, какъ въ этомъ, независимо отъ множества другихъ данныхъ, можно легко убѣдиться путемъ предложенія себѣ простого вопроса: прекращается ли любовь, напр., любовь къ невѣстѣ, любовь матери и т. п. во время сна, занятія другимъ дѣломъ безъ мысли о предметѣ любви, и т. д.? Если бы любовь была тѣмъ, за что ее принимаютъ психологи, то о постоянномъ существованіи любви не только въ теченіе лѣтъ и десятилѣтій, но даже въ теченіе дня не могло бы быть рѣчи; прекращеніе любви, разлюбливаніе происходило бы въ теченіе нѣсколькихъ секундъ или минутъ послѣ появленія любви уже вслѣдствіе обращенія психики къ иному предмету. Любовь, ненависть и т. п. означаютъ нѣчто, въ отличіе отъ психическихъ процессовъ, актуальныхъ переживаній, быстро смѣняющихъ другъ друга, появляющихся и исчезающихъ, длительное, ибо онѣ означаютъ, какъ уже

сказано, не психическіе процессы, а склонности, диспозиціи къ таковымъ. А именно, онѣ представляютъ склонности къ извѣстнымъ эмоціональнымъ возбужденіямъ по адресу извѣстныхъ объектовъ. Ненависть означаетъ укоренившуюся по адресу извѣстнаго лица склонность къ злостнымъ моторнымъ возбужденіямъ съ акціями, имѣющими аггрессивный и зложелательный характеръ, вплоть до истязаній и убійства («смертельная ненависть»). Любовь—многозначащее слово и не заслуживаетъ того довѣрія, которое ему оказываютъ психологи, конструируя соотвѣтственныя единыя опредѣленія и теоріи. Это слово въ разныхъ случаяхъ означаетъ склонности къ весьма различнымъ моторнымъ возбужденіямъ по адресу опредѣленнаго объекта или объектовъ извѣстнаго класса. Такъ, въ половой области любовь означаетъ склонность къ половымъ возбужденіямъ по адресу извѣстной особы другого пола. Нѣчто совсѣмъ иное представляетъ любовь, когда, напр., говорится о любви между братьями, сестрами и т. д. Это склонность къ эмоціональнымъ переживаніямъ каритативно-аттрактивнаго, благожелательно-привлекательнаго характера, съ акціями, направленными на причиненіе пріятнаго, добра, избѣганіе или устраненіе противоположнаго («преданность») и на пребываніе вмѣстѣ, предупрежденіе или устраненіе разлуки («привязанность»). Опять иное означаетъ «любовь къ ближнимъ», имя для особаго эмоціональнаго характера, состоящаго въ отсутствіи или, точнѣе, слабомъ развитіи склонностей къ одіознымъ, зложелательнымъ моторнымъ возбужденіямъ по адресу другихъ, и въ сильномъ и обильномъ развитіи склонностей противоположнаго, каритативнаго, благожелательнаго характера (но безъ стремленія быть вмѣстѣ, не разлучаться и т. д., какъ въ области половой любви, а равно братской и т. п. любви). Любовь къ охотѣ, къ земледѣлію и т. д. означаетъ склонности къ эмоціямъ, указаннымъ въ § 14. Вообще «любовь», «любить» и т. д. означаетъ разнообразнѣйшія эмоціональныя склонности аппульсивнаго направленія, не исключая, напр., и склонностей къ переживанію аппетита по адресу извѣстныхъ объектовъ питанія (напр., «любить жаркое» и т. п.).

2. Такъ наз. аффекты, обычныя опредѣленія которыхъ, какъ было указано выше, стр. 130 и сл., представляютъ сами по себѣ, независимо отъ изслѣдованія, что скрывается подъ ними, поразительно уродливыя съ научной точки зрѣнія явленія, и которые въ прежней психологіи были въ классѣ «воли», въ XIX столѣтіи перекочевали въ классъ «чувства», а въ наши дни стремятся перекочевать дальше въ рубрику «познаніе» (ощущенія)—тоже относятся къ эмоціональной, импульсіонной психологіи въ нашемъ смыслѣ. А именно дѣло идетъ о названіяхъ для нѣкоторыхъ особенно сильныхъ моторныхъ возбужденій. «Гнѣвъ» названіе для сильныхъ моторныхъ возбужденій того же класса, склонность къ которымъ по адресу извѣстнаго лица называется ненавистью, т. е. для одіозныхъ моторныхъ возбужденій, «ярость» названіе для этихъ же, но еще болѣе бурныхъ моторныхъ раздраженій, и проч.

3. «Страсти», напр., «страстная любовь», «страстная ненависть» и т. п. опять означаютъ не актуальныя переживанія, а диспозиціи, диспозиціи къ весьма сильнымъ моторнымъ возбужденіямъ, половымъ, злостнымъ и проч. и проч.

4. Настроенія означаютъ опять психическія переживанія, а не склонности, а именно длительное переживаніе нѣкоторыхъ не особенно сильныхъ эмоцій, напр., эмоцій страха (боязливое настроеніе), злостныхъ эмоцій («ворчливое», «раздражительное» настроеніе). Впрочемъ, нѣкоторыя названія, фигурирующія теперь въ рубрикѣ аффектовъ и въ рубрикѣ настроеній, представляютъ имена для сложныхъ психическихъ процессовъ, для сочетаній эмоцій съ разными другими переживаніями. Радость есть названіе для сочетаній эмоціональныхъ возбужденій различнѣйшихъ категорій, напр., и охотничьихъ, аппетитивныхъ, одіозныхъ, каритативныхъ и проч. и проч. съ сильными чувствами удовольствія по поводу достиженія объекта, устраненія препятствія для достиженія и т. д. Горе—имя для сочетаній различнѣйшихъ моторныхъ возбужденій со страданіями вслѣдствіе утраты объекта и т. д. Грустное настроеніе имѣетъ такой же вообще составъ, какъ горе, но процессы равномѣрнѣе, слабѣе и т. д. Надежда—имя для комбинацій различнѣйшихъ моторныхъ возбужденій, напр., охотничьихъ, половыхъ, голода-аппетита, жажды и проч. и проч., въ связи съ представленіемъ возможнаго удовлетворенія и чувствами удовольствія по этому поводу, и проч., и проч. Поэтому соотвѣтственныя рубрики представляютъ, въ свою очередь, смѣси разнородныхъ вещей.

Вообще «высшія чувства», «аффекты», «страсти» и «настроенія» представляютъ, независимо отъ недоразумѣній относительно ихъ природы, не особые классы явленій, годные для введенія въ науку и образованія соотвѣтственныхъ, адэкватныхъ теорій, а только словесно, по случайнымъ, съ научной точки зрѣнія, лингвистическимъ и историческимъ, причинамъ объединенныя группы объектовъ. Они подлежатъ не только удаленію изъ психологіи чувствъ—наслажденій и страданій—куда они попали по недоразумѣнію, но и упраздненію, удаленію изъ науки психологіи вообще, а не переносу въ психологію эмоцій, импульсій. И въ случаѣ ихъ исправленія путемъ выясненія ихъ эмоціональной природы и перевода въ классъ моторныхъ раздраженій они представляли бы все еще научно весьма уродливыя явленія. Совершенно недопустимо было бы съ научной точки зрѣнія различать какъ какіе-то особые классы эмоцій: 1) диспозиціи къ нѣкоторымъ эмоціямъ по адресу извѣстныхъ объектовъ (напр., диспозиціи къ одіознымъ эмоціямъ, ненависть и т. п.—теперешнія мнимыя «высшія чувства»), 2) нѣкоторыя эмоціи въ случаѣ ихъ чрезвычайной интенсивности и бурности (напр., тѣ же одіозныя эмоціи въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, гнѣвъ, ярость—теперешніе «аффекты»), 3) диспозиціи къ весьма сильнымъ эмоціямъ по какому либо адресу (напр., къ тѣмъ же одіознымъ, страстная ненависть—теперешнія «страсти») и т. д. Это

заключало бы въ себѣ скопленіе цѣлаго ряда классификаціонныхъ ошибокъ: 1) поставленіе въ классификаціонный рядъ совершенно разнородныхъ логическихъ категорій: реальныхъ психическихъ процессовъ съ диспозиціями къ таковымъ, 2) дѣленіе по степенямъ силы, по неопредѣленно-количественнымъ признакамъ, 3) отнесеніе къ одной группѣ и элементовъ извѣстнаго класса (эмоцій) и сочетаній этихъ элементовъ съ другими психическими процессами, 4) внесеніе въ подлежащія группы лишь части однородныхъ объектовъ съ оставленіемъ другихъ за предѣлами этихъ группъ (напр., сильную жажду, сильный голодъ и т. п. психологи, согласно обычному словоупотребленію, не относятъ къ аффектамъ, слабые голодъ, жажду и т. п. они не относятъ къ настроеніямъ, и проч.).

Въ психологіи эмоцій слѣдуетъ изучать и относить къ одному классу подлежащія эмоція, какъ таковыя, напр., половыя, злостныя и проч., и только по поводу существованія въ обыденномъ языкѣ (и въ прежней психологіи) особыхъ именъ для разныхъ степеней интенсивности этихъ эмоцій, для диспозицій къ нимъ и т. д., можно дѣлать соотвѣтственныя словесныя поясненія.

III. § 19. Эмоціи въ современной психологіи воли. Въ особенности о природѣ инстинктовъ.

И классъ «воля» теперешней психологіи представляетъ не надлежащій научный, годный для построенія адэкватныхъ теорій, классъ, а смѣсь разнородныхъ вещей съ массовою примѣсью подъ именемъ воли эмоцій (ср. также о другихъ примѣсяхъ § 10).

Происходятъ смѣшенія эмоціональныхъ явленій съ волею въ различныхъ формахъ и по различнымъ причинамъ.

И здѣсь не лишено значенія обычное словоупотребленіе и подчиненіе психологовъ словамъ вмѣсто самостоятельнаго изученія существа дѣла. Обыденное словоупотребленіе примѣняетъ по отношенію къ моторнымъ раздраженіямъ въ виду ихъ двусторонняго пассивно-активнаго характера, смотря по обстоятельствамъ, то такія названія, которыя имѣются для пассивныхъ переживаній, психическихъ претерпѣваній: «ощущеніе», «чувство» и т. п., то такія, которыя существуютъ для обозначенія активныхъ переживаній или указываютъ на активность, моторность даннаго переживанія. Подчиняясь этимъ указаніямъ языка, психологи сообразно съ этимъ и классифицируютъ и опредѣляютъ природу подлежащихъ явленій, въ частности относятъ къ волѣ то, что такія или иныя выраженія обыденной рѣчи характеризуютъ, какъ активныя переживанія. Такъ, выраженія: желаніе, нежеланіе, желать, не желать, хотѣть, не хотѣть и т. п. обозначаютъ активныя переживанія и примѣняются и къ волевымъ явленіямъ, и къ эмоціональнымъ. Иногда они обозначаютъ положительную или отрицательную волю (волю что либо дѣлать или волю чего либо не

дѣлать), иногда же аттрактивныя или репульсивныя моторныя возбужденія. Напр., выраженія: «хотѣть исправиться», «желаніе всегда соблюдать извѣстное правило» обыкновенно означаютъ соотвѣтственную волю, рѣшимость. Напротивъ, выраженія: «хотѣть ѣсть», «хотѣть пить», «хотѣть спать», «желать, чтобы что либо случилось» (особенно, что либо независимое отъ нашей воли и поведенія) обозначаютъ обыкновенно наличность соотвѣтственныхъ моторныхъ возбужденій: голода-аппетита, жажды и т. д. Можно, напр., «хотѣть пить» (т. е. переживать жажду), «хотѣть ѣсть» и имѣть волю, рѣшимость не пить, не ѣсть. Для психологовъ же примѣненіе выраженій: «хотѣть», «хотѣніе, «желать», «желаніе» и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ служатъ критеріемъ для констатированія наличности воли, для отнесенія переживанія къ классу воли. Въ разныхъ языкахъ существуютъ, впрочемъ, разныя особенности примѣненія и смысла соотвѣственныхъ и т. п. выраженій; и это вліяетъ на содержаніе «психологіи воли» въ соотвѣтственныхъ литературахъ *).

Въ нѣкоторыхъ языкахъ имена нѣкоторыхъ спеціальныхъ эмоцій имѣютъ такой этимологическій составъ, который указываетъ на наличность «воли», «хотѣнія» и т. п. (ср., напр., нѣмецкія выраженія Wohlwollen, благожелательство, Neugierde, любопытство и т. п.) и изъ-за этого подлежащія эмоціи попадаютъ въ рубрику воли (ср. выше о любопытствѣ).

Но независимо отъ этихъ и т. п. частныхъ и случайныхъ причинъ смѣшенія эмоцій съ волею, эти смѣшенія неизбѣжны и происходятъ на каждомъ шагу уже потому, что теперешняя психологія относитъ, и вслѣдствіе неудачной классификаціи основныхъ элементовъ психической жизни принуждена относить, всѣ внутреннія и внѣшнія дѣйствія, всѣ психически обусловленныя тѣлодвиженія и т. д. къ проявленіямъ воли. Для нея во всей громадной области такихъ или иныхъ элементовъ физическихъ акцій безчисленныхъ эмоцій имѣется дилемма: или признать наличность соотвѣтственной воли, или отрицать вообще психическую обусловленность соотвѣтственныхъ тѣлодвиженій. Иногда дѣлается ошибка второго рода, а именно, соотвѣтственныя явленія признаются простыми рефлексами; по большой же части дѣлается ошибка перваго рода, предполагается наличность соотвѣтственной воли.

Сочетаніе недоразумѣній этого рода съ другими еще недоразумѣніями лежитъ, далѣе, въ основѣ ученія объ инстинктахъ; и лишь съ помощью введенія въ психологію понятій объ эмоціяхъ и ихъ акціяхъ и научныхъ методовъ діагностики эмоцій и изслѣдованія ихъ акцій можетъ быть достигнуто рѣшеніе знаменитой проблемы о природѣ инстинктовъ (ср. выше, стр. 147 и сл.).

---

*) Напр., въ нѣмецкомъ языкѣ существуютъ не поддающіяся точному переводу на русскій языкъ выраженія: «Wunsch», «Begehren», означающія особые оттѣнки аттрактивныхъ эмоціональныхъ влеченій; и сообразно съ этимъ въ нѣмецкой психологіи имѣются особые (мнимые) виды воли: — Begehren и Wunsch, строятся соотвѣтственныя теоріи и проч.

Изложенное выше объ аппетитѣ, жаждѣ, о разнообразныхъ репульсивныхъ эмоціяхъ, возникающихъ по адресу разныхъ негодныхъ для ѣды или питья объектовъ, а также и по адресу годныхъ объектовъ въ случаяхъ пресыщенія, разстройства пищеваренія и иныхъ болѣзней, объ охотничьихъ эмоціяхъ человѣка и хищныхъ животныхъ и другихъ человѣческихъ и животныхъ эмоціяхъ, направленныхъ на ловлю добычи, отысканіе орѣховъ, ягодъ и иныхъ объектовъ питанія и проч.—заключаетъ въ себѣ на ряду съ разными другими, неизвѣстными теперешней психологіи, данными и положеніями, между прочимъ, также объясненіе и тѣхъ явленій, которыя принято въ теперешней наукѣ объяснять существованіемъ соотвѣтственнаго инстинкта—инстинкта питанія (Nahrungstrieb).

Оказывается, что тѣ безчисленныя и разнообразныя дѣйствія животныхъ, подъ которыя подставляется какая-то, невѣдомая, единая величина подъ именемъ «инстинкта питанія», на самомъ дѣлѣ представляютъ акціи, или, точнѣе, нѣкоторые, бросающіеся въ глаза и поверхностнымъ наблюдателямъ, незнакомымъ съ эмоціями и ихъ акціями, элементы весьма сложныхъ психическихъ и физіологическихъ акцій многихъ и весьма различныхъ въ разныхъ случаяхъ эмоцій. Такъ что о существованіи какого то, предполагаемаго, единаго «инстинкта питанія» не можетъ быть рѣчи.

Съ психологической точки зрѣнія возникновеніе въ публикѣ и среди ученыхъ соотвѣтственныхъ представленій, идеи о существованіи какого-то «инстинкта питанія», соотвѣтственной смутной воли и т. п. вполнѣ естественно и можетъ быть легко объяснено.

Нѣкоторые, бросающіеся въ глаза и при поверхностномъ наблюденіи, элементы различныхъ физіологическихъ акцій различныхъ эмоцій, играющихъ роль въ области питанія животныхъ, производятъ впечатлѣніе направленныхъ на извѣстную цѣль, на доставленіе организму надлежащаго питанія, дѣйствій; или, точнѣе, суммы и совокупности подмѣченныхъ въ разныхъ случаяхъ у разныхъ животныхъ видимыхъ элементовъ разныхъ акцій множества разнородныхъ эмоцій представляются незнающему этихъ разнородныхъ психическихъ факторовъ наблюдателю чѣмъ то единымъ вслѣдствіе единства «цѣли», т. е. вслѣдствіе объективированія наблюдателемъ собственныхъ цѣлевыхъ представленій, отнесенія ихъ къ наблюдаемымъ явленіямъ; отсюда психологически естественное, хотя и наивное, предположеніе какого-то одного и единаго фактора, заставляющаго животное дѣйствовать сообразно этой единой цѣли; такой произвольно придуманный, на самомъ дѣлѣ не существующій, единый факторъ называется «инстинктомъ питанія», и происходятъ, затѣмъ, размышленія и гаданія о природѣ этой, въ дѣйствительности несуществующей, вещи.

То же относится къ другимъ, создаваемымъ въ изобиліи, смотря по направленію вниманія и приходящимъ въ голову цѣлевымъ представленіямъ, воображеніемъ публики и ученыхъ «инстинктамъ». Причемъ разные другіе «инстинкты» представляютъ еще болѣе ненаучные и несообразные по своему смыслу продукты этого рода творческой фантазіи.

Это въ частности относится къ фигурирующему обыкновенно въ представленіи публики, философовъ и иныхъ ученыхъ въ качествѣ главнаго и основного, инстинкту, а именно къ «инстинкту самосохраненія», которому приписывается роль какого-то абсолютнаго властителя и управителя поведеніемъ всѣхъ живыхъ тварей и т. д. Ибо тѣ явленія, изъ-за которыхъ придуманъ этотъ «инстинктъ» (или фигурирующая у разныхъ новыхъ философовъ «воля жить», «Wille zum Leben»), представляютъ продукты 1) тѣхъ же многочисленныхъ и разнообразныхъ эмоцій, изъ-за которыхъ придуманъ «инстинктъ питанія» и которыя предупреждаютъ смерть отъ истощенія, отъ отравленія, отъ укуса при ѣдѣ ядовитыми насѣкомыми и проч. и проч., и сверхъ того еще 2) безчисленныхъ иныхъ эмоцій, заставляющихъ живыя существа отстраняться отъ извѣстныхъ объектовъ (бывшихъ въ жизни предковъ факторами разрушенія здоровья и жизни), приближаться къ другимъ и пр. и пр.

Къ тому же эмоціи и ихъ акціи, развившіяся на почвѣ естественнаго подбора, приноровлены вовсе не къ тому, чтобы охранять жизнь даннаго индивида, какъ такового. Изъ природы самаго процесса подбора можно дедуктивно вывести, а путемъ изученія эмоцій убѣдиться индуктивно, что эмоціи и ихъ акціи приспособлены къ поддержанію и процвѣтанію породы, вида, а не индивида; индивидъ лишь, такъ сказать, средство, имѣетъ значеніе лишь какъ элементъ рода и приносится въ жертву, когда это соотвѣтствуетъ «интересамъ» рода. Голодъ-аппетитъ, охотничьи эмоціи и т. п. не дѣйствуютъ въ животномъ царствѣ, даже при сильномъ физіологическомъ голоданіи и соотвѣтственной опасности для жизни, по адресу особей того же вида; охотничьи и другія дѣйствующія въ области добыванія объектовъ питанія моторныя возбужденія служатъ вовсе не питанію именно даннаго только индивида, а питанію и другихъ: дѣтенышей, стадъ и проч. Къ акціи эмоціи страха у стадныхъ животныхъ относится крикъ, вообще издаваніе разныхъ громкихъ звуковъ, что вредно для индивида, выдавая его врагу, но полезно для предупрежденія и спасенія стада. У стадныхъ же животныхъ и у самокъ съ дѣтенышами вмѣсто спасительнаго для нихъ, если бы дѣло шло только о нихъ, моторнаго возбужденія страха по адресу болѣе сильныхъ враговъ, появляются злостныя эмоціи, аггресивныя по адресу болѣе сильнаго врага, поскольку это спасительно для стада, для дѣтенышей, не могущихъ спастись бѣгствомъ, и проч., и проч.

Положимъ, на ряду съ «инстинктомъ самосохраненія» придуманъ еще «инстинктъ родоохраненія»; но эта вторая величина не устраняетъ ненаучности первой, а сама представляетъ такую же неудачную фикцію существованія какого-то особаго и единаго фактора, какъ и первая.

Между прочимъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, разныя эмоціи, напр., охотничьи, акціи которыхъ могутъ вести къ соотвѣтственнымъ реальнымъ эффектамъ (поимкѣ добычи и т. п.) только въ извѣстномъ возрастѣ, появляются и дѣйствуютъ въ болѣе раннемъ возрастѣ или

при такихъ условіяхъ, когда надлежащаго «серіознаго» эффекта нельзя достигнуть или не требуется (игры, спортъ и т. д.). И для этого ученые придумали особый «инстинктъ», «инстинктъ игры» (Spieltrieb).

Такимъ образомъ, напр., нѣкоторые, бросающіеся въ глаза, элементы (неизвѣстныхъ и неизслѣдованныхъ, весьма сложныхъ психическихъ и физіологическихъ) акцій охотничьихъ моторныхъ возбужденій (тоже представляющихъ для психологовъ неизвѣстную и неизслѣдованную величину, хотя съ нею знакомъ каждый охотникъ) фигурируютъ теперь въ цѣломъ рядѣ разныхъ якобы инстинктовъ. Когда животное само съѣдаетъ пойманную добычу, ловля добычи приписывается, смотря по тому, что въ данную минуту придетъ на мысль, или «инстинкту питанія», или «инстинкту самосохраненія»; если же добычу съѣдаютъ другіе, то уже дѣйствующими факторами оказывается нѣчто третье — «инстинктъ родоохраненія»; если эти другіе — дѣтеныши, а взрослое животное — мать, то на этотъ случай есть еще въ запасѣ особый инстиштъ «материнскій» (объ «отцовскомъ инстинктѣ» почему-то не слышно, хотя у животныхъ не только самки доставляютъ дѣтенышамъ пищу, защищаютъ ихъ отъ нападеній и т. д.). Если же акціи тѣхъ же охотничьихъ эмоцій дѣйствуютъ у маленькихъ, еще къ успѣшной охотѣ неспособныхъ животныхъ и вызываютъ представленіе забавъ, то тутъ, оказывается, дѣйствуетъ опять особый «инстинктъ», «инстинктъ игры».

Такимъ образомъ, съ недоразумѣніемъ, состоящимъ въ приписываніи представляемымъ единымъ факторамъ, напр., «инстинкту питанія», «инстинкту игры», «инстинкту самосохраненія» того, что является произвольно объединенною совокупностью продуктовъ множества различныхъ реальныхъ факторовъ, различнѣйшихъ эмоцій, сочетается ошибка, состоящая въ приписываніи въ разныхъ случаяхъ разнымъ мнимымъ факторамъ, разнымъ «инстинктамъ», того, что на самомъ дѣлѣ является продуктомъ однихъ и тѣхъ же реальныхъ психическихъ факторовъ, охотничьихъ эмоцій или другихъ.

Вполнѣ естественно, что затѣмъ дальнѣйшія «изслѣдованія» о природѣ подлежащихъ, въ дѣйствительности вообще не существующихъ, вещей и притомъ весьма уродливыхъ въ разныхъ направленіяхъ продуктовъ воображенія имѣютъ характеръ разнорѣчивыхъ и произвольныхъ гаданій, не двигающихъ и не могущихъ двигать впередъ разрѣшенія подлежащей знаменитой проблемы.

Чѣмъ слѣдуетъ замѣнить это «изслѣдованіе», изъ какихъ понятій и посылокъ исходить и какіе методы примѣнять, чтобы вмѣсто произвольныхъ предположеній относительно природы «инстинктовъ» достигнуть реальнаго познанія, въ томъ числѣ познанія путемъ самонаблюденія тѣхъ психическихъ факторовъ, которыми опредѣляется вообще поведеніе, въ томъ числѣ поведеніе животныхъ, видно изъ §§ 13 и 14, упраздняющихъ предположеніе «инстинкта питанія», и § 16 о діагностикѣ эмоцій и методахъ изученія эмоцій и ихъ акцій.

Какъ видно изъ изложеннаго, и «инстинкты», т. е. соотвѣтственный мнимый классъ и классовое понятіе, подлежатъ, какъ и такъ называемыя «высшія чувства», «аффекты» и т. д., удаленію не только изъ того класса, куда ихъ современная психологія относитъ, — изъ класса воли, но и изъ науки вообще, какъ продукты недоразумѣній.

Только на почвѣ намѣченнаго выше очищенія теперешнихъ основныхъ классовъ психологіи: познанія, чувства и воли, отъ эмоціональныхъ примѣсей и изученія подлежащихъ моторныхъ возбужденій и другихъ, вообще ни въ какой формѣ теперь не извѣстныхъ, но съ помощью методовъ эмоціональной діагностики могущихъ быть въ изобиліи открываемыми и изучаемыми, эмоцій, возможно построеніе дѣйствительно научныхъ, адэкватныхъ, психологическихъ теорій, въ частности установленіе подлежащихъ законовъ причинной зависимости.

Изъ изложеннаго выше видно, что эмоціи управляютъ физическою жизнью, тѣлодвиженіями и безчисленными иными физіологическими процессами, а равно и психическою жизнью одушевленныхъ существъ. Онѣ причинно опредѣляютъ направленіе и энергію вниманія и ассоціативнаго теченія идей и мышленія, отъ нихъ зависитъ сила, живость и характеръ воспріятій и слѣдовъ, оставляемыхъ познавательными процессами (память); съ ними въ причинной связи находятся чувства удовольствія и неудовольствія; онѣ управляютъ и волею, вытѣсняя противоположныя воли и вызывая соотвѣтствующія своимъ требованіямъ волевыя рѣшенія, поскольку таковыя въ извѣстныхъ случаяхъ (главнымъ образомъ при отложеніи поведенія на будущее время) имѣютъ мѣсто и вызываютъ волевыя дѣйствія вмѣсто обычныхъ непосредственно эмоціональныхъ, импульсивныхъ дѣйствій.

Эти причинныя зависимости и ихъ законы теперешней психологіи неизвѣстны. Поскольку же дѣлаются попытки опредѣлить причины такихъ или иныхъ зависящихъ отъ эмоцій явленій, напр., поведенія, дѣйствій, теперешніе психологи неизбѣжно попадаютъ на ложный путь и впадаютъ въ недоразумѣнія. Одно изъ такихъ, особенно вредныхъ для многихъ ждущихъ свѣта отъ психологіи, наукъ, недоразумѣній — теорія гедонизма и эгоистической природы человѣка и его поведенія. Ученіе о мотивахъ поведенія съ точки зрѣнія эмоціональной психологіи будетъ нами изложено въ связи съ ученіемъ о нравственности и правѣ.

Искажающія смыслъ опечатки.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
18	23 сверху	понятія понятія права	понятія права
28	18 »	организмовъ:	организмовъ,
41	14 »	членовъ	членовъ опредѣляемаго класса и отсутствіе ихъ у членовъ
62	3 снизу	мысль,	идея,
68	15 сверху	организмъ:	организмъ;
71	11 »	соотвѣтственнаго,	соотвѣтственнаго
72	28 »	Также	Такъ же
81	20 »	такія	такія,
87	42 »	Girkel	Cirkel
94	27 »	Дѣйствительно,	Дѣйствительно
97	15 »	38	39
108	31 »	причины (или слѣдствія)	причина (или слѣдствіе)
120	11 »	явленія	явленій
123	2 примѣчанія:	нетемпературныя	не температурныя
147	8 »	упоминается	упоминаются
172	21 »	учрежденія	утвержденія
177	21 примѣчанія:	познанія	сознанія
178	5 примѣчанія:	большей	большой
185	2 примѣчанія:	«частаго»	«чистаго»
187	26 примѣчанія:	неравномѣрно	не равномѣрно
205	28 »	волненій	воленій
205	2 примѣчанія:	элексиры	эликсиры
211	10 примѣчанія:	развитія эмбріологіи,	эмбріологіи,
225	13 »	эмоцій ихъ	эмоцій и ихъ
236	9 примѣчанія:	эмоціальныя	эмоціопальныя
246	29 »	умозаключеній	умозаключеній,
246	36 »	отрпцательные,	отрицательныя,
248	30 »	стр. 124,	стр. 125,
248	послѣдняя строка:	головкою	головою
253	9 »	непадлежащихъ	не надлежащихъ
258	13 »	особы	особи

БИБЛИОТЕКА
Профес